

АССОЦИАЦИЯ «ЛЕРМОНТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

Ежегодный альманах

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI век

130-летию Александра БЛОКА

120-летию Бориса ПАСТЕРНАКА

100-летию Александра ТВАРДОВСКОГО

100-летию Ольги БЕРГОЛЬЦ

п о с в я щ а е т с я

МОСКВА • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖУРНАЛ “НЕВА”»

2010

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д 34

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА
ОТ ЛИЦА ВСЕХ АВТОРОВ БЛАГОДАРЯТ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ГОРОДА МОСКВЫ, А ТАКЖЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД
«ДОРОГА ЖИЗНИ» ЗА СОДЕЙСТВИЕ В ВЫПУСКЕ ДАННОГО ИЗДАНИЯ**

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Д 34   День поэзии – XXI век. 2010 год. Альманах: Стихи, статьи. –
Санкт-Петербург: издательство «Журнал “Нева”», 2010. – 292 с.

Главные редакторы:

Наталья ГРАНЦЕВА
(Санкт-Петербург)

Сергей МНАЦАКАНЯН
(Москва)

Андрей ШАЦКОВ
(Москва)

Составители:

Анна ГЕДЫМИН
(Москва)

Андрей РОМАНОВ
(Санкт-Петербург)

Редактор электронной версии альманаха:

Николай САПЕЛКИН
(Воронеж)

Редакционная коллегия:

Лев АННИНСКИЙ
Валерий ДУДАРЕВ
Галина НЕРПИНА
Николай ПЕРЕЯСЛОВ
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН
Иван ЩЁЛОКОВ (Воронеж)

ISBN 978-5-94158-141-2

Попечительский совет:

Михаил ЛЕРМОНТОВ председатель
Александр СОКОЛОВ сопредседатель
Дмитрий МИЗГУЛИН (Ханты-Мансийск) сопредседатель
Евгений БОГАТЫРЕВ
Лариса ВАСИЛЬЕВА
Александр ГЕРАСИМОВ
Борис ТАРАСОВ

Издательство зарегистрировано в Федеральной службе
По надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране памятников культурного наследия
Рег. ПИ № ФС77-25467 от 25 августа 2006 г.

ISBN 978-5-94158-141-2

© Коллектив авторов, 2010.

© Составление. Ассоциация
«Лермонтовское наследие», 2010.

Содержание

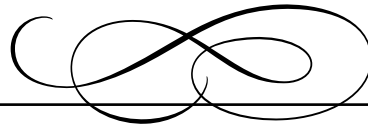

Белла АХМАДУЛИНА.....	5	Всеволод ЕМЕЛИН.....	75
Анатолий АВРУТИН.....	6	Анастасия ЕРМАКОВА.....	77
Олег АГРИНСКИЙ.....	7	Ирина ЕРМАКОВА.....	78
Владимир АЛЕЙНИКОВ.....	7	Татьяна ЕФРЕМЕНКО.....	78
Николай АЛЁШКИН.....	8	Тамара ЖИРМУНСКАЯ.....	79
Зульфия АЛЬКАЕВА.....	9	Александр ЖУКОВ.....	80
Владимир АНДРЕЕВ.....	9	Максим ЖУКОВ.....	81
Григорий АНДРЕЕВ.....	10	Александр ЗАЙЦЕВ.....	82
Арсений АННЕНКОВ.....	10	Сергей ЗАЙЦЕВ.....	84
Лев АННИНСКИЙ.....	236	Максим ЗАМШЕВ.....	84
Наталья АРИШИНА.....	11	Ирина ЗНАМЕНСКАЯ.....	86
Дмитрий АРТИС.....	12	Альберт ИВАНОВ.....	88
Алексей АХМАТОВ.....	12	Валерий ИВАНОВ.....	88
Эдуард БАЛАШОВ.....	13	Геннадий ИВАНОВ.....	89
Юрий БАРАНОВ.....	14	Юрий ИВАНОВ.....	90
Александра БАРВИЦКАЯ.....	14	Елена ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ.....	90
Юрий БЕЛИКОВ.....	15	Егор ИСАЕВ.....	91
Анатолий БЕЛОВ.....	17	Елена ИСАЕВА.....	92
Игорь БЕЛОВ.....	19	Инна КАБЫШ.....	93
Сергей БЕЛОРУСЕЦ.....	20	Сергей КАЗНАЧЕЕВ.....	95
Юрий БЕЛЯЕВ.....	21	Геннадий КАЛАШНИКОВ.....	96
К 100-летию Ольги БЕРГГОЛЬЦ.....	21	Михаил КАМЕНЕЦКИЙ.....	97
Ефим БЕРШИН.....	27	Евгений КАМИНСКИЙ.....	98
Сергей БИРЮКОВ.....	28	Бахытжан КАНАПЬЯНОВ.....	100
К 130-летию Александра БЛОКА.....	28	Валентин КАРАСЕВ.....	101
Марина БОРОДИЦКАЯ.....	30	Елена КАЦЮБА.....	102
Владимир БОЯРИНОВ.....	31	Сергей КАШИРИН.....	103
Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ.....	32	Константин КЕДРОВ.....	104
Наталья ВАНХАНЕН.....	33	Бахыт КЕНЖЕЕВ.....	105
Константин ВАНШЕНКИН.....	34	Тимур КИБИРОВ.....	107
Ирина ВАСИЛЬКОВА.....	36	Вячеслав КИКТЕНКО.....	109
Дмитрий ВЕДЕНЯПИН.....	37	Михаил КИЛЬДЯШОВ.....	110
Сэда ВЕРМИШЕВА.....	38	Виктор КИРЮШИН.....	110
Памяти Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО.....	39	Александр КЛИМОВ-ЮЖИН.....	112
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ.....	40	Алексей КЛОКОВ.....	114
Владимир ВОЛКОВЕЦ.....	42	Александр КОБРИНСКИЙ.....	114
Сергей ВОРОНОВ.....	43	Александр КОВАЛЕВ.....	116
Наталья ГАЛКИНА.....	44	Сергей КОВАЛЕВСКИЙ.....	117
Галина ГАМПЕР.....	45	Кирилл КОВАЛЬДЖИ.....	118
Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ.....	46	Кирилл КОЗЛОВ.....	120
Анна ГЕДЫМИН.....	48	Сергей КОЗЛОВ.....	121
Александр ГЕРАСИМОВ.....	49	Леонид КОЛГАНОВ.....	121
Виктор ГОЛКОВ.....	51	Александр КОМАРОВ.....	123
Михаил ГОЛОВЕНЧИЦ.....	52	Андрей КОРОВИН.....	125
Глеб ГОРБОВСКИЙ.....	53	Валентина КОРОСТЕЛЁВА.....	126
Гарри ГОРДОН.....	56	Владимир КОСТРОВ.....	127
Надежда ГОРЛОВА.....	58	Марк КОТЛЯРСКИЙ.....	129
Александр ГОРОДНИЦКИЙ.....	59	Лев КОТЮКОВ.....	130
Наталья ГРАНЦЕВА.....	61	Валерий КРАСКО.....	131
Евгений ГРАЧЁВ.....	63	Геннадий КРАСНИКОВ.....	132
Лидия ГРИГОРЬЕВА.....	64	Нина КРАСНОВА.....	133
Игорь ГУБЕРМАН.....	65	Юрий КУБЛАНОВСКИЙ.....	134
Владимир ГУНДАРЕВ.....	67	Татьяна КУЗОВЛЕВА.....	136
Сергей ДЕМОГАРОВ.....	68	Екатерина КУЛЬБУШ.....	138
Ольга ДЕРНОВА.....	70	Станислав КУНЯЕВ.....	139
Ольга ДОБРИЦЫНА.....	70	Вячеслав КУПРИЯНОВ.....	140
Владимир ДОВЕЙКО.....	71	Александр КУШНЕР.....	140
Александр ДОЛЯ.....	72	Александр ЛАВРИН.....	142
Сергей ДРОЗДОВ.....	72	Елена ЛАПШИНА.....	143
Валерий ДУДАРЕВ.....	73	Евгений ЛЕСИН.....	144

Ярослав ЛИТВИНЕНКО	146
Валерий ЛОБАНОВ	147
Игорь ЛОГВИНОВ	147
Евгений ЛУКИН	148
Виктор ЛУНИН	150
Александр ЛЮЛИН	150
Надежда МАЛЬЦЕВА	152
Марина МАМОНА	152
Павел МАРКИН	153
Новелла МАТВЕЕВА	154
Зоя МЕЖИРОВА-ДЖЕНКИНС	155
Дмитрий МЕЛЬНИКОВ	156
Олег МЕЛЬНИКОВ	157
Дмитрий МИЗГУЛИН	158
Лариса МИЛЛЕР	160
Евгений МИНИН	162
Валерий МИХАЙЛОВ	163
Сергей МНАЦКАНЯН	179
Александр МОСКАЛЕНКО	164
Ольга МОТОРИНА	165
Владимир МОЩЕНКО	165
Дмитрий МУРЗИН	166
Ирина НАЗАРОВА	167
Ольга НАРОВЧАТОВА	167
Ирина НЕГИНА	168
Галина НЕРПИНА	169
Александр НЕСТРУГИН	170
Станислав НИКУЛИН	171
Николай НЫРКОВ	172
Григорий ОСИПОВ	173
Людмила ОСОКИНА	174
Алексей ОСТУДИН	175
Игорь ПАНИН	176
Борис ПАНКИН	178
К 120-летию Бориса ПАСТЕРНАКА	179
Григорий ПЕВЦОВ	186
Александр ПЕРЕВЕРЗИН	186
Николай ПЕРЕЯСЛОВ	187
Анатолий ПЕТРОВ	190
Юлия ПОКРОВСКАЯ	191
Мария ПОКУСАЕВА	191
Алексей ПОЛУБОТА	192
Анатолий ПОЛЯКОВ	193
Екатерина ПОЛЯНСКАЯ	193
Ольга ПОСТНИКОВА	194
Алексей ПЬЯНОВ	195
Вадим РАБИНОВИЧ	196
Алексей РАФИЕВ	197
Александр РЕВИЧ	198
Валентин РЕЗНИК	199
Андрей РОДИОНОВ	200
Елена РОДЧЕНКОВА	201
Наталья РОЖКОВА	202
Андрей РОМАНОВ	203
Татьяна РОМАНОВА-НАСТИНА	206
Александр РОСКОВ	206
Лариса РУМАРЧУК	207
Геннадий РУСАКОВ	208
Анатолий РЫБКИН	209
Ольга РЫЧКОВА	210

Ирина РЯБИЙ	212
Борис РЯБУХИН	213
Юрий РЯШЕНЦЕВ	214
Валерий САВОСТЬЯНОВ	217
Владимир САЛИМОН	217
Анастасия СЕНЬКИНА	219
Владимир СИМАКОВ	220
Владимир СКВОРЦОВ	221
Владимир СКИФ	221
Александр СМОГУЛ	223
Александр СОРОКИН	224
Валентин СОРОКИН	224
Антонина СПИРИДОНОВА	226
Евгений СТЕПАНОВ	226
Мария СТЕПАНОВА	228
Нина СТОЖКОВА	229
Василий СУББОТИН	230
Ирина СУГЛОВА	231
Вячеслав СЫСОЕВ	232
Зинаида ТАКШЕЕВА	232
Александр ТАРАСЕНКО	234
Ирина ТАЯНОВСКАЯ	234
Игорь ТАЯНОВСКИЙ	235
К 100-летию Александра ТВАРДОВСКОГО	236
Сергей ТЕЛЮК	246
Владимир ТЕПЛЯКОВ	247
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН	248
Ирина ТИШИНА	249
Владимир ТОЦКИЙ	250
Дмитрий УЛАХОВИЧ	250
Галина УМЫВАКИНА	251
Валентин УСТИНОВ	252
Илья ФАЛИКОВ	253
Алексей ФИЛИМОНОВ	254
Евгений В. ХАРИТОНОВЪ	257
Снежана ХОЛОДОВА	258
Сергей ХОМУТИНИН	259
Геннадий ХОМУТОВ	260
Владимир ХОХЛЕВ	261
Светлана ХРОМОВА	263
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК	263
Евгений ЧИГРИН	265
Екатерина ШАНТГАЙ	266
Михаил ШАПОВАЛОВ	267
Алла ШАРАПОВА	268
Ольга ШАТОХИНА	268
Андрей ШАЦКОВ	269
Ганна ШЕВЧЕНКО	271
Владимир ШЕМШУЧЕНКО	271
Виктор ШИРОКОВ	273
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ	274
Иван ЩЁЛОКОВ	276
Людмила ЩИПАХИНА	277
Олег ЮРКОВ	279
Евгений ЮШИН	280
Михаил ЯСНОВ	282

Стихи студентов Литературного института
им. А. М. Горького на страницах
«Дня поэзии. 2010» .....

Белла АХМАДУЛИНА

Москва

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Всё б глаз не отрывать от города Петрова,
гармонию читать во всех его чертах
и думать: вот гранит, а дышит,
как природа...
Да надобно домой. Перрон.
Подъезд. Чердак.

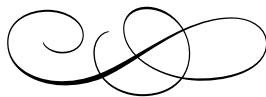
Белая жизнь моя – предгорье сих ступеней.
Как улица стара, где жили повара.
Развязно юн пред ней пригожий
дом столетний.
Светает, а луна трудов не прервала.

Как велика луна вблизи окна. Мы сами
затеяли жильё вблизи небесных недр.
Попробуем продлить привал судьбы
в мансарде:
ведь выше – только глушь,
где нас с тобою нет.

Плеск вечности в ночи подтачивает стены
и зарится на миг, где рядом ты и я.
Какая даль видна! И коль взглянуть острее,
возможно различить границу бытия.

Вселенная в окне – букварь для грамотея,
читаю по складам и не хочу прочесть.
Объютую зарёй, дымами и метелью,
как я люблю Москву, куда время есть.

И давешняя мысль – не больше
безрассудства.
Светает на глазах, всё шире, всё быстрее.
Уже совсем светло. Но, позабыв проснуться,
простёр Тверской бульвар цепочку фонарей

ЛЕНИНГРАД

Опять дана глазам награда Ленинграда...
Когда сверкает шпиль, он причиняет боль.
Вы неразлучны с ним, вы – острый и рана,
и здесь всегда твоя второстепенна роль.

Зрачок пронзён насквозь, но зрение
на убыль
покуда не идёт, и по причине той,
что для него всегда целебен круглый купол,
спасительно простой и скромно золотой.

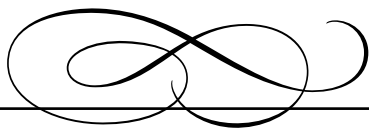
Невинный Летний сад обрёл себя на иней,
но сей изыск списать не предстоит перу.
Осталось, к небесам закинув лоб наивный,
решать: зачем душа потворствует Петру?

Не всадник и не конь, удержанный на месте
всевластной рукой, не слава и не смерть –
их общий стройный жест, изваянный
из меди,
влияет на тебя, плоть обращая в медь.

Всяк царь мне дик и чужд. Знать не хочу!
И всё же
мне не подсудна власть – уставить
в землю перст,
и причинить земле колонн и шпилей
всходы,
и предрешить того, кто должен их воспеть.

Из Африки изъять и приручить арапа,
привить ожог чужбин Опочке и Твери –
смысл до поры сокрыт, в уме – темно и рано,
но зреет близкий ямб в неграмотной
крови...

Так некто размышлял... Однако
в Ленинграде
какой февраль стоит, как весело смотреть:
всё правильно окрест, как в пушкинской
тетради,
раз навсегда впадет и только так, как есть!

Анатолий АВРУТИН

Минск

* * *

Как тревожен пейзаж,
Как понуро вдали заоконье!
Все мы – блудные дети,
Чьи головы меч не сечет.
Вон уселись грачи
На чернено-серебряной кроне, –
Только б видеть и видеть,
А все остальное – не в счет.

Две исконных беды
На Руси – дураки и дороги.
Дураков прибывает,
А умным – дорога в острог...
Не могу, когда лгут,
Что душою терзались о Боге,
Позабыв, как недавно глумились:
«Вранье этот Бог...»

И в душе запеклась,
Будто кровь на обветренной ране,
Вековая обида
За этот забытый народ,
За того мужичка,
Что с полочки ночует в бурьяне,
И все шарит бутылку...
А все остальное – не в счет.

Как он ловок
Венец за венцом возводить колокольню,
Как он любит по-старому мерить –
Верста да аршин!..
А поранится: «Больно, Михеич?» –
Ответит: «Не больно...»
Все не больно – и нажил не больно
До самых седин.

Он доволен житьем,
Хоть мерцает в зрачках укоризна:
«Кто заступник народный?..
Чего он опять не идет?...»
Изменяется все...
Пусть останется только Отчизна,

Да смурной мужичонка...
А все остальное – не в счет...

* * *

В «пятой графе», где о национальности
Воют анкеты с наркомовских лет,
Я б начертал, презируя банальности,
Гневно-торжественно: «Русский поэт».

И осторожно, чернилами синими,
В карточке, где обтрепались края:
«Русский поэт... Вывод сделал
консилиум...» –
Вместо диагноза вывел бы я.

А упаду в одинокой дубравушке,
Бледным лицом да на заячий след,
«Русский поэт» – пусть напишут
на камушке,
Просто, без имени: «Русский поэт»...

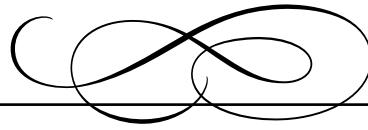
* * *

Что здесь истинно, что здесь условно?
Отрыдалось в душе, отмело.
Все проходит, моя дороговна,
Все проходит... И это прошло.

Да, прошло... Но ведь было же славно,
И любовь молодила глаза.
Все проходит, моя ты красавна,
Вот такая пошла полоса.

Взгляд спокоен и слово не грубо,
Ну а нежных уже не нашлось.
Все проходит, моя ты разлюба,
Только лучше накидку набрось.

Все же стыло... Напуган морозом,
По-над крышей курчавится дым.
И стекает закат по березам,
Черно-белое сделав седым.

Олег АГРИНСКИЙ

Москва

* * *

Оторвался лист от ветки.
Улетел щегол из клетки.
Желтой горкой на розетке
Горький мед окаменел.

Лист давно едва держался.
А щегол не запырался.
Мед не раз на пробу брался,
Но никто его не ел.

Кот всегда хозяин в доме.
Пес – слуга, он так устроен.
В жизни самое простое –
Не затягивать узла.

Кот – хозяин! Он гуляет.
Верный пес хвостом виляет.
Жизнь никак не позволяет
Никому не делать зла.

* * *

Уже не боюсь умереть.
Фортуна надменно нема.
И сны, и раздумия впредь –
Всего лишь изыски ума.

А речи друзей – эгоизм
В святом обрамлении слов.
Я знаю, что жизнь – не туризм,
И время – совсем не число.
Я знаю: любовь – это звук,
Сводящий с пути и с ума,
А переплетение рук
Остывшему сердцу – тюрьма!

Уже не боюсь умереть
И явственно вижу вдали,
Что мне не препятствует твердь
Ни неба, ни здешней земли.

Не страшно, что будет потом,
Но горестно, что без меня.
Так рана мозжит под бинтом
В предсветном рождении дня.

Наверно, готов умереть...
Как жаль, что нельзя подсмотреть...

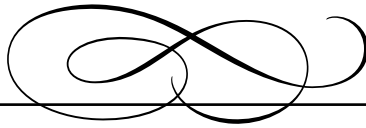
Владимир АЛЕЙНИКОВ

Коктебель

* * *

С тобою цветы, моя осень,
Цветы, над которыми – листья,
И выше которых – звёзды,
А там, за звёздами, дальше –
Созвездия и галактики,
Мерцанье, сиянье, свеченье,
Струенье, самосожженье
И сызнова, неизменно,
Счастливое воскрешенье, –
Кругами, волнами, спиралями –
Рождающиеся миры,
Сближающиеся дары.

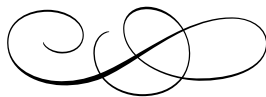
С тобою мосты, моя осень,
Мосты, по которым в прошлое
И в будущее иду я
Над плещущейся водой,
Над мёртвою и живою,
Над тихою и сквозною,
Над дикою и ручною,
Озёрною и речной,
Над прорвой иду морскою,
Над бездною океанской,
По всем десяти, знакомым
С детства мостам, по всем,
С которыми связан чем-то
Доселе невыразимым,
Которым обязан чем-то
Таким, чему имя – речь.

С тобою мечты, моя осень,
 Мечты, у которых – ночи,
 С тобою ночи, с которыми –
 Шаги мои в доме пустом,
 С тобою дом, за которым –
 Холмы, а там, за холмами –
 Горы, а над горами –
 Небо, и море под ним,
 А там, за морем – пространство
 Со временем, темень, рань,
 Звезды моей постоянство
 Над именем, снова – грань.

* * *

Как быть с тобою, щедрая душа?
 Да так и быть! – Видений в мире много.
 Возможно, сам он – дивное виденье.
 А может, сновиденье. Кто уверен,
 Что это – явь? И всё же это – явь.
 Такая вот. Где вдосталь измерений.
 Где столько состояний и событий,
 Что все они – спиралями, кругами,
 Пунктирами и дугами сквозь время –
 Встают и ждут ночами за окном.
 Вниманья ждут. А может, пониманья?
 Конечно же! Придёт ли пониманье?
 И что же там – за кромкою, за гранью?
 Какие откровенья и желанья?
 Какая глубь – за влажной тишиной?
 Какие тайны там, какие тропы?
 Какие встречи там и расставанья?
 Какие там, в тумане, обретенья?
 Какие там ключи – и что сумею
 Открыть я ими? Двери иль врата?
 Кристалл магический и зеркало ночное.
 Свеча, горящая на краешке столетья.
 Клич. Или плач? Начертанное слово.
 Но что – за словом? Ночь. А что за ночью?
 Речь. Имя времени. Оно всегда – со мной.

Николай АЛЁШКИН

Московская обл., г. Руза

РОЖДЕСТВО

Пречистая! Славен твой плод.
 Спаситель к спасенью зовёт.
 Высокий и яркий Восток –
 Прозренья людского исток.
 Спаситель, твое Рождество,
 Как правды святой торжество.
 Благовещенье

День звонок, весел и высок,
 И чуть кудрявится лесок.
 И чуден говор вешних вод,
 В день славный птица гнёзд не вьёт.
 И даль небес душе близка,
 И, будто крылья, облака.
 И Божьих птиц уже не счесть.
 Они несут благую весть.

СЛУЖЕНИЕ НА ПАСХУ

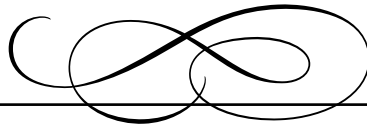
В церкви – созвездье возвышенных лиц
 И откровенье – в сиянии глаз.
 Крестятся люди, склоняются ниц.
 Слышен чудесный божественный глас.

Пусть путеводным нам видится крест.
 Пусть от него освятятся уста!
 Верю – Христос от распятия воскрес.
 Пусть воскресает и в нас доброта!

Как бы всё это навеки сберечь,
 Чтоб визнавали душевный поклон,
 Ласковый свет догорающих свеч,
 Тихая тайна старинных икон.

Зульфия АЛКАЕВА

Москва

* * *

Пришли чужестранцы
И стали трясти деревья,
Выспрашивая, куда полетели
Узкоглазые птицы
С орнаментом на крыле?

Мы им сказали:
– Оставьте деревья
Не знают они, куда полетели
Узкоглазые птицы
С орнаментом на крыле!

Вот, посмотрите,
Деревья обходятся малым:
Пьют талую воду,
Целебный Байкал небес...
Им не нужны ваши птицы!
Зачем они вам?

– Эти странные птицы
Сядут на наши пашни.
Мы хотели надеть им на лапки
Кольца наших побед.

– Кто сказал вам,
Что эти победы ваши,
И пашни, и хижинь?
Даже дети, наверное, не от вас.
Вы правы.
Свое и чужое
Мы уже с трудом различаем.
Однако, куда б не летели
Эти прекрасные птицы,
Вряд ли мы позабудем
Орнамент на их крыле!

ХУДОЖНИКУ

Художник, отважно вбегавший в Ничто,
рассказывал Нечто, и взваливал Что-то
на плечи. И почва дышала легко.
Вершилось рыхленье – простая работа.

Восторг и уныние вышли в тираж.
Дни были бесцельны и беспризорны...
Но сад прорастал, как церковный витраж.
Неслышно мужали тончайшие корни.

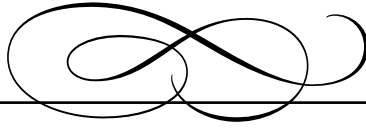
Владимир АНДРЕЕВ

Нижевартовск

КОГДА ЦВЁЛ БАГУЛЬНИК

Людмиле

В северном городе с райским названьем,
где люди забыли цветенье садов,
серьёзный мужчина,
поэт по призванью,
красивой женщине предложил однажды
выехать на весеннюю природу,
любоваться цветущим багульником.
Боже упаси! они не были любовниками,
они просто симпатизировали друг другу.
Как известно,
любовь начинается с этой прелюдии.
Красивая женщина чуть было
не согласилась,
но почему-то передумала
в последний момент
и не поехала вместе с поэтом за город
лицезреть воспетый в песнях цветок,
запах которого напоминает
запах человеческой жизни –
горькой-горькой и безжалостно одинокой.
Тем самым красивая женщина
сохранила верность своему мужу.
Провожая собственные вёсны и зимы,
в разных частях огромной страны,
мужчина и женщина вспоминают
милую быль о цветущем багульнике,
ставшей их не проходящей печалью.

Григорий АНДРЕЕВ

Москва

ПАМЯТИ СКУЛЬПТОРА В.М. КЛЫКОВА

Он для меня был просто Слава,
Для многих – Мастер Вячеслав.
Он гордо нёс России славу
И в главном – он всегда был прав!

Мы с ним на Куликовом поле
Вели серьёзный разговор:
О судьбах Родины и доле,
В чём наша сила и позор...

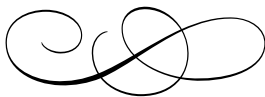
Спустившись вниз дорогой длинной,
Героев помянули мы
На берегу реки равнинной,
Им, поклонившись до земли.

За Русь святую, за свободу
Вели они жестокий спор.
Так почему врагам в угоду
В стране то смута, то разор?!

Он – камень резал, лил из бронзы
Богатырей, святых, князей.
Народ ценил, мешали бонзы.
Спасала преданность друзей.

Я верю, что в земле старинной
Иные будут времена,
Когда народ Руси былинной
Освободится,
– и она

Поставит памятник великий
Тому, кто их ваял для нас.
И засияют Божьи лики
И мы услышим судный глас!

Арсений АННЕНКОВ

Москва

РЫНОК

У серого дома, в шипящей давке
Так жадно глядят друг на друга прилавки,
Так радостен торг, слёзы – так, ни при чём,
И кажется, будто сейчас из-под арки
Спустится ангел, ведомый лучом,
И, прикрывая крыло плечом,
Спросит робко у ближней бабки:
«Простите, а это у вас почём?»,
Вздохнет и не купит синие плавки.

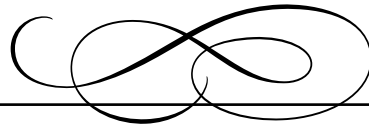
* * *

Я не один и я не одет.
Первый свидетель – солнечный свет –
Смотрит в салатник и наполняет стакан.
– Участь твоя, – говорит, – надёжнее,
чем капкан,
Хочешь – молитвы пой, а хочешь –
танцуй канкан.
Я опоздал, – говорит, – если цветы в венках,
Если твоя судьба ходит на каблуках,
Если в распахнутой двери –
погашенная свеча,

Если движенье плеча
Как поворот ключа.
Так пропади в западне,
Разбейся о сотни глаз,
Первым дождём пролейся,
Стулками падай в таз.
Сворачивать поздно. Останешься жив, сынок,
Будешь как я – нужен, когда одинок.

МУСОР НА КРЫШЕ

Мусор на крыше лежалый, покрытый пылью.
Всё оттого, что людей тут случается мало,
а небу
Мусор неинтересен. Так же, как люди.
Но здесь
В небе уже человек. И, в его тишине
растворяясь,

Слышу я странные мысли о том,
 что земли не бывает.
 Есть, дескать, высшее небо и небо пониже,
 Низкое небо совсем, а земли не бывает...
 Вежливо сдвинув консервную банку,
 смущённый,
 Тихой звездой проплываю сквозь тьму
 чердака.

* * *

Создатель прост и убедителен,
 Как дождь в безлюдном переулке.
 Как смех ребёнка, плач родителей,
 Как табурет в конце прогулки.

Мишень, возможность попадания
 И кровь того, кто не промазал –
 Вот все истории создания.
 Доступно. Внятно. Без отказа.

Наталья АРИШИНА

Москва

ВОТЧИНА

*Ты знай,
 Где стерегут нас ад и рай.*
 Александр Блок

*Нет, Господь, я дорогу не мерю,
 Что положено, то и пройду.*
 Елизавета Кузьмина-Караваева

I

Причерноморье – не преддверье рая.
 Не причитай над мертвою лозою,
 привыкшая сидеть, не причитай,
 над очагом с остывшею золою.
 И запустенье кажется позором,
 и по тоннелям частые обвалы.

Спустишь неосвещенным коридором
 в пиленковские винные подвалы.

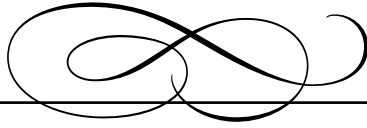
Сырые своды, каменные плиты.
 Зажги фонарь, оправленный жестянкой.
 Единственное имя не забыто –
 кочевницы, что стала парижанкой,
 чей предок – своевольный казачина,
 а может, нет. Ну, кто же верит в мифы?
 Сияющей она была дивчиной,
 как золото, что ей отдали скифы.

Что наверху? – Лечебницы, бюветы,
 петербуржан несолнечные лица.
 Не каждой выполняются обеты,
 не каждой покоряются столицы.
 Зачем она дыханием просторным
 дразнила неустойчивого Блока?
 Чтобы, мелькнув апостольником черным,
 умчаться безвозвратно и высоко?

II

Сиренью в устье Старого Арбата
 ты снилась мне ночами напролет,
 уловленная наскоро цитата
 по гамбургскому счету не пройдет,
 и нечего спросонок обольщаться,
 что возвратилась лучшая весна,
 как некогда у нового палаццо
 пролив немного красного вина.
 Я отменю любимую прогулку –
 объявлен туристический маршрут.

Пиленкову былому переулку
 не даром имя прежнее вернут.
 Стоит толпа у памятного знака,
 глядит на полированный гранит.
 С причала забежавшая собака
 на свежем дерне, не смущаясь, спит.
 Что гений места кажется ей, собаке,
 в бессмысленном дневном прилюдном сне?
 Увы, я засыпаю лишь во мраке –
 и наяву нельзя увидеть мне
 кузнечика, сложившего подкрылки
 на пожелтевших скифских черепках,
 апостольника узел на затылке
 и четки в нецелованных руках.

Дмитрий АРТИС

Москва

* * *

Она не живёт в другом часовом поясе,
но иногда приезжает ко мне на поезде,
проводит беседу, поит меня и кормит
да всё норовит меня изменить в корне,

перелопатить душу, моралью выесть,
а у самой вырез на платье, такой вырез,
а у самой такие мысли, такие, впрочем,
любит она меня, любит меня, прочит

в мужья себе, заговаривает, не зевает,
катает на белом трамвае, таком трамвае,
и носит очки, и думает, и не смеётся,
картавит слегка: Моцарта кличет Моцагт,

и ноты читает, и это за честь почитает.
Вроде бы мне на чёрта она и не чета мне,
ей бы зависнуть с пивом в ночном клубе,
но любит она меня, любит меня, любит.

Алексей АХМАТОВ

Санкт-Петербург

* * *

Просыпаюсь намеренно рано,
Выхожу на правах Тамерлана
Суд вершить над подвластной землёй.
Все шесть соток лежат предо мной.
И лопата в руках, как расплата
Сорнякам. И рублюсь до заката,
Кровью трав обагрив рукава,
С диким дёрном качая права.

Города муравьиные срою,
Грядки грозно в шеренгу построю.
И меняется облик земли,
И уже отступают полки

Лютых лютиков, сняты, пырея.
Чернозём за спиною жиреет
И бурлит, от жары разопрев.
И разрубленный надвое червь
Будет каждой из двух половинок
До конца своей жизни невинной
Помнить сталь той лопаты на вкус,
Что ему показала свой профиль,
И дрожать, огибая картофель
Или красной смородины куст.

АТАМАНСКИЙ МОСТИК

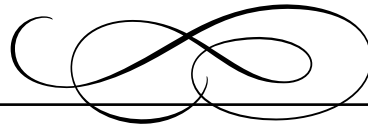
Здравствуй, мой канал Обводный
С масляной водой бесплодной
В скользком камне ледяном.
Я пришёл на мост казачий, –
Неживой, немой, незрячий,
С красным мерзостным вином.

Оба мы мертвы, не скрою,
Оба знаем за собою
Столько трусости и лжи.
У кого душа чернее,
Холоднее и страшнее,
Свет мой, зеркальце, скажи.

Что ж, хоть это и нелепо,
Поглядим друг в друга слепо,
Каждый уходя во тьму.
Я допил, храня ухмылку, –
Забирай себе бутылку,
Как посланье никому.

* * *

Где червь прокладывает кабель
На ощупь в вечной темноте,
Где жизнь ютится в виде капель
И в виде блеклых макраме,
Где ровная температура
И влажности высок процент,
Где флора как макулатура,
А фауны почти что нет,

Где нижние роятся растры,
Своею мистикой маня...
Быть может, в том безмолвном царстве
Найдётся место для меня.

Я буду там подземной лодкой,
Не выставляя перископ,
Плыть в толще грунта на восток
За тоненькой перегородкой
Из свежеструганных досок.

* * *

Мне снилась музыка, я спал
И ощущал её всей кожей
Кругом, как плотный матерьял,
На полиэтилен похожий.

Хоть я и чувствовал подвох,
Так музыка владела слухом,
Что я, проснувшись рано утром,
Не сразу понял, что оглох.

Эдуард БАЛАШОВ

Москва

АПОКАЛИПСИС

Звезда была средь бела дня.
Ей солнце – вовсе не помеха.
И воздымался крест огня.
Подземное гуляло эхо.

На север двинулась жара.
На юг потёк высокий холод.
Повсюду водворился голод.
И завтра стало как вчера.

Все беды к нам. Уж в каждый дом
Спешит за жертвой погубитель.
И где-то крестит мир огнём
Ему неведомый Креститель.

ДОЗВОЛЬ

В пути застигнутый грозой,
Спешу под деревом укрыться.
Гремит, сверкает надо мной,
Но сердце не боится.

Грохочет надо мной обвал.
Успеть бы под скалой укрыться!
Дрожат от страха спины скал,
Но сердце не боится.

Владыка, мир – как лист сухой
Мяётся, крошится, кружится.
Дозволь же под твоей рукой
Всем сердцем утвердиться!

ЖЕЛАНИЕ

Желание темнело тучею.
Но туча сгнула.
Желание томило, мучило.
Но мука минула.

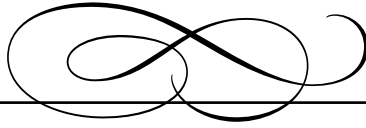
Желание стекало патокой,
Красой сусальнойю.
Желание сияло радугой –
Надеждой дальнею.

Желание сердцами скрадено,
Как расстояние.
Вчера потеряно, сегодня найдено:
Любовь – желание.

ПРОШУ ЛЮБВИ

О Господи, прошу любви!
Коль не имею, что отдам?
Пока Тобою не любим,
Я не причастен ни к чему.

Прошу прощения у всех
И сам прощаю всех и вся.
О Господи, прошу любви
Для духа, что растёт во мне!

В округе – тьма при свете дня.
 При свете ночи – та же тьма.
 О Господи, прошу любви
 Для жизни, что едва жива!

Юрий БАРАНОВ

Московская область

* * *

Пиджак влетел в немалую копейку,
 Но это – внешние круги;
 Моя душа одета в телогрейку,
 В резиновые сапоги.

Она идёт российским бездорожьем,
 Да хоть бы и по целине;
 В любой ненастный день и в день погожий
 Она своя в своей стране.

В таком наряде можно лечь на землю
 И небесам в глаза взглянуть;
 Его мудрец, его пастух приемлет,
 С поэтами уж как-нибудь.

А если кто чего, так в душу глянешь
 И чётко видишь все дела:
 Та чучелом в смешной заморской дряни,
 Та неприлична и гола.

У нас ведь как – обычно с третьей рюмки
 На стол выкладывают суть,
 И всё понятно даже недоумкам,
 Поэтому – не обессудь.

А у меня весьма высокий рейтинг,
 Друзья признали и враги –
 Моя душа одета в телогрейку,
 В резиновые сапоги.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

В синеве ленинградских туманов
 И в сиренях весенней Москвы
 Ты мерещилась мне постоянно,
 Но, увы. Но, увы. Но, увы...

Что ж, бывает, и гроб заколотят,
 А не встретишь. Но мне повезло.
 Ты однажды сгустилась до плоти
 И со мной завязалась узом.

А потом... А потом развязалась,
 Отстранилась, уже не моя,
 И растаяла, и показалось:
 Всё вернулось на круги своя.

Но не всё. Что-то в мире сместилось,
 Что-то выцвело в мире, увы.
 Как-то даже сирень изменилась
 И туманы – не той синевы.

Александра БАРВИЦКАЯ

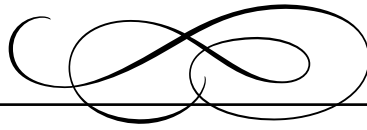
Москва

* * *

Расчетливый? – Все чувства под контролем!
 Все взвешено: поступки и слова.
 А я летаю по ночам над полем,
 И днем моя кружится голова.

Растрепанные косы ветер лижет,
 Его крыла прохладны и легки.
 Но ниже Небо с каждым днем, и ближе
 Мое дыханье у твоей щеки.

И час расплаты будет неизбежным,
 И станет непосильною цена,
 Когда за миг – восторженный и нежный –
 С одной меня судьба возьмет сполна.

СТАРЫЙ ДОМ

Он был чужой. И стены одичало
Глядели сквозь безвкусовые обои.
И было в этом доме счастья мало.
И было в этом доме много боли.

Под тучами беспамятства зарытый,
Он в сердце занимал немало места.
В углу на кухне – ржавое корыто:
Сочился потолок слезой небесной.

По вечерам болтливая соседка
Моей беды приметы примечала.
У дома виноградная беседка
Гостей густой прохладой встречала.

Когда ж рассвет вливался через окна
И заполнял разбухшее пространство,
Ночной рубашки тонкие волокна
Пугались моего непостоянства.

А пополудни, в знойной атмосфере,
Раздавленная быта колесницей,
Ахматову достав из секретера,
Потертые листала я страницы.

Юрий БЕЛИКОВ

Пермь

СЕАНСЫ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

Когда начинается шторм, выходят на пляж
стариками.
Зонты над собой распускают, как чёрные
плавники.
А может, они не выходят? А может,
из каждой щели
выносит их тайная сила, как мыслящий
мусор земли,
(О, длинные затхлые платья!
О, смятые пиджаки!)?
Гляди! Лешаки садятся на влажные лежаки.

Когда начинается шторм, у птиц
обостряется крик.
Когда начинается шторм, то мой
убыстряется шаг.
Я тоже на пляж выхожу и, значит, я тоже
старик.
Я тоже сажусь на лежак и, значит, я тоже
лешак.

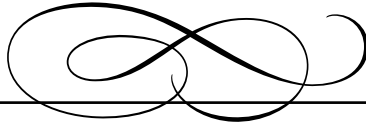
Когда начинается шторм, для тех,
кто за столик ушёл,
штормящее море – толстуха, танцующая
рок-н-ролл.
Лишь выпрямленно-согбенный,
забывчиво-помнящий клан
Всем видом своим утверждает: штормящее
море – экран,
(О, Библия вскрытой пучины!
Кораблекрушений Коран!).

И смотрят сквозь нимб катаракты
застывшие взоры туда,
где смешано небо с водой и с небом
смешалась вода,
следят за фольгой морскою сеанс
за сеансом подряд,
как будто на жизнь после смерти, на жизнь
после смерти глядят.

ТАНЕЦ С КОЛЧАКОМ

Памяти Марии Хоробрых

Я видел старуху – она с Колчаком танцевала,
а я ей со сцены зеркального Блока читал
и выбор оценивал взявшего Пермь адмирала,
как если б мой выбор оценивал сам адмирал.
Хоробрых – так звали старуху. И только
с такою
фамилией можно решиться на круг
с Колчаком.
И только Колчак прозревающе-властной
рукою
мог выбрать Хоробрых из барышень,
с кем не знаком.

Откуда он знал, что никто из тех барышень,
кроме
прелестницы этой, не сможет уже удержать
ни спинки прямишей, ни памяти,
но не о крови –
о вальсе воздушном, влекущем ход времени
вспять, –
туда, где «из глуби зеркал ты мне взоры
бросала»,
сюда, где ей сызнова Блока со сцены
прочтут,
и в первых рядах комсомольцы не выйдут
из зала,
но, как олигархи, примерным вставаньем
почтут?..

Вся в пятнах пигментных,
взирая на этих пигмеев,
последнее, что изощриться подумать она:
«Повесить бы парочку на фонарях
да на ряях!», –
и спину покажет. И будет прямою спина!
Однако пред тем как исполнить призыв
адмирала –
уйти с Колчаком, да и танец отсюда унести, –
столетней красавице, что с Колчаком
танцевала,
я всё же успею зеркального Блока прочесть.

ЗА ОГРАДОЙ

Памяти Виктора Астафьева

Я, и при жизни его не входивший в ограду,
после успенья неужто в ограду войду?..
Я не Вергилий водить экскурсантов по аду,
где завывают пииты, как черти, в аду,
машут зазывно: мол, в очередь,
будешь за нами,
в чёрном зерцале надгробного камня своих
чушек не чувят, но числятся учениками –
я за оградой уж лучше послушаю их,
здесь, рядом с женщиной, лик погрузивший
в гвоздику,
через нечётный, живым лишь несомый цветок
(стебель – антенна!) на связь выходящую –
к лику
тайного мужа, в цветах понимавшего толк.

– Знали?.. – кивну. И сладимого груза
лишённой
пчёлушкой, взятой на этом и том пополам
свете с поличным, отпрянет она отрешённо:
– Знала ль?.. И спросит: – У вас не найдётся
ста грамм?..
И за оградой, достав незаметно из кладки,
я передам ей заметно початый сосуд...
Видно, чем ближе, тем дальше мы к этой
ограде –
будьте готовы! – которую нас обнесут.

УСПЕНИЕ БАБУШКИ

Внук сгорбился. За ним – не отставая,
на детских лыжах бабушка прямая.
Кто бабушку так страшно распрямил?
А внука – сгорбил? Господи, яви же:
кто внука – с лыж, а бабушку – на лыжи,
на коих внук за бабушкой ходил?

Пока дойдёшь от дома до погоста,
с тебя сдерут четыре раза посто,
а раньше бы налили грамм по сто,
но так округу замело по крыши,
что здесь уже гробы встают на лыжи,
и внук бредёт, как будто конь в пальто.

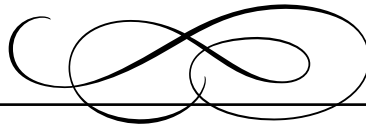
Покуда – конь. Пока – в пальто. Покамест
он воеет вместе с вьюгою акафист
сквозь слёзы, но ему уже сквозь сны
четыре увольнения за то, что –
он русской смуты узкая заточка,
как полный бант Георгия, даны.

И, стало быть, сам равный подаяню,
седых старух с протянутою дланью,
потупясь, он обходит за квартал
и думает: «Кончина предпочтима,
чем, если бы ты шёл сегодня мимо,
и бабушке родимой не подал».

УВИДЕТЬ РОДИНУ

Они не видят Родины пока –
гоняют мяч по пляжу, будоража

нарзаном трезвоколкого песка
прожаренные нары пляжа.

И тянут розоватое вино
Из разовых стаканчиков победы.
За розвальни Морозовой? За дно
глазное, где ни розвальней давно,

ни Китежа – обломками оно
не может замутиться в час беседы.

О, если бы я Родины не видел,
медов ее дымящихся не выпил
и мяч по пляжу бешено гонял,
и девушек в песок ронял!..

Но вижу, вижу – как нещадный вспых! –
её обиды вижу и обители,
и мальчиков безногих и слепых,
что слишком рано Родину увидели.

Съезжал я в Потьму, уходил во тьму –
который путь в отечество короче?
Но Родину я видел потому,
что мне она выкалывала очи!

Поэтому скажу наоборот:
играйте в мяч и под ноги глазейте,
а если – выше, если – вдаль, на флейте
играть вам среди клюквенных болот...

Налейте мне. И девушкам налейте!
Увидят Родину – и молодость пройдет.

СЕЧКА В КОРЫТЕ

– Точка-тире! Точка-тире! –
матушка рубит капусту в корыте...
Ни – телескопа на Лысой горе.
Ни – передатчика. Сечке внимлите!

Сечке – в корыте. Оно же – ковчег.
И – телескоп. Да ещё – передатчик.
Воды – всё выше. Народы – всё дальше.
Горстка на Лысой горе человек.

Водонапорная прорва гола:
ни – Арарата... ни – Эвереста...
Нет ни Голгофы. Ни – Лобного места.
Лысая только осталась гора.
А на Горе – словно точки-тире –
чёртова дюжина русских поэтов...
Буйноволосых – на Лысой горе.
Миром и Родиной равно отпетых.

Впрочем, лишь их и сподобил Господь –
встать на Горе перед ликом потопа,
чушь несусветную в небо молотъ,
дескать, корыто верней телескопа.

Анатолий БЕЛОВ

Санкт-Петербург

* * *

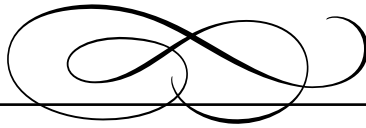
По деревне пронесся сквозняк.
Люди высыпали в огороды.
Я свалился в родной березняк,
пролетав свои лучшие годы.

Мне завидовать мог бы сосед –
я сушил на Венере портянки
и горит на щеке моей след
поцелуя инопланетянки.

В русской бане до блеска намыт,
в меру пьян и накормлен досыта,
я неведомой силы наймит,
мне особая тайна открыта.

Но лелеющий овощ земляк
лишь дождя ожидает от неба
и его не отпустит никак
дальше грядок простая потреба.

Под цветистое мать-перемать,
посвященное нынешней власти,
я пытаюсь соседа понять
и опять распадаюсь на части.

Проще было бы где-нибудь здесь,
возле этих ухоженных грядок,
подождать, чтобы мутная взвесь
русской жизни упала в осадок.

ЧЕЛОВЕКУ

Готова дальние походы,
ломаю свежий каравай,
в святое зеркало Природы
смотреться не забывай.

Ты – весь земной, хоть стал крылатый.
Едва ль найдется твой двойник.
Больших ракет огонь косматый
тьму раздвигает лишь на миг.

Луна не делается ближе
от всех космических затей.
И зверь звереныша оближет –
и не становится лютей.

Дельфины тонущих от века
толкают к берегу живьем.
А человек на человека
идет по-прежнему с дубьем.

А ты, всезнаньем осиянный,
найдя исток безмерных сил,
себя над тундрой и саванной
царем и богом возомнил.

И не собрать разъятый атом.
Забывшему свое родство
сегодня все грозит возвратом
в перевозимое вещество.

НЕСУРАЗНЫЕ СНЫ

Несуразные сны накатили...
...Вдруг в твоей появился квартире
совершивший тюремный побег
не чужой для тебя человек.
Он, с ножом возле самого носа,
исключает возможность доноса,

зимним волком глядит на луну,
вносит в мерную жизнь новизну.

Как дорожники за магистралью,
ты следил за своею моралью,
а теперь, а теперь, а теперь
озираешь закрытую дверь.
И вчера невозможные мысли
над тобою свинцово нависли.
У тебя холодеет спина...
...И зачем разбудила жена?!

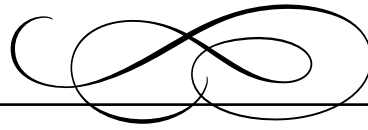
* * *

Супеси да суглинки,
дедовская земля!
Справить по вам поминки
велено из Кремля.
Русские деревеньки,
отчая весь и выть!
Ни за какие деньги
вас не восстановит.

Божья ль сошла немилость,
вражья ль зачлась «гульба» –
тихо переломилась
крыша твоя, изба.
Скорбно иду деревней,
сам – и отец, и дед.
Тех земляков, деревьев –
четверти даже нет.

Было земли с лихвою.
Стадо брело, пыля.
Нынче сплошною ольхою
позаросли поля.
В гуще крапивы жгучей
ягодный сад зачах.
Много нас, долей лучшей
грезивших в городах.

Игорь БЕЛОВ

Калининград

* * *

Тонет смерть в полусладком вине.
 Наши дни по канистрам разлиты.
 На войне этой как на войне:
 мы уже не однажды убиты.

Календарный листок догорел.
 Кружит бабочка-ночь по окопам.
 В подвернувшемся школьном дворе
 мы стоим, как под Колпино, скопом.

А в квартале отсюда, чуть жив,
 за безжалостным морем сирени
 проплывает избитый мотив
 в синеве милицейской сирены.

Это он на излете весны
 выносил все, что свято, за скобку
 и в твои нездоровые сны
 авторучкой проталкивал пробку.

Так в борту открывается течь.
 Золотое стеклянное горло
 покидает невнятная речь,
 проливаясь печально и гордо,

и поэтому ты за двоих
 говоришь и целуешь, и плачешь,
 пахнут порохом губы твои,
 но от слез этот запах не спрячешь.

Наши легкие тают, как дым,
 и поскольку, по верным расчетам,
 артиллерия бьет по своим,
 не имеет значения, кто ты.

Наступает последний парад,
 и бутылка с оклеенным боком
 полетит, будто связка гранат,
 в темноту свежесмытых окон.

Эта ночь обретет навсегда
 смуглый привкус пожаров и боен.
 Не любовь, не иная беда,
 просто сигнализация воеет.

Только, кажется, это поет
 за разбитым стеклом и забором
 мимолетное счастье мое,
 громыхая по всем коридорам.

ВОСТОК-ЗАПАД

в ее квартире ничего уже не поместится
 только запах чужого города который и так
 не прост
 ты вспомнишь наволочку с изображениями
 полумесяца
 в окружении выпавших из обоймы звезд

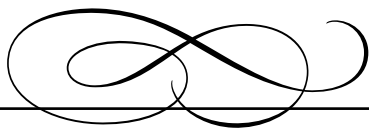
нам поет колыбельную азия-эвтаназия
 на губах высыхает чер-р-р-тово молоко
 ржавый корпус европы забрызган арабской
 вязью
 а кому щас легко

атлас вечного мира потерян что твой
 рассудок
 ты пьешь из ее ладоней пока они глубоки
 будущее в прошедшем предсказывает
 рисунком
 высоковольтных линий ее руки

подберешь окурочку на пустой лестнице
 только тишина так и давит на звонок
 да еще ее знакомые чеченки-смертницы
 иногда к ней заходят на огонек

а те кто в драных шинелях выходили
 на разогрев
 у королей поп-музыки с их блевотой
 про пять минут –
 круглые сутки тусуются в парке забронзовев
 и с места они не сойдут

в городе мокром и грустном отражаясь
 в брусчатке
 бродит дым сигаретный бродит дым
 голубой
 русский глобус подпоясанный экватором
 со взрывчаткой
 вертится над головой

Сергей БЕЛОРУСЕЦ

Москва

* * *

1.

Ни просроченных виз,
 Ни запарки вчерашней...
 Белый верх.
 Чёрный низ.
 Это – небо.
 Над пашней...

2.

Исходная здешняя смычка,
 Где встречные ветры секут,
 Где самая стойкая спичка
 Сгорит за семнадцать секунд...

И ты, зависая над бездной
 (Сидящий опять на мели),
 Являешься солью небесной,
 А вовсе – не солью земли...

* * *

1.

Сидишь на пепелище
 (Идёт мороз по коже...)
 Сгорело не жилище,
 А – жизнь.
 Твоя, похоже...

И телефон разряжен
 (Оскомину набивший)
 И труп обезображен
 (Течением жизни.
 Бывшей...)

2.

Сидишь в парадных ботах –
 И врешь про жизнь безбожно...
 А на иных частотах –
 Иная жизнь возможна.

Да и на этих самых
 Возможна жизнь иная, –
 Где твой воздушный замок,
 Где твердь твоя земная...

* * *

Притяженье сквозных веков.
 Игры с твердью
 (А может – с толщей...)
 Иероглифы облаков
 Пишет небо
 В тетради общей.

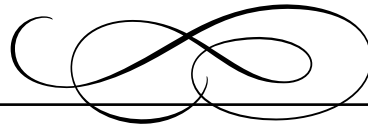
Длится облачная канва,
 Изменяя земное поле...
 Иероглифы –
 Не слова.
 Потому как –
 Воздушней, что ли...

* * *

Мура из-за бугра.
 Привязанность к отчизне...
 А то, что жизнь – игра –
 Не умаляет жизни...

...Лишь линзы дня протри
 В мгновенье ока, друже! –
 И белый свет – внутри.
 И белый свет – снаружи...

Юрий БЕЛЯЕВ

Москва

ДУША МИРА

Отчизны край багрянец золотит.
Сердцам влюблённым всё посильно.
На трёх китах земля стоит:
Любовь, Поэзия, Россия!

ВСЕ В ЖИЗНИ ЛИШЬ СРЕДСТВО

*Быть может,
Всё в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов.*

В. Брюсов

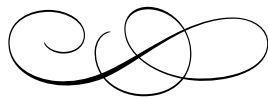
Всё в жизни лишь средство
Для грозно-певучих стихов.
Разбитое сердце,
Сирень среди снегов.

Всё в жизни лишь средство
Нажить себе новых врагов,
И доброе сердце,
И звёздные буквы стихов.

Всё в жизни лишь средство
Для новых и дивных стихов,
И буйство уставшего сердца,
И вопль победивших врагов.

* * *

Любовь моя, мой ангел!
Взмахни скорей крылами.
Пусть Михаил Архангел
Навеки будет с нами!

К 100-ЛЕТИЮ

Ольги БЕРГГОЛЬЦ

Наталья ГРАНЦЕВА

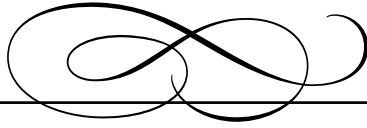
Санкт-Петербург

АНТИКАССАНДРА

Слава Богу, Ольга Берггольц не дождала до тех дней свободы слова, когда стало возможным и невозбранным публично говорить о том, что лучше бы Ленинград сдали фашистам. Слава Богу, она не услышала по радио, на котором работала в блокадные дни, выступления тех, кто считал блокадников не героями, а напрасными жертвами тоталитарного режима. Бог миловал ее, забрав из земной юдоли на небеса в 1975 году. Ей было 65 лет.

Она ушла поэтом, признанным властью и любимым простыми людьми, согражданами. Позднее, в мемуарах, некоторые товарищи по писательскому цеху обвиняли власть в том, что она не организовала всенародного прощания с Ольгой Берггольц на Дворцовой площади. Правда, сама Ольга ни о чем подобном не мечтала. Да и история не сохранила для нас каких-либо свидетельств о том, что братья-писатели обращались в Смольный или в Политбюро с коллективным прошением на эту тему. Не обращались. Многим казалось, что слава ее непомерна, что талант ее сильно преувеличен, что она эксплуатирует одну тему, конъюнктурно-патриотическую... Не им ли адресовано одно из лучших стихотворений поэтессы «Ответ»?

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной, –
ее нетленно-чистый свет
всегда во мне, всегда со мной.
И никогда не поздно снова
начать всю жизнь, начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы – ни слова,
ни стоны бы не зачеркнуть.

Здесь слышится яростное возражение оскорбленной души. Но кто же, кто же обвинял поэтессу в том, что она напрасно прожила жизнь, что шла не теми путями, что дары ее никому не нужны? Неужели простые ленинградцы, братья и сестры по блокадному мученичеству?

В недавно вышедшей книге «Ольга Берггольц. Запретный дневник» есть запись, относящаяся к августу 1942 года. «Моя бешено взлетевшая известность после опубликования «Ленинградской поэмы» уязвила некоторых наших «инженеров душ» в самую печень. <...> Тьфу, какая пакость – эта литераторская зависть – даже в такое время люди не могут освободиться от нее! Ну что нам всем – дела мало, места мало, читателей, что ли? Я просто понять всего этого не могу – я радуюсь успеху “Жди меня” – ведь это наш брат, писатель, написал такое, милое всем, – а значит, как бы и я...».

О, бескорыстная, моцартианская любовь к искусству! О, советский сальеризм, способный отравить любого, и не милосердным «даром Изорь», а многолетней глухой травлей...

Конечно, заново «начать всю жизнь» невозможно. И не потому, что поздно. А потому, что и в прожитом Ольгой Берггольц нет ничего случайного и лишнего, что требовало бы зачеркивания. Все, даже лишь намечавшиеся жизни, определяли главное – методом исключения.

Она прожила несколько жизней оборванных, несостоявшихся.

Первая жизнь – Детство, продлившееся всего семь лет, – оборвалась в октябре 1917 года. Если б не это событие, она бы закончила гимназию, занималась педагогикой или врачебным делом (по примеру любимого отца), стала бы образцовой женой и матерью.

Вторая жизнь – Отрочество, продлившееся семь лет. Советская школа, революционная риторика, бедный, спартанский быт строителей нового мира на фоне наглого жирного нэповского разгула. Школа классовая нена-

висти. Она – первая и лучшая, верная теории, преданная идее. Она – в числе первых стала пионеркой. Тогда же – январь 1924 года – первая поэтическая публикация. Стихотворение «Ленин».

Третья жизнь – Юность. Становление. Публикации новых стихов в молодежной прессе, учеба на курсах искусствования, дружба с юными пролетарскими дарованиями, одобрение первых лирических опытов Чуковским. Первая любовь – Борис Корнилов. Рождение дочери. Ольга могла бы стать музой поэта, его путеводной звездой, она могла бы спасти его от ранней гибели, посвятить себя служению его таланта....

Четвертая жизнь – Молодость. Профессиональное самоутверждение, встреча с Любовью – уже не первой, но единственно настоящей, способной преодолеть смерть и забвение. Твердая комсомольская вера в скорое возведение нового мира, ощущение личной ответственности за расцвет родной страны. Ольга – самоотверженный трудоголик, пропагандист и организатор. Кажется, еще немного, и она станет секретарем обкома комсомола, вступит в партию, сделает блестящую советскую карьеру.... Но и эта жизнь обрывается. Болезнь мужа, Николая Молчанова, прогрессирует. Дочь умирает. НКВД заводит следственное дело. Арест. Полгода в тюрьме...

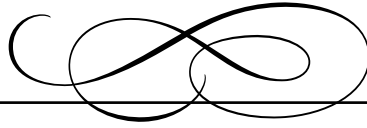
Далее – медленный переход в главную и единственную жизнь. Строки-заклинания 1939 года – из стихотворения «Родине»:

Гнала меня и клеветала,
Детей и славу отняла,
А я не разлюбила – знала:
Ты – дикая. Ты – не со зла.

.....

Изранила и душу опалила,
лишила сна, почти свела с ума...
Не отнимай хоть песенную силу,
Не отнимай – раскаешься сама!

Это воззвание-мольба, это оправдание-укор, это предупреждение-угроза было услышано, хотя тогда еще не были написаны

другим поэтом и по другому поводу слова «Родина слышит, Родина знает». Песенная сила – поэтический дар – не только не была отнята, она даже переместилась Родины туда, где должна была обрести смысл и мощь. На радио, в литературную редакцию городского радиовещания. Радиожурналистика – дело новое, живое и увлекательное. Радиожурналистика – это ежедневное прямое общение с людьми, беседы с гостями студии, репортажные записи на выездах. Это особое чувство общности с современниками, единения с городом и миром, это существование в эфирном пространстве, наполненном метрономным биением пульса времени, это обостренный слух и почти физическое ощущение власти слова, его материальности, энергетике, силы. Может быть, именно в предощущении неслучайности перемен, трагических и благотворных, и были написаны Ольгой Берггольц в 1940 году эти слова – как вырвавшийся из души крик: «Не может быть, чтоб жили мы напрасно!».

Тридцатилетняя Ольга Берггольц, как и всякая обыкновенная женщина, хотела любить и быть любимой. Она ждала беременностей и хотела быть верной женой. Она тосковала по реальному материнству. Иногда она любовалась в зеркалах своим отражением, пристрасно выискивая несуществующие морщинки и первый седой волос. Иногда она сокрушалась о том, что ее гардероб скуден, мечтала о новом платье... Но эти милые женские мысли-ощущения, пробегали по ее душе, как легкая рябь по поверхности моря. Потому что ее деятельная душа, как будто сошедшая со страниц прозы Андрея Платонова, сражаясь с онтологическим косноязычием, жаждала большого дела и сильных ощущений, самоотверженного служения великой идее и преодоления обыденного.

Этот день начала главной и единственно оправданной жизни настал в июне 1941 года, когда в дневнике Ольги Берггольц появилась краткая запись – ВОЙНА!

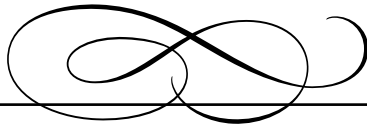
Когда в конце тридцатых в стране была запущена на полную мощь гигантская

репрессивная машина, миллионы людей проклинали себя за то, что писали письма друзьям и вели дневники. Именно эти письменные «документы», истолкованные в угоду политической конъюнктуры, испещренные карандашными пометами следователей, стали неопровержимым доказательством вины арестованных. Миллионы осужденных навсегда зареклись доверять свои мысли и чувства дневниковым страницам. Миллионы осужденных поклялись, если выживут, навсегда отбить у детей и внуков охоту поверять тетрадным листам свои размышления и сомнения... И только немногие поступили наоборот. В числе этих немногих – Ольга Берггольц. Следователь вернул ей ее дневниковые записи, оскверненные чужими руками и оскорбительными вопросами. Она их в первый месяц блокады попыталась сохранить.

«17 сентября. Сегодня Коля закопает мои дневники. Все-таки в них много правды, несмотря на их ничтожность и мелкость. Если выживу – пригодятся, чтоб написать всю правду. О беспредельной вере в теорию, о жертвах во имя ее осуществления – казалось, что она осуществима. О том, как потом политика сожрала теорию, прикрываясь ее же знаменами, как шли годы невыносимой, удушающей лжи».

И через пять дней: «Я не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам, или раздражения, бешеного щемящего, смешанного с дикой жалостью – к нашему правительству. Этак обосраться!»

Она была из породы воительниц. За словом в карман не лезла. Умела быть, когда надо, «своим парнем». При этом в ее хрупком теле обитал великий дух стоической любви. Любви к родине, создавшей людей новой формации – способных построить светлый мир будущего вопреки сожранной теории и временной каннибальской политике, просто потому, что у этих людей был врожденный иммунитет к инфекционным идеям и буржуазным ценностям. Эта простодушная спасительная философия и сохранила веру

Ольги Берггольц в людей. Без этой веры разве б она смогла сделать главное дело своей жизни?

Так, почти в библейском облике, появляется в это время в стихах Берггольц образ Родины – отпавшей от Бога страдальцы, которую надо простить и спасти самопожертвованием.

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!
<...>
Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.

В начале сентября город был взят фашистами в кольцо – эта страница истории называется 900 дней блокады. Ольга Берггольц писала ее вместе с теми, кто был обречен на медленное умирание от мрака, стужи, истощения, животного страха, одиночества, богооставленности, расчеловечения.

Ольга Берггольц, как и другие обитатели блокадного ада, была так же беспомощна и беззащитна перед беспощадными безликими чудовищами, захватившими город. Имена этим церберам – Голод, Холод, Артобстрел, Бомбежка. Она, женщина-воительница, в нарастающем отчаянии и ярости ощущала свое личное человеческое бессилие перед нечеловечески масштабным могуществом вездесущих монстров. Уже пережив самое тяжелое время, она записала в дневнике: «О, если б можно было ценой своего горя купить покой и отраду другим». Но что чудовищам одна человеческая жизнь? Им нужны миллионы жизней. Личной отвагой не одолеть блокадных бедствий.

Безоружная Ольга Берггольц нашла свое оружие для участия в бою за жизнь. Это оружие – Любовь и сила Слова. Это оружие для самообороны, для самозащиты тех, кто остался наедине с общей трагедией. Это вливающийся прямо в душу эликсир «живой

воды» понимания, ободрения, утешения... Это сострадающий человеческий голос, обнимающий теплой дружеской поддержкой каждого обессиленного и уставшего бороться с бессилием... Из множества звуковых волн и радиоголосов этот – единственный, заставляющий встать и не сдаться смерти хотя бы еще день.

Что происходило в душе слушающих и в душе самой Ольги? Что вообще может происходить с человеческой душой, когда в ней звучат, сталкиваются, мечутся, клубятся, берут измором сознание Отчаяние и Бессмысленность, Бессилие перед смертью и Жажда отмщения, Неизбежность гибели и Вера в спасение? Испытание? Миссия? Долг? Предназначенное свыше? Оправдание прожитого или обличение его?

У каменки, блокадного божка,
Я новую почувствовала душу,
Самой мне непонятную пока...

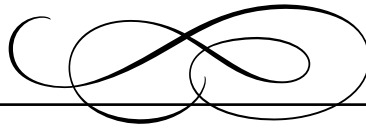
Эта новая душа, выросшая поверх старой, всеми своими слабыми силками пыталась противостоять уничтожению города и человека. Не пятью хлебами, а одним – хлебом насыщающего стоицизмом Слова пыталась она, сидя у микрофона или встречаясь с горожанами, накормить сотни тысяч голодных телом и духом. Не пятью рыбами, а одной – золотой рыбкой слабодышащей веры – пыталась она совершить чудо, прибавить сил для сопротивления сотням тысяч ждущих помощи. Ее речь обладала магической силой.

Она обращалась к одному или другому конкретному человеку, а сотни тысяч людей верили, что Ольга Берггольц говорит лично с каждым из них.

Она обращалась с задушевной беседой к соседке Дарье Власьевне, – а сотни тысяч ленинградок разного возраста понимали, что и их отводит от края небытия упорное утверждение о неизбежной победе, до которой можно дожить.

Она обращалась к «сестре по гневу и печали», предлагая ей вдвоем закутаться в один

платок, чтобы согреть ее собственным теплом и утешением – и сотни тысяч несчастных матерей, потерявших своих истаявших от голода детей, продолжали бороться за сохранение жизни.

Она обращалась к мертвым, как к родным и живым, всеобщим сыновьям и братьям – с презрением к смерти отворачивающимся от врага в момент гибели. Чтобы пасть «лицом к Ленинграду».

Кажется, Рок, отец Трагедии, вручил ей при рождении новой души не звуковую «погремушку», а волшебную, чудодейственную систему сообщающихся телесно-духовных сосудов. Кто теперь подсчитает число тех, кого спасли ее слово, ее строка, ее любовь к жизни и вера в конечность блокадной преисподней на берегах Невы?

Пережив самые тяжелые зимние месяцы в осажденном городе, в начале марта 1942 года с помощью сестры Муси, Марии Федоровны Берггольц, Ольга оказалась в Москве. Измученная, опухшая до такой степени, что подозревала долгожданную беременность. Эта страстная, на грани безумия, надежда питалась отчаянием – только что умер любимый муж, Николай, которого она не смогла спасти... О, неужели теперь от их жизни, от их любви ничего не останется? Да. Останется только память.

1 марта она записала в дневнике: «Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы, мы выступаем в ролях “героев” фильма “Светлый путь”. И 20 марта: «Здесь не говорят правды о Ленинграде, о голоде (в Москве) “заговор молчания”».

Любой другой, вырвавшийся из ада, из ужаса первой блокадной зимы, намучившись и настрадавшись, избегал бы возвращения туда, где «уже страданиям нашим не найти ни меры, ни названья, ни сравнения». Но Ольга Берггольц не была любой другой – и она возвратилась к тем, кому нужна была и она, и ее кровоточащая любовь, и ее поэтическое слово. В довершение ко всему еще одна беда – выслан отец, немец по рож-

дению. 3 апреля 1942 года она записала в дневнике: «Боже мой! За что же мы бьемся? За что погиб Коля, за что я хожу с пылающей раной в сердце? За систему, при которой чудесного человека, отличного военного врача, настоящего русского патриота вот так ни за что оскорбили, скомкали, обрекли на гибель...».

Но впереди были еще сотни дней выживания, сотни и тысячи утрат. Были бездонные дни отчаяния, долгие недели и месяцы перенапряжения всех сил... Все казалось бессмысленным и бесполезным, – но об этих мгновениях знал только дневник Ольги Берггольц. Он же запечатлел отрадные минуты подтверждений смысла и востребованности. «Меня слушают – это факт, – меня слушают в эти безумные, лживые, смрадные дни, в городе-страдальце. <...> В ответ на это хочется дать им что-то совсем из сердца, кусок его, и вдруг страх – не дать!»

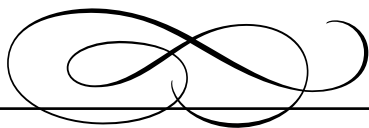
Потом она напишет:

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не героиствовала, а жила.

И еще:

И каждый, защищавший Ленинград,
вложивший руку в пламенные раны,
не просто горожанин, а солдат,
по мужеству подобный ветерану.

В те дни она, крещёная блокадой, в бедном безмолвии жилища, горько названного современниками «слезой социализма», вместе со всеми ленинградцами не могла уповать даже на Всевышнего, отмененного «теорией» на небесах. Не умеющего, подобно простым смертным, существовать в преисподней земной трагедии. «И я молилась, – записывала она в дневнике. – Обращаясь к Родине (тому огромному, страшному, любимому, прошедшему, проходящему через меня этим расплавленным искрящимся потоком) <...> Молитва – серебряное ведро,

которое опускает человек в свою глубину, чтобы почерпнуть в себе силы, в себе самом, которого он полагает как Бога... Он думает, что он Богу молится, – нет, он взывает к собственным силам».

Она прожила не только 900 блокадных дней вместе с осажденным городом, но и еще 12 раз по 900 дней. Для нее блокада не закончилась 27 января 1944 года. Она продолжалась еще более 30 лет – в душе и памяти. Ей казалось, что она не все сказала, не все договорила, не в полную меру воздала должное людям, городу, стране... До последней минуты своей жизни она обращалась мысленно к тем, с кем пережила самое трудное время – время невыносимой жестокости бытия, невообразимого доселе в истории испытания на человечность.

В послевоенные годы она продолжала писать стихи, создавала пьесы и сценарии, пробовала свои силы в прозе. Но эти попытки мало что могли прибавить к славе «блокадной музы». И сама она, кажется, ощущала свое непрекращающееся пребывание в том времени, когда она вынимала из груди «куски сердца» и отдавала их – мощью нерастратченной материнской любви – узникам трагедии 900 дней.

В поэзии своей эпохи она совершила, кажется, невозможное – впала в «неслыханную простоту». Она не стремилась к выработке индивидуального стиля, не искала лица «необщее выраженье». Она искала как раз «общее выраженье» и с помощью скудных изобразительных средств, максимально приближенных к простой разговорной речи и даже к такому «сокровенному» языку, на котором каждый ведет мысленный разговор с самим собой, смогла выразить невыразимое. Она смогла вернуть подлинное, первоначальное звучание таким словам как «Родина», «верность», «мужество», «ненависть к врагу»... И ленинградцы-блокадники, от мала до велика, слушая строки «Февральского дневника» или «Ленинградской поэмы», ощущали животворную силу этих слов, очищенных от пропагандистской ржавчины.

Слова «крещенные блокадой» и «блокадное братство» были для Ольги Берггольц не метафорами героики, а простым и прямым обозначением существа ее пятой, главной, жизни, продлившейся 900 дней. Она хотела – в прямом смысле – быть с товарищами и братьями по блокадной «вере» до конца, до смертной черты. Поэтому и говорила о том, чтобы ее похоронили на Пискаревском кладбище, где покоится почти полмиллиона погибших жителей и защитников Ленинграда.

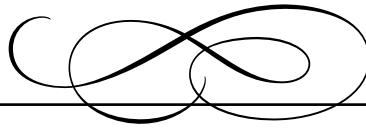
Решение о захоронении праха Ольги Берггольц, принятое в ноябре 1975 года, видится теперь не только правильным, но и глубоко символичным. Тело ее погребено на Литераторских мостках Волкова кладбища – как признание того, что поэтесса достойна быть в ряду крупных деятелей литературы. А душа Ольги Берггольц – в ее простых, как будто высеченных в камне поэтических строках – навеки соединилась с Пискаревским мемориалом, с памятью мертвых и живых.

...Великая Троянская война современности под названием «Двадцатый век» еще не дождалась своего Гомера. Но он явится.

Будущее эпическое полотно даст возможность увидеть истинный масштаб духа тиранов и полководцев, мучеников веры и подвижников истории, бойцов невидимых фронтов и властителей умов... В числе трагических героев найдется место и ей, хрупкой женщине, избравшей своим оружием Слово и Любовь. Простоволосой и простоголосой «антикассандре» – потому что она сама стала эпической героиней, смертной музой в человеческом обличье.

Еще через сто лет это будет более понятно, чем сейчас...

Ефим БЕРШИН

Москва

* * *

Это яблоко. Яблокопад.
 Это якобы сумерки.
 Якобы
 это Ева идет через сад,
 подбирая опавшие яблоки.

Это яблочный Спас. Это путь
 тишины, выходящей из тени.
 Контрабас,
 контроль,
 контрапункт
 приглушенного грехопаденья.

Это вечера стертый пятак
 нагоняет ненужные страхи.
 Это яблоки падают так,
 будто головы падают с плахи.

И уже не дано надкусить
 ни плода, ни случайной удачи.
 Никого не дано искусить
 в подмосковном Эдеме на даче.

И Господь меня не отлучит,
 обрекая изгнанию и стуже,
 не затем, что я праведно чист,
 а затем, что я больше не нужен.

Я лежу, как пятно на холсте.
 Я упал.
 Я сегодня при деле.
 Я прикован к своей нагоде,
 как любовник к постылой постели.

И небес дождевая вода
 осторожно смывает усталость.
 Подберите меня, господа, –
 нас немного осталось.

* * *

Опять горнист исход трубит,
 подталкивая к землям дальним.
 Но тополем пирамидальным
 я насмерть к берегу прибит.

Пространство – фикция. Оно
 к себе притягивает страстно
 лишь тех, которым не дано
 перемещаться вне пространства.

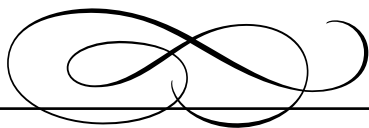
И лист тускнеет, как медаль,
 в грязи родного бездорожья.
 Но он не улетает вдаль –
 он умирает у подножья.

* * *

Осень.
 Нетопленный лес.
 Похороны костра.
 Кладбище.
 Крашеный крест,
 как выраженье добра.

Звук – выраженье струны.
 Власть – выражение воли.
 Я – выражение боли
 этой несчастной страны.

Сергей БИРЮКОВ

Германия, г. Халл

* * *

едва успеешь выйти из дома
и запнешься на перекрестке
эта окрестность тебе знакома
пыльца небесная белей известки

остановись посчитай ступени
раздвинь шиповник кровавая пальцы
из ниоткуда возникнут тени
и вопрошая пройдут скитальцы

сквозь мелкий морок дождя и снега
проступит лика овал печальный
в колючий сумрак вплывет омега
внезапно вспыхнет глагол начальный

* * *

А есть письмо зодиакальное,
Письмо небесное – зеркальное –
Земных пределов отражение,
Дрожание воображения,
Как вывих тела, как летучая
Письма глубокая извилина,
Лучами быстрыми колючими
И поцелуями изливлена,

Сомнамбулой маниакальную
Выходит настезь краем жести
И видит ближнюю и дальнюю,
Мгновенно считывая вести,

И там, где берег простирается,
Невидимый, но осязаемый,
Кустарник в эту грань врывается,
Внезапный, точно так желаемый;

Извив растений, букв и линии,
Порыв к буквальному прочтению,
И вычитание идиллии,
И голос, устремленный к пению.

К 130-ЛЕТИЮ

Александра БЛОКА

Алексей ФИЛИМОНОВ
Санкт-Петербург**ЯВЬ И МИСТИКА
АЛЕКСАНДРА БЛОКА***О, я хочу безумно жить...*

А.Блок

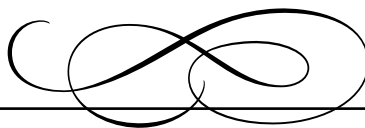
Существует почти непроверяемое мнение о Блоке, что он поэт-мистик. Лик его музы – Незнакомки, Девы Революции, Девушки из Spoleto – всегда в дымке, словно различаемый им за вуалью в духовидении: «Дыша духами и туманами, Она садится у окна». Но полагал ли так сам поэт, вглядываясь «В холод и мрак грядущих дней» и преодолевая распад мира в предощущении, когда «...мир опять предстанет странным, / Закутанным в цветной туман» открытий и новизны? Такие мгновения гармонии – радуга счастья, преломляющая сонные испарения Петрограда – некая оптическая линза, не затемняющая, но открывающая истинный свет, когда грядёт «звонко-синий час» пробуждения духа. Блок, по выражению Ахматовой, «трагический тенор эпохи», чьи образы тревожны, многозначны и просветляющи – один из немногих символов по своей сути. Столкновение полярных начал – мистики и метафизики – высекает искру гармонии «Из равновесия диких сил» (Боратынский) в блоковской лирике.

Блок словно оттуда, из иных миров, жаждущий мгновения, «Когда божественный глагол / До слуха нежного коснётся»

(А. Пушкин), чтобы преобразить лучом отвне искусство и жизнь:

Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!

Даниил Андреев поведал о трагическом «падении вестника», но такова была судьба

России, разделённая поэтом «У стен Московского Кремля» и в небесной отчизне «На поле Куликовом»:

Испепеляющие годы!
 Безумья ль в вас, надежды ль весть?
 От дней войны, от дней свободы –
 Кровавый отсвет в лицах есть.

«Было так ясно на лице его: / Царство моё не от мира сего», – писала Марина Цветаева о поэте, которому судьбою было дано «...поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину» и пересотворить музыку вечности в полнозвучие чаши стиха: «От знака, которым поэзия отмечает на лету... никто не может уклониться, так же как от смерти», – свидетельствовал Блок в статье «О назначении поэта».

Сто лет назад произошел кризис символизма как литературного направления, во многом противоречивого. Но поэзия Блока продолжилась, ибо символистом можно только родиться, как написал он. Блок никогда не рвал связь с миром реальности, в этом его отличие от декадентов – никакого своеволия и смешения понятий добра и зла. Природа у него, как у Тютчева, «не слепок, не бездушный лик». Блок одним из первых поднял проблему саморазрушающейся технократической цивилизации, провидя драму единения и разлада человека с миром техники, в строках о «летуне»:

О стальная, бесстрастная птица,
 Чем ты можешь прославить творца?
 В серых сферах летай и скитайся,
 Пусть оркестр на трибуне гремит,
 Но под лёгкую музыку вальса
 Остановится сердце – и винт.

Блок вопрошал и судил человеческое начало, прежде всего себя, слыша неумолимые «Шаги Командора». Один из его нередких образов – луч, несущий весть от всадника смерти Апокалипсиса, простирающийся к бездне и ожидающий отклика, «Когда оттуда ринутся лучи» запредельной свободы, – но всегда возвращающийся озарением в «страшный мир»: «И опять мы к тебе, Россия, / Добрели из чужой земли».

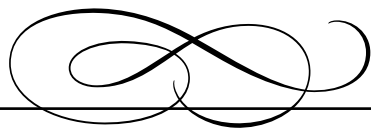
Магия очарования блоковских строф, которые устремляются к нам просветляющим потоком, – в той первозданной созвучности мировой душе, какие бы мрачные тему не поднимал поэт, говоря о надломе, усталости, грядущих катастрофах. Некрасовская тема «страданий народа» пересотворена в поэме «Двенадцать»: матросы целятся во Христа, что сулит погибель миру, следующему за «музыкой революции».

Критик Георгий Адамович вспоминал, что всегда сдержанный: «...Ходасевич сказал: “Что тут говорить, был Пушкин и был Блок... Всё остальное – между!”». Блок вобрал в себя всю поэзию послепушкинскую – от гневной лиры Некрасова до тютчевско-фетовского тайнослышанья, и жизни гибельный пожар» преследовал его с нотами Аполлона Григорьева и тенями героев Достоевского. «Но достойней за тяжёлым плугом / В свежих росах поутру идти!» – восклицал поэт, над кем «не властен хоровод».

Этот прозрачный мистицизм был загадкой Блока. Его арфы и скрипки примиряли два начала – пурпур духовного посвящения и бледно-серое марево петербургской почвы – разрушительные для человека. «Твой неяркий, пурпурово-серый, / Не однажды мной видимый круг». Такой он видел Музу, и на своём двойнике – «Печать забвенья иль избрания».

Блок словно написал о себе самом в статье «Рыцарь-монах», посвященной памяти духовидца, автора «Трёх свиданий» с Софийностью, Владимира Соловьёва: «Во взгляде Соловьёва, который он случайно остановил на мне в тот день, была бездонная синева: полная отрешённость и готовность совершить последний шаг; то был уже чистый дух: точно не живой человек, а изображение: очерк, символ, чертёж. Одинокий странник шествовал по улице города призраков...». В городе «Медного всадника» вечны блоковские ямбы:

«Ночь, улица, фонарь, аптека, и «сияющая пустота» отчаяния преодолеваема музыкой его строк, хранящих «к людям на безлюдье / Неразделённую любовь!»

Марина БОРОДИЦКАЯ

Москва

* * *

Тосковать – но весело, черт подери! –
как сама когда-то провозгласила.
Тосковать надо весело, хоть умри,
а стареть – красиво.

Надо спину держать и тянуть носок,
полонезом легким вплывая в старость,
даже если долбят изнутри висок
и не мудрость выходит на свет, а ярость.

Исполнять с улыбкою пируэт,
уходить красиво и бесшабашно,
чтобы дети, в наш наступая след,
знали: это не трудно.
Не больно.
Не страшно.

* * *

ЎИ еще непременно спросят:
ЁС Что ты делал в момент убийства?
ЁС Мылся, брился, учил уроки,
перечитывал «Одиссею»,
красил стены, рожал ребенка
плавал в море, смеялся, плакал, –
всё, что делал на этом свете,
всё я делал в момент убийства.
ЁС Ладно, – скажут, – пока идите,
мы вас вызовем, если надо.

ДВЕНАДЦАТЬ С ДОВЕСКОМ

Пенелопины женихи,
островные царьки-пастихи,
разорались, как петухи.

ЁС Выберирай, – кричат, – выберирай!
Не Ормений, так Агелай!
А не то разорим весь край!

Целый день женихи пируют,
соревнуются, маршируют,
по ночам рабынь дрессируют.
У рабынь интересная жизнь:
то мети, то пляши-кружись,
то скомандуют вдруг: «Ложись!»...

А не ляжешь – побьют отчаянно:
обнаглевший гость – хуже Каина.
Двадцать лет как дом без хозяина.

Но хозяин – уже вот-вот:
у Калипсо лет семь, у Цирцеи год
погостил, – и домой плывет.
Входит – бомж бомжом. Присел у стола.
Тут Меланфо на страннике зло сорвала:
У нее, как на грех, задержка была.

Дальше ясно: резня. Женихам – аминь:
только головы лопались, вроде дынь.
Подметать позвали рабынь.

Заодно допросили: ты, тварь!
с врагами валялась?
Не ревь! не давить на жалость!
Значит, плохо сопротивлялась...

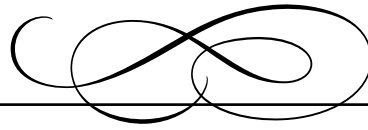
Нянька старая, Эврикля,
указала, от радости млея,
на двенадцать развратниц – почище
да покруглее.

А потом Телемах под присмотром бати
их повесил – всех – на одном корабельном
канате
(любопытная вышла конструкция, кстати).

Как флажки, трепыхались они у крыльца.
Это ж первое дело для молодца –
заслужить одобренье отца.

Слава Марсу! Смерть голоногим девкам
и Меланфо, горячке дерзкой
с ее двухнедельной задержкой,

о которой никто
никогда
не узнал

Владимир БОЯРИНОВ

Москва

ВОРОБЬИ КАЧАЮТСЯ

Чтобы не печалиться
О коротком веке,
Воробьи качаются
На кленовой ветке.

Вот уже их семеро,
Вот уже и – восемь.
Дуют ветры севера,
Наступает осень.

Шумные, беспечные,
Воробьи уверены,
Что им веки вечные
На роду отмерены.

Чтобы не отчаяться,
Воробьи качаются
Меж землёй и небом,
Меж дождём и снегом!

ЗАСТУПНИЦА

Я бегу. Полки разбиты.
Отступая належке,
Укрываюсь от обиды
На заветном чердаке.

Здесь ветра свистят, как черти;
Здесь уже который год
После бабушкиной смерти
Богородица живёт.

Мы давно уже знакомы,
И, похожестью маня,
Всё глядит она с иконы,
Словно бабушка моя.

Пусть она меня в обиду,
Словно бабушка, не даст;
Пусть рассердится для виду
И прикрикнет: «Вот я вас!..»

* * *

Пробиваю стены лбом! –
По-другому не умею.
Добываю хлеб горбом,
Извожусь! – и не умнею.

«Ты себя не виновать! –
Виноватые сказали. –
А не то, ядрёна мать,
Ты умоешься слезами!»

«Как пахал, так и паши! –
Облизнул бесёнок ложку. –
И чего-нибудь пиши.
Не в ущерб. И понемножку».

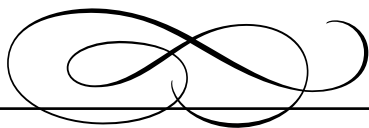
На шестом десятке лет
Грех надеяться на чудо.
Милый Афанасий Фет,
Забери меня отсюда!

БЕГЕМОТ

Книга Иова (40:10-19)

Вот бегемот, творенье, как и ты.
Траву жуёт, как прочие скоты.
Но в чреслах прорастает прочность древа,
Таится крепость в пуповине чрева,
Кедровый хвост нисходит со спины,
В причинном месте жилы сплетены,
Как из пластин стальных хрящи и зубы,
А кости – словно бронзовые трубы.
И никакая в мире Божья тварь
С ним не тягалась ни теперь, ни встарь.
И нет в руках Создателя оружия
Отважнее, чем он, и неуклюжее.
Он почивать уходит в тростники,
Находит тень под ивой у реки;
Он целые потоки выпивает,
Когда в жару поглубже заплывает,
И даже Иордан, испытый власьть,
Не утолит разинутую пасть.
Сон соблазнит – и сладкая дремота
Заворожит сознание бегемота...

И в этот миг, когда недвижим взор,
Между ноздрей вонзается багор!

ПЁТР

Мы Россию крепко любим,
Мы ей бороду отрубим, –
Не ходить же молодой
По Европе с бородой!

Мы сведём концы с концами,
Разберёмся со стрельцами.
У кремлёвского костра
Императору: ура!

Он – Юпитер, он – кондитер,
Он испёк чудесный Питер,
Что на краешке стола
Во главе стоит угла!

Режьте, гости! Мой дружок,
Съешьте лакомый кусочек!
Мы готовим и про вас
Императорский указ!

Мы присвистнем молодецки,
Мы вам крикнем по-немецки:
От ревнителев пера
Императору: ура!

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

Санкт-Петербург

* * *

О чём печалишься, душа?
О чём, бывшее вороша,
Свистишь в кулак,
В тростинку дуешь?..
Я знаю – ты не существуешь,
Ты просто, якобы, при мне, –
Остерегаешь, предрекаешь,
Пролётной птицей окликаешь,
Босой собакой по стерне
Хромаешь следом, издали
Зовёшь куда-то и манишь,
И каждый раз, войдя под вечер
В мой дом, в груди моей болишь.

КАРТОШКА

Вёдра, воткнутые в вёдра.
Вдоль обочины мешки.
Отродясь, такого вёдра
Не припомнят старики.

По сухой земле картошка
Разбивается звездой.
Вот ещё чуть-чуть, немножко,
И покончим с бороздой.

И помчимся, и поедим
Перелеском, над рекой.
И похвастаем соседям:
«Урожай-то, вон какой!..»

Клубни ровные, что репы.
Тридцать два кривых мешка!
Целина! Разведай, где бы
Выросла ещё така?

Беловарка! Рассыпуха!
На базар и про запас.
Хмелем пахнет медовуха!
Мёдом – выбродивший квас!

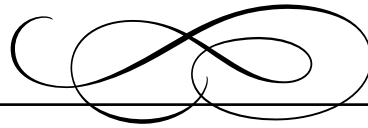
В палисадах за плетнями
Паутины солнце вьёт,
И весёлыми глотками
Из колоды воду пьёт.

Пляшут перья огневые.
В чугунах шумят пары.
И лопаты штыковые
Прибирают.
До поры.

* * *

Моя земля...
Мой лист бумаги...
С утра пишу, потом пашу.
Ищу слова,
Молю о влаге...
Устану, лягу на межу,
На теплый чернозём.

Травинку
 Созревшую перекушу,
 И муравью тудяге спинку
 Травинкой этой почешу.
 Поймёт ли, что о нём забота?
 Предполагаю, что поймёт...
 Какая трудная работа!
 Июль... жара... сочётся пот...
 Упала ветка на тропинку,
 Упала шишка на тропу,
 И он в обход свою хвоинку
 Несёт упрямо на горбу.
 Скрипит, хрипит, глаза таращит,
 И всё молчком, хоть впору выть,
 И знаю – он её дотащит,
 Иначе – незачем и жить!

В НОЧНОМ
 (из детства)

В чепрак завернусь поплотней, закемарю,
 Теплом задыхаясь и потом коня.
 Луна азиатскую плоскую харю
 Просунет меж туч и увидит меня.

Со звоном осыплется небо на землю,
 По склону к воде прогремят табуны,
 Росинка взойдет по упругому стеблю
 И станет серебряной в свете луны.

Откликнутся выпы. Качнутся болота.
 Затихнут на дальних лугах косари.
 Былины придут и столпятся у входа
 В мой сон, что я буду смотреть до зари.

И всё оживёт – и волшбы, и поверья,
 Раскинутся царства, бери и владей!
 Ковыль золотой, ястребиные перья,
 Упругие спины степных лошадей!

Красавицы, равных которым не будет,
 Клинки, закалённые в яром огне,
 Хорошие песни, хорошие люди,
 Как в жизни, которая выпадет мне.

Наталия ВАНХАНЕН

Москва

НЕВЕЗУЧИЙ ПАССАЖИР

Невезучий пассажир,
 Опоздавший на «Титаник» –
 Обронил он мятный пряник
 И глотает рыбий жир.

На молу настил дощат.
 Чайки дразнят диким криком...
 О везении великом
 Все газеты сообщат.

Но пока на них наскочит
 И прочтет в один присест –
 Он всего себя изъест
 И упреками источит.

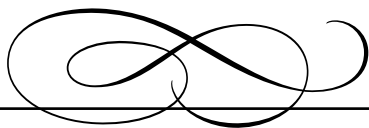
А, прочтя, припомнит ту –
 В клетку плед, а платье ало,
 Что, шутя, ему махала
 И смеялась на борту.

* * *

И не то, что я в полной разрухе
 и вконец подурнела с лица,
 но какие-то злые старухи
 там, во мне, критикуют творца.
 Критикуют творца и творенье:
 в организме кончается йод,
 покрывается коркой варенье,
 и Венеция, в общем, гниёт.
 Гляну в душу, в замшелые щели:
 примирилось ли злое старьё
 с длинноносой Весной Боттичелли,
 с косоглазием легким её?

* * *

Не рубите человеку
 хвостик радости –
 пусть он машет им, как хочет,
 хоть по младости.

Не рубите человеку
хвостик смелости –
пусть его он поджимает
сам по зрелости.
Без него он, бедный кочет,
виду голого.
Пусть уж сам он, как захочет,
сложит голову.
Вправо-влево всем поклонится
с помостика –
не рубите человеку
только хвостика.

Как в платьице из ситца
Ты плакала, близка,
А мимо шли грузиться
На станцию войска.

Как писарь в той сторонке,
Где дымны небеса,
Готовил похоронки
И в наши адреса.

Ведь были мы впервые
Судьбой вовлечены
В события мировые
Такой величины.

Константин ВАНШЕНКИН

Москва

БЕЗ НАЗВАНИЯ

В «телятнике» до фронта –
Повзводно и поротно.

По первому же знаку
Пошедшие в атаку.

Вразброс, как на соломе,
Лежащие на склоне.

Бежавшие из плена,
Восставшие из тлена.

ВОЙНА

Опять я повествую
О том, как бедный тыл
Брал в дело подчистую
Всех тех, кто годен был.

И как трещал на диво
По швам военкомат
От нового призыва,
Что был великоват.

РАНЕНИЕ В ЖИВОТ

Ранение в живот –
Боль от любого чиха!
До свадьбы заживёт, –
Утешила врачаха.

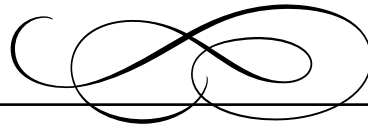
Когда придёт пора,
Не будут делать драму:
Невеста до утра
Не раз привыкнет к шраму.

Кто остановит взгляд
На этой бывшей ране?
Вниманье обратят
На пляже или в бане.

Да с правой стороны,
Как давняя наживка, –
Участникам войны
Понятная нашивка.

МОНЕТА

Нагибается скорей,
Как всегда, стеснённый сметой,
За оброненной своей
И не лишнею монетой.

На последнем рубеже,
Сверстников опережая,
Нагибается уже
Даже если и чужая.

СИМКА

Когда мы с Симкой шли куда-то вместе,
Он вечно на два шага впереди, –
Как будто ждал какой-то важной вести,
Или моторчик пел в его груди.

Я говорил: – Ты почему не рядом?
И что тебя за странный зуд берёт?..
Он взглядывал слегка смущённым взглядом
И снова на два корпуса вперёд.

Вот так мы дружно двигались на пару
У нашей общей жизни на виду.
А нынче по тому же тротуару
Я в полном одиночестве иду.

* * *

С махоркою расстался я давно,
Лишь перестал вдыхать армейский воздух.
К другому приобщился заодно –
Жёг в три затяжки папироску-гвоздик.

А в стороне, на каждом пяточке,
Полно повсюду девочек хвалёных,
У каждой в миловидном кулачке
Имелась струйка семечек калёных.

* * *

Все эти скромные ласки,
Робко дозволенный шмон,
Эти резинки, подвязки
Из предвоенных времён.

Вся эта девичья упряжь!
... Позже, пока не заснёшь,
Щёчки старательно пудришь,
Губки помадой мазнёшь.

В КОММУНАЛКЕ

В течение часа многократно,
Чтоб ублажить своих гостей,
Моталась в кухню и обратно,
Почти не слыша новостей.

Тащила блюда и кастрюли –
Был этот пыл необходим!
Уже темнели окна в тюле,
И тяжелел табачный дым...

Спешила в праздники и в будни,
Сквозь всю сумятицу и вздор,
Из тёплой комнаты до кухни
Через холодный коридор.

Плывут, ни шатки и ни валки,
Воспоминанья той поры –
Непобедимой коммуналки
Непревзойдённые пиры.

ГРОЗА

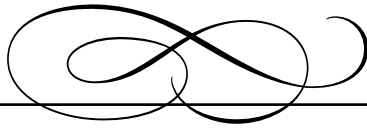
Я ещё собирался куда-то,
Краем глаза косил за окно.
В небе туча клубилась кудлато,
А я зонтик искал заодно.

Но ударило и ослепило, –
А я что-то ещё напевал, –
И меня обожгла эта сила,
К удивлению, не наповал.

И опять пахнет свежеею травкой.
Снова в комнате стало светло.
Вот и липа зеленою тряпкой
Вытирает снаружи стекло.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ БОЛЬНИЦА

Тесть был врачом, мы жили при больнице,
И всё ж занятия не было пустей,
Чем ужасаться длиной веренице
В больницу доставляемых детей.

Мы жили в положении открытом,
 Что нам опасным кажется теперь:
 Со скарлатиной или с дифтеритом
 Ломились по ошибке в нашу дверь.

Мы жили как, по сути, при обстреле
 И всё же без особой суеты.
 А за окном на клумбочках пестрели
 Неяркие больничные цветы.

Дела житейским не было предела,
 А товарняк вблизи гудел, как лось.
 И маленькая дочь не заболела,
 И всё по сути дела обошлось.

Ирина ВАСИЛЬКОВА

Москва

* * *

Кустится крапива,
 и птаха невзрачная свищет.
 Душа терпелива
 и маленьких радостей ищет

в отсутствие прочих,
 в неважные смыслы вникая.
 Ну, разве что к ночи
 накатит тоска городская.

В герметике сада –
 свои потаенные лазы,
 и помнить не надо,
 какие на свете алмазы

сияли мне прежде,
 поскольку отчетливо знаю –
 из атомов тех же
 составлена сажа печная.

А в полночь в лицо
 брызжет небо, что пена морская,
 как шелк сквозь кольцо,
 синий свет сквозь меня пропуская,

и выучкой сольной
 грозит педагог терпеливый
 душе подневольной,
 безвольной, привольной, счастливой.

* * *

Что делать? Разбить стекло и плыть, плыть
 по пустому небу, южному ветру и,
 может быть,
 достичь не херувимских стран – а себя
 самой.
 (Я оставлю тебе телефон стекольщика,
 милый мой.)

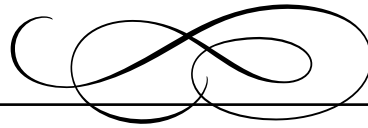
Сквозь новую жизнь разглядишь
 в бронированное окно –
 свивают Парки облачное волокно,
 в нем гуляет эхо, живой огонь, что давно
 погас, –
 я теперь идеальный газ.

Я теперь идеальный образ (можно как файл
 хранить,
 в корзину выбросить, кодировку переменить,
 вытащить на рабочий стол или совсем
 стереть) –
 и уже не боюсь стареть.

Но, растворившись в небе – в физических
 формулах – или в Сети,
 так и буду плутать, не зная конца пути,
 пока не пойму, что увидел во мне Другой.
 (Ты вызовешь, наконец, стекольщика,
 дорогой?)

* * *

О свете закатном, о небе большом, о жизни
 у самого края –
 как в черную заводь входить нагишом,
 в запретные игры играя.
 Кувшиночьи стебли, цепляясь к ногам,
 шнуруют слоистые воды...
 Я даже любимым своим не отдам привольно
 текущей свободы.

На теплом холме – зацветающий сад и
графского дома колонны,
но жарко ключи ледяные кипят, лаская
холодное лоно.
Камыш разливается по берегам, звезда
обжигает живая,
но крепнет вдали жизнерадостный гам,
петардами тишь прошивая.
К катарсису клонит лягушечий хор, свистит
филомела в малине,
и бедную свадьбу снимает в упор какой-то
залетный Феллини.
Сегодня суббота – гуляет народ, в питье
проявляя сноровку.
Невеста стоит у заветных ворот, уже
распуская шнуровку,
и счастье саднящим медовым комком в
гортани мешает дыханью.
Когда это было и где этот дом и черной
реки колыханье?
Жужжит и тревожит чужое кино про
дурочку в платьишке белом,
и рвутся петарды, а дальше – темно, и мгла
заросла чистотелом.

Дмитрий ВЕДЕНЯПИН

Москва

ДОСТОЕВСКИЙ

1.

Облако, прошитое пунктиром;
Черные отрезки в пустоте.
Тишина, влетевшая в квартиру
С непонятной вестью на хвосте.

На шкафу слоновий желтый бивень;
За окном висят наискосок
Шелестящий гоголевский ливень
И звенящий пушкинский снежок.

На столе двенадцать сшитых писем;
Вдалеке шершавый южный свет,
Лунный блик на черном кипарисе,
Виноградный белый парашют;

Звездопад, сиреневые горы,
За горами в тучах комаров
Деревенский домик за забором
Длинношеих солнечных шаров;

Рядом в бесконечно чутком мире
Суетится остренький Порфирий,
Свидригайлов к Дуне пристает,
А Ставрогин к Тихону идет,

По дороге превратясь в площадку
В камышах на берегу реки,
Где старик в вонючей плащ-палатке,
Замерев, глядит на поплавки.

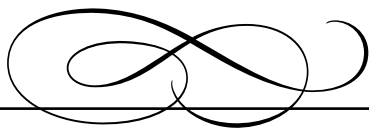
Клюнуло! Рыбак привстал, метнулся
И с разбегу к удочке прилип;
В тот же миг внучок его нагнулся
И сорвал отличный белый гриб.

Свидригайлов вовсе не для смеха
Заряжает скользкий револьвер.
«Барин, мол, в Америку уехал...»
«Аз», «Добро», но всех главнее «Хер».

Бабочка с хрустальным перезвоном
Чокается с лампочкой и пьет
Сумерки, как дачник чай с лимоном,
А Ставрогин все-таки идет

На чердак в соседи к пыльной швабре...
В дальней чаще полыхает скит.
Над столом на медном канделябре
Кроткая карамора сидит.

Облако, прошитое пунктиром.
Поплавок, кувшинка, стрекоза.
Тишина, влетевшая в квартиру.
Широко раскрытые глаза.

2.

Как кто убил?... Из книжки лился свет
Взамен того, убавленного на ночь
За шторами... И смех, и грех, и бред...
Вы и убили-с, Родион Романьч...

Переморгнешь – и на древесном срезе
Дрожат лучи,
Как в «Зеркале», где Бах и Перголези,
Блестят ключи
В руке того, который (верь, не верь) –
Кому? когда? за что? – никто не знает –
Поставлен отпирать – и отпирает (!?)
Тугую дверь.

МАРК ШАГАЛ

В прохладном центре белого пятна
Отчаянье, надежда, тишина, –
Такая «неслучайная» развеска.
Спасибо, а теперь смотри: она
И ты, и вы сидите у окна –
Темнеет лес, белеет занавеска.

Сэда ВЕРМИШЕВА

Москва-Ереван

* * *

Распался век.
Гранатовую кровью
Течет его громада
Руслом рек.
Он был моей надеждой
И любовью...

Моей судьбой.

Прощай,
Двадцатый век!..

А двадцать первый –
Не моя забота, –
Иные семена здесь всходят
И цветут...

Им всем пути
Прочертит в мире
Кто-то...

Но для меня там места
Не найдут.

И где оно –
Навряд ли я узнаю...

И что есть дух,
И что есть глина лишь?..

И я в догадках голову ломаю...

А мне в ответ ухмылки
Или тишь...

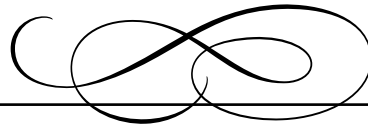
* * *

Я лягу под телегу,
Усну на голом льду
Под ветошью.
По снегу
Во сне домой уйду.
Хоть не было мне дома
Нигде и никогда...

Шуршит с боков
Солома.
Вот-вот сойдет
Звезда.

И тихо, и тревожно
В моей степной
Глуши...

И всё уже возможно
Для странницы
Души...

* * *

Предчувствие,
Как острая стрела
Меня порою до кости
Пронзает.

Я этой ночью вовсе не спала,
А сон придет – и вновь с ресниц
Слетает.

Мне виделось,
Что рушится страна,
Что с молотка ушли миры
И люди...

Какого же, скажите мне, рожна
Живете вы,
Как древний Рим,
Во блуде?..

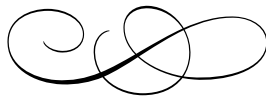
Идут века...

Вы в непробудном сне.

Земля – звезда.

Она сойдет и канет...

Все это виделось
Сегодня ночью мне,
А чай остыл,
Замерз в моем
Стакане...

ПАМЯТИ

Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО

(1933 – 2010)

Валерий ДУДАРЕВ
Москва

Судьбы «Юности», где я сейчас работаю главным редактором, и Вознесенского не просто связаны – переплетены! Великий поэт сам когда-то ярко и стремительно ворвался к читателю со страниц журнала и буквально до последних минут принимал участие в работе нашего издания, пестовал молодых, был членом редакционного совета «Юности», на страницах журнала периодически появлялись его новые стихи.

Андрей Андреевич готовил последние произведения для юбилейного номера «Юности» и для «Дня поэзии – 2010», но судьба распорядилась иначе...

Стихи, которые перед тобой, уважаемый читатель, мы отобрали вместе с Зоей Борисовной через три месяца после ухода Андрея Андреевича.

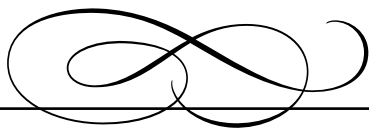
Поэзия Вознесенского дика, сочна, порывиста и обновляема природными циклами – воистину «как одуванчик у забора и лебеда. Она замешана на российской горько-сладкой земле, по которой брела есенинская выть – суглинок ли, чернозем ли, песчаник! Замешана крепко и навсегда, непролазно и до разбойного безразмерного пляса и свиста, с надеждой на авось.

Поэзия – это и есть дураки и дороги, а еще тихое обращение к Господу, когда мочи нет, когда уже не на грани, но за гранью...

Спасибо Вам, Андрей Андреевич, за Дар Ваш особенный, за поэзию Вашу, за доброту, за напутствие...

Говорят, Господь забирает лучших, но на земле русская поэзия осиротела!

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Москва

БЛАГОДАРСТВИЕ

Постамент – Рейхстаг.

Мать его растак!

Стяг пронес рядовой Кантария.

Мы сменили стяг. Это нам пустяк.

Но душа – навек благодарная.

Благодарствую, русский мой народ.

Я за то тебя благодарствую,

Что твой принцип делать наоборот

Не усек урод государственный.

Раза три приходилось меня спасать –

Времена для нас были трудные.

Но тебе спасать было, как посрать –

Вещь интимная, неприлюдная.

Благодарен Тебе – твой неясный след

Точно раннее рандеву.

Рандевушки нет, но рандевушки свет

Отпечатался наяву

Я студентов благодарствую

постгодаровских и т.п.

В свете творческих их катарсисов

Ты в веночке из трав лекарственных –

Жив я благодаря Тебе.

ДОМ С РУЧКОЙ

Как живетесь вам, мышка-норушка?

С наружной лестницей дом

Походит на кофейную кружку,

Перевернутую вверх дном.

Каждый день в этой ручке волшебной

Я спускаюсь ступеньками в сад,

Где подтеками божьего щепня

Вековые березы висят.

Гость, пройдя

Освещенную ручку,

Пробежит сквозь цветной

плексиглас.

Он и время становятся

лучше,

Чем сейчас.

Начинающая архитектор,

Спроектировав этот дом,

Начинила мигающим спектром

Интерьер его. И кругом

Перерывчатым частым дыханьем

Дышит дом, дышит дом, дышит дом.

В нем мы трудимся,

отдыхаем,

А бывает, баклуши бьем.

Это же просто невыносимо

Улетать в иные края!

Дышат легкие

выносные

Или трубка дыхательная.

Здесь мы жили глухие к наживе,

Обожали «морепродукт»,

Пусть беспамятно ноги чужие

По ступенькам нашим пройдут.

Пусть прослушка и наружка

Постепенно с ума сойдут:

«Почему она светится, ручка?

И куда те ступеньки ведут?»

СКАНДАЛ

1.

Большая жизнь столкнулась с малой,

В больнице, в коей я бывал,

Развязывался экстремальный

скандал.

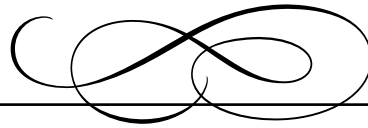
Студентка русской философии

длинноволосая Дадила,

одутловато-малосольная,

свою соперницу давила.

Соперница казалась старше
и опытней в подобных битвах,
и странно, что при этом стаже
дрожали губы, как оббитые.

И красные ее сандалии
(свидетельство об упаковке)
пунктиром крови и так далее
впондан горящему сандауну
бежали до ее парковки.

И в этом обоюдном вое,
друг другу нервы перепортив,
они забыли о герое,
что был в палате – дверь напротив.

Он сдал всю жизнь для этой малости,
весь пепел славы – что ж ошибка?
«Вы выглядите как мальва,
Увядающая».
«Ах ты, паршивка!».

Как будто
крохотное эго,
Сверкнуло
пионерским
горном,
Как будто
комнатное эго
от проповеди
Нагорной.

2.

В другую даль
без аллегорий,
в другое горе
и в укору.
Не надо поднимать
дреколя,
не понимая
про другое.

Сперва он озирался дико,
не мог пошевелить рукою,
как дети странные – индиго,
нацеленные на другое.

Лежало смолкнувшее тело,
забыв про срамы и про совесть.
Оно вернуться не хотело,
К другой материи готовясь.

В наркологическом накале
дворцы обертывались хижинами
и речь, скандальная и наглая,
казалась жальче и униженной.
А мы похлеще
засаңдалим!

И за окном, под снегом дряблым,
ель, озаренная скандалом,
высвечивалась канделябром.

Шел из лягушек дождь контрастный.
Жарища – как в Нахичевани.
Обе печалились о нравственности.
В них нравственность не ночевала.

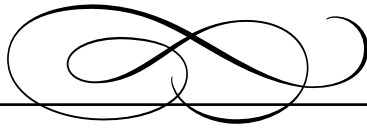
И только крохотное эго
для ясности в каком-то плане,
как будто рухнувшее эго
надежды и разочарования.

И окончательно позорны
все пораженья и победы.
И вертикальные озера
крутились, как велосипеды.

А вам кто больше, дорогая –
Стихия памяти иль малость,
Что с вами вместе догорала?
Иль зорькой только занималась?

3.

Про спор соперниц он не слышал,
Разборку пропустил такую.
Он просто незаметно вышел
Из этой комнаты –
в другую.

Владимир ВОЛКОВЕЦ

Советский

НА ОБИ

Ивняк узловат и кустист
На гривах осенне-пунцовых.
Качает нас Обь, и грустит
Старик о былинных уловах.

Моторка пытит кое-как,
Волной раздвигая протоки.
Когда ни стерлядки в сетях,
Тогда и душе не до водки.

И клонится солнце ко сну.
Дымят макароны по-флотски.
Старик потянулся к костру.
Ладони сквозящи, как доски.

Река его – память-транзит,
То в бликах, то в яром тумане,
То брата во тьме отразит,
То друга, утопивших по пьяни.

Вращается звездная ночь.
Блестит чешуей по стакану.
И гонит бессонную мощь
Меж судеб людских к океану.

* * *

Еще вездесущие настороже
Спираль паучьих сетей.
А с прельми, яркие листья уже
На шляпах молочных груздей.

Все суетно-сутолочное отбрось!
Лес более дух, а не плоть.
И в горсть уместилась
рябинная гроздь,
А кисть костяники – в щепоть.

Любви и доверья,
будь нем, но не слеп,
От нас ждет народец лесной.

А древние страхи,
ступая след в след,
Пришли, озираясь, с тобой.

ЧЕРНО-БЕЛОЕ

Дома без крыш и улица без края.
Туман, съедая залежалый снег,
Уходит, беспощадно выставляя
Житейский хлам на обозрение всех.

Окраина непроходимей свалки.
Перелопачен воздух вороньём.
И выполз товарняк из перепалки
С тянуче перепончатым мостом.

Среди невыразительных оттенков,
Где вперемешку серое с сырым,
Синицы на черемухе оттенкав,
Спорхнули в параллельные дворы.

Едва исчезли тени и контрасты
Кажусь себе не хуже, чем я есть.
Давно твои усмешки и остратки
Желание отбили в душу лезть.

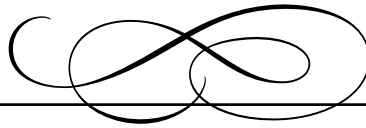
Вошла и с невеселого пальтишка
Рассеяла стеклянную пыльцу.
И я уже готов сказать почти что:
Тебе туман и оттепель к лицу.

И потому испытывают зависть
К тебе не только дождь и небеса.
Иначе, почему вдруг оказались
На мокром месте серые глаза.

* * *

Из бодрого хвойника vybrели
На сохлый и рыжий пустырь,
Где люди машинами vybrили
За месяц столетнюю ширь.

И в тихости марева тусклого,
Прикрывшего мертвую плоть,

Казалось, незримо присутствовал,
Стоял между нами Господь.

Когда обходили подавленно
В завалах опавшую высь,
Казалось, нас Он останавливал
У вывернутых корневищ.

У кедра беспомощно голого,
С пронзительным сколом ствола,
Ушел, опечален, но боль его
Теперь уже нашей была.

Сергей ВОРОНОВ

Санкт-Петербург

* * *

Что человеку мраморные львы,
Граниты набережных и витые решёток?
Что человеку в этой пышной форме
Найти для сердца?
Камень мертв.
Мертвы
Закованные в бронзу изваянья.

И лучше бы лишился город наш
Приставки «Санкт» – и стал на самом деле
Именоваться городом Петра –
Властителя трагической России.

Какая святость в наши времена?

ПИСЬМО

Но что-то в нём такое было
Внезапно жёсткое, что мне
Не объяснить, какая сила
В его таилась глубине.

Как будто желчность и обида,
Высокомерие и страх.

И пара добрых строк для вида
Мелькнули робко на листах.

И проступил в словесной пене
В конце концов и до конца
Ряд не волшебных изменений
Когда-то милого лица.

И оказалось, что не шутки
Среди житейской мишуры
И временные промежутки,
И параллельные миры.

Летят воздушные шары
Моих слепых воспоминаний
О граде Киеве, о Тане –
Делах совсем иной поры...

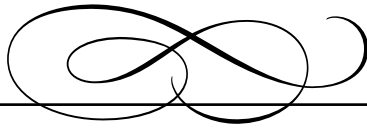
* * *

Когда уехал муж на дачу,
Жена вздыхает: не заплачу,
Хоть остаюсь теперь одна.
Она садится у окна,
Уже отсчитывая сдачу,
Что возвратит ему сполна.

Пока он ночью ловит рыбку,
Она, лукаво скрыв улыбку,
Спешит к весёлому дружку.
Ах, рыльце у неё в пушку!
Но не считает за ошибку
Уступку лёгкому грешку.

Но вот щебечут утром птицы
И, разлепив свои ресницы,
Она торопится: пора,
Сегодня – вовсе не вчера!
И нет смиренней голубицы,
Чем наша фурия. Ура!

Когда жена – одна отрада,
То мужу большего не надо.
Он возвращается домой
К её любезности самой.
В семье, не знающей разлада,
Царят взаимность и покой.

Наталья ГАЛКИНА

Санкт-Петербург

ГУМИЛЕВ В ТЕРИОКАХ

1. Детали романа

Превозмогая косность строфики влеченья
и самообмана,
гуляют северные тропики прибрежной
полосой романа.
Ветвями обрамлен и купами вне суеты
и вне мороки,
собор кронштадтский с круглым куполом
с залива видят Териоки.

Театр уж полон, вечер близится,
с ним пешеходы и пройдохи;
утомлено и солнце кризисом сознания,
жанра и эпохи.
И чей-то сон, что нынче тесен нам
и истреблен на полустоне,
бредет по этажам и лесенкам волшебной
Виллою Лепони.

В тени ключицы и уключины, потерян
ключ, полны ресницы
букетами полуключими из финских роз
и медуницы.
И от обеда и до ужина, влюблен в актерку
Кавальканти,
не помнит ресторан «Жемчужина»
о жемчугах и о Леванте.

Вздых моря слышится за дюнами,
в ночи постскрипtum половицы;
все воплотится, что задумано, а вещный
мир развеществится.
Прибрежных сосен истуканами
дом обведен, хоть строй и редок,
и синевою остаканены все натюрморты
напоследок.

Корабль шекспировский причаливал
и удалялся от причала,
а платье темное прощальное она еще
не надевала.

Контрабандист казненный хаживал
по досочкам с кормы до юта,
и всем бессонницу отваживал известный
доктор Дапертутто.

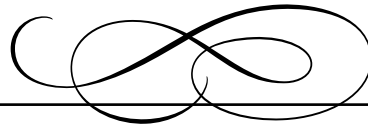
Но были странны в этом странствии
для Оллинпя и для Ино
две интермедии Сервантеса и сводничества
Арлекина,
что все про свадьбу, свадьбу спрашивал,
а наш герой смотрел с охотой,
как ветер волны разукрашивал цветущих
сосен позолотой.

2. На Вилле Лепони

Где говорят на одном языке вышина
с быстриную,
девушка стала поэту тайной женою.
Пересыпать прибрежный песок, горсти всей
горстью.
В доме Эшеров слушали стены гостя
и гостью,
ветер играл в дом-лабиринт, сквозняки,
точно дети,
по коридорам и лестницам, в мансарде,
зале и клети
в жмурки играли, в прятки, неуловиты.
Дружили осока, сирень и шиповник
с коробочкой грима.
А дом играл в шарабан, где бродячие
комедианты
роли зубрили, спали, играли в фанты.
Снились поэту: капкан, палач, лавра и Троя;
а девушке: колыбель да луг над рекою.
Сизигийным приливом дышал залив,
зеленью – птичья агора,
а из Кронштадта был слышен звон
Андреевского собора.

9. Открытка

Не узнаю вас с давних пор.
Мы с вами зиму разбудили?
Ни Казимир, ни Теодор,
ни Карл о вас не говорили.

Не поднимая головы, –
 вот и глаза не помню эти, –
 летели в хороводе вы
 в прозрачном фокинском балете.
 Наш санный конь узду изгрыз,
 и плыл со мною в хлопьях снега
 оживший Рериха эскиз,
 испанка из Лопе де Вега.
 Какому образу верна?
 Закинувшая руки ива,
 песчинка, ракушка, волна
 ночного дюнного залива.
 Жемчужинка была в руке,
 да потерялось диво где-то, –
 у дачи Мюзера? В песке
 у ног ночного парашюта?
 К метаморфозам я готов,
 не съестся жена из нежных
 в разоре будущих годов
 станиц и станций незалежных,
 ни в переулке у моста,
 ни у шального поворота
 неузнаваемая та
 с растаявшего ночью фото,
 легко уплывшая из рук...
 И виду не подам, не выдам...
 Найдет в вещах твоих наш внук
 мою открытку с Порт-Саидом.

Галина ГАМПЕР

Санкт-Петербург

* * *

Когда я вижу – рушатся дома,
 И фоторобот, то есть автор взрыва,
 (Каков филологический изыск?)
 Глядит в меня сквозь все телеэкраны,
 Твержу я:
 Соломон построил Храм,
 Храм в шестьдесят локтей длиною
 И сорок вышиной...

Когда я вижу то, что означают
 (Господь не приведи)
 Фрагменты тел,
 Твержу я:
 Соломон построил Храм
 И изнутри обшил кедровым тесом,
 И кипарисом выложил полы,
 И вырезал на дереве узоры –
 Подобье огуречных завитков
 И распустившихся цветов и пальм
 И в центре поместил Ковчег Завета,
 А по краям его два херувима –
 Четыре распростертые крыла ...
 И снова вижу и опять твержу
 Про то, что Соломон построил Храм
 В году четыреста восьмидесятом
 Со времени исхода из Египта...
 Твержу в бессилье и оцепененье:
 Владыка невозможного,
 Господь.

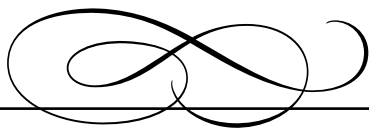
* * *

Русь златоглава, ярмарочна Русь.
 Плывет сквозь синеву хрустальный гусь.
 Цветут купчихи, как луга в июле.
 Кустодиевский праздник бытия,
 Бубенчатая родина моя.
 Как вовремя, как славно мы уснули.
 Смерть обхитрив, мы спим в тени дерев.
 Пятью перстами блюдец подперев,
 Разгорячась у злата самовара.
 Наш сон, как терем, светел и высок.
 Все беды, как вода, ушли в песок,
 Мы спим – и нет таинственнее дара.

* * *

Владимиру Палатникову

Двойник покойного мне вдруг нанес визит,
 Двойник давно покойного, как странно...
 Знак водяной на этом дне сквозит
 Так явственно, что не было обмана.
 В тот день еще черемуха цвела
 И стекла дребезжали – так сквозило.

Опешив, я с ним долго чай пила
И ни о чем таком не расспросила,
А думала, что он еще красив,
Что для него теперь уже стара я,
И подливала, подливала чая,
Себя обрядом жизни оградив.

Было яблоко, вырос, я и не заметила, сад,
И зацвел, и отцвел...
Я очнулась, пройдя переплавку.
Кисти мою и краски ишу, возвращаюсь
назад,
Ставлю яблоко. Так. И на яблоко делаю
ставку.

ПАМЯТИ ОТЦА

Как одинок убитый человек.
Ольга Берггольц

«Как одинок убитый человек».
Как будто бы в поддых пронзает строчка.
И плачу, я, седеющая дочка,
За много лет впервые. Тот же снег
С дождем наполовину, в общем, слякоть,
Как в тот октябрь – по взгорьям, долам, рвам...
Спасибо, Ольга Федоровна, Вам,
Что наконец-то помогли заплакать.
Спасибо... вдруг как вспышка – ведь бывало,
Прильнув, к бабуле плачущей своей:
«Не плачь, не надо», – я твердила ей.
«Поплакать хорошо...» – она шептала.
Мне странно было, я не понимала,
и все отвлечь пыталась поскорей.
Как страшно одинок тот переход,
Когда и стоном не обозначишь где ты.
И речка Сож, нащупав волны Леты,
С рук на руки тебя передает.

НАТЮРМОРТ

Одинокое яблоко, фон в амбразуре окна –
Грязноснежный, глухой, жестяное дворовое
донце.
Приближенье Адама, рывок, натянулась
блесна,
Под условной чертой горизонта
затеплилось солнце.
Ожиданье, начало, высоко натянутый трос...
Ожиданье. Лишь им и держусь наплаву
да на взлете,
Напряженьем его – в амплитуде от смеха
до слез –
На предельной ликующей или отчаянной
ноте.

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

Москва

* * *

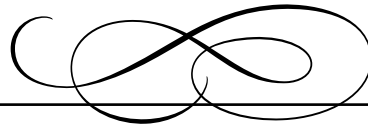
Очкарику наконец
овчарку дарит отец.
На радостях двух слов
связать не может малец.

После дождя в четверг
бредешь наобум, скорбя.
«Молодой, – кричат, – человек!»
Не рыпайся – не тебя.

Почему они оба – я?
Что общего с мужиком,
кривым от житья-бытья,
у мальчика со щенком?

Где ты был? Куда ты попал?
Так и в книжке Дефо
попугай-трепло лопотал –
только-то и всего.

И по улице-мостовой,
как во сне, подходит трамвай.
Толчея, фонарь на столбе.
«Негодяй, – бубнят, – негодяй!»
Не верти, давай, головой –
это, может быть, не тебе.

ГОЛЛИВУД

Федеральный агент не у дел и с похмелья
узнаёт о киднепинге по CNN.
Кольт – на задницу, по боку зелье –
это почерк NN!

Дальше – больше опасных вопросов.
Городской сумасшедший сболтнул, где зарыт
неучтённый вагон ядовитых отбросов.
«Dad!» – взывает девчужка навзрыд.

В свой черёд с белозубою шуткой
негр-напарник приходит на помощь вдвоём
с пострадавшей за правду одной
проституткой –
и спасён водоём.

А к экрану спиной пожилой господин
весь упрёк и уныние моет посуду
(есть горазды мы все, а как мыть – я один) –
и следы одичания видит повсюду.

Прикрываясь ребёнком, чиновная мразь
к вертолёту спешит. Пробил час мордобоя.
Хрясь наотмашь раскатисто, хрясь!
И под занавес краля целует героя.

И клеёнчатый фартук снимает эстет.
С перекурами к титрам домыта посуда.
Сказка – ложь, но душа, уповая на чудо,
лабиринтом бредёт, как в бреду Голливуда,
окликающая потёмки растерянно: «Dad?!»

* * *

В чёрном теле лирику держал,
Споров о высоком приобщился,
Но на кофе, чтобы не сбежал,
Исподволь косился.
Всё вокруг да около небес –
Райской спевки или вечной ночи.
Отсебятина, короче,
С сахаром и без.

Доходи на медленном огне
Под метафизические враки.
К мраку привыкай и тишине,
Обживайся в тишине и мраке.
Пузыри задумчиво пускай,
Помаленьку собираясь с духом,
Разом перелиться через край –
В лирику, по слухам.

* * *

А самое-самое: дом за углом,
смерть в Вязьме, кривую луну под веслом,
вокзальные бредни прощанья –
присвоит минута молчанья.

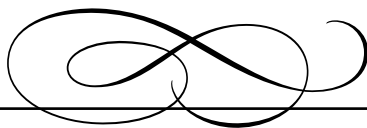
Так русский мужчина несёт до конца,
срамя или славя всесветно,
фамилию рода и имя отца –
а мать исчезает бесследно...

* * *

У Гоши? Нет. На Автозаводской?
Исключено. Скорей всего, у Кацов.
И виделась-то три-четыре раза.
Нос башмачком, зелёные глаза,
а главное – летящая походка,
такой ни у кого, ни до, ни после.
Но имени-то не могло не быть!

Ещё врала напропалую:
чего-то там ей Бродский посвятил,
или Париж небрежно поминала –
одумайся, какой-такой Париж!?
Вдруг вызвалась «свой способ» показать –
от неожиданности я едва не прыснул.
Показывала долго, неумело
и, морщась, я ударами младых
и тощих чресел торопил развязку.

Сегодня, без пяти минут старик,
я не могу уснуть не вообще,
а от прилива скорби.
Вот и вспомнил –
чтоб с облегчением забыть уже
на веки вечные – Немесова. Наташа.

* * *

В коридоре больнички будто крик
истерички

В ширину раздаётся, в длину.
И косятся сестрички на шум электрички,
Пациенты теснятся к окну.

От бессонницы воображенье двоится –
То слоняешься по коридорам больницы,
То с тяжёлым баулом бегом
В хвостовой поспеваешь вагон.

Как взаправду, толпятся в проходе старухи,
Как живой, гитарист – трень да брень.
Наизусть сочиняй воровские кликухи
Станций и деревень.

Предугадывай с маниакальной заботой
Новобранца со стрижкой под ноль.
Пусть пройдёт вдоль вагона с жестокой
зевотой
Милицейский патруль.

И тогда заговорщицки щёлкнет по горлу
Забуддыга-сосед.
Память-падальщица, ишь ты, крылья
простёрла!
Вязкий ужас дорожных бесед.

Отсылающих снова к больничной курилке,
Где точь-в-точь просвещал человек.
Но по логике сна озираешься в ссылке –
То ли Вытегра, то ли Певек.

Так и травишь себя до рассвета,
Норовя, будто клеим шпана,
С содроганием химией, химией этой
Надышаться сполна.

* * *

Драли глотки за свободу слова –
Будто есть чего сказать.
Но сонета 66-го
Не переключать.

Чертежей моих не троньте –
Нехорош собой, сутул,
Господин из Пиндемонти
Одежку вешает на стул.

День-деньской он чёрт-те где слонялся
Вечно не у дел.
Спать охота – чтобы дуб склонялся,
Чтобы голос пел.

Анна ГЕДЫМИН

Москва

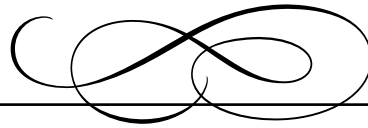
* * *

Новый год,
бенефис вечнозеленых растений.
Елка вырядилась,
как будто школьница во хмелю.
Я в эти сутки
шарахаюсь от собственной тени
И тебя
забыть уже не пытаюсь – люблю.

День прибавляется,
мы, наоборот, иссякаем,
Жизнь отнимается у нас
без следствия и суда.
Я гонюсь за тобой,
как Герда гналась за Каем.
(«Вам не холодно?» –
«Ах, помилуйте, как всегда».)

Спят пространства,
разлукой нашей казимы.
Спят меж нами
самолеты и провода.
(«Что вы думаете
про легендарные русские зимы?» –
«Ненавижу
эти чертовы холода».)

Так чего мы добились?
 Давай с тобой подытожим:
 Ты – как Этна в своих облаках –
 в посторонней увяз судьбе,
 Я – бреду в новый год
 («Вам не скучно?») с поздним прохожим
 И, коль плохо будет вести,
 расскажу ему о тебе.

Возвращайся!
 Я постараюсь
 возродиться к весне, как природа.
 Возвращайся!
 Я постараюсь
 сделать радостным наше житье.
 А иначе – уйди из памяти,
 чтоб не было нового года.
 И скорее, а то Куранты
 уже затевают свое.

* * *

Нет, не подвиг, а просто такая жизнь,
 Что осилит только герой.
 А собьешься чуть – хоть костями ложись,
 Не вернуться в избранный строй.
 Лишь душа заскулит – обреченный зверь,
 И в ответ иссякнет звезда.
 Что поделат, такая вот жизнь теперь.
 Что поделат, такая вот смерть теперь.
 Впрочем, так же было всегда.

* * *

Казалось, здесь каждый кустик знаком,
 Но стало смутно и странно,
 Когда овраг, словно молоком,
 Наполнился вдруг туманом.

И охнул закат, и прервался путь,
 И взгляд оценил глубины:
 Березы стоят в молоке по грудь,
 По шею стоят рябины.

И пес, будто зная, что жизнь одна,
 От дома, от спелых грядок
 Летит, чтобы вылакать все до дна –
 И счастье, и непорядок.

Александр ГЕРАСИМОВ

Москва

* * *

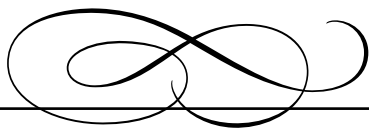
Вадим за школьным углом курил.
 Не что-то такое. Табак.
 А после шестого класса запил,
 А в двадцать – родного брата убил...
 И умер в тюрьме, дурак.
 Но я его помню: пацан-фингал
 Плюёт через щель в зубах.
 Он мучить кота шпане помогал,
 Директор школы его ругал,
 Но Вадя послал его нах.

Кота, говорят, нашла детвора
 Удавленным на струне,
 Несчастный на ветке висел дотемна,
 Ошкуренный, тощий... Звенела струна.
 А хвостик лежал в стороне...

И все объявили Вадиму бойкот,
 Был галстук с позором снят.
 Тогда пионерия – чести оплот –
 Была другою (как сам народ),
 Заветной мечтой октябрят.

И парень признал, что он – живодёр.
 Озлоблен стал, нелюдим.
 Совет дружины его припёр,
 Потом участковый (но тот хитёр
 Не меньше был, чем Вадим).

Его поставили на учёт.
 Психолог беседовал с ним.
 Среди хулиганов возрос почёт,
 Он стал агрессивней, наглей, чем чёрт;
 Досадовал, что не судим...

Я знаю правило: про таких,
Как водится, не поют.
Вадим был сыном годов лихих –
Буянил, но навсегда утих
И слёз по нему не льют.

Конечно, надо давить сволочей.
За правду, с пеной у рта,
Стоять перед линией палачей...
Мне жалко каждого, но жальчей
Повешенного кота...

* * *

Смотрит учительница на класс.
Сколько наивных глаз.
Мои – среди них, у нас в первый раз
Проходит урок... *Аз!*
Урок о мире, за мир, про мир.
Да что мы знали о нём?
Средь нас ни кумиров нет, ни проныр,
До *Буки* потом дойдём.
И *Веди* в *Люди* нас поведут.
И сделают хлеб трудом.
Оплако-оплаченным будет труд
И кровью, и потом. Потом.
А ныне собирается вещей Олег,
Хазарам не повезло...
Любой первоклашка – уже человек.
В ту пору – советский. *Зело*.
Ещё далеко «пионер – всем пример»,
Нет звёздочек октябрят.
Грядёт перестройка... *Еры* и *Ер*...
И будет *Ять* не объят.
Но я не ною, воспитан был:
Читал по слогам букварь,
Как мама раму, я руки мыл,
Долдонил, как пономарь,
Про дважды два и про Ижес ним:
Глаголь, *Добро* и *Земля*.
Страна Поэтов, как Древний Рим,
Заваливалась в полья.
И было дико: какой-то Ферт
Отправил к *Червям* Союз.
Живёте, Мыслёте, Покой – их нет,
Есть Слово и *Малый Юс*...

А все миллионы сограждан – вах! –
Как стаи пролётных птиц,
Галдели в испуганных облаках
И множили список столиц.
Из прописей истины в прах и пух,
На буквы, на атомов пыль
Разбиты-расклёваны. Порох – сух,
Он занялся, как ковыль...
Народам дали другой урок –
Войнушки, убийств, калаша...
Был плод от Древа надкусан в срок,
Но даже на нём – парша.
И стало важнее стрелять уметь,
Лопатой сапёрной рыть.
Молчат архангелы; значит – преть,
Пока не начнут трубить...
Ах, *Фита*-Финита козлячий мотив,
Комедия, фарс и фест.
Под гипсовой маской всегда негатив,
За *Ижицей* – только крест...

* * *

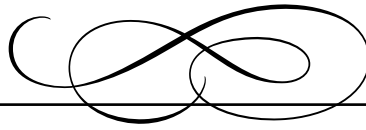
А жизнь – ненадолго. И песенка спета.
Вот кончится лето, а следом – она.
И будет, куражиться третья планета –
Кружить по орбите среди мёртвых одна.

Всё те же возникнут рассветы-закаты,
Грибные дожди и грибы после них.
И снова в атаку повалят солдаты,
Чтоб вновь повалиться на передовых.

Ничто здесь не ново и не обновится:
Жара и морозы, а в небе – луна.
И так же не вздёрнется тот, кто топиться
Пойдёт за компанию в День Нептуна.

А может, Нептуна... Не важно, не важно!
Здесь есть колея: от сумы до тюрьмы...
А мимо, по кочкам, шагают отважно
Немногие те, что упрямо прямы –

Умом огорчённые... Это – трясина!
И если б ни клюква горошками бус,
То было бы лучше облить керосином
И спичкою чиркнуть... Такой вот искус.

* * *

Сюжет уместился в черту меж дат.
Коротенький был сюжет:
Сначала – школьник, потом – солдат.
Обоих на свете нет.

И тот, и другой, выходя за порог,
Рукою махали: «Пока!
До скорого!» Но всё равно итог –
Суглинок и облака...

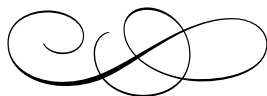
С землёю ясно: в её состав
Уходим, свершив труды.
А вот про душу букварь и устав
Как в рот набрали воды.

Так значит, требы свои умерь,
Но впредь живи, не горюй.
Ведь, если хочешь – молись и верь;
Не хочешь – октись и плюнь.

Приспееет время, всему свой срок,
Наступит и твой черёд:
Услышишь свой самый последний звонок,
Как колокол (Хэм не врёт).

Окончишь четверть, семестр, год.
Как по колее вековой –
Безусый взводный, сырой окоп,
Ранение в штыковой.

И новый мальчик пройдёт, как ты,
От школьной линейки до
Еле зримой – своей! – черты
Рубца между дат: «Итого»...

Виктор ГОЛКОВ

Израиль, Тель-Авив

* * *

В этом тихом движении вбок
мое место на самом краю,
чтоб начищенный чей-то сапог
не споткнулся о душу мою.

Но скрипят и скрипят сапоги,
длится ночи глухая возня,
потому что не видно ни зги
и на шаг от тебя и меня.

Вот я предал, и стало легко,
и чужая земля под ногой.
Это где-то во мне, глубоко,
тяжело шевельнулся другой.

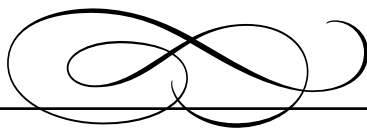
* * *

Оскалило время клыки
с коричнево-желтым налетом.
Над пропастью и над болотом
машин раздаются гудки.

И бельма уставив во тьму,
слепцы собираются в стадо,
и пена незрячего взгляда
ползет по лицу моему.

Задвигались: гомон и крик,
я чувствую тел колыханье,
горячее слышу дыханье –
мужчина, ребенок, старик.

Как будто другой Моисей
связал их веревкой свободы.
Как плевел, изъят из народа,
один я средь Родины Всея.

ВОЙНА

Вот лицо, облепленное мухами,
на экране – мелкий штрих войны.
Обросла чудовищными слухами,
и они поистине верны.

Где-то там, за чёрными болотами,
расстелила густо-синий чад.
И всюю стрекочет пулемётами
в час, когда кузнечики молчат.

* * *

Нас крестила перестройка люто,
погружая каждого во тьму,
и осколки страшного салюта
догоняли всех по одному.

И острее запаха помойки,
нищеты, что над землёй летел,
был угрюмый воздух перестройки,
сладкий дух непогребённых тел.

А свободы едкая отравка
всё мутила головы, как хмель,
и лежала мёртвая держава,
как в прорехах грязная постель.

* * *

Убывают чувства понемногу,
превращаясь в жалкое рваньё.
Только страхи возвращают к Богу,
по ночам вопя, как вороньё.

Это правда: я устал бояться,
по привычке жизнью дорожить.
Если страхи в сердце не роятся,
смысл теряет ощущение «жить».

Может лучше в зыбкости рассветной
из вагона в блёстках конфетти
безбагажно, тихо, безбилетно
на последней станции сойти?

Михаил ГОЛОВЕНЧИЦ

Санкт-Петербург

ОПЕРАТОР

*Григорию Гельфенштейну,
сорвавшему в сентябре 1941 г.
вражеский налет на
артиллерию Кронштадта*

Юнкерсы. Две сотни. Даже с лишком.
Как велик он – движущийся ряд.
Девятнадцать лет. Почти мальчишка
Защищает город Ленинград.

На дежурстве нынче он недаром,
Здесь война. Не игры. Не кино.
Этим утром со своим радаром
Он как будто целое одно.

Не забудет Гриша эту пату,
Этот кровью окрещенный год –
Все ж успел он передать Кронштадту:
“Приготовьтесь отразить налет!”

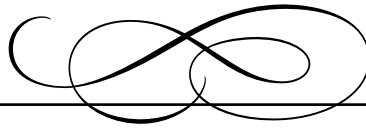
И дымилось огненное небо,
Но Победа виделась вдали.
Сытые солдаты фон Лееба
Б Ленинград голодный не вошли.

Преградил им к Питеру дорогу
За крутую пулковской горой
Тот, кому и было лет немного,
Пусть не бог, не кесарь. Но герой.

* * *

Не хватает Питеру Гавроша,
Верно в дни ненастья и беды
Ветреная, стылая пороша
Замела мальчишечьи следы.

Светлоглазый, смуглый или рыжий.
Он любой был нужен и хорош,
Ничего, что это не в Париже,
Был и в Ленинграде свой Гаврош.

Может, он с трамвая спрыгнул где-то,
Иль в блокаде сгинул в дни войны,
И не видит он, – у Интернета
Протирают сверстники штаны.

От усердья лезут вон из кожи,
Не дрожит над принтером рука,
Иль колотят на “Петровском” рожи
Преданным фанатам “Спартак”.

А волна о невский берег бьется,
В иномарках катит молодежь.
...Только может все-таки вернуться
И согреет город свой Гаврош.

* * *

Мне б на Зорьке прокатиться снова
По былой мальчишеской прямой.
Вот была б малина, право слово –
Ягода малина, боже мой.

До чего шустра была лошадка
В деревенском памятном году,
А теперь ни валко и ни шатко
Я пешком по городу иду.

На такси, понятно, денег нету,
Да на черта мне оно, такси.
И к тому же звонкую монету
Хоть у власти нынешней проси.

Да и много ли возьмешь у власти
В наши неприветные года,
Скажут: “Эй, назад в автобус влазьте,
Вы зачем приехали сюда?”

И назад я побреду устало
К девятиэтажке домой.

Ведь не бегать, а ходить пристало
Не спеша, на финишной прямой...

ОТШЕЛЬНИКИ

Отшельники. Храним их меты
В себе мы многие года.
Как много тайн скрывает Лета,
Ее туманная вода.

И в пору грусти иль веселья
И светлой радости иль тьмы
У нас свои земные кельи,
Точнее – это сами мы.

Но в дни и счастья и несчастья,
В часы находок иль потерь
Рукою дрогнувшей нечасто
Мы отворяем в келью дверь.

И, с жизнью в схватке
рукопашной,
Проходим свой привычный путь,
А, если честно – все же страшно
В себя бывает заглянуть.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

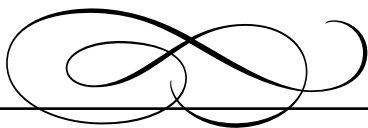
Санкт-Петербург

* * *

Живя продольно и отвесно,
с пером иль рюмкою в руке,
я не старался быть известным,
держа удачу на крючке.

До дней последних от начала,
шуруша мозгой или плечом,
все без надрыва получалось,
и я тут вовсе не при чём.

Ступая жизненной тропой,
подогревая сердца пыл,
я не старался быть собою, –
я им всегда и всюду был!

ОДНАЖДЫ

Всё на свете стареет:
деревья, слоны, человеки...
Всё на свете сереет,
тускнеет и гаснет навеки.

Все на свете чудесно:
машины, молитвы, вулканы,
От вершины до бездны
все дары – богоданны!

Воединожды каждый –
от ковчега до Рима...
Всё на свете – однажды,
то есть – неповторимо.

ПОРТРЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Молодые художники... Выставка.
Реалисты, абстрактники, сюрре...
Размазня и портретные выстрелы!
И одетые в бредни фигуры.

А художники – юные скромники,
будоражит их души желание:
из малюсеньких выйти в огромные,
даже через падёж и закляние.

Вдруг одна из работ навороченных
полоснула по сердцу неожиданно:
я увидел портрет... Одиночества,
словно в зеркале бездыханном.

* * *

Не बारे, не отребье,
не братья по перу, –
мои друзья – деревья
в чащобе и в бору.

Дубы, берёзы, сосны, –
привет вам, молчуны!
А люди сплошь несносны –
исчадья сатаны.

Убить и съесть способны,
нагадить – на Луне...
Деревья ж – бесподобны
и в беспробудном сне.

ЧЕРПАК

Из гущи жизни, из котла,
где смачно варево клокочет,
я зачерпну – и все дела,
и аромат едрён от строчек!

А что поделать? Я – черпак.
В котле не только ароматы,
но и смердища, гниль и смак,
крупинки жизни и громады.

Вспотел, извёлся, поседел,
я славлю век, что мне отпущен.
Не только черпать мой удел,
но и хлебнуть житейской гущи!

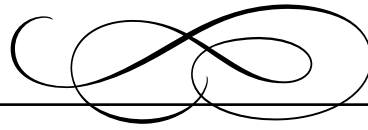
ПО ПРИЗЫВУ

Касаются блохи, коты и собаки,
кусаются дети, сосущие грудь,
кусаются цены, кусается всякий,
кто выбрал проломный, нацеленный путь.

Кусаются крысы, осенние мухи,
кусаются пуля убойным свинцом...
Однажды меня укусила старуха –
беззубая тля – ядовитым словцом.

Она обозвала меня тунеядцем:
“Все люди, как люди: стучат молотком,
копают лопатой, а вы, лихоманцы,
бумагу мараете тухлым стишком!”

Я взгляд от старухи отвел виновато,
я ей улыбнулся, стыдобой горя.
Старуха права... Но ведь даже в солдаты
идут по призыву... Как мы – в писаря.

ПОД РОЖДЕСТВО

Занесло пьянчужку снегом,
превратился бомж в сугроб.
А в сугробе – сон и нега
для мозгов и для утроб.

Нет, ему не снилось детство,
мать не грезилась ему
Бедолаге снилось средство,
что с мозгов – сгоняет тьму.

А когда окреп с затылка
и проснулся – глядь, в руке
непочатая бутылка
и... сарделька на пеньке.

БАБУЛЯ

Скребутся мыши, воют волки,
снегов за окнами кошмар...
А на столе в её светёлке
пыхтит кипящий самовар.

Он весь в медалях, как полковник,
он несгибаем, он пузат.
Он нашей бабушки любовник,
она его пинает в зад

ладошкой, пробуя на ошупь:
не приостыл ли парня пыл?
А за окном – земная площадь
и все, кто есть на ней и был.

ПЕЧАТЬ

Чтоб друг от друга отличать,
не потроша судьбу, –
у всех имеется печать,
как правило – на лбу.

Печать дельца, печать творца,
растяпы, молчуна,
печать трусишки, подлеца...
Печать у всех одна.

Ко лбу приставив пистолет,
сказала мне судьба:
“Знай, у тебя печати нет,
но есть клеймо: раба”.

ДИВО

Майские подвиги, майские праздники!
Празднуют деды и внуки проказники.

Празднуют бабки и девки влюблённые.
Вина вкушают и водки палёные.

Тосты весенние, тосты победные!..
Взгляды невинные, речи куплетные.

Руки стрелявшие, руки потевшие,
славы и мира Отчизне – хотевшие!

Майские праздники – сердцу отдушина.
Диво! Хоть лекция жизни – прослушана.

7-Е НОЯБРЯ

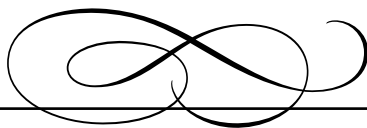
Бывший праздник... Игрушечный снег
ниспадает на русскую землю.
Злая власть совершила побег,
доброй власти не верю, но внемлю.

Где вы, красные флаги? Увы...
Неужели пошли на портянки?
Вот и первый ледок у Невы,
Где Парад, Кавалерия, Танки?

От былого – смурной мавзолей
нам достался... Былое – гробница.
Без минувшего жить веселей –
тем, кто денежке склонен молиться.

ТОЛЧОК

Я долго думал о себе,
пока однажды – по затылку –
не получил толчок в толпе
и на лице обрёл ухмылку.

Мне стало весело, что я
ещё кому-то должен, нужен;
что жить возможно без нитя,
которым был я – перегружен. –

Сердечко замерло на миг,
и вдруг – толчок! И вновь хлопчет.
И тут я истину постиг;
живёт не всяк, а тот, кто хочет!

ПРОХОЖИЙ

То покато, то отлого,
то равнина, то овраг..
Слишком длинная дорога,
а вокруг дороги – мрак.

Из тумана смотрит цифра, –
столбик, значит, верстовой.
Сколько там? Не зная шифра,
не исчислить путь земной.

Приземлился. Рыло скомкал.
Сердца вспыхнул уголёк!
Из вещественной котомки
дуло фляжечки извлёк.

Гарри ГОРДОН

Москва

* * *

Из прошлогодней земли выперли семядоли.
Крестиками погоста, Спасами на Крови.
Все еще впереди. Заморозки на поле,
И, как ни странно, на почве верности
и любви.

Дрожь пробирает смотреть на голую эту
отвагу,
Злость забирает видеть этот победный
бросок,

Жалость берет, как вспомнишь, что многие
завтра погуляют,
Страшно подумать о том, как терний
над ними высок.

Ахнувшая земля с жадностью напилась, и
Долго сама не разнохает – дерево или злак..
Единогласно прут, не созревшие
до разногласий,
Похожие друг на друга, как гены добра и зла.

Который год тербит грозная эта заявка,
Бурное это начало долготерпение таит.
Все еще впереди. И кормовая травка
По горло в холодной росе солдатиком
постоит.

И все-таки хорошо, что проступает вечер,
Морозные облака почти что на самом дне,
И в холоде этом большом, собачьем
и человеческом,
Можно еще пока не думать о завтрашнем дне.

* * *

Под кухонною полкой
Свой карандаш грызу
Ругаю втихомолку
То вьюгу, то грозу.

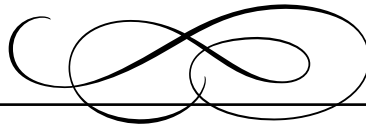
Вокруг визжат и мчатся
Лихие домочадцы,
И жизнь моя легка,
Пока живу, пока

Румяный, большеротый,
Щербатый лик свободы
В заснеженном окне
Подмигивает мне.

* * *

Пронесется без остановки,
Теряя эхо, поезда.
Глухая станция «Обновки»
Стоит, как полная вода.

Помечена двумя огнями,
Она таит порядок свой,
Вдрызг занесенная дождями
И ослепленная листвою.

Там кассы темное окошко,
Корзина, чемодан и тюк,
Старушка там на курьих ножках
И в макинтоше крупный тюрк.

Сквозь капли на холодных ветках
Видны железные пути...
Дрожат окраины под ветром,
И ни проехать, ни пройти.

ВЕСНА

Уже раздавлен и расколот
В наплывах желтых теплый лед,
Уже артезианский холод
Почти до горла достает.

Испятнанный, сырой, хоть выжми,
Приляжет ветер на пустырь,
Сомнет пырей, сломает пижму,
Ворону выбросит в кусты.

Короче говоря, весна
Стоит, свободно и развязно,
И снова эта новизна,
Которая в зубах навязла.

И снова пред тобой возник
Закон – лепить себя из грязи,
Без Божьей помощи, без связи,
Без пуповины, черт возьми.

Обсохну посреди двора,
А дальше – ливни, птичьи клочья,
Средневековая жара,
Варфоломеевские ночи.

Везет же людям – тот набух
Прелестной золотистой почкой,
Тот – пробудился, и под кочкой
Издав победный громкий звук.

Пока не загустела грязь,
Пока еще не стала вязкой,
Я ублажу себя подсказкой,
Над ручейком остановясь.

Над маленькой канавкой, где
При свете, сумрачном и жидком,
Трепещет синенькая жилка
На расцарапанной воде.

* * *

А. Гордону

Вся кухня в бабочках ночных,
Сиреневых и серых.
На пыльных крылышках у них
Значки нездешней веры.

У той – чугунного коня
Серьезная улыбка,
Другая смотрит на меня
Насмешливо и зыбко.

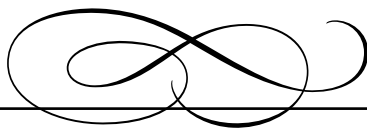
Вторую ночь я не ложусь,
Замучили глаголы.
Вторую ночь я им кажусь
Бессмысленным и голым.

И вот, усевшись, кто куда,
На чайник и на ступку,
Они притихли, как вода,
Ждут от меня поступка.

А мы отвыкли поступать,
Как велено природой.
А мы привыкли отступать
Поэмой или одой.

Но, терпеливые, они,
Не принимают слова.
Бог знает, где проводят дни,
И прилетают снова.

Надежда ГОРЛОВА

Москва

БРАТЬЯ

Памяти моего отца

Спасибо, брат, что ты убил меня.
Теперь я сторожу тебя повсюду.
Спасу от холода дрожанием огня,
В жару ручьем я принесу остуду.

Я стал землей, водой, скотом, травой,
Пьем и пищей, и вином и хлебом,
И воздухом, – так я всегда с тобой.
Я брат тебе на всякую потребу.

Согрею, накормлю и обниму,
Как я не мог, когда был телом скован.
Теперь я сторож брату моему.
Любовь свободна, но лишилась слова.

Смерть – немота. «Люблю» – мне не сказать
Без голоса беспомощного тела.
Дано лишь крови от земли взывать,
А мне – любить, служеньем без предела.

«Спасибо, Каин», – кровь моя вопит,
Мой поцелуй на лбу твоём алеет...
Но Каин от любви моей бежит,
И дух его томится и болеет...

* * *

Т. Х.

Вот и ты, девочка, вышла замуж.
Почему – не знаю. Беременна ль ты?
Влюблена ль? Со скуки ль?
Гостьей нынче заснешь, проснешься
хозяйкой. А там уж –
Руки покроет кора, лицо – паутина, живота
поднимется купол.

Как белый атлас холодом отливает
вовдвим, синим. Обод золотой искорежит
девичий палец как стебель.
Гости пляшут. Дрожит винегрет в тарелках.

Каблуки стучат, заглушая стук зубов твоих.
Слеза падает на кусок хлеба.
Хлеб впитывает словно губка. Как мелко
Болото Стигийское по сравнению с хлябями
хлеба насущного – затянет всех.
Рыхлый, как земля, ржаной, замешенный
на поте.
Нож затем всегда и взрезает хлеб, чтобы
поле всегда взрезал лемех,
Для того чтобы хлеб ножом взрезался.
И смерти нет работе.

Вот и ты, девочка, стала землей.
Пирожок свадебный отдает кутьей.
Гости пляшут хороводами, вприсядку,
вприпрыжку.
Слушай стук их подошв – комья почвы
стучат, точно так стучат в гробовую
крышку.

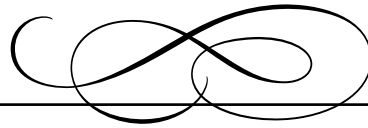
ИАКОВ

В зыбучих стадах
Он тонул, как в песках,
В песках он тонул, как в годах унижения.
Песок скрипел на его зубах,
И, вместо сахара, на устах
Блестел. Но Иаков знал: поколения
Детей Рахили песками придут,
И земли затопят, и топи пожрут.
Песчинку Иаков держал во рту
И обволакивал языком,
Он из нее растил Жемчужину. Ту,
Что Матерью Бога сияла потом.
В том и проблема бесчисленности песка,
Что он – пустыня. О, что завещал мне
Господь!

В Землю, текущую медом, пустыня придет!
Но первый песок в меду увязает пока,
И стены храма строит Божья рука
Из меда и из песка.

* * *

Закат. Рентгеновские снимки
Качелей, лестниц... Я ль иду,
Скрипя наждачною тропинкой
В фотографическом саду?

Дорожка вся в песочной сыпи.
Как будто бы по сухарю
Ступаю я. В качельном сипе
Вздымает девочка зарю.

Вперед качнется – и гребенкой
Закат сквозь липы пробежит,
Назад – поймает тень ребенка...
Качелей голос дребезжит...

Вперед – и по-другому плачет,
Вперед – назад, вперед – назад.
Но ничего уже не значит
В закате вытравленный сад.

АНТИКЛЕЯ

И при жизни тенью мать казалась.
Только тенью сына, не своей.
Лишним поцелуем не касалась.
Так растят героев и царей.

Не любви, а жизни мать учила.
Знала мать, что будет впереди.
Плачущего сына отлучила
От текущей молоком груди,

Чтоб от стекшей с жертвенника крови
Тень седую матери своей, –
И в Аиде полную любви, –
Отогнать возмог бы Одиссей.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Санкт-Петербург – Москва

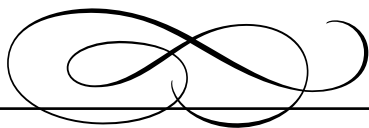
НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Всю жизнь люблю ночные поезда.
В Москве уснуть, а в Питере проснуться.
Привычно чашка звякает о блюде,
Поскрипывает полка, как всегда.
Пусть говорят, что их пора прошла,

Что тихоходны поезда и странны, –
Мне суперсовременного САПСАНа
Милее все же «Красная стрела».
Когда меня во времени другом,
В последний путь проводят домочадцы,
Сквозь темноту я так же буду мчаться,
Обжив надолго спальный свой вагон.
Всю жизнь люблю ночные поезда,
За перестук колес под головую,
За небо с загустевшей синевою,
В котором разгорается звезда.
В окне огни несутся до утра,
И, если в них внимательно взглядеться,
Вернешь обратно ощущение детства,
В которое впадать уже пора.

РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ В ГОВСАНАХ

В воскрешение не верю я,
Не поверю никогда.
На развалинах империи
Только сушь да лебеда.
Что найдешь, былой уклад ища,
Под горячей синевою,
На безлюдном русском кладбище,
Зарастающем травой?
Черно-белой кинохроникой
Век промчался и утих.
Там не помнят о покойниках,
Где забыли о живых.
Вам желаю в полной мере я, –
Пусть минует вас беда
На окраинах империи
В эти смутные года,
Русской песнею прославленных
У солдатского костра,
В государствах новоявленных,
Неизвестных нам вчера.
На окраине до смеха ли
В лихолетье наших дней?
Все живущие уехали, –
Мертвым это потрудней.
Сколько кладбищ этих встретим мы
На сегодняшнем веку,
В Самарканде ли, Ташкенте ли,
В Кишиневе и Баку?

Не считаю те потери я,
Но не дай вам Боже впредь
На окраине империи
Ненароком умереть.

ПАДЕКАТР

(Песня)

Где когда-то умирали наши деды,
Нынче место для пирушек и охот.
Осеньется салютами Победы
По Москва-реке плывущий теплоход.
Вновь на кители навесили награды,
Отправляясь на прогулку по воде,
Офицеры заградительных отрядов
И расстрельщики из войск НКВД.

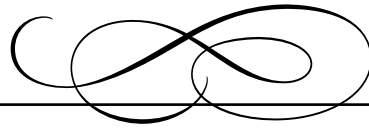
Провокаторы танцуют падекатр.
Не поймешь на современном вираже,
Кто из них еще сегодня провокатор,
Кто на отдыхе заслуженном уже.
Не осталось от героев и помину,
Позабыт их невостребованный прах,
Ну, а те, кто им тогда стреляли в спину,
Все при пенсиях теперь и орденах.

В небе отблески последние заката
И прожекторов скрещенные лучи.
Провокаторы танцуют падекатр,
Пьют за Сталина в буфете палачи.
Поседевшие солидные папаши,
В верноподданный впадающие раж,
Словно их победа нынче, а не наша,
Слово их сегодня праздник, а не наш.

Особисты и сотрудники охраны,
Что поставлены в Собесе на учет,
Все они – фронтовики и ветераны,
Всем и слава им сегодня, и почет.
И на палубе прогулочной покатою,
Заменяя тех, кто ими погребен,
Провокаторы танцуют падекатр,
Старый танец позабывшихся времен.

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Освоим с тобою шелковый путь,
Шелковый путь, шелковый путь.
Поедем весною куда-нибудь,
Поедем куда-нибудь.
Через оазисы и пески,
Прочь от тоски, прочь от тоски,
Пока мы с тобою еще близки,
И не белы виски.
Чтобы, босых не жалея ног,
Выяснить снова в пыли дорог,
Так ли, как прежде, хитер Восток,
Запад так ли жесток?
Погружаясь в бездну минувших лет,
Пойдем за солнечным светом вслед,
Через пределы далеких стран,
Которыми правит Коран.
Вдоль по долинам высохших рек,
Где непонятен времени бег,
Поскольку по ним не течет вода,
Впавшая в никуда.
Туда, где великие города
Смыла беда – сушь и орда,
Где неизменно была всегда
Ценнее крови вода.
Через исчезнувшие моря,
Над которыми чайки кружатся зря,
И неясно, как попали сюда
Брошенные суда.
Мы пройдем этот путь из конца в конец
Через ханский осыпавшийся дворец,
Где лежит под плитою былой гарем,
Неподвижен теперь и нем.
Здесь представит каждый, куда б ни шел,
Как по смуглым бедрам струился шелк,
Как мерцали браслеты на нежных руках,
Что поэт воспевал в стихах.
Давно бы уже этот мир зачах,
Когда б не горели на тех плечах
Изумрудов матовые лучи,
Беспощадные, как мечи.
Туда, где войску дороги нет,
Пути отыскивал самоцвет.
Туда, где воинам не пройти,
Проложили шелка пути.

Пусть погонщика высохшая рука
 Караваны гонит в морях песка,
 И покуда сердцу любовь близка,
 Будут в цене шелка.

Только то, что может любовь зажечь,
 Покоряет страны верней, чем меч.
 Эта ткань, что и мне не дает уснуть,
 Твою обтекая грудь.
 И да будет вечной любовь, пока
 Эту ткань ощущает моя рука,
 И над нами качаются облака,
 Плывущие издалека.

ВРЕМЯ В ПУТИ

Жить остается уже недолго,
 В склянке песок течет.
 Время в дороге и время дома
 Разный имеют счет.
 Это поймет любой беспристрастно
 Мыслящий человек:
 Время, повязанное с пространством,
 Свой изменяет бег.
 Жизнь свою, словно монету, звонко
 Бросивший на весы,
 Мчался всегда я за днем вдогонку,
 Переводя часы.
 Стал потому для меня оплотом
 В жизни моей земной
 Поезда, судна и самолета
 График очередной.
 От неподвижности мало толка,
 Так уж заведено.
 Если в вагоне лежишь на полке,
 Движешься все равно.
 В море, на судне, где дизель бойкий
 Корпус вгоняет в дрожь,
 Даже, если ты спишь на койке,
 Ты все равно плывешь.
 В небе, когда над землей окрестной
 Мгла и ночная тишь,
 Даже, если ты дремлешь в кресле,
 Ты все равно летишь.
 Время несется в морях бездонных,
 Быстрое, как кино,

И, как всегда, по дороге к дому
 Медленнее оно.
 Общий язык отыскать мне с теми,
 Видимо, не дано,
 Кто во дворах коротает время,
 Меряясь в домино.
 Гор пламенеющие отроги,
 Дальних морей заря,
 Время, потраченное в дороге,
 Не пропадает зря.
 Путь за окошком мерцает млечный.
 Снова дышать легко,
 Если до станции нам конечной
 Все еще далеко.
 Мчится дорога от Оста к Весту,
 После – назад опять.
 Время прибытия неизвестно, –
 Лучше его не знать.

Наталья ГРАНЦЕВА

Санкт-Петербург

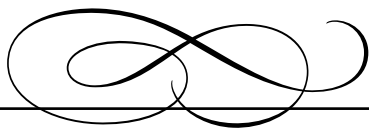
* * *

Запропастившись в амнезии
 Монгольских вил и вод вины,
 Москва придумала Россию –
 Большой проект большой страны.

В больном меду воображенья,
 Уснув, как зимняя пчела,
 В тоске по головокруженью
 Свой образ мира создала.

Пыльцой цветочной, вязким воском,
 Дурманом, вставшим на дыбы,
 Явился луг духовный Мосха –
 Большой проект большой судьбы

Мечта в шагреневых границах,
 Пространства сбитень голубой,
 Зола времен и вьюг теплица,
 Чужих безумств замес крутой –

Все веществом и плотью прочной
Взошло, покрылось, обросло,
Пустило корни в звездной почве,
Переболтав добро и зло.

И неба опыт безразмерный –
Ее полет в тартарары,
Где спрятан ключик эфемерный –
Большой секрет большой игры.

В стенах дворца, под крышей хлева,
Мерцают, как в небытии,
И короли, и королевы,
И офицеры, и лады,

И огнедышащие кони,
И пешек жертвенных войска,
И жар гроссмейстерской ладони,
И смех двойной часовщика.

И, времени воздвигнув стены,
Они отринуть не вольны
Земную власть святого плена –
Большой триумф большой войны.

* * *

Природа власти такова,
Что ей противится художник.
Он сам – терцина божества:
Дорога, рана, подорожник.

Пусть пылью плащ его пронзен,
Но нет на нем зловонных пятен.
Зачем ему царей жаргон,
Когда язык небесный внятен?

Но если, скрыв судьбы печать
И сбросив мраморную кожу,
Он мыслит выгодно молчать
И восклицать одно и то же,

Но если, выгадав гроши,
Подножье трона мнит вершиной
И видит в зеркале души
Не Господа, а господина, –

Как вор, нисходит он с креста
Животворящего глагола.
И оскверняются уста
Пустым сиянием престола.

ОДИНОЧЕСТВО

Тополь роняет заржавленный лист,
Царствует сонный октябрь безраздельно.
Вот и опять поднимается ввысь
Белый дымок над районной котельной.

Вот и опять наступает пора –
Белые платья во тьму убираю,
В шубе брожу по квартире с утра,
Штору открыв, у окна замираю.

Слышу, как копится в тучах сырых
Снег, и, укутавшись шарфом теплее,
Хмурый, купивший собаку старик
Бродит по серым дорожкам за нею.

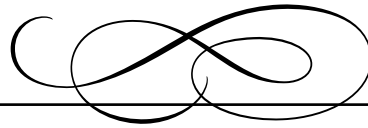
Слышу эпохи стареющий ход,
Слышу свой шаг за эпохой суровой,
Слышу, как друг мой за мною бредет
В комнату, в кухню и в комнату снова...

ЛАДОГА

Как в чаше жизни, на озерном дне
Чистейших вод объятые прохладой
Лежат в пшеничном золотом зерне
Потерянные дети Ленинграда.

Как будто спят среди гранитных глыб,
Покоятся, окованные дремой,
Меж водорослей ласковых и рыб
В холоднокровных куцах водоема.

Но в час ночной, заслышав теплоход,
С зерном в руке, неведомому рада,
Сквозь толщу вод к цветным огням плывет
Прозрачная русалочка блокады,

Чтоб со щеки безжизненной стереть
Соленой влаги ветхое свеченье,
Чтоб вдруг услышать песню – и запеть
Слова ее, лишённые значенья.

* * *

В просторный собор деревенского дня
Вносил на руках ты когда-то меня.
И свечи кипрея медовой смолой
Чадили молитвенно, как аналой.
И таволги ладан сводил нас с ума,
Как божье дыханье восьмого псалма.
...И слухом припавшая к плоти твоей,
Я слышала грохот подземных морей,
Боренье корней ивняка у реки,
Бредущих проселков ночных косяки.
...И видел ты, зреньем прильнувший ко
мне,
Двойное движенье светил в вышине,
Небесные прялки невидимых грез
И птиц, проносящих на крыльях мороз.
...Нас солнечной сферы янтарь облекал,
И лиственный рокот столетний смолкал,
Когда все живое сзывающий в хор
Ступал Альбинони в ковчег до мажор,
И четырехгранником света – на нас
Смотрел отовсюду всевидящий глаз,
И тихий Господь, проходя вдалеке,
Нес тороидальные вихри в руке.

Евгений ГРАЧЁВ

Саратов

ТЫ

Бесят все и бесит всё,
Отдохнуть бы надо малость.
Я тебе подам пальто,
Лучше б ты не возвращалась!

Раздражает твой наряд,
Кресло, на стене картина,
Ты всегда, как водопад
Или снежная лавина.

Раздражает интерьер,
Занавесочки из ситца,
Ты всегда, как сто пантер
Или хитрая лисица.

Грусть накроет, как дома,
Накрывает белой пудрой.
Я с тобой сойду с ума,
Самой глупой, самой мудрой.

Самой вредной и ручной,
Разобиженной, упрямой,
Самой сложной и простой,
Ну, конечно, самой-самой...

ЧЕЛОВЕК-ГОРА

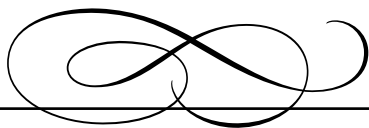
Город, на улице никого,
Площадь дождём умыта.
Мозга серое вещество –
Словно кусок гранита.

Девушка вышла, юбкой шурша,
С талией и ногами.
Жизнью гуляки жила душа,
Ныне – гранитный камень.

Манит огнями кафе на углу,
В это кафе с нею
Мог бы зайти, но не могу,
Будто бы камению!

Я – идиот! Я – паразит!
А Тая, она хорошая.
Знайте и вы – любовь гранит
И очень тяжёлая ноша!

Ли́дия ГРИГОРЬЕВА

Лондон

ПЛАЧ ПО ИМПЕРИИ

1.

Разворошив воспоминаний ворох,
казну времен напрасно не растрочу:
я, выросшая на ее просторах,
ее оплачу.

Родившись под звездой ее падучей,
в степных донецких суховейных даях,
я выдюжила жизнь на всякий случай –
и вся в медалях!

Перебирая времени приметы,
припомню обретенья и утраты,
ее заветы и ее наветы,
ее запреты и ее догматы.

Как под дождем, бежала струек между.
Вокруг галдели, яростно и рьяно,
ее профаны и ее невежды,
ее кумиры и ее тираны.

Гонимая пургой и ложным другом,
не оскользнулась на сыпучих кручах,
я, выросшая за Полярным кругом,
в снегах могучих,

Пережила брожение пустое,
и перепалку, и судьбы прополку,
Но никакие «новые устои»
не сбили с толку.

Самих себя мы поднимали на смех,
глумились, подвергали переделу.
Великую страну делили наспех –
ножом по телу.

Прокручиваю время вхолостую,
уже случилось так, а не иначе...
Смотрю на карте на одну шестую,
завидуя самой себе, и плача.

2.

Купол небес надо мной – голубой
синтетический синий навес.
Но я Север щелястый люблю, продувной!
И в разнос, и в разброс, и на вес...

Там, где сосны исходят серной смолой,
где от ветра студеного пьян,
мой живой и прекрасный отец молодой.
Ледовитый люблю океан.

Если память умерит звериную прыть,
я забуду, что было давно,
и себя расколдую, и заставлю любить
только то, что вижу в окне.

3.

Тяжелая расплата,
нелегкая пора –
периода распада
империя добра.

Кричали на причале,
грузили с кондачка –
армянские печали,
узбекские шелка.

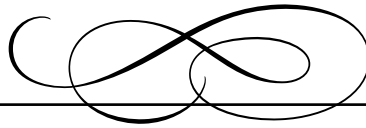
Осиновые колья
вбивали со злобой
в грузинские застолья,
в литовский зверобой.

Не просчитали риски,
заразу занесли:
поправки и описки,
и голые нули.

От русского заплечья
земля по швам трещит.
Но по-молдавски лечо
порой во рту горчит.

Пусть с перевесом малым
закончили бузить,
все ж украинским салом,
тоску не закусить.

И разошлись по саклям,
по разным полюсам.
В жизнь-питьё накаплет –
не рижский ли – бальзам...

Игорь ГУБЕРМАН

Израиль, Иерусалим

* * *

Когда нам удаётся вставить слово,
мы чудным наполняем теплом
и больше вспоминаем из бывшего,
чем было в том растаявшем былом.

* * *

Течение мыслей безотчётно,
в игру их каждый вовлечён,
блаженно думанье о чём-то,
ещё блаженней – ни о чём.

* * *

Дано колеблемой струне
будить во мне такое эхо,
как будто снова я в стране,
откуда с горечью уехал.

* * *

Я верю в успешность потуг
спасти от наплывов тоски,
и в то, что чугунный уют
зелёные пустит ростки.

* * *

Вовлекаясь во множество дел,
не мечись, как по джунглям ботаник,
не горюй, что не всюду успел –
может, ты опоздал на «Титаник».

* * *

Отпылал мой роскошный костёр,
всё болит по ночам и утрам,
я когда-то любил медсестёр,
а теперь я хожу к докторам.

* * *

Дуря на заслуженном покое,
я тягостной печалью удручён:
о людях я вдруг думаю такое,
что лучше бы не думал ни о чём.

* * *

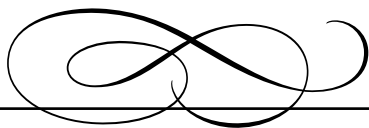
Я когда свою физиономию
утром наблюдаю, если бреюсь,
то и на всемирную гармонию
мало после этого надеюсь.

* * *

Мне ответил бы кто-нибудь пусть,
чтоб вернуть мой душевный уют:
почему про славянскую грусть
лучше прочих евреи поют?

* * *

Прямо хоть беги отселе
или пса с цепи спусти:
все евреи – Моисей,
все хотят меня вести.

* * *

С равной смесью лени и пыла
то читал, то пил, то пел бы песни я;
если бы писать не надо было,
то писатель – чудная профессия.

* * *

Хотя в литературе нет советов,
как жить, чтобы душа была в нирване,
Обломов был умнее, чем Рахметов:
лежал не на гвоздях, а на диване.

* * *

Рвётся жизни течение плавное,
в кошелёк если не за чем лезть,
а что деньги – не самое главное,
понимаешь, когда они есть.

* * *

Жизнь хороша, но удивительна –
такой ли быть она должна?
Неправда людям отвратительна,
а правда – вовсе не нужна.

* * *

Я сам рубил узлы в моей судьбе,
то мягко управлял собой, то строже,
всем худшим я обязан сам себе,
но лучшим я себе обязан тоже.

* * *

Я два часа провёл недавно
в пустом ничемном разговоре
и вдруг подумал: как забавно –
трепаться с фауной о флоре.

* * *

Хрумкал поезд простора излишки,
молчаливо текли провода,
за окном нескончаемый Шишкин
Левитана пускал иногда.

* * *

А книжек в доме очень мало
сейчас держу я потому,
что сильно с возрастом увяло
моё доверие к уму.

* * *

Удивительное время
по России потекло:
утекает, как еврей,
задушевное тепло.

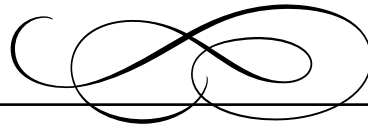
* * *

Дух еврейский, повадка и мимика –
всю реальность меняют окрест:
два еврея – уже поликлиника,
три еврея – строительный трест.

* * *

Хотя прожил я много лет,
но понял я совсем недавно:
без женщин в жизни смысла нет,
а с ними – нету и подавно.

Владимир ГУНДАРЕВ

Казахстан

* * *

Из родной сибирской глухомани,
К дальним горизонтам торопя,
До поры сокрытая в тумане,
Увела меня судьбы тропа.

А теперь вот путь уже итожу
(Пусть и рано подводить итог).
Может быть, и мало, только всё же
Что-то для людей я сделать смог.

Нет дорог без рытвин и колдобин.
Доли нет без горечи утрат.
В том, что был кому-то неудобен, –
В этом сам я, видно, виноват.

Возрастал я на целинной ниве,
Стала близкой мне степная даль.
Вряд ли был бы без неё счастливей,
Высоты достиг бы я едва ль.

Здесь живут мои по духу братья,
Нашу дружбу трепетно храня.
Казахстан, раскрыв свои объятия,
Родиной второй стал для меня.

А с друзьями всякая невзгода
Пылью рассыпается вдали.
«Русский сын казахского народа» –
Неспроста меня так нарекли.

Я стремился пристальней взглядеться
В блики будней, в милый лик земли,
Чтобы стали исповедью сердца
Строки сокровенные мои.

Видел в тучах небо голубое,
В сумраке угадывал зарю.
Жил любовью, жил всегда с любовью –
И судьбу за всё благодарю.

Здесь я крылья обретал и силы,
Птицей плыл над степью в вышине.
Но частица матери России
Незабудкой навсегда во мне.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Моя вечерняя заря...
Пред наступленьем вечной ночи,
Карминным пламенем горя,
Что мне, печальная, пророчишь?

Не то ль, о чём я знаю сам?
На зов заоблачного края
Душа стремится к небесам,
Земную скорбь в себя вбирая.

Тускнеют контуры полей,
Чтоб вскоре с сумерками слиться, –
Так тают в памяти моей
Слова, события, встречи, лица.

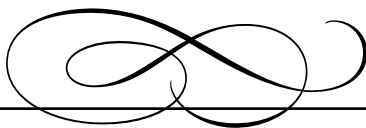
Жалею: в том, что позади,
Мне ничего уж не поправить.
И оттого щемит в груди,
Кровоточит и плачет память.

Вся жизнь прошла в добре и зле,
Стремился к лучшему, и всё же
Я был – и не был на земле,
В минувшем нечего итожить.

Не изменить, не зачеркнуть.
В душе смятение и смута.
Любовь мой озаряла путь,
Но сам я нёс ли свет кому-то?

Вместилось всё былое в день,
В один лишь день судьба вместилась.
И незаметно светотень
В густую сутемь превратилась.

Но даже если жил я зря,
И не по заповедям Бога, –
Моя вечерняя заря,
Не угасай ещё немного.

Сергей ДЕМОГАРОВ¹

Великий Новгород

* * *

Муторно витязю русской поэзии –
Он-то в тюрьме для чего?
Тех – расстреляли, а этих – повесили.
На кол посадят его,

Утром сживаючи со свету милого,
Мук добавляя стократ...
Лишь бы не тронули Борю Корнилова
Ярок стихами собрат!

Каждая строчка Бориса – пружиниста,
Образный строй на подбор:
Муза поэта щедра, не прижимиста,
Строфы растут, словно бор!

...Губы прошиты не красными нитками
Струпьями кровь запеклась:
Павла Васильева потчуга пытками,
Млела садистская мразь.

Но, возвышаясь над катами сытыми,
Сплюнув на ненависть их,
Вышепнет Павел губами разбитыми:
«Выживи, друг, за двоих! –

В это поверить незыблемо надо мне...
Сникни, сомненье, замри!»
...Эх, мешковатое облако надвое
Взрезано бритвой зари.

Воздух предсмертно глотая,
как патоку,
С болью густой пополам,
В сумрак уперся Васильев,
как в Ладугу
Каменным лбом Валаам, –

Преданный Родине,
преданный Родиной,
Внял сквозь набрякшую тьму:
Предана Родина хищной невзгодиной,
Брошена тоже во тьму...

ЛЮБИТЕ

Подснежник свял бесстрашнолицый...
И снег сошёл... И голо всё...
И вот второй весенней птицы
В зенит взорвалось голосье!

Моторной тягою и конной
Не зря взбодрён большак сырой,
И, как буддийскою иконой,
Восток украсился зарей!

Ни в чем не чуя катастрофы,
Я, не жалея мёртвый снег,
Шепчу есенинские строфы –
Сугубо русский человек...

Большак притиснут к перелогу...
И вдруг, откуда ни возьмись,
Забыв обратную дорогу,
Грозой схватили тучи высь!

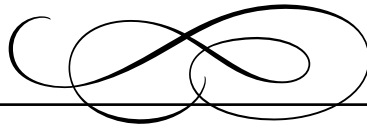
И гром, как будто в проруб нерпа,
Упал, но влагу туч отряс...
...Вновь солнце в рукописи неба
И – радуги цветастый Аз.

Вскинь мать-и-мачеха, ресницы!
Опять нам любо на веку
Ловить второй весенней птицы
Звонкопевучую строку,

И – жаворонку сам Есенин
Внушает: «Звонче голоси!»
И, новизною навесенен,
Целебен воздух на Руси.

Недаром, вешним рад приметам,
На валунах пригладив мхи,
Я обращаюсь к не-поэтам:
«Любите русские стихи!»

¹ Сергей МАКАРОВ

КОЛЬ СПОРЯТ

К вечерним звонкам беспокойных цикад
Он шел наудачу, он брел наугад,
А месяц, как школьник, прилежный на вид,
Узорных созвездий читал алфавит.

И месяцу, вдумчив, поэт с кондачка
Не станет про белого баять бычка:
Читателей надо ценить и беречь,
Готовиться к радостям будущих встреч.

Растерянность лопнет, как вмиг пузыри!
Корнилов, ты мужество в путь позови.
Вот свесили ива плакучую прядь,
Смятенье свое перед нею не прячь

От слов раскаленных статей не сгори:
Плетут их умельцы, как сеть мизгири,
Да критики спорят, борись-не борись,
И хвалят, но чаще – ругают, Борис!

Поэмы, стихи – за волною волна,
И в «Песню о встречном» страна влюблена.
Живая догадка сверкнула огнем:
Задел за живое, коль спорят о нем!

НЕ ЗНАЯ

Борис – из поэтов известных!
Обилие замыслов-тем,
Задумки стихов полновесных
И ярко сюжетных поэм.

Да кто же в труде бесконечном
Успеху бывает не рад? –

Роскошная «Песня о встречном»
Прибавила славы стократ!

Как живы Поволжье-Заволжье?
А тут – хмуровата Нева...
А там на патронном заводе
У парня в глазах – синева,

Девчата ему подмигнули,
Работает он без тоски
И льёт по-ударному пули
Уверенно и мастерски.

Как любит в порыве беспечном
В обеденный час он опять
Насвистывать «Песню о встречном»,
Тихонько её напевать!

Он любит и книжки поэта
Читать, как следы – следопыт,
Не зная, что пуля вот эта
Корнилову сердце пронзит...

ГОСТЯ В ПОКРОВСКОМ

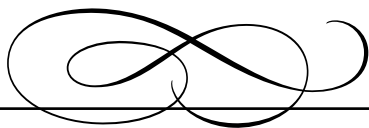
Весенней зари клокотало горнило,
Чтоб выплавить новорождённое солнце!
Бессоничал вновь над стихами Корнилов,
Не всё получалось во времечко совье...

Морщинок на лбу напряженная сетка...
Борис улыбнулся, себя ж утешая:
«Сердись-не сердись, для ранимого сердца,
Конечно ж, не праздник сердитость
большая!

За окнами – скатные росы, как жемчуг,
А избы раскашлялись жаркостью печек.
Зачем наливатьсь озлобленно желчью? –
Ведь лопнет, набухнув бунтующе, печень!

Мы с другом, Васильевым Павлом, весельем
Всегда отличались, нас гневны не точат:
Ещё мы такие стихи всколыбелим,
Что станут заиками критики тотчас!»

Ольга ДЕРНОВА

Москва

* * *

Скушай яблочко, запей его киселём.
 Пирожок ржаной предлагает печь – надкуси.
 А иначе будешь мыкаться бобылём,
 сиротой, калекою, кобелём.
 Что поделатъ, так уж принято на Руси.

Угощают – выкобениваться не смей.
 Посылают в баню париться – так иди.
 И ложись на лавку между шипящих змей,
 и молись, и руки складывай на груди.

Бабка ползает в огороде, копает хрен,
 подоткнув повыше ситцевый свой подол.
 Если будешь с ней обходителен и смирен,
 попадешь за стол. И только потом – на стол.

* * *

Снег бывает разный: то мельче он,
 то крупней,
 то пылит мукой, то липнет серьгами
 длинными.
 Но всегда похож на танец промеж теней,
 на балет с холодными балеринами.

Вот на сцене суматоха и авангард:
 балерины для Метелицы стелют простыни.
 А потом в оркестровой яме стихает гвалт,
 пляшут примы; вспоминаются девяностые.

Но гораздо чаще вижу я, как в кино:
 снегопад и мрак; к заутрене подморозило,
 Пётр Ильич встаёт, выглядывает в окно
 и взволнованно восклицает: «Эврика, вот оно!
 вот оно, лебединое моё озеро...»

Ольга ДОБРИЦЫНА

Москва

* * *

Человек на балконе курит, а дом плывёт.
 Дождь, накрапывает, выстукивая азбуку
 Морзе.
 Погоду хмурит, затонирован серым свод.
 Штиль – как будто ветра отдыхают в розе.

Он стоит, перед ним – солнца штурвал.
 Силуэт в полнеба... дым улечучивается
 постепенно.
 За широкой его спиной не страшен девятый
 вал.

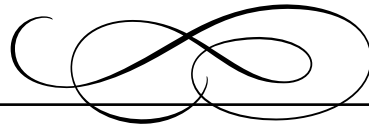
Внизу – московского моря пена.

Поскрипывает как палуба балконный настил.
 Построить фрегат – ему хватит силы.
 Летучих голландцев и след простыл.
 Вода заливает всё, что писали вилы.

Снова закурит, и снова выпьет до дна.
 Нарезет сало, в стопку долёт водки.
 Говорит: Люблю. Ты у меня одна.
 Куда ты денешься – с подводной лодки.

* * *

Сидишь за решеткой, – в ней тридцать орлов:
 таджиков, узбеков, грузин и хохлов.
 И пахнет общинным уютom сарая
 бетонная клетка, темница сырая.
 Твой хмурый товарищ, кивая челом,
 костяшками пальцев хрустит на излом.
 Тут все – «федералы». Их с родины милой
 в столицу прибило неведомой силой.
 Счастливчика вновь забирает конвой.
 Братва замирает, – молчанье как вой.
 Все ждут экстрадиции, словно погоды:
 три месяца в лучшем, а в худшем – до года.
 Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
 Туда, где за тучей белеет гора.
 Но узник не слышит, в ушах словно вата,
 желудок болит... он глядит виновато

туда, где синеют морские края,
туда, где гуляем лишь ветер, да я.
Бог выдал, свинья всё пожрала, собака.
Решетки без окон... и холод, однако.
А вставят стекло – будет душно... эх, мать, –
Зуб на зуб не хочет опять попадать.
Какие дела тут? – всего лишь делишки...
Какие тут люди? – да ладно, – людишки.
Грехи не грехи, а скорее – грешки.
Здесь всё под метелку – верхки-корешки.
Эх, жизнь! – отдыхаешь, как будто на дачке.
Поделят по-божески харч передачи.
Заяву жены не прочтёт прокурор:
что честный – неважно, раз пойман, так вор.

Владимир ДОВЕЙКО

Москва

* * *

Чай вчерашний в чашке стынет.
И к душе обращена
звёзд рождественских совиных
тишина.

А рассвет с перегоревшей
лампочкой под потолком
так похожи, что кромешней
только мысли ни о ком.

Капель тиканье сердечных.
Обещает день быть ясным –
одному дорогу в вечность,
а другим – пустые ясли.

ПАМЯТИ ИОСИФА БРОДСКОГО

Бытие ли в тебе, за душой, через край,
или быт вне тебя – будь то ад или рай,

но душа на земле не в себе. Не в себе
сама жизнь. Ибо код не разгадан к судьбе.

Чем насущнее то, чего, в сущности, нет,
тем трудней отличить от того этот свет.

Воскресала и вновь каждый раз навсегда
о барьер световой разбивалась звезда.

Опадала с лица и теряла лицо
безымянная вечность, как с пальца кольцо.

Только жизнь не менялась, и свет наголо
нависал над землёю; и время текло.

Как падение в бездну – погружение в речь,
мера жизни есть жизнь, то и стоит в ней свеч,
что к нулю не сводимо, но сводит с ума,
ибо тьму поглощает, как свет та же тьма...

* * *

Под какой ни родись ты звездой
и какой ни крестись ты водой,
жизнь до нитки последней сносив,
только радость, что всё ещё жив.

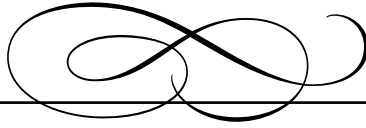
И следя за полётами птиц,
к небесам припадаешь ты ниц,
в эти русые пряди земли...
Лунный парус бледнеет вдали.

* * *

Там, где кончается пространство,
там начинается душа.
Одною ею, может статься,
удастся вволю надышаться,
уже, по сути, не дыша.

И – видит Бог! – за столько лет
душа – единственная весть
о том, что всё-таки мы есть,
когда нигде нас больше нет.

Александр ДОЛЯ

Московская обл., гор. Руза

«ВИТЯЗИ», «СТРИЖИ»

*Посвящается Герою России,
Гвардии полковнику И.В. Ткаченко*

Мою Россию сызмальства люблю.
Своё ей сердце, душу отдаю.
И в час суровый, верю, защитят
Мужчины, что как соколы летят

Припев:

А над Россией «Витязи», «Стрижи».
Не миражи, не миражи.
И небо над Россией без тревог.
Счастливого полёта дай Вам Бог!

Поля, леса и реки не обнять.
Во снах лишь в детстве я умел летать.
Застыла Сушка «Коброй» над землёй.
Горжусь я лётной славой боевой.

Припев.

Для человека важен каждый миг,
Пронзают тучи острокрылый МИГ,
Штурмуют небо «Витязи», «Стрижи»
Продельвая круто виражи.

Припев.

Полёт закончен. Здравствуй вновь земля.
Нас ждут: любовь, объятия, семья.
А завтра снова в небо, старики.
Надёжные в России мужики!

Припев.

Сергей ДРОЗДОВ

Санкт-Петербург

* * *

Не копите ни ярость, ни злость
На родителей – пасмурным утром.
Просто жили они, как жилось
В это время на глобусе углом.

Вы не плюйте в отеческий дым,
Не пеняйте, листки, на коренья.
Не бывает под небом седым
Сослагательного наклоненья.

...ураган накатился горой,
Вверх ногами поставил поляну.
Оказался ты полный герой –
Не поддался ты ветру погану!

И действительно, полный дурак,
Устоял ты, могучий, как свая.
До поляны, растерзанной в прах,
Чуть кореньями не доставая...

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

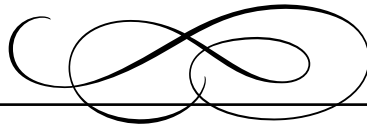
Он приближается к барьеру.
Он знает: поседеет мать.
Кавалергардскую карьеру
Нельзя иначе понимать.

Метнулось эхо за овины.
А на рассвете, наяву,
Встал куст рубиновой рябины
Точь-в-точь, где рухнул он в траву.

Мы мечем молнии и громы
И годы ставим на дыбы,
И все равно мы – только гномы
На тонкой ниточке судьбы.

...на вертикальных струйках дыма
Висят помещичьи дома...
Какая дивная рябина!
Какая лютая зима!

* * *

Августейшие летние рощи
С божьей птахой в зеленой горсти.
Ну, чего еще легче и проще –
Шелести себе, да шелести...

Вековечные тропки безлюдны,
И на самой безлюдной из них
Я увидел вчера пополудни,
Там, где был поворот на родник:

На манер фаворитов в опале,
Три-четыре, а, может быть, пять
Первых листьев на землю упали –
Чтоб навек шелестеть перестать.

ПЕРВЫЙ СНЕГ 24 НОЯБРЯ 2003 Г.

Упал он белым свитером,
А я еще не стар...
Чего-то я чувствителен
К его приходу стал.
Гляжу на колокольную,
в бурунчиках реклам
И помню радость школьную
С восторгом пополам.
Снежком залепишь по уху
И – новый снаряжать...
Далеконькому олуху
Судьбы не убежать.
Машины, брюхом шаркая,
Вползают в поворот.
Метель игривой шавкою
Кружится у ворот...
Устанет, перебесится
До завтрашнего дня.
Два года и два месяца
Нет сына у меня.

Валерий ДУДАРЕВ

Москва

ПОЭЗИЯ

С модернами и канонами,
С черным стихом и белым
Поэзия – дело новое!
Старое, в общем, дело!

Поэта трясутся рученьки!
Дайте ему награду!
Налейте поэту рюмочку!
Поэтам много ли надо?!

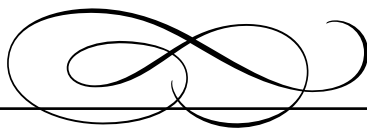
Чтобы ходики тикали,
Чтобы лампа горела.
Поэзия – дело тихое!
Громкое, в общем, дело!

* * *

На почве нашей,
где косогоры,
Найти б леса,
Где повторятся
родные взоры
И голоса!

Как земляника
и как грибочек,
Благая весть!
Божьекоровьих счастливых точек –
Их семь
и шесть!

Поляне жили тут?
Древляне?
Бог весть...
Но светлячков на той поляне
Не счесть.
Не счесть!

* * *

Замирает вода на озерах,
Уходящая в небо вода.
Вся она улечитя скоро
И застынет уже навсегда.
Замирает звезда на просторах,
Устремленная в травы звезда.
И она не удержится скоро
И погаснет уже навсегда.

Замирает душа.
Но сквозь ветер
Догорает случайный костер.
Как душе сохранить на рассвете
Волны,
небо
и этот простор?

Женщина
Потуже закутаешь плечи!
Закат
и не люб,
и не ал!

И надо исполнить за вечер
Громоздкий,
смешной ритуал.
Подумаешь,
больше недели
Бессонница колет нутро!
У нас же не высшие цели –
Нести до помойки ведро.
Нести

и вернуться достойно!
Холодной водицы испить,
Добраться к окошку спокойно,
К петунье присесть и пожить.
Забить торгашей-паразитов.
Войти

в тишину,
в синеву.
И словно о давнем,
забытом
Спросить удивленно:
«Живу?»

Пяти-,
девяти- ли
этажка –
Все годно
на быт,
на ночлег.

Везде по-звериному тяжко
Тянуть перегруженный век!
Всегда человечески жутко
Отдать свое сердце барже!
А жизни всего на минутку
На том неземном этаже.

САМОЕ РАННЕЕ

Самое раннее утро.
Гомон и цвет впереди.
Озеро.

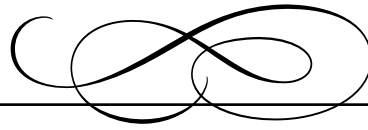
Спящая утка.
Видишь, тропинка?
Иди!

Божьи такие минуты.
Словно весну в феврале,
Чувствует странник: кому-то
Нужен и он на земле.
Вот стебелек придорожный.
Прутик?

А все же – родной!
Сердце стучит осторожно,
Словно как дождик грибной.

НОВОГОДНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Нежность состоит из сердец!
Вывод гордый от неизбежности:
Я хочу,
и нужно мне, наконец,
Чтобы люди состояли из нежности.
Иглы елок, как семена,
Осыпаются в каждой комнате,
Чтобы прорастали рядом, у нас,
Цветы доброты и скромности.
Перед праздником что ж мы делаем?
Старое и новое разделяем!
Только счастья тропинку белую
Не разделишь ночным трамваем.
Воск прожитого на столе.
Где искать своего обидчика?
Вера с надеждой есть на земле –
Два подсвечника на электричестве!

Простота!
 Выбрал женщину породней
 И живи!
 Но я душу прижег вопросом:
 Почему же так хочется верить мне
 Предчувствию новых весен?
 Я ищу, как простой кретин,
 Ритмы!

        Строки!
 Еще год в прошлом.
 Линий много,
        но нет картин!
 И от этого как-то тошно.
 Вот же праздник!
        Войди в азарт!
 Мерь по правилам:
        дашь на дашь!
 Новогодний наш маскарад
 Превратился в ажиотаж.
 Поучаствовать?
        Но не тот
 Мне удел отоварен сроком!
 Кухня,

        стол,
        да и Новый год.
 Одиночество, с Новым годом!
 Так откуда же в эту ночь
 Достается такая сила,
 Что, опомнившись,
        скажешь:
        «Но
 Преходящее все же мило!»

ТИФЛИС ВЕЧЕРОМ

Натюрморт

Смеркается?
        Или
 В сетях кипариса
 Блаженство дарили
 Наяды Тифлиса.
 Застольные дали –
 Вершина свершений.
 Виват, Цинандали!
 Виват, Ахашени!

Вкус обрыва крутой
 В неизбежности рога.
 В наготе над Курой
 Смята первая роза.

А выше, где бани
 За грешной оливой
 Сам Пушкин в тумане –
 Хмельной и счастливый!

Улыбка поэта –
        печальная милость –
 Забылась,
        запелась –
        и даже приснилась.

Забывтое солнце стекает по крыше –
 И кажется ночь зеленее и выше...

Всеволод ЕМЕЛИН

Москва

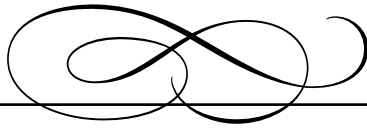
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Великой Родины сыны,
 Мы путешествовали редко.
 Я географию страны
 Учил по винным этикеткам.

Лишь край гранёного стакана
 Моих сухих коснётся уст,
 От Бреста и до Магадана
 Я вспомню Родину на вкус.

Пусть никогда я не был там,
 Где берег Балтики туманен.
 Зато я рижский пил бальзам
 И пил эстонский «Вана Таллинн».

В тревожной Западной Двине
 Я не тонул, держа винтовку,

Но так приятно вспомнить мне
Про белорусскую «Зубровку».

И так досадно мне, хоть плачь,
Что отделилась Украина,
А с ней «Горилка», «Спотыкач»
И Крыма всяческие вина.

Цыгане шумною толпою
В Молдове не гадали мне.
Мне помогали с переполою
Портвейн «Молдавский», «Каберне».

И пусть в долине Дагестана
Я не лежал недвижим, но
Я видел силуэт барана
На этикетках «Дагвино».

Пускай я не был в той стране,
Пусть я всю жизнь прожил в России,
Не пей, красавица, при мне
Ты вина Грузии сухие.

Сейчас в газетных номерах
Читаю боевые сводки.
А раньше пил я «Карабах»
Для лакировки, после водки.

Я географию державы
Узнал благодаря вину.
Но в чём-то были мы не правы,
Поскольку пропили страну.

ПАМЯТИ ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ

Убили Фердинанда-то нашего...

Я. Гашек

Я слова подбирать не стану.
Чтоб вам ханкой палёной ужраться.
Я за гибель принцессы Дианы
Проклинаю вас, папарацци!

Что, довольны теперь, уроды?
Натворили делов, ублюбки?
Вы залезли в кровать к народу,
Вы залезли людям под юбки.

Из-за вас, тут и там снующих
И пихающихся локтями,
С ней погиб культурный, непьющий,
Представительный египтянин.

Растрепали вы всё, как бабы.
А какого, собственно, чёрта?
Ну, любила она араба
И инструктора конного спорта.

Не стесняясь светского вида,
Проявляла о бедных жалость,
С умирающими от СПИДа
И с бомжами в засос целовалась.

А ещё я клеймлю позором
Не поведших от горя бровью
Всю семейку этих Виндзоров,
С королевой, бывшей свекровью.

Бывший муж хоть бы раз прослезился,
Хоть бы каплю сронил из глаза.
У меня, когда отчим спился,
Стал похожим на принца Чарльза.

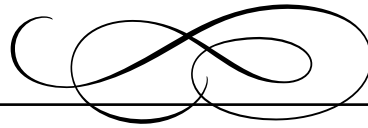
Принц Уэльский нашёлся гордый,
Ухмыляется на могиле.
Да в Москве бы с такою мордой
И в метро тебя не пустили!

Повезло же тебе, барану,
Представляю, как ты по пьяни
Эту розу, принцессу Диану,
Осызал своими клешнями.

Нам об этом вашем разврате,
Обо всех вас – козлах безрогих,
Киселёв, политобозреватель,
Рассказал в программе «Итоги».

Киселёв был со скорбным взором,
Он печально усы развесил.
У него поучитесь, Виндзоры,
Горевать по мёртвым принцессам.

Если вы позабыли это,
Мы напомним вам, недоноскам,

Как Марии Антуанетты
Голова скакала по доскам,

Как расправился с Карлом Кромвель,
Об екатеринбургском подвале
Мы напомним, да так напомним,
Чтоб вы больше не забывали.

Анастасия ЕРМАКОВА

Москва

* * *

Горсть переспелой смородины
Осыплется в траву вот-вот...
В августе любишь Родину
Неделями напролёт.

И ни за что не коришь,
Не сегуешь, не обличаешь, –
А только благодаришь
За радость и за отчаянье.

* * *

Я день будто бочку пустую качу.
В ней время о стенки колотится гулко...
Я в ржавую темень кричу и кричу
О том, как живу – и прекрасно, и глупо.

Крик, может, ответный плеснётся на дне?
А нет – и не надо, не нужен он мне.
Упрямо качу я бесценную бочку
Бесцельным путём по цветущей обочине.

* * *

Я так долго чего-то искала,
проходя все свои испытанья, –
не нашла философского камня,
не открыла заветной тайны.

Я влюблялась так смело и слепо,
разлюбляла так долго и тяжело,
но судьбы дорогие промашки
не считала ошибкой нелепой.

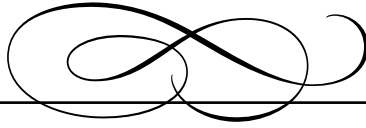
Их носила в себе и хранила –
безделушки бесценного опыта...
Дно прозрачное темного омута
золотым выстилала илом.

* * *

Хорошо, что нельзя вернуть,
хорошо, что не удержать.
Отправляясь в далёкий путь,
легче просто руки разжать,
чем вцепиться отчаянно в то,
что твоим никогда не бывало,
а лишь только тебя оведало
и несло как отцветший листок.
Что ж ты медлишь?
Попробуй, давай, –
Отпусти, пока не приросло.
А потом уплывай, уплывай,
как от брошенной лодки весло.

* * *

Достала мясо – псы уж тут как тут.
Подкинула в печурку дров трескучих,
всё ждем мы дней счастливых и везучих,
а вот они – идут, идут.
Проходит дачный неудобный отпуск,
не задался – весь вымок от дождей
зато от дел пустяшных и людей
здесь можно отдохнуть. И даже опус
по ходу сочинить – и тут же в печь,
не жалко вовсе. Не о чем жалеть,
хоть отпуск мой прошел уже на треть,
я дам остатку медленно утечь.
Пусть будто бы сквозь пальцы просочится
и это лето, лучшее, быть может,
И этот день, что так бесцельно прожит,
И все, что в нем хорошего случится.

Ирина ЕРМАКОВА

Москва

* * *

Время длинное, длинное, как вода.
Вот бы сидеть над этой водой всегда.
Вот бы под этим деревом и сидеть.
Просто сидеть и в воду эту глядеть:

как горит песок невидимый на дне,
как звенит серебро-золото в волне,
как меняет цвет разносторонний свет,
и со всех сторон птицы летят ко мне.

Облепили так трепетно, ровно я –
голова-руки-ноги – гармония.
Словно сейчас возьмутся на мне сыграть.
Словно им нет во мне никаких преград.

Хорошо сажу. Нет у меня врагов.
А проплывет что-нибудь вдоль берегов –
птиц разногласных крепко собой держу –
только пернатый шорох по камышу.

Стукну затылком по дереву: уф, уф.
Все мы смешны, когда разеваем клюв.
Уф – как трещат перышки. Уф – тишина
перистая. И времени – до полна.

* * *

Продираешь глаз: ну и ночка была!
Как же я долго спала – так, что успела
прорасти насквозь. В поле – тела, тела
крепко прошиты травами ржавострела.

Солнце всплывает. Ворон взлетает. От
мертвой воды ломит веселые кости.
Близкий ручей размыленный сор несет,
в розовой пене – вести, ветошки, грозди.

Солнце зависло. Ворон кружит еще
с алюминиевой солдатской кружкой в клюве.
От живой воды больно и горячо.
А говорил – никто никого не любит.

Вечно врет, а краснеют – щеки рябин
грузных предзимних в частой поклевке
с граем.

Собираешься с миром. Уходишь – один.
Возвращаешься, а мир неузнаваем.

Тесен между столетиями проход.
Вроде и лица те же, а всё иначе.
Солнцем сентябрьским подначен, шиповник
цветет
белый, как первый день после мертвой ночи.

Татьяна ЕФРЕМЕНКО

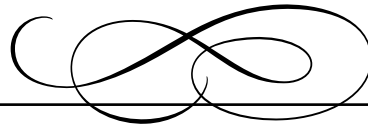
Москва

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК. ВЫРОДКИ

Нам страшно, нам больно, нам просто
до ужаса тесно и
До ужаса хочется всё же поспорить
с судьбой.
Мы – выродки века кровавого, грубого,
честного –
Безжалостно брошены в век совершенно
другой.

В ушах – приговор: беспощаден,
безрадостен, краток; и
Как волчьи флажки – мириады рекламных
щитов.
Нам тошно смотреть на планету, залитую
патокой.
Нам стыдно до слез пред могилами наших
отцов.

Всё, чем мы гордились, при нашем
младенчестве померло,
Ростки наших судеб на щепочки переломав.
Мы – выродки века, мы бандами шляемся
по миру.
Мы – злые сироты погибших великих держав.

ДВЕ БАБУЛИ

На лавочке сидели две бабули,
Глядели на залитый солнцем двор.
Расслабились, соскучились, вздохнули
И завели дежурный разговор.

– Как жизнь?
– Да Славку снова посадили.
Сегодня передачу отнесла...
– Надолго ли?
– Амнистию бы... Или
Боюсь, что как бы я не дожила.

– А Витька?
– Витька нынче стал богатый.
Начальник! Жалко, мамке не звонит...
Мне малость не хватает на квартплату.
Одолжишь?
– Ну конечно, что ты, Рит.

– Спасибо... Ты пойми – на передачу
Потратилась...
– Ну что ты, не вопрос.
Ты плачешь?
– Нет, конечно же не плачу!
Так... Просто заступило что-то в нос.

...Немного посидели. Помолчали.
Ведь разговор-то вышел непростой.
Вдруг баба Рита, полная печали,
Произнесла, качая головой:

– Эх... Как тебе понять мои заботы.
Ведь у тебя-то, Машка, деток нет...

...И про себя, взъярившись отчего-то,
Добавила со злобой: «Пустоцвет!»

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Мюнхен

* * *

*Воскреснув рано в первый
день недели,
Иисус явился сперва
Марии Магдалине.*

Я – Фамарь, я – жена-мироносица:
Три Марии и рядом Фамарь.
Надо мною столетья пронесятся,
Мне же видится то, что и встарь.

Крест. Фигура страдальца. В изножии
Стайкой женщины. Ропот и стон.
Гвозди вбиты в запястья. Художники
Их в ладони врисуют потом.

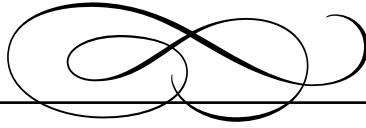
«Сестры, – молвит Он молча, –
как стражду Я.
Вы бы с Матерью прочь отошли...»
О, любовь зорче делает каждую –
Видим сквозь оболочку души.

Но, наверно, нам знать не положено:
Тьма кромешная света полна,
То, что в склеп мертвым знаком положено,
Всколосится на все времена.

Все мутней, все пустынное пригород...
Чтоб украсить свое торжество,
Он презренную женщину выберет,
И она обессмертит Его.

* * *

Половина сверстников моих
Губы мочит в запредельном
Стиксе.
Я из тех – из худших,
из других,
Кто с подлянкой этой жизни
свыкся.
Лишь во сне
зеленый, заливной

Вижу луг. Уходит этим лугом
Тень, что прислана была
за мной,
Но упущена за недосугом.

* * *

Я не рыба на берегу,
где торчат камыши сухие.
Вглубь нырнуть я еще смогу,
приучаясь к речной стихии.

Я в соленой жила воде
жизнью трудной, но интересной.
А теперь я в иной среде,
успительной, только пресной.

Как летучая рыба, влёт
одолею свою нирвану.
Вихрь поднимет и понесёт
к всемогущему Океану.

Александр ЖУКОВ

Москва

* * *

Какая-то странная нынче заря
на небе свинцовом
румянцем восходит.
Как холодно в мире в канун ноября!
Просторно и ясно в осенней природе.
Белеют березы,
на них – ни листа,
все меньше на ясенях огненных пятен.
Дубовая рощица так же пуста,
как город,
в который вошел неприятель.
Чуть выбелил ветки предвестник-мороз.
Деревья,
в предчувствии близких метелей,

идут по дороге
толпой и поврозь
туда,
куда птицы вчера улетели.

* * *

Хмарь осенняя все еще длится
и дождям еще долго идти...
Но все чаще открытые лица
попадают мне на пути.

Я еще обольщаться не смею,
но уже допускаю на миг:
если лица у встречных светлее,
то светлее и души у них.

Я уже не тоскую, как прежде...
Над разводами грязи и луж
прохожу, озаренный надеждой,
меж высоких и низменных душ.

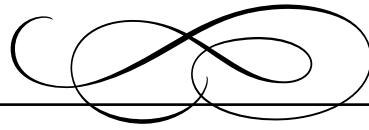
Я таким никогда еще не был,
светлоликим – в сырой полумгле.
Души светлые тянутся к небу,
души темные тянет к земле.

Я надеюсь, что муть отстоится
и в осадок опустится зло,
и возвысятся светлые лица,
чтобы стало в России светло.
И да будет в России светло!

* * *

Всю весну я ходил мимо окон,
где так ясно сияли огни
в этом доме, большом и высоком,
что воздушному замку сродни.
Там смеялись, шутили, играли,
танцевали, садились за стол...
Но меня в этот дом не позвали.
Был я рядом, да мимо прошел.
Нежный голос, так странно знакомый,
призывая, чаруя, маня,

пел за окнами светлого дома,
 пел один среди всех –
 для меня.
 Но весна миновала и лето
 потускнело, пошло на закат.
 И не стало высокого света –
 в светлом доме огни не горят.
 Тихо в доме, приспущены шторы.
 – Кто-то умер? А может, больной? –
 И, как раньше, как в светлую пору,
 обхожу это дом стороной.
 В темном доме, высоком и строгом,
 отзвенели той песни слова.
 Кто-то в черном стоит у порога –
 может, дочка, а может, вдова...

Максим ЖУКОВ

Москва

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Чужую веру проповедую: у трех вокзалов
 на ветру
 Стою со шлюхами беседую, за жизнь гнилые
 терки тру.
 Повсюду слякоть невозможная, в лучах
 заката витражи;
 Тоска железная, дорожная; менты,
 носильщики, бомжи.

И воробьи вокзальной мафией, с отвагой
 праведной в груди,
 Ларьки штурмуют с порнографией
 на VHS и DVD.
 Негоциант в кафе с бандосами лэптоп
 засовывает в кейс;
 Не подходите к ним с вопросами –
 поберегите честь и фэйс.

И нагадав судьбу чудесную, попав и в тему
 и в струю,
 Цыганка крутится одесную. – Спляши,
 цыганка, жизнь мою!

И долго длится пляс пугающий на фоне
 меркнувших небес;
 Три ярких глаза набегающих, платформа
 длинная, навес...

Где проводниц духи игривые заволокли
 туманом зал,
 Таджики, люди молчаливые, метут
 вокзальный Тадж-Махал;
 Им по ночам не снятся гурии, как мне
 сказал один «хайям»:
 Пошли вы на фиг все, в натуре, и – пошел бы
 на фиг я бы сам.

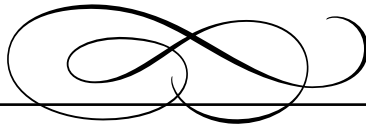
Над Ленинградским туча движется и над
 Казанским в разнобой
 По облакам на небе пишется моя история
 с тобой;
 Она такая затрапезная, хотя сияет с высоты;
 Тоска дорожная, железная; бомжи,
 носильщики, менты.

БАЛЛАДА

Когда с откляченной губой, черней, чем
 уголь и сурьма,
 С москвичкой стройной, молодой заходит
 негр в синема
 И покупает ей попкорн, и нежно за руку
 берет,
 Я, как сторонник строгих норм,
 не одобряю... это вот.

И грусть, похожая на боль, моих касается
 основ,
 И словно паспортный контроль
 (обогащающий ментов) –
 Меня, МЕНЯ!!! В моем доме – тоска берет
 за удила,
 Чтоб я в дверях спросил жену: «Ты паспорт,
 милая, взяла?»

Да, русский корень наш ослаб; когда
 по улицам брожу,
 Я вижу тут и там – хиджаб, лет через десять
 паранджу.

На фоне древнего Кремля, у дорогих
великих стен,
Скорей всего, увижу я. И разрыдаюсь...
как нацмен.

Нас были тьмы. Осталась – тьма. В которой
мы – уже не мы...
Мне хочется сойти с ума, когда домой
из синемы
Шагает черный силуэт, москвичку под руку
ведя;
Как говорил один поэт: «Такая вышла
з а п и н д я,

что запятой не заменить!» И сокращая текст
на треть:
.....
Москвичку хочется убить! А негра взять
да пожалеть.

Как он намучается с ней; какого лиха
хватит и
В горниле расовых страстей, бесплодных
споров посреди,
Среди скинхедов и опричь; средь понуканий
бесперечь;
Он будет жить, как черный сыч; и слушать
нашу злую речь.

К чему? Зачем? Какой ценой – преодоленного
дерьма?
Мой негр с беременной женой, белей,
чем русская зима,
Поставив накануне штамп в цветастом
паспорте своем,
Поймет, что значит слово «вамп», но будет
поздно, и потом,

Дожив до старческих седи, осилив тысячи
проблем,
Не осознав первопричин, он ласты склеит,
прежде чем –
Не фунт изюму в нифелях, – как на духу,
как по канве,
Напишет правнук на полях: «Я помню чудное
мгнове...»

* * *

Степь бесконечная, как смерть. Живи
в степи!

Учись на суржике трындеть, страдай, копи:
За каждый нажитый пятак – расплаты пуд.
От Евпатории до Сак, один маршрут.

В кафе, в тарелке на столе – кальмар зачач.
Ты одинок на сей земле, на всех путях.
Коньяк, раздавленный, как клоп, –
неконгруэнт...
Тоска – как непремный троп. И Крым –
как бренд.

И по дороге в Черноморск, под шорох шин,
В наушниках играет «Doors»: то «Doors»,
то «Queen».

И если есть на свете Крым, то он – иной,
Где мне явился серафим и вырвал мой...

Александр ЗАЙЦЕВ

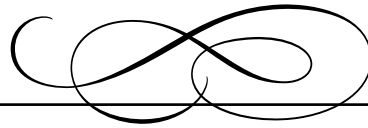
Санкт-Петербург

* * *

Владей тревожной памятью, владей.
В нередких снах, пожалуйста, являйся.
И, головы заснеженной моей
Испуганными пальцами касайся.

Мой сон уныл под каменной звездой.
Былых годов утих безумный топот.
И, не беда, что робкий голос твой
Слетает с губ, уже почти как шёпот.

Я не проснусь, заслышав близость рук.
Покой твой вряд ли чем-нибудь нарушу,
Хоть даже самый маленький испуг
Испепелит заждавшуюся душу.

СТРЕЛА

Привычно закончив свои постирушки, –
Блаженно дремала, и – вдруг, из села,
На кочку, привычное место Квакушки,
Легко и покорно упала стрела.

Такое представить могла ль она сроду.
Себя ущипнув за брюшко, не во сне?
В нагретую солнышком плюхнулась воду,
С испугом в груди, затаилась на дне.

В излишнем волнении много ли проку,
А вечером ей, оболоченный Рак,
Поведал, как смяв камыши и осоку,
Искал её долго какой-то дурак.

Забыв о случившимся, вечером – пела,
Да так вдохновенно, под стать – соловью.
Наутро ж, стрелы отсвистевшее тело
Она утащила в каморку свою.

Ей что-то шептали надзвёздные выси.
Когда ж про Иванушку сказку прочла,
Рыдала, уткнувшись в подушку, от мысли,
Кем стать она, Боже, однажды могла.

* * *

Мы любим мёртвых больше, чем живых.
Как только в гроб надёжно гвозди вбиты,
Без ложной позы, слёз, и слов пустых
Кладём цветы на мраморные плиты.

В безумном мире вечной суеты
Налипло столько грязи, крови, злости,
Что почему-то, Господи, прости,
Милей и ближе стали нам погосты,

Где можно будет искренне обнять
Того, кого уже не стало рядом.
И в тишине опять расшифровать
И шелест губ, и нервный росчерк взгляда.

Нет солнца без метели и дождя,
Ушедшие нам ближе не случайно,

Знать оттого, что в мир иной уйдя,
Они теперь познали Божью тайну,
Которую и в самый лучший год
Ещё никто на землю нам не пролил,
Которую ушельцев сам Господь
Быть может, как блаженством удостоил.

* * *

Апрельский снег в пустом лесу зачах.
Спешат ручьи беспутные куда-то.
Вокруг весна...
А у меня в глазах
Сухие краски старого заката.

Уставшей тенью за тобой бреду, –
Не вымолить у старости отсрочки.
А на весёлой яблоне в саду
Вот-вот взорвутся розовые почки.

Течёт твой взгляд, спокойствием грозя,
Из-под ресниц торжественно-значимых...
Теперь я понял, кажется: глаза
Видать, всегда мертвы для нелюбимых.

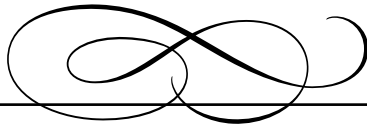
СУГРОБ

День встал, по-весеннему яркий,
Но землю бросало в озноб.
Под клёном в заброшенном парке
Лежал, затаившись, сугроб.

И солнце он видел невнятно,
И было так трудно дышать...
Вдруг стало до боли понятно,
Что помощи нечего ждать,

Зима убежала волчицей,
Оставив в беде одного...
И оттепель – хищною птицей
Висела на теле его.

Метели воротятся вряд ли...
Отрезаны к жизни пути:
«Скорей бы по вздоху, по капле
В ожившую землю уйти...»

С утра в забытьи пребывая,
Он лёгким казался, как дым.
И лучиков солнечных стая,
Как пчёлы, звенела над ним.

Бессильный, как будто варёный,
Сугроб погружался во тьму.
И страшно кричали вороны, —
Погибель желая ему.

Сергей ЗАЙЦЕВ

Москва

ВСТРЕЧА

На Тверском бульваре
В лунных фонарях
Ждал чугунный парень
В бронзовых кудрях.

А ему навстречу
По Тверской, один
Шел, расправив плечи,
Крепенький блондин.

Схожие фигуры,
Кто кого стройней?
Оба белокуры
В свете фонарей.

— Я пришел проститься,
Здравствуй, Александр.
Извини, дружище,
Я немного пьян.

— Сволочь ты, Сережа,
Сколько можно ждать.
Я железный все же,
Впору дуба дать.

Я, припоминая
Зимний мой закат,

Стоит ли, не знаю
Ехать в Ленинград?

— Решено все, Саша,
Прочь от этих сук!
Расплескалась чаша,
Я ж кулацкий внук.

Яростно блеснули
Синие глаза.
Пепельные кудри
Гнет рукой назад.

— Погоди, Сережа,
Тяжела, мой друг,
Истукана ноша
Средь Московских вьюг.

Схожие натуры.
Кто кого смелей?
Оба белокуры
В свете фонарей.

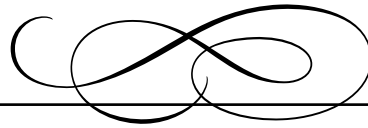
Тайна век венчает...
Только раз в сто лет
Встречу назначает
Бронзовый поэт.

Максим ЗАМШЕВ

Москва

* * *

К твоим ногам я бросил целый город,
И город испугался и притих.
Давай, любовь, хватай же нас за ворот
И отправляй на небо нас двоих.
Без памяти, без юности, без правил
От смеха загибается луна.
На этих крышах я следы оставил,
И ты по ним бежишь совсем одна.
И ветер извивается и треплет

Тебя, чтоб унести на край земли,
Туда, где мы от счастья не ослепли,
А зрение иное обрели.
К твоим ногам я бросил целый город,
В тебе он растворился без труда.
Небесный плащ был надвое распорот,
Когда сплетались руки навсегда...
Ночь без тебя, нелепая, пустая,
Блестят обломки прежнего венца.
Я по губам твоим теперь читаю
Мою судьбу, которой нет конца.

* * *

Когда бы мог я б автостопом в Тулу
Подался бы, и дальше бы на юг,
Увидел бы лезгинские аулы
И понял бы, что время – это круг.
Потом, хребет кавказский переехав,
Сквозь Грузию я б высоко пронёс
Её несостоявшееся эхо,
Её бокал, в котором больше слёз.
Как коршун, я бы пищу рвал когтями,
Постель себе стелил бы у костров,
И Турцию, что вровень с облаками,
Прошел бы, не вкусив её даров.
Невидимый, молчание хранящий,
Я плыл бы морем в сторону Балкан,
Качался бы со мною рядом ящик
С оружием опоздавшим для славян.
Направил бы стопы свои я к Риму,
Чтоб пыль его великую впитать
И разглядеть, как дерзко и незримо
Из Рима ускользнула благодать,
Уже почти добравшись до Парижа
Обжёгся бы о пламя Сен-Дени,
Париж в огне, опять в огне, чем ближе
Огонь, тем память девственной в тени.
Пьянящий виноград Андалусии
Отведать бы уже не привелось,
Когда б на свете не было России,
Я был бы вечный странник, вечный гость.
А так смотрю и вспоминаю Тулу,
На кухне закипает самовар,
Немножечко завидую Катуллу
И Шиллеру... Но поспеваает взвар

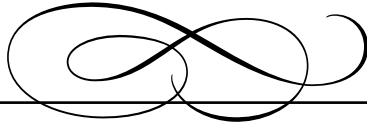
Из солнца, из любви, из песен ранних,
Из воздуха невероятных хвой.
Прекрасен мир, прекрасен тульский
пряник,
И самовар прекрасен тем, что мой.

* * *

Скажи, что ничего не было,
Что нам простили злую гульбу,
Что мир не от меня требовал
Расплату за вторую судьбу.
Скажи, что это солнце не выступит
На скулах краснотою стыда,
Скажи, что из объятий не выпустят
Нас время и любовь никогда.
Но ты молчишь, а поезд качается,
Никто ему не в силах помочь.
И нежность никогда не кончается,
Но кончится когда-нибудь ночь.
А злоба растекается желчная
По тем, кто не решился уснуть.
Дорога постоянной, чем женщина,
И больше, что отмеренный путь.
Мелькают полустанки печальные,
Шумит лесов зелёная плоть.
Пусть свечи загорятся венчальные,
Чтоб милостив остался Господь!
Земля давно по кругу отбегала,
Хранит свою особую статью.
А я ищу разбитое зеркало,
Чтоб чьё-то отраженье достать.

* * *

Неприхотливая улочка,
Сумрак знакомых кафе.
В небе – вчерашняя булочка,
Бармен всегда подшофе.
Стёкла неровные в трещинах,
Память выходит из рук,
Надо бы с жизнью порезче мне,
Надо бы, да не досуг.

В воздухе утлая лодочка,
Бога на ней не гневи!
Кофе наверно, холодный уж?
Не холоднее любви.

Не холоднее, чем проблески
Разума у дураков,
Не холоднее, чем облики
Девушек прошлых веков.

Улочка пахнет конфетами,
Ландышем пахнет, халвой,
Улочка между проспектами,
Между тобою и мной.

Дни начинались здесь праздные,
И утекли, как вода.
Жаль, что ходили мы в разное
Время туда и сюда.

Жаль, что ты выбрала лучшее,
Не расспросив про меня,
Жаль, что надежды тягучие,
Я на слова променял.

Нечего больше рассказывать,
Выбилась память из сил.
Кофе придётся заказывать...
Этот давно уж остыл.

Ирина ЗНАМЕНСКАЯ

Санкт-Петербург

* * *

Ничто не пропадает никуда,
Утопленное в памяти кромешной...
В Крещение освящается вода,
Год постоит –и снова станет грешной.

Уже почти закончится зима
И жизнь почти начнется с новой строчки,

Но совесть –хуже горя от ума
Грядущее размелет на кусочки,

На колкую крупу, на пыль, – и вот
Ее метелью побивает всходы
И этот шквал несет тебя, несет
И бьет о стенки скальные свободы

О грабли окровавленные, о...
И неоткуда, вроде, ждать прощенья...

...Но снова наступает Рождество.
И воды освящаются в Крещение.

* * *

Вечный ноябрь. Непролазны борозды.
Пухлый «Бедекер» глядит удивленно:
Так для кого ж устилаются гнезда
Темно-багровыми листьями клена?

Кто в этот срок, для любви непригодный,
К ним прилетит –и зачем? И – откуда?
Ангел надменный ли, демон голодный,
Или иное пернатое чудо?

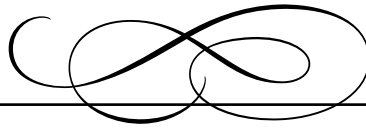
Дома скучайте, заморские мымры –
Всем же известно, что по гололеди
В Питер, во Псков и в Саратов и в Кимры
По вечерам забредают медведи,

Сырость вползает и бездна зияет,
Евроремонты прижав к развалюхам...
Так что рубиновый отсвет сияет
В гнездах вороньих, присыпанных пухом,

Не на показ, не про ваше везенье –
Это для тех, кто уже не впервые
Здесь народился во дни потрясенья –
И умирает в года роковые.

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

...Знаки подаешь, тревожишь,
То усадишь, то уложишь,

То в стекло дохнешь – вот-вот
Кто-то раненый войдет?..

Из твоей февральской шубы
Молча выпрастали губы
Вега, Ригель, Процион...
Проскрипел по снегу слон
Ростом чуть побольше кошки
И луна с лицом матрешки –
Меж сырых овчинных туч...
...Вот уж не луна, а луч –
Так, мизинчик лунный голый
Скрылся в шубе долгополой...

Запах ночи.
Звездный зрак,
Круглый, как Иван-дурак...

Скрип судьбы.
Предвестник чуда.
Ты – сюда? А мы – отсюда:
Уж покинули места
Два жасминовых куста,
А садовая скамейка
Спит, как дружная семейка
Реек, скоб, гвоздей и дыр...

Так и был задуман мир!
Так и стал, исполнен в снеге!

(Кто там едет на телеге,
На соленом колесе?
Вроде – неживые все...)

Есть ли разница какая? –
Ты лежи, земля, сверкая,
Стой, бездвижная вода!..

Вы – сюда.
А мы – туда.

* * *

...Ища босой ногою брод,
Весна себя осознает
Неглубоко, неточно,

Сомнительно,
непрочно:

Вокруг звучит чужая речь...
Да полно! –Речь ли это? –
Звук норовит свистеть и течь
Навстречь –из тьмы, из света.

...Ей удивителен песок
И с треском тающий кусок
Воды, что станет тучей,
Гремучей и летучей...

Весна не ведает Творца –
Как маленькие люди
В упор не узнают отца,
Нырряя носом в груди.

Ей жизни не хватает всей
Осмыслить лужу и ручей,
Небесный гром и горный,
И синий цвет и черный...

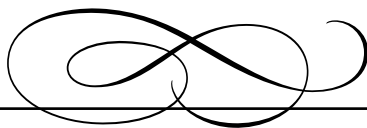
Она не вспомнит прошлый путь,
Но, привыкая к плоти,
Глядишь, придет куда-нибудь...
А вы не так живете?

ДВЕРЬ

...Не страсть беззубая с косой,
Не дядька черный и босой
И не набор костей,
Не плоский всадник в простыне
На обезвоженном коне
Из составных частей –

Но попросту –любая дверь...
А ну, открой ее, проверь,
Что там за нею?
– Сад!
А за другой – вода бежит
И ужик вдоль воды лежит...
Закрой ее назад.

За этой, глянешь, –просто шкаф.
А у иной –железный нрав:

Там цербер и грифон,
Не напасешься там очей,
Зубов и прочих мелочей,
Что требует Харон.

Но как-нибудь откроешь Ту,
Где вдруг застынешь на свету,
Из тьмы шагнув едва...
Там наших больше, нежели здесь:
Она там есть и онтам есть,
Там все подряд умеет цвести –
И мысли, и слова...

Альберт ИВАНОВ

Москва

ЗЛАТАЯ ОСЕНЬ

В саду ликовала роскошная осень,
Природа оделась в прекрасный наряд...
На кронах деревьев осенняя проседь
Златою листвою привлекала наш взгляд.

Красивые астры цвели пышным цветом,
Краснел георгиновый дивный отряд.
Пурпурной листвою провожал это лето,
Взбираясь по краю холма виноград.

Рябина свою красоту обнажала.
Боярышник был ей всё также под стать,
Каштан в позолоте стоял величаво,
Кружилась меж ними пернатая рать.

Душа восторгалась от этого рая,
И вечной казалась такая пора,
В которой природа палитрой играя,
Была необычно для глаза мила.

Никак не хотелось поверить прогнозу,
Что скоро в Россию придут холода...
Но в сердце останется: ведро, стрекозы
И бабье лето пора – навсегда!

Валерий ИВАНОВ

Москва

ОГЛЯНИСЬ

Если нет любви впереди,
Оглянись.
Помолись на снега и дожди –
Бог есть мысль!

Если давит обид печать,
Оглянись.
Лишь забвенью умеет прощать –
Бог есть мысль!

Если в будущем тьма одна,
Оглянись.
Там Земля ещё чуть видна –
Бог есть мысль!

Если зеркалом вспыхнет даль,
Оглянись.
Всё равно не рождённых жаль –
Бог есть мысль!

ЛОКОНЫ ГАЛАКТИК

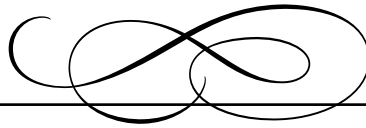
Без бубенцов, икон и заклинаний
В иную красоту вернуться смог –
Вновь в зарево межзвёздных расстояний
Влюблён сильнее, чем в гул моих дорог.

Не зря ль поторопился я оплакать
И юность, и любовь мою, и кров?
Во тьме сияют локоны галактик
И сполохи соития миров.

Другой, далёкой верен метеорно,
Минуя грусть народов и вождей,
Привет передаю, с земным восторгом,
Её дождям от всех моих дождей!

От всех цветов, снегов и листопадов,
Воспетых и забытых навсегда.
О, скорость мысли! Луч родного взгляда...
И над её планетою звезда.

Геннадий ИВАНОВ

Москва

* * *

*«Наверное, сербы по жизни немало теряют,
Но Господу всё же судьбу свою в руки
вверяют...»*

Бгагое Бакович

«Наверное, русские много по жизни теряют,
Но Господу всё же судьбу свою в руки
вверяют...» –

Могу ли сказать я вот так же, как сербский
поэт,

О русских?
Сказать не могу я так, нет.

Мы, русские, разные – слишком разбитый
народ

На партии, кланы...
Кто смотрит назад, кто вперёд...
И всё у нас как-то сегодня идёт вразнобой.
Кто в храм устремился,
А кто устремляется в бой...

А кто-то устал и не верит уже никому,
Ему бы дожить, дотянуть бы до смерти ему...

Что делать? Что делать?
Работать, молиться, не спать?..
Без помощи Божьей
Единым народом не стать.

* * *

Мне говорит старик: «Привыкнем.
Привыкнем – и в аду не мыкнем...»
Мне говорит старик, а сам
Ведёт ладонью по глазам –
Стирает слёзы.

Милый отче,
Ты плачешь по родной стране...
Теперь и уже, и короче
Страна родная. Как во сне

Всё изменилось, стало чуждым.
Народ обманут, оскорблён.
И стал он, кажется, ненужным
Вообще – и вымирает он.

Навряд ли к этому привыкнем.
– Привыкнем – и в аду не мыкнем...

МОИ ЗЕМЛЯКИ

Бежечане моются в чане,
Бежечанки ездят на тачанке...

А вообще – мои земляки
Помирают с тоски:

Заводы встали, колхозов нет.
В конце тоннеля – лампы свет.

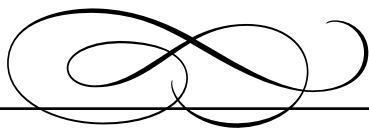
* * *

В России есть ещё природа,
И даже власть в России есть.
Но только нет уже народа,
И дух почти извёлся весь.

Да, люди есть, ещё нас много,
Но затерялся некий зов –
Чтоб на него по всем дорогам
Пошёл, пошёл народ с низов...

С низин и с гор, с лесов и пашен
Чтоб он тянулся, жил и креп!..
А так наш путь – уныл и страшен,
И горек без надежды хлеб.

Юрий ИВАНОВ

Лебяжье, Лен. Обл.

* * *

Кичишься тем, что ты рожден
Под Водолеем или Овном.
Меня ж, из множества имен,
Назвали именем церковным.

Мой род из тех, кто, терпелив
И смел, и грозен в яркой сечи,
Лелеял песенный мотив
И красоту славянской речи.

За мной – исток, что бьет ключом,
Маня уставшего в дороге.
За дверью, двинутой плечом,
Друзья смеются на пороге.

Как хорошо, что все же есть
Во мне отцовские задатки.
И мне их с честью дальше несть
Для сына, спящего в кроватке.

Под лай сгулявших собак
И трели птицы красногрудой
Я то скажу, что мне никак
Негоже сделаться иудой.

В ТИХОМ САДУ

В этом саду, где когда-то подружки
Облюбовали полянку и пруд,
Те же деревья и те же кормушки
Снова пернатых по осени ждут.

Все по старинке – скамейки, дорожки,
Дуб-долгожитель считает года.
Всё – как тогда. Лишь певучей гармошки
Им не услышать уже никогда.

Май не спешит в это тихое место.
Кто ж его встретит оркестром теперь?
Разве что дворник, жених да невеста,
Пара бомжей да подкинутый зверь.

Тихо в саду. И без личной причины
Прежних подруг, что так были дружны,
Злая судьба навсегда разлучила
На роковых перекрестках страны.

Мчатся года. В человеческой упряжке
Кто-то устал, кто-то вновь не у дел.
А гармонист в полинявшей тельняшке
Новую песню запеть не успел.

Елена ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ

Москва

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Плачет мама, старея, в кровати,
Вспоминает горошками платье,
Тех, кто рядом с ней рос и дружил,
Кто вернулся, а кто не дожил.

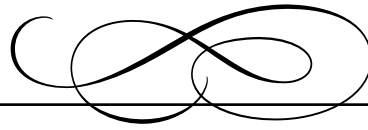
И все учит меня, наставляет,
Все беспомощней слезы роняет,
Потому что живет в той стране,
Из которой не вырасти мне,

Потому что когда победили –
Будто умерли, будто не жили,
Так накрыло их всех наповал,
Кто рожал нас, и кто не рожал.

А за мной ни войны, ни страны,
Ни прощенья нет, ни вины...
Город мутным косится зрачком
И не помнит никто ни о ком.

БАЛЛАДА

Злая толстая соседка
Называлась сукой в ботах,
Материлась очень метко
И ходила на работу.

В спину ей орали дети
 Непристойно и глумливо,
 И жила одна на свете,
 Это было справедливо.
 Это было беспощадно
 От конца и до начала,
 А хотела быть нарядной,
 Шапки толстые вязала
 И синтетикой скрипела
 На неведомых маршрутах
 И зверела, так зверела,
 Что сильнее нельзя как будто.
 Память маленькую детства
 Закрутила бигудями,
 Может быть, болело сердце,
 Может, плакала ночами...
 А потом она пропала,
 Сгинула, сдалась на милость
 Площади, где три вокзала,
 Поезду, куда сядилась...
 И уехала, не глядя,
 На могилку к маме с тятьей
 В ту деревню, в лес да в осень,
 В мир, что выманил и бросил.

ГОЛУБИ

Плыли голуби на лодке,
 Речка тихая несла
 В деревянные колодки
 Вправленные два весла.
 И стрекозы дружно ткали
 Вечера сквозной мотив.
 А они все не взлетали,
 Вдруг о крыльях позабыв.
 Берегов прощальных трели,
 В землю падало зерно...
 Плыли птицы как умели,
 Снизу дно и сверху дно.
 Рыбьи слезы оросили
 Лодки синюю корму,
 Может быть они решили
 Подвести черту всему?
 Может призраком ковчега
 Поманил их звездопад?...
 С берега сползла телега
 Будто тыщу лет назад.

Егор ИСАЕВ

Москва

ПРОСЬБА ВЕТЕРАНОВ

Площадь наша Красная, порадуй
 Молодым лицом своих парадов,
 Превеликой памятью повеи
 С наших вечно фронтовых полей,
 И позволь нам встать, хоть мы и деды,
 В караул у Знамени Победы.

ПАМЯТИ МУСТАЯ КАРИМА

– Да мы ж с тобой друзья,
 Мустай Карим,
 Вставай давай, давай поговорим.
 Ну, поболел, ну, хватит. Перестань.
 Ведь ты ж у нас большой поэт, Мустай!
 Ведь ты ж солдат!
 И он, представьте, встал

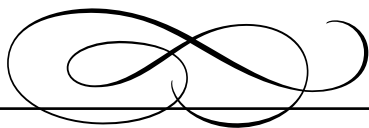
И – бронзовый – вошёл на пьедестал!

ПАМЯТНИК

Весь каменный насквозь, ни вдоха в нём,
 ни пульса,
 Шинель внакидку – человек-скала.
 Я подошёл к нему, рукой руки коснулся.
 И вдруг услышал: бьют колокола
 По всей земле – сильнее и глубже пульса...
 И памятник мне горько улыбнулся.

РАЗВЁРСТКА

А нас в живых осталась только горстка,
 От всех фронтов – такая брат, развёрстка.
 Мы тут еще, в кругу родных и близких,
 И там уже, в рядах у обелисков.
 Ещё чуть-чуть, ещё, ещё полшага, –
 Нам вечный сон, а юношам – присяга.

СЕДОЙ АККОРДЕОН

За годом год идёт, идёт за вехой веха...
И вот как будто я свернул за угол века,
И – замер вдруг на перетоке света:
Передо мной она, сама Победа,
Сидит на стульчике у каменных ворот,
Вокруг Москва торопится, снует,
Гудят машины, плещется неон,
А он, мой друг, седой аккордеон,
Кричит во все лады и ордена:
Не забывайте, что была война!..

Елена ИСАЕВА

Москва

* * *

Вот такая картинка: рыбачий баркас.
Век неважен, лишь синее с алым,
Запах мидий и сети – все как на заказ,
Как в кино со счастливым финалом.

Ты даешь мне возможность стоять на ветру,
Повторять в онемении имя...
Это детское чувство, что я не умру,
Как бы ни было там с другими.

Для несчастий мы недосягаемы тут,
Потому что, спасаясь друг другом,
Обретаем надежду, что нам воздадут
По молитвам, а не по заслугам.

* * *

Пока еще не покачнулось
Божественное равновесье
В любви – его не нарушают
Пейзажи за окном машины,
Которые важны обоим;
И места нет на свете лучше,
Чем та заправка у дороги,

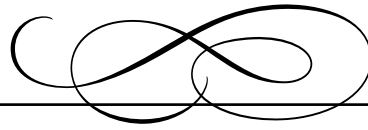
Где можно выпить чашу кофе,
Не замечая никого,
А только глядя друг на друга;
И одинаково бесценна
Для них обоих та собака,
Пришедшая просить подачку,
Хвостом виляя дружелюбно;
И одинаково прекрасен
Певицы хрипловатый голос,
О чем поющий? – все равно...
Пока еще картина мира
Не смазалась, не искривилась
Поступком, жестом или словом
Не-гармоничным, НЕ-ТАКИМ...
Пока еще «Балансировка»
Мелькает вывеской ненужной...
Ты вспоминаешь, как впервые
Держать училась равновесье
На старом, синем, двухколесном
Велосипеде – оказалось,
Что это самый нужный навык,
Который подарило детство.

* * *

Мало читаешь, не расширяешь словарный
Запас, мало гуляешь на воздухе свежем.
Не различаешь ударный и безударный,
Всё растворяется в какофонии, в промахе,
в лаже...

Мало думаешь, мало дружишь и любишь мало.
Мало шепчешь целительных слов,
спасительных, нежных,
Не перетягиваешь на себя одеяло,
Стала почти незаметна и безмятежна.
Мало видишь вокруг оттенков, вещей,
предметов.

Улыбаешься странно, почти виртуально.
Мир мрачнеет, если он фиолетов.
Жизнь скучнеет, когда она бездетальна.
Выбирайся, давай – начни хотя бы
с простого –
Открываешь словарь и читаешь за словом
слово.

* * *

По весне вспоминаешь, что запрещала себе
говорить.
Забивала себя работой, заботами рот
затыкала.

Думала – научиться курить,
Но стресса для этого, видно, пока что мало.
Зато научилась чувствовать наполовину, так,
Чтобы не выпустить бури из подсознания,
И если прохожий плечом толкнёт,
то сказать: «Дурак», –
Но про себя и прощая его заранее.
И когда загуляет Анька: «Я сегодня, знаешь ли,
не домой...» –

Скажет, однозначно так улыбаясь –
Эту радость усвоить, как витамин, самой –
Вспомнить, что не способна на зависть.
И уже не бояться, что если откроешь рот,
Может случиться, что не издашь ни звука,
Значит, научишься молча идти вперёд.
Где обновление – там непременно мука.
Что ж теперь делать, если кризис среднего
Возраста грянул вместе с кризисом мировым?
Верить, что нет во вселенной числа
последнего,
Сладко вдыхая сжигаемых листьев дым.

* * *

Как на расстоянье чувство обоюдно!
Идеальный образ рисовать не трудно!
Ужин не готовить, не стирать рубашки,
Не швырять при ссоре в исступленье чашки!
Не бледнеть от боли, увидав случайно,
Как он улыбнулся девушке из чайной!
Не гадать – какая на миру погода,
Не считать минуты до его прихода!
И, не раздражая ни душой, ни телом,
Беспорядком в доме, мясом подгорелым
Или тем, что просто постоянно рядом,
Как легко остаться Музой и Няждой!
Что же ты позиций не сдаешь без боя?
Неужели хочешь быть самой собою? –
И в тоске купаясь – липкой, терпкой, емкой, –
Разбиваешь чашку с золотой каемкой!

Инна КАБЫШ

Москва

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ

* * *

Кому – война, кому-то мать родна:
точней не скажешь. Так же и разлука.
Она кому-то крест, кому-то мука,
а мне звезда и свет в окне – она.
И каждый день, вставая поутру,
я вижу смысл во всём: и в том, и в этом,
поскольку,
даже если я умру,
ты возвратишься.
Не зимой, так летом.

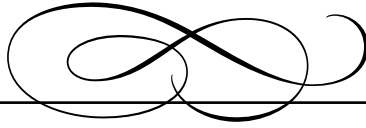
* * *

Десять лет без права переписки –
вот как я бы это назвала.
а стихи –
клочки они,
огрызки,
только чтобы сунуть в глубь стола.

Я её у Бога не просила,
да Всевышний и не Дед Мороз,
значит, есть во мне такая сила,
чтобы гибнуть столько лет всерьёз.

И хотя к концу подходят сроки,
я-то знаю, что конца им нет.
И бегут беспомощные строки
в глубь стола
без права на ответ.

...Я когда-то в школьном пела хоре
(или, может, это был детсад?):
есть любовь,
солёная как море,
не приходят из неё назад.

* * *

Ох, ты глупая голова,
голова моя золотая,
я же слушаю не слова –
я на голострой залетаю.
Слов и я знаю через край –
силу их,

высоту

и градус...

Но вот ты говоришь «прощай»,
а я чувствую только радость.

* * *

Милые бранятся – только тешатся.
От такого счастья впору вешаться.
Я такого счастья не хочу.
Я устала, понимаешь, милый?
Я пошла б к знакомому врачу
и тебя бы вырезала силой
из себя.
Но от меня тогда
в мире не останется следа...

* * *

Господи!

ну почему всё так?

Почему даёшь не без убытка?

Почему любовь –

она же пытка?

Почему мне больно сделать шаг?

Ты же сам, что я люблю его –

сделал – и что вроде бы любима.

Почему же боль неистребима?

Кто ж Ты после этого всего?..

* * *

Прощай!

Ни в чём не упрекну.

Я наперёд тебя прощаю.

Я подойду сейчас к окну
и буду ждать. Я обещаю.

Хоть уезжай, хоть уплывай,
хоть улетай в своё далёко.
Кого-то где-то убивай
иль кем-то будь убит жестоко.

Опохмелись в чужом пиру
иль переспи со всей Россией,
всегда впусти.
Не отопру,
лишь если стану некрасивой.

* * *

«Всё будет, стоит только расхотеть».

А. Дидуров

Как я забыла – стоит захотеть!..
Я по частям тебя из сердца выну.
Я нынче расхочу тебя на треть,
а через день уже наполовину...

«И с глаз долой!» – напомнит мне народ.
Народ, он ничего не позабудет.
Я не хочу. Идёт за годом год:
Я рас-хо-те-ла.

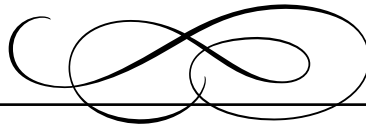
Ну: когда ж всё будет?..

* * *

Знаешь, я никогда не любила ткать
(да ещё распускать ночами).
Телемаку я, безусловно, мать,
что бы ни было между нами.

Я ждала тебя десять и десять лет,
и ещё прождала бы столько...
Но сейчас ничего между нами нет,
кроме выполненного долга.

И на двадцать каком-то уже году,
не сходя всё с того же места,
я, хороший мой, больше тебя не жду:
я не тку, как должна невеста.

Так что плавай и – «Полный тебе вперёд» –
где-то есть, говорят, Европа! –
только имя смени: Одиссей – лишь тот,
кого ждёт его Пенелопа.

* * *

Я же вижу: ты любишь не
всю меня, а один «изгиб»,
как сказал Достоевский.
Мне
это ясно: взглянул – погиб.

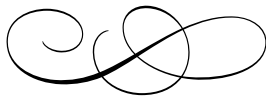
Но – что это?

Скажи сейчас!
Я в сплошной превратилась слух:
Тонкость рук моих? Зелень глаз?
Или, может, бессмертный дух?

Или дань отдаёшь уму
много, есть во мне чепухи! –
Я любой твой расклад приму,
только не говори: стихи...

* * *

Кабы был ты мне по крови родной,
заввала бы я тебя на Страстной,
ну а если всё не так, мой заветный,
заходи –
греха подальше –
на Светлой.

Сергей КАЗНАЧЕЕВ

Москва

* * *

Египет встретил нас дождём,
Точнее даже – ливенищем!
Как будто горний водоём
Внезапно прохудился в днище.

Тревога проявилась днём,
Когда готовились к ночлежью.
Потом дохнуло холодком
На всем акабском побережье.

Студёной сыростью в горах
Запахло резко и тревожно.
Затем в душе родился страх,
Стерпеть какого невозможно.

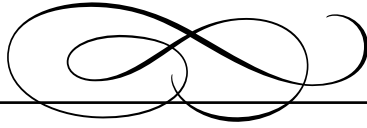
И недоступное уму
Вдруг стало обозримо взглядом:
Прожгло египетскую тьму
Ветвистой молнии разрядом.

Илия тут отверз глаза,
Да что за аргумент Илья им!..
Помилуй, горняя гроза,
Что разразилась над Синаем.

Содрогся Ближний весь Восток,
Как Сын Господень, распинаем.
Космический излился ток.
Дрожи, Ливан! Рыдай, Израиль!

Египет встретил нас дождём?
Нет! Привезли его с собой мы.
Ещё не то мы привезём
Из нашей северной обоймы.

Унылым и осенним днём
Кашица исструится с неба.
Прости, Египет, мы придём
Когда-нибудь к тебе со снегом.

ЛЮБЕ

Я сам себя не понимаю
(мозги, как видно, набекрень),
За что тебя я обижаю
Почти что каждый божий день.

Да, я не тот. А ты всё та ли?
Мы будем жить, любовь храня,
Ведь то, что у тебя отняли,
Отняли также у меня.

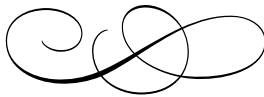
ОСЕННИЙ ПЕРЕЗВОН

В горьком запахе осиновой листвы,
Жёлтом до лимонного оттенка,
Мир туманный мчится к нам из тьмы
И мерцает журавлиным тембром.

И опять уже ноябрьский перезвон
Хрупких листьев проникает в клетки.
И пестрит лесами горизонт,
Словно матадор своей мулетой.

Сколько мы об осени твердим!
Сколько плачем под её напевы!..
И опять ноябрь избородил
Душу зрелым, выбранным посевом.

И деревья леса, как оркестр,
Уронили лиственные звуки.
Вновь ты, осень, падаешь с небес.
Я влюблено подставляю руки.

Геннадий КАЛАШНИКОВ

Москва

* * *

День наступает. Тень, поселившаяся на стене,
протирает горло и перья чистит,
дерево само по себе шумит в стороне,
дождь на ощупь пересчитывает его листья.

Приметы прошлого очевидны,
а грядущего – нет,
близоруко вглядываюсь в дальнезоркие
горизонты,
вопрос не задан, но подыскиваю ответ –
так на всякий случай с собой берут зонтик.

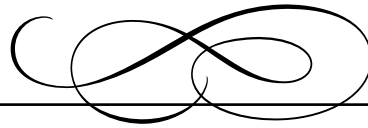
И, действительно, наклонившись близко
ко мне,
небесный яхтсмен или воздушный дайвер
что-то спрашивает, слышу его не вполне,
но отвечаю, что груз на плечах и свет в окне
ничего, не гнетут, вообще, – не давят.

* * *

Как жука из коробки,
достаю очередное слово
с усиками суффиксов,
рогами приставок,
золотым хитиновым корнем,
перламутровым окончанием.
По всем законам физики
оно не может летать.
И все же взлетает,
оставляя стремительный росчерк,
и гудит, и жужжит, и стрекочет.
От Белева летит до Формозы,
совершая метаморфозы,
во мрак впивается шутихою хвостатой,
царапиной, цикадою, цитатой;
светящиеся петли этих странствий
загадочней каналов марсианских.
И не сгорает, не сгорает, всю горя,
как Фет сказал: не жаль того огня...

Все остановится. Все перестанет длиться.
А оно все будет летать, трепетать, светиться...

* * *

То, что прочел, оно с тобой всегда
и все своим подсвечивает светом.
Редеет облаков в Чертанове гряда,
так я сказал, и кто помог мне в этом?

Закат оплавил облака овал –
я сам сказал иль сказано не мною?
Я это вижу? Или прочитал?

Муму с Каштанкой лают за спиною.

Михаил КАМЕНЕЦКИЙ

Воронеж

* * *

Какую ни выплаты дань,
не будет чрезмерною плата
за эту вечернюю даль
в скудеющем свете заката.
За синюю над головой
проталину в дремлющих тучах,
просёлок в глуши полевой,
колючий татарник на кручах...
В убогой деревне степной,
как горестный голос утраты,
кольнёт запоздалой виной
вид сельской заброшенной хаты...
Напомнит о том разговор
с листвою одинокой ракиты...
– Какой обезлюдел простор,
какие истоки забыты!..

ВОСПОМИНАНИЕ О КИНО

Я помню фильм про Сталинград.
Разрывов грохот...
И воронки...
С войны солдат –
побывке рад –
спал на коленях у девчонки.

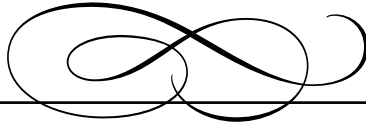
Быть может, в первый раз сполна
спал –
не тревожным сном привала –
в промёрзшем зале,
где война
его огнём не доставала.
Любовью верною храним...
Давно картина отгремела.
Склонилась девушка над ним...
И всё будить его –
не смела.

* * *

Ольха над замшелостью крыши,
избу подпирающий кряж...
По небу вечернему вышит
бесхитростный этот пейзаж.
Печаль его так первозданна,
как жалоба ветра в траве –
как будто с картин Левитана
сошла и таится в листе,
в растресканных брёвнах овина,
в изломе подгнившей стрехи...
Прильнула туманом повинно
к свисающим веткам ольхи.
Из связок сухих огорожа –
не стойкого братства стеблей...
– Продлись же,
свой срок не итожа,
видение русских полей!
Тревожной души моей частью
останется сирая весь –
как плач одинокий по счастью,
которого
не было здесь...

* * *

В приворотной моей стороне
почки, соком набухшие, чутки.
И на тясминской стылой волне
поплавками качаются утки.
Прогибается солнечный свет
над водой золотым коромыслом,

что над быстрой рекой моих лет
шатким мостиком в детство повисло.
За обрывом речным – на юру
бродит ветер с подоблачной тенью.
И, похрустывая, поутру
распрямляются ветки к цветенью.
И над хатой в крутой вышине
то к приволью степному,
то к лугу –
ходит аист, как память во мне:
всё по кругу,
по кругу,
по кругу.

Евгений КАМИНСКИЙ

Санкт-Петербург

* * *

Раннею птахой являюсь на свет из балка:
тихою сапой по небу плывут облака.
Я молодой. Восемь тысяч всего до жены,
а вот живи так, как будто мосты сожжены.

Нет, не слетать мне к жене молодой на денек.
Съеден терпенья сухой безысходный паек...
Только во сне к ней и можешь войти,
как инкуб,
жадно впиваясь в маслины малиновых губ...

Местный начальник не гонит на дальний
планшет.
Спирт допивая, клянёт Колыму и Тайшет...
(Умерший так вот, очнувшись уже на Луне,
жизни проклятой грозит кулачищем
извне...)

Все поучает: первейшее средство тайга,
если жена с лучшим другом наставит рога.
Если не нужен уже на земле никому,
на Колыму, говорит, поменяй Кострому...

Спирт допивает, Тайшет с Колымою клянёт,
хвалится тем, что внутри отчуждения лед,
и как ребенок все ждёт, что с повинной сама
на Колыму к нему вдруг приползет
Кострома...

Все перемелется. Вспомнится только потом,
как он лежит, бездыханный, на койке
пластом,
и две слезинки сбегают со скул, не спеша,
волком пока в Костроме его воет душа.

* * *

Ничего за душою,
если речь о душе...
Оказаться правшою
неуютно левше.

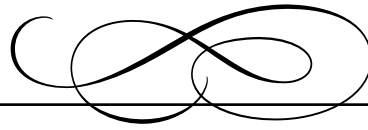
И не левый, а правый,
вставший с левой ноги,
нам грозит здесь расправой:
мол, и сметь не моги.

Мол, ответишь за это
и за то дашь ответ...
На плече – эполета,
в кобуре – пистолет.

Невозможно на равных
левым с правыми быть.
Это время для правых,
показавших всю прить.

Но на долю устало
не пожалуюсь, ведь
это левым настало
время правых жалеть.

В рассуждении здравом
ведь ни левым, увы,
а имеющим право
не сносить головы.

* * *

А все ж и ты умрешь. В том смысле,
 что с души
 два ангела сорвут изношенные ризы,
 за крылья придержав: не очень-то спеши,
 какие там тебя, кто знает, ждут сюрпризы...

Еще немного тут под следствием побудь,
 пока ученый муж – в годах почтенных дядя
 твою не отворил измученную грудь:
 причину изучить молчанья на ночь глядя.

Хотя, что изучать... Причина такова:
 от точных слов дойдя едва ль не до мычанья,
 ты смолк не потому, что умерли слова,
 а потому что сам вдруг вырос до молчанья.

Прочувствуй до конца задуманный Творцом
 восторг небытия и радость от утраты
 сей роли: быть всю ночь румяным молодцом,
 когда порой дожить не в силах до утра ты.

А все же ты умрешь, чтоб быть самим собой.
 В том смысле, что никто уже тебя не сможет
 за радость быть другим привлечь как
 за разбой...
 и жизнь твою своей любовью не изложет.

* * *

Ничего не сказал в простоте.
 Нагонял все зачем-то туману
 на слова сокровенные те,
 что казались душе по карману.

И слова эти, надо сказать,
 под рубахой из райского сада
 я носил сюда как благодать,
 что, конечно, и грех, и услада.

Но они (как не мог я понять!)
 ни в каком не нуждались покрове
 и всегда за себя постоять
 здесь умели без страха до крови.

И не я вовсе в дождь ли, в туман,
 а глаголы нетленные эти
 день за днем здесь слагали роман
 об одном неизвестном поэте.

О печальной вполне стороне
 для такого привычного дела
 как всю жизнь умирать на войне
 обреченного духа и тела.

* * *

Вот теперь и свершается все, что писал
 Богослов
 для таких вот, как ты, в жизнь упрямо
 влюбленных ослов,
 гордо мнящих себя здесь не глиной,
 а чем-то иным,
 разрывающихся между горнем в себе
 и земным.

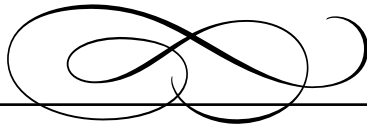
Нелегко отцепиться тому, кто приписан уже,
 даже если попутчик он и подпоручик Кижке.
 Это подлое время и город над вольной Невой,
 подловив, повязало системой своей корневой.

И в саду с Аполлоном, и возле Ростральных
 колонн,
 даже в зале колонном ты связан как Лаокоон,
 и не больно так душу твою пьет унынья паук,
 равнодушно иглой протыкая, как доктор наук.

Молодцу-страстотерпцу мясо подавай,
 а не сныть,
 молодится старуха, ища здесь кого совратить,
 правды знать не желает ни голь записная,
 ни знать...

И антихрист глядит, не идут ли на царствие
 звать.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Алма-Ата

ПОВЕСТЬ

На окраине дом
Желтым дышит окном.

Тень в оконном проеме.
Знаю – двое в том доме.

Мать и дочь без отца.
Постою у крыльца.

Помолчу. Постучу.
И попить попрошу.

И дадут мне напиток...
Все опять повторится.

Через несколько лет
В том окне тот же свет.

Мать стоит у крыльца,
Сын растет без отца.

ТУРПОЕЗДКА

Сверял гексаграммом Афины,
Но не нашел, чего искал.
Передо мной одни руины,
На сто столетий опоздал.
В углу кофейни тихо сел я
Оплакивать свой древний путь...
Найти бы время,
«Одиссею»
Перечитать когда-нибудь.

СТАРАЯ АЛМА-АТА

Н. И. Овчинникову

Природой сотворенный сад камней
Меж горных речек двух – Алмаатинок.
Там засмотрюсь на тишину снежинок,
Прислушаюсь к дыханию огней.

Мне в мире нет и не было родней
Той улочки, где черно-белый снимок
Всплывал из ночи памяти, а в ней
Звон под карнизом родниковых льдинок.

И в рифме «горы – город» есть ландшафт,
Там в мамин я закутывался шарф
В одном из обживаемых ущелий.

Пугасов мост. Фуникулер. Базар.
Кресты могил, и на холме мазар –
Сквозь голубые царственные ели.

ОСТАНКИНО

Встает державный шпиль бетонной
телебашни,
Над городом пространств так распахнув
крыло,
Что где-то спутник борозду небесной пашни
Ведет, ведет, ведет – до встречи с НЛО.
В останкинском пруду не спит мое весло.
Я, погрузив его, отгроб пустые шашни.
И в отраженный шпиль восходит день
вчерашний,
Мерцающая на воде сквозь темное стекло.

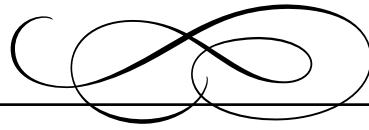
И вновь фантазия проспекта Королева
К бульвару Звездному в ночи меня влечет,
Как птица, не найдя под этим небом крова,
К кинотеатру «Космос» выправит полет.
Сеанс идет всю ночь. У входа сторож слова –
Поэт с метлой и на полставки звездочет.

ДОЛИНА

Сержану Канапьянову

В долине таял образ дня,
Рождались тени.
Куст превращался возле пня
В рога оленя.

Бездонно следом ночь плыла,
Дышала тучей
Сквозь слой воздушного стекла
Над горной кручей.

Войду ли в ночь... Но белый конь
Скачком с кургана
Обронит и в мою ладонь
Росу тумана.

В ней возгорится образ дня
Лучом кристальным...
Все повторится без меня
В долине дальней.

* * *

Пришли неизвестно откуда,
Уйдем неизвестно куда.
Последняя выбита ссуда
На смутные эти года.

Быть может, к последнему морю
Выводит дорога судьбы,
Где к звездному тянется рою
Блаженная пыль ворожбы.

Мне слово мое нагадали
На строчках святого шитья.
Мелькнула цыганкою в шали
Бездомная муза моя.

И, прячась строкою в дискету,
Проступит на той стороне
Тот образ, что виден поэту
В небесном предутреннем сне.

* * *

Яблоком дышит Нью-Йорк,
Райскую сделку пророчит.
Незатишающий торг
Неутихающей ночи.

Бар превращен в общепит
В духе совковых соседей.
С плеером нищий сидит,
Слушает музыку меди.

Кину я квотер с ленцой,
Он усмехнется лукаво.
Травкою пахнет,
Пыльцой
С примесями какао.

* * *

Затаилась в кронах осень,
Шелестит листва.
Ни о чем она не просит,
Ни к чему слова.

Как по древнему поверью:
Нас в природе нет.
Только черные деревья
Сквозь осенний свет.

Валентин КАРАСЕВ

Москва

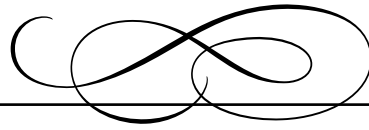
* * *

Тёмным покрывалом синей ночи
Мир объят в тяжёлой тишине
Звёзд с небес распахнутые очи
Словно сам неназванный восхочет
Что-то главное сказать во сне

Алою нетленной полосой
Возгорается рассвета пламень
Под ногой божественной босою
Утро омывается росой
И уже судьбы отринут камень

Расцветает белый первоцвет
Свежестью струится луч по весям
Ангел будит крыльями рассвет
Весть святая дарит миру свет
Люди, радуйтесь, Христос Воскресе!

Сергей КАШИРИН

Санкт-Петербург

СТАРОМУ ДРУГУ

«Немалый пройден в жизни путь, –
Мой старый друг твердит с любовью. –
Спокойней будь, разумней будь,
Побереги свое здоровье.

Уйми свою былую прыть,
Ах ты, товарищ мой, товарищ,
Приспели годы просто жить,
А ты чуть что – и враз вскипаешь.

Всему приходит свой черёд,
Слабеют с возрастом резервы,
А ты все рвешься наперёд,
И сердце рвешь, и тратишь нервы.

Жизнь всё труднее, что ни день,
Особенно для нас, ледащих.
Раздухаришься, старый пень,
И запросто сыграешь в ящик!...»

Молчу, киваю: может быть
С дурной натурой моею,
Да понимаешь, просто жить
И не умел и не умею.

Я знаю, многие в борьбе
Не сберегли себя страдалцы,
Но не позволили себе
На всё про всё смотреть сквозь пальцы.

Кому-то в том и благодать,
Но мне пример – иного рода:
За правду до конца стоять
Во имя русского народа.

И ты не смей меня учить
Борьбы и риска сторониться,
Я не умею просто жить
И не хочу тому учиться!

СМУТА

Хотелось бы Россию воспевать,
Воздать ей по заслугам и уму,
Но, как ни жаль, похоже, что опять
Россия погружается во тьму.

Опять готов идти на брата брат.
Грядет черед ножам и грабежам.
И словно плеть, отборный русский мат
Всех без разбора хлещет по ушам.

Стоят без дела плуги и станки.
О, Боже мой, что стало на Руси!
С утра сивуху хлещут мужики,
Как говорится, только подноси.

Ополоумел православный люд.
Разрыт, разрушен вековой уют.
А бабы курят. Бабы тоже пьют –
В грехах от мужиков не отстают.

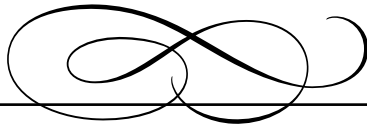
Отринута святая благодать.
Покинута детьми седая мать.
В России жены не хотят рожать.
Пришла пора России вымирать.

Всё тяжелее, всё мрачнее мгла.
И только там, где блещут купола,
Пытаются гудеть колокола,
Что Русь когда-то праведной была.

День ото дня угрюмей небосклон.
И душу рвет картавый крик ворон.
И явственно плывет со всех сторон
Не благовест, а похоронный звон.

СТОН РУССКОГО ПОЛЯ

Оглашена предсмертным стоном
Погибель русского села.
И стонут, стонут страшным стоном
В моей душе колокола.
Грудь разрывается от боли,
И взор туманится тоской:
На необъятном русском поле
Бурьян венчается с лозой.

Здесь раньше рожь – стеной. А ныне,
Как поглядишь из-под руки,
На незасаженной равнине
Одни сплошные сорняки.

И ни лошадки, ни буренки,
Ни тракторишки, ни машин.
На сто избушек – три бабёнки
Да двое пьяненьких мужчин.

Хлебнут, утрут рукою губы.
Им хорошо навеселе.
Воистину – живые трупы,
Не нужные родной земле.

Весна... Такое время года,
Что в поле б все до одного.
А тут... Какая тут работа!
Да и зачем? И для кого?

Одна забота – только б выжить,
Да выпить бы... И все дела.
И слышу я... И страшно слышать.
И бью, и бью в колокола.

Константин КЕДРОВ

Москва

* * *

Земля летела
По законам тела,
А бабочка летела,
Как хотела

ФИАЛКИАДА

*Посвящается А. Вознесенскому,
подарившему мне поэму
«Возвратитесь в цветы»*

Цветы растут друг из друга
И мы с тобой друг для друга

В солнце макая маки
пишут Ван Гога маки
пишут Моне кувшинки
пишет тебя сирень
Все мы друг друга пишем
гроздьями каждый день

«Возвратитесь в цветы» –
говорит Вознесенский
возвратимся Андрюша и я и ты
а когда возвратимся
то вновь возродимся
и конечно же в нас возвратятся цветы

Нам нельзя возвращаться в тюльпаны и в маки
Горл бутоны готовы
И еще неизвестные монстры Ламарка
вырастая из горл
возвращаются в слово

Сад словесный ночной гиацинтовый росный
Соловьи айлавьют свои гнезда из горл
Как разряд освежающий нежный и грозный
сад словесный рыдающий как Кьеркегор

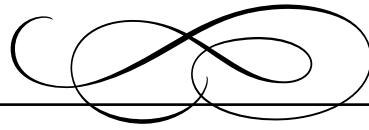
Мы не можем ждать милости от сирени
Мы не можем ждать милости даже от роз
потому что все Сирины осиротели
без сирени отрубленных Врубелем слез

Отцвели уж давно тамплиеры в кострах
а зола ещё жжёт ещё жжётся зола
Тамплиеры в кострах
Хризантемы в садах

Так из лилии вышел Христос и по водам
шел в одежде из лилий общаясь с народом
Эта лилия словно небесное лоно
породила весь мир и царя Соломона
«Даже царь Соломон так не выглядел прежде
как небесная лилия в белой одежде»
Так и вы облачитесь в одежды из света
Бог воздаст вам за это
воздаст вам за это

Мы прошли по земле
как Христос по воде
оставляя лилий следы

Мы прошли по земле
и остались в земле
как в земле остаются сады

Семена наших душ
прорастут как цветы
и цветами осыплется сад
А над нами на небе другие сады
звёзды гроздьями света висят

Бахыт КЕНЖЕЕВ

Нью-Йорк – Москва

* * *

Вот и зрелость моя, ряд огородных пугал
(гипертония, тщеславие, Бог живой) –
притомилась. Пора осваивать новый угол
зрения. Например, с луговой травой

не спеша сростаться. Радоваться туману.
Не бояться ни заморозков, ни хищных губ
молодой коровы. Весело и безмянно
шелестеть на ветру. Былинка всякая –
жизнелюб.

Солнце палит. Овчарка без толку лает.
Холодеет день в осьминожьей короне гроз.
Некоторые цветут, а другие не успевают,
но не плачут об этом за отсутствием глаз
и слез.

И ответ на замысловатый вопрос простого
проще. Осень. Солома, сено. Речь
выспренная суха.
Неуёмный простор усиливает до стона
выдолбленную из ивы дудочку пастуха

* * *

Что мне сиротское детство – морозное,
черно-белое? что мне

целебный пар вареной картошки,
перенаселенный, запущенный дом?
Чем моя юность звенела? Не вспомню.
Чеховскую струной? нелетной погодой?
искалеченным тополем под дождем?

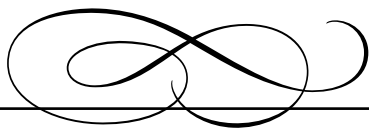
Минуло, кануло, и ни дочери не узнают,
ни сыновья мои
как неповторим и неласков твой
промысел, Господи, как склонялась
настурция за оконную рамою
над пропастью переулка, пропахшего
тлеющей палой листвой.

Справа – пожарная часть, слева – мёртвая
церковь с бедными
куполами, в центре – неладное древо жизни,
и я впервые всевышнему лгу.
А несметное время бежит, задыхаясь,
рассекая ладонями медными
воздух сухой, доставая духи и помаду,
прихорашиваясь на бегу...

* * *

Прозревший вовремя буддист, один
на каменной кровати,
давно забыл, что мир нечист, что человек
зачат в разврате:
он предков чтит, не пьет вина, мурлычет
мантры допоздна
не видит снов про лед и пламя, но слышит:
на краю земли
шумят просторными крылами невидимые
журавли.

И рад бы в рай, да не пускают грехи.
Поплачем, помолчим.
Как в сердце бьет волна морская тяжелым
золотом своим!
И пленный ум, и ум бессонный страшатся
неодушевленной,
необратимой череды унылых
перевоплощений –
псом станет царь, дебилом – гений,
землей – полночные труды.

Звезде – сгущающейся плазмой,
 нам – льдом на воспаленных снах
 утешиться, да безобразной, но честной
 старостью. Монах
 тибетский – непорочный лотос, живая
 молодость и кротость, –
 не станет за меня молиться подстреленному
 журавлю –
 но я и сам с небесной птицей дорог
 воздушных не делю.

* * *

Табак, водка, ночь. Третьи сутки
 одно и то же вранье.
 Стесняться прошлого? Дудки!
 Паршивое, да свое,

как я уверял когда-то.
 Ну и? Повторяться – не
 такой уж и грех, солдаты,
 лепечущие во сне.

Пусть бедствовать с музой тощей
 несладко, но жизнь – жива,
 и жалкая честность проще
 лукавого воровства.

Есть молодость без утайки,
 которая в нужный час
 к безглазой, глухой хозяйке
 спокойно подводит нас –

и мудрость есть без оглядки, –
 хотя ее тоже нет,
 за вычетом той тетрадки,
 где страсть, словно вербный свет,

где старый мазай и зайцы
 под недорогой ольхой
 красят пасхальные яйца
 луковой шелухой.

* * *

«Обласкала, омыла, ограбила – рано умер,
 и поздно воскрес.
 Рад бы жизнь переписывать набело –
 только времени стало в обрез.

Долистать бы ночное пособие по огням
 на межзвездных путях,
 залечить, наконец, хронофобию –
 не молитвой, так морфием». Так

человек размышляет единственный,
 оглушенный бедой мировой,
 ослабевший, а все же воинственный,
 непохожий, но просто живой.

Всем воздастся единою мерою. И когда
 за компьютером он
 до утра ретуширует серые фотографии
 серых времен –

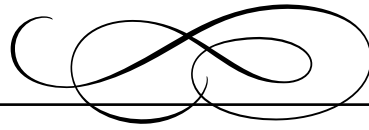
пусть бензин и промерзшая Лета, пусть
 облака над отчизной низки –
 только б светопись, ломкая летопись,
 заливала слезами зрачки.

* * *

Есть в Боливии город Лима, или в Чили?
 Да нет, в Перу.

Мое время, неумолимо истекающее на ветру
 вязкой кровью, знай смотрит в дырочку
 в небесах, и грибов не ест,
 и все реже зовет на выручку географию
 отчих мест, –
 где в предутренней дреме сладкой
 выбегает, смеясь, под дождь
 стихотворною лихорадкой одержимая
 молодежь,

путешественники по дугам радуги. Где вы?
 Вышли? Ушли?
 Как любил я вас, нищие духом, бестолковая
 соль земли.

Где ты, утлая и заветная, после «а»
 говорящая «б»,
 подарившая мне столько светлой
 неуверенности в себе?
 Я не вижу тебя, моя странница, как ни
 всматриваюсь, пока
 к звездным иглам дыхание тянется – сирой
 ниткою без узелка.

ОЗЕРО ШАМПЛЕН

Я странствую: ветшайшая из льгот.
 Скала – агат, вязанка дров – фагот,
 Заросшая тропа – кошачья лапа.
 Паром забит, но толчея у касс
 Московскому студенту не указ –
 Бочком, бочком, и я уже у трапа.

Пускай ступени, словно в детском сне,
 поскрипывают. Совершенно не
 страшусь. Подземные, земные,
 небесные... А я смеюсь, дышу
 подветренным простором. Анашу
 смолит один попутчик, а иные –

кто сжал Евангелие, кто молча тербит,
 грошовый амулет, кто так, скорбит
 о свете говорящем. Посмотри, мой
 товарищ – смерть не ведает стыда,
 и хижины Вермонта навсегда
 отражены в воде неповторимой.

Тимур КИБИРОВ

Москва

* * *

Их-то Господь – вон какой!
 Он-то и впрямь настоящий герой!
 Без страха и трепета в смертный бой
 Ведет за собой правоверных строй!

И меч полумесяцем над головой,
 И конь его мчит стрелой!

А наш-то, наш-то – гляди, сынок –
 А наш-то на ослике – цок да цок –
 Навстречу смерти своей.

А у тех-то Господь – он вон какой!
 Он-то и впрямь дарует покой,
 Дарует-вкушает вечный покой
 Среди свистопляски мирской!
 На страсти-мордасти махнув рукой,
 В позе лотоса он осенен тишиной,
 Осиян пустотой святой.

А наш-то, наш-то – увы, сынок –
 А наш-то на ослике – цок да цок –
 Навстречу смерти своей.

А у этих Господь – ого-го какой!
 Он-то и впрямь владыка земной!
 Сей мир, сей век, сей мозг головной
 Давно под его пятой.
 Виссон, багряница, венец золотой!
 Вкруг трона его веселой гурьбой
 – Эван эвоэ! – пляшет род людской.
 Быть может, и мы с тобой.

Но наш-то, наш-то – не плачь, сынок –
 Но наш-то на ослике – цок да цок –
 Навстречу смерти своей.

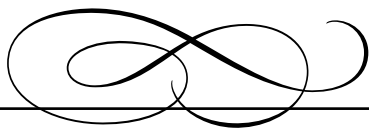
На встречу со страшною смертью своей,
 На встречу со смертью твоей и моей!
 Не плачь, она от Него не уйдет,
 Никуда не спрячется ей!

* * *

*Пришед находит их опять спящими,
 ибо у них глаза отяжелели.*

Мат.26,43

Ах, какая ночь, какая луна,
 Ах, какая в саду стоит тишина!
 Еле-еле молитва слышна.

Ах, как пахнет трава, серебрится листва,
Как темна и тепла небес синева!
Ах, как странны Его слова.

Видно, притчами Он говорил опять.
Нам гипербол этих нельзя понять.
И вольно ж Ему нас пугать!

Да чего нам бояться – ведь рядом Он!..
Засыпает Петр. Ему снится сон,
Дивный сон из грядущих времен.

Витражи там сияют, орган поет,
Гордый кесарь в Каноссе смиренно ждет,
Граф Бульонский в поход идет.

Ко святому Франциску птицы летят,
И премудрость суммирует Аквинат...
Петр во сне улыбнулся. Он рад.

Иоанну не хуже видится сон –
Из полночных стран, грядущих времен
Слышит он веселый трезвон!

Над равниной великою колокола
Весть благую несут от села до села.
Золотые горят купола.

В лапоточках стареньких Серафим
Там копает картошку, а рядом с ним
Светлый ангел парит, незрим!..

Иоаннов брат тоже сладко спит.
Он с Учителем рядом во сне сидит.
Страшный Суд Учитель творит!

Зрит Иаков воочью конец времен –
И повержен Змий, и пал Вавилон,
Род людской воскрешен и спасен!..

Ах, какие сны, как тих небосвод.
Утирает Спаситель кровавый пот.
Приближается Искарриот.

* * *

Рек безумец в сердце своем – «Несть Бог!»
Этот догмат вообще-то не так уж плох!
Черта с два ты в безумном сердце найдешь!
Черта лысого там обретешь!
Ах, безумец бедный, там нет Его,
Нету Пастыря доброго моего,
Там ни капельки нет Его!

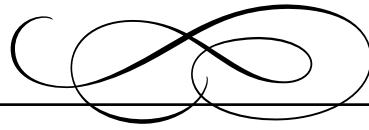
Рек философ в сердце своем – «Умер Бог!»
Этот тезис вообще-то не так уж плох!
Как ни странно, но тут ты как раз не врешь –
Как ни страшно, но это не ложь!
Бедный Фридрих, мы, правда, убили Его,
Схоронили Пастыря моего,
И три дня мир был без Него!

Рек фельдфебель в сердце своем –
«С нами Бог!»
Этот лозунг вообще-то не так уж плох!
С нами рядышком, туточки, хошь не хошь,
Никуда от Него не уйдешь!
Бедный кесарь, от гневного взора Его
От десницы Пастыря моего
Не сокрыть тебе ничего!

Пусть же в сердце своем всяк сущий бедняк
Возопит во мраке примерно так –
Не суди, не суди по моим грехам!
Не суди по глупым словам!
Пастырь добрый, снеси к своему Отцу
Обезумевшую овцу!
И хоть шерсти клок – всего ничего –
Сохрани для предвечной пряжи Его
От дурного раба твоего!

БАЛЛАДА

Ну и что с того, что давным-давно
Королевство покинул Он?
Захватил самозванец старинный трон
Давным-давно.
Только все равно
Он вернется, мой славный Король!
Он вернется, конечно. Он мне обещал.
И меня не обманет Он!

Ну и что с того, что давным-давно
 Все привыкли уже без Него?
 И пали в бою палadini Его
     Давным-давно.
     Только все равно
 Он вернется, мой славный Король!
 Он вернется, конечно. Он мне обещал.
 И меня не обманет Он!

Ну и что с того, что давным-давно
 Предал я моего Короля?
 И с тех пор мне постыла родная земля
     Давным-давно.
     Только все равно
 Он вернется, мой славный Король!
 Он вернется, вернется! Он мне обещал.
 И меня не обманет Он!

Вячеслав КИКТЕНКО

Москва

ПОЛЁТ

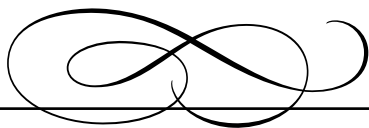
Летели два гуся, особенно крайний,
 Который летел, как хотел...
 Летели, летели, летели,
 И крайний,
 Отчаянный, рядом летел.
 – Куда вы, дери вас собаки, летите?
 – Уж мы потихоньку летим.
 – Да вы понимаете, что вы хотите?
 – Да мы уж, вестимо, хотим.
 Летели, хотели... потом улетели.
 Затем прилетели опять –
 Особенно крайний, особенно левый,
 Последний летающий вспять.
 Летели два гуся, а видели гуся,
 Запомнили гуся того,
 Который был крайний, который был очень,
 И весь из себя – ничего!
 Такой помрачительный!..
 Огненным клювом –

Вперёд! –
 Одинокий! –
 Летел!..
 Летели два гуся.
 И скрылись.
 А крайний
 Потом ещё долго летел.

АПОКАЛИПСИС ПРЕДЕСЬЯ

Тётки пили, пили с детства,
 Пил и папа, пила мама,
 Всё спустили...
 А в наследство
 Перепала пилорама:
 Вжик, вжик, вжик, вжик,
 Я и баба и мужик,
 Никого не люблю,
 Кого хочешь распилю.
 Где моя
 Детвора?
 Ни кола,
 Ни двора.
 Пилорама одна,
 В ней сидит сатана:
 Пилит, пилит, пилит, пилит,
 Кружит, кружит, кружит, кружит...
 Дети были б –
 Нету мужа.
 Нету бога,
 Нету беса,
 Вот уже и нету леса,
 Вообще – ничего,
 Вообще – никого.
 Я одна во хмелю
 Гольй воздух пилю,
 Потому что я – Бог,
 Потому что – стою
 И толкаю под круг
 Всю вселенную...

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Оренбург

СЛОВА

Хула, хвала или пророчество,
То мелодичны, то сухи,
Слова боятся одиночества –
Объединяются в стихи.

Мы в них всегда найдем прощение,
Порой погрязшие в грехах.
Слова боятся обмирщения –
Сакрализуются в стихах.

* * *

Твои оставлены следы
Среди песка,
Не пей отравленной воды
Из родника.

Я так тобою дорожу
Во мгле пустынь!
Прошу, к чужому миру
Душой остынь.

Когда-нибудь живой земли
Отыщем край,
Нам на двоих с тобой вдали
Обещан Рай.

СЕТИ

Там, где земля теперь в снегу
И воет ветер,
Забыли мы на берегу
Пустые сети.

А ведь любовь поймать могли,
Талант и славу,
Мы, обитатели земли,
Боялись плавать.

Свои покинем берега
Под шепот снега,
Но у чужого очага
Нам нет ночлега.

* * *

Ходите семимильными шагами,
Чтоб вовремя взойти на эшафот,
Однажды искушенные богами,
Не станем мы срывать запретный плод.

У каждого в углу своя икона,
У каждого тепло своих лампад,
И каждый в ожиданье пассиона,
Уходит молча в Гефсиманский сад.

И не осудят, кто от нас зависим,
Не оклеветают, кто не дураки,
Мы не оставим дневников и писем,
Не расшифруем вам черновики.

Свою судьбу мы примем без истерик,
Последних слов не скажем на Суде,
Нас поведут, усталых, на тот берег,
Когда ходить научат по воде.

Виктор КИРЮШИН

Москва

* * *

Тропа с холма сбегает вниз полого,
А дальше степь без края и конца.
Сухой и жесткий куст чертополоха
Качнется вдруг у самого лица.

Бери копьё иль уповай на милость
Врагов, что в прах стирают города...
Здесь ничего почти не изменилось
За сотни лет –
Все так же, как тогда.

Так да не так:

Враг обернулся бесом,
Перехитрил Ивана-удальца.
Живое поле зарастает лесом,
Мелеют реки, души и сердца.

Там, вдалеке, шумит-гремит столица,
Она щедра для слуг, а не служак.
Куда идти?
Каким богам молиться?
Где в этой смуте войско и вожак?

Все верится: вот-вот блеснут кольчуги,
Тугие стрелы воздух разорвут...
Но тишина давно уже в округе
Та самая, что мертвою зовут.

По всей степи кусты чертополоха,
Сойдешь с коня – утонешь с головой.
Густеет тьма,
Кончается эпоха
И колокол расколот вечевой.

* * *

Мне столько в жизни выпало любви!
Ту речку вспоминаю и поныне,
Где молнией мерцали голавли
В предутреннем тумане,
На стремнине.
Стоял июнь,
Цвели вокруг луга,
К воде клонились сумрачные ели...
Потом иные были берега,
Водовороты, омуты и мели.

Мир превращений и метаморфоз
Слепил да так – мороз бежал по коже.
Но голубые крылышки стрекоз
Мне всех чудес невысказанных дороже.

Жизнь, как река –
Внезапна и быстра.
А был ли счастлив я на самом деле?
Лишь только там,
У тихого костра,
Среди земли,
Как будто в колыбели.

ПУГАЛО

Эта служба – отнюдь не бодяга.
Отовсюду видать за версту:
Не алкаш, не беспутный бродяга
В огороде стоит на посту.

Посреди свежеполотых грядок,
Продуваемый ветром насквозь,
Образцовый наводит порядок,
Не надеясь на русский «авось».

Ничего, что не сеет, не пашет
И соломой полна голова.
Рукавами отчаянно машет,
Стаю галок завидев едва.

Не утрачены стать и порода,
Потому предлагаю пари:
Этот парень – не среднего рода,
Как толковые врут словари.

Он, приличия не соблюдая,
Смотрит ночью в окно, не дыша...
А хозяйка его молодая
Удивительно как хороша!

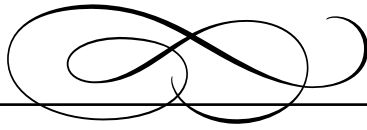
Отчего же в те райские кущи
Мужики не спешат на постой?
Он один по округе непьющий
И единственный тут холостой.

СТАРУХИ

По хлябям невообразимым,
Полдня промаявшись в лесу,
Грибов бездонные корзины
Старухи вечные несут.

Боровики белее сала,
Маслята под любой ранжир...
В райцентре, около вокзала,
Их купит бойкий пассажир.

Метнет помятые купюры
И пожурит со стороны:

«Ах, бабы-дуры, бабы-дуры,
Такому чуду нет цены!

Прими спасибо за подарок.
Так не накопишь сроду, мать». —
«Хоть невелик, а все ж приварок —
Ответит. — Внуков поднимать...».

Перрон пустеет понемногу
И в поле не видать ни зги.
Пора в обратную дорогу.
«А ну, Матрена, помоги!».

Забыв про годы и недуги,
Бредут по всем путям страны
Ее кормилицы — старухи.
Им нет цены!
Им нет цены!

МИМО

*(стихи, написанные в вагоне
монопольной дороги)*

Хлам. Задворки. Ключья дыма.
Телебашня. Снег. Луна.
Проплывают плавно мимо
Запотевшего окна.
День за днем
Неутомимо
Время крутит жернова.
Вот сию
И едут мимо
Деньги, женщины, слова.
Общежитием повязан,
Разорвать не в силах круг:
Всем не нужен,
Всем обязан,
Всем на свете враг и друг.
Опостылевшие лица
В обе стороны пути...
Тяжело остановиться.
Страшно плюнуть и сойти.

* * *

Видит Бог: я разлюбил дорогу
До того, что привязалась блажь —
Вызывает смутную тревогу
За окном изменчивый пейзаж.

Колеса до головокруженья,
Озирая мельком белый свет,
Узнаешь иллюзию движенья
Под названьем «суета сует».

Никуда из поезда не деться,
Но под стук и лязганье колес
На ходу в глаза не наглядеться,
Никого не полюбить до слез.

Не желаю встреч и расставаний,
Суматохи,
Криков «гой еси!»
Буду ездить только на диване,
По ночам,
Вокруг земной оси.

Александр КЛИМОВ-ЮЖИН

Москва

* * *

Сегодня, как в детстве, морозец мордаст,
Снежок первозванен, прохожий навстречу
С опаской ступает на девственный наст
Сугроба, сокрывшего грязь человечью.

Казалось бы, чем меня можно пронять,
Я был сам собою, а стал своей тенью.
Но снег он почище, неверья летать,
Его выпаденье сродни изумленью.

И как это можно, скажи, не любить:
Вся улица в белом, святое причастье.
Прибраться, побриться и набело жить,
Пускай и грешить, но похоже на счастье.

Побриться?! Немного же надо ума.
Прибраться?! Как жаждет душа обновленья.
Слепит белозубой улыбкой зима,
Творится над нами обряд очищенья.

* * *

Тень, пробежавшая накоротке
В раме оконной,
Вспомнить о пить возжелавшем цветке
Ночью бессонной.

Вторник, среда ли, где и когда,
В полночь какую?
Как моментально уходит вода
В землю сухую.

Цвет осыпается, капля дрожит,
Край перелился:
Ночью бессонница, утром дождит –
Вот и забылся.

Льётся из горлышка, лужа растёт,
Завтра настанет.
Пусть ничего уже не расцветёт,
Но не завянет.

ЖУК

Весь золотой, в зелёном обрамленье,
Смыкающий надкрылья, как броню,
Какое для тебя найду сравненье,
Местоименье ль тропом заменю.
И всё ж ты жук, ты просто жук навозный,
И кавалер навозных жутких мух.
Да, паладин и увалень колхозный,
Развенчанный и всё же грациозный,
Твоё жужжанье ужасает слух.
Когда твой плащ с немислимым отливом
Мимо вечерней белой розы, мимо...
Мой буколический охватывает дух
Восторг, ещё качается растенье,
Какое для тебя найду сравненье,
Какой эпитет в травы оброну,
Жук золотой, в зелёном обрамленье,
Смыкающий надкрылья, как броню.

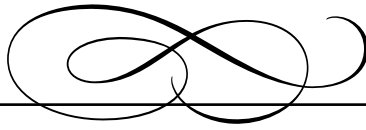
ИОАНН ГРОЗНЫЙ

– Як пёсе смердящий в грабленье во зле,
Нечистый и мерзкий в убийстве и блуде,
Тать, пьянством и скверной противный земле,
Палач, душегубец и буде, и буде... –
Так молится истово за упокой,
В синодик заранее души заносит
Ещё не убитых, частит головой
В поклонах, у Бога прощения просит.
Но только в окошке подклети луна
Покажется, взор застилается кровью,
Казнит и казнится, недоброю бровью
Поводит, и тень над сугробом черна.
Чу, топот и ржанье, опричник в седле
С башкою собакою на помеле.
И смотрит луна: по вчерашней золе
Катается тело и в ярости бьётся,
Как дыбятся дуги на царском челе,
Вот вскинется, вскочит и псом обернётся.
Какое подворье сегодня палить?
Чьё мясо едати, чью кровушку пит

* * *

Александр Смогулу

Бессонница, конница, кофе,
болит голова.
Писательство – есть в этом, всё-таки,
некая, странность:
Мир вышел из слова,
а мы заключаем в слова
Безмерность, бескрайность его
и его Богоданность.
Смотри, как мерцает на яблоне
белый налив,
И звёзды всё выше и выше,
сад вышел из почки,
Но с ветки сорвалось, упало,
и коллапс и взрыв,
И мир уместился в горсти,
сократился до точки.
Возьми если сможешь осилить,
бери и владей.
Валяйся в закатах,
плесни на лопатки рассветом.
Что стих твой?! Так, роспись,
свидетельство в книге гостей,
И ты не о том, что прочтут,
вот и я, милый друг, не об этом.

Алексей КЛОКОВ

Москва

ПОЛОВОДЬЕ

Чтоб не хмурилось небо при взгляде
на грязь допотопную,
Вся широкая пойма водицею полой
затоплена.

Под огромною гладью и новое русло,
и старица.
Только холм круглобокий, как прочный
корабль, возвышается.

На холме белый храм – в нежном камне
высокое пение –
Над землёй и водой, в клюве купола весть
о спасении.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Блаженным языком, душой свободной,
Не зная окружающую тьму,
Она сказала: «Се раба Господня:
Да будет мне по слову Твоему».

Возрадуемся, братия; как можем,
Спасения начало воспоём.
Согласьем Девы, милостию Божьей
Обручено творение с Творцом.

РАЗГОВОР О СОЛНЦЕ

Мягче стали контуры деревьев.
Льётся с неба приглушённый свет.
«Пап, где солнце?» Трудно не поверить,
Что его и в самом деле нет.

«Там, за облаками». «Где? Не вижу».
«Не увидишь. Прячется пока.
Высоко, всего на свете выше».
«А зачем?» «Чтоб ты его искал».

Александр КОБРИНСКИЙ

Израиль, Иерусалим

ВОРОЖБА

Глухими задворками,
где рвань отсыпается,
холопом прикинувшись,
царь пробирается –
решился на подвиг! –
скрипит под сапожками
Москва православная,
мощеная досками...
Ополночь. Звезды.
Земля охолонута.
Брови насупил:
умерших от голода
смердов везут ли? –
деревья лежат...
На ветки похоже,
а не качаются...
Ш-ш! – приближаются:
остывшие руки
вдоль борта
висят.
Хоромы купецкие –
пахнет ковригами...
За околотком
завякал веригами
подвижник – бунтует
и ночью молитвами
об убиенном
младенце Димитрии!
Всплески с Неглиной,
тень у моста...
Луна, как остриженный
ноготь Христа:
оглянешься – светится –
не остывает –
купол за куполом
в небо вонзает...
Вьется сквозь пустошь
тропинка змея...
Не с черным ли умыслом
ворожея,
листья сжигая,
хрипела в дыму:
«Царь, уходи –
тебя не приму».

Мне ль поучать –
 дожил ты до седин! –
 за правдой приходят
 один на один –
 скажу, коль охрану
 оставишь в Кремле,
 что ожидает тебя
 на земле!».
 Рощица, рига,
 часовенка, скит,
 ограда... У входа
 Елена стоит –
 прекрасной бы звали,
 да сказ не ко дню –
 прозвали Юродивой
 ворожею!
 Увидев пришельца,
 шепнула: «Пора! –
 во имя Господне
 встречайте царя –
 ответ наш по чести
 и честно дадим –
 пусть знает при жизни,
 что станет с ним!».

* * *

В землянке священник
 кадило качает –
 у козел гудит,
 но кого отпевает? –
 покойников нет...
 Что ж монахи завыли
 и с плачем на козлы
 бревно положили?

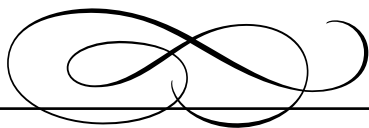
* * *

Царь зло улыбнулся
 и молвил степенно:
 «Пошто ты на нас
 обозлилась Елена? –
 казнить бы, что шутка
 придумана зря,
 но мы за юродство
 прощаем тебя!»

ИЗ НЕЗАБЫВАЕМОГО

В сорок пять заболел я ветрянкой,
 в дни июньские с грозами-ливнями...
 Со старушкой дружил я – с дворянкой –
 Телевную Натальей Максимовной...
 Шаткий столик, чернильница, книги –
 Данте, Гейне и Пушкин на Пестеле;
 стены – в молниях-трещинах сдвиги,
 и дебаты – такие же честные.
 Шли Наталье следы вырождения,
 ум неженский и речь шепелявая,
 и приверженность к тайнам крещения,
 к неглиже неприязнь и легавая...
 И случилось, когда напивался я
 до в глазах прободения света –
 оставался и спал я – с Наталией –
 на скрипучем диване валетом.
 В такт с дыханием барыни кошка
 настороженно, чутко дремала –
 мой же сон вислоухая Тошка
 до вторых петухов охраняла.
 И ходили по городу слухи –
 диссидент окончательно спился –
 пропил молодость – спит у старухи –
 до последнего, мол, докатился.
 Вот о чем вспоминал я намердн
 не в смолою наполненных чанах,
 не в аду, а в еврейской деревне –
 под ракетный обстрел на Голланах.

Александр КОВАЛЕВ

Санкт-Петербург

* * *

Всего-то и дел, что рукой дотянуться
и нужные в россыпи клавиш найти,
пока необузданный,
сиюминутный
в душе не остыл,
не распался мотив.

Но, видимо, в жизни, поспешной и шалой,
такая нам выпала доля уже:
хотелось,
мечталось,
но что-то мешало
прислушаться к нежно поющей душе.

Какой-то пустяк –
сквознячок, мелочевка –
некстати по краешку прошебаршил.
А песня меж тем отболела
и смолкла,
и, может быть, лучшая песня души.

Теперь не осилить, назад не вернуться,
не вспомнить,
не вырвать –
свисти не свисти.
А стоило только рукой дотянуться,
и клавиши тронуть,
и вместе свести.

* * *

Пора грустить, пора печалиться –
теперь уж в точности проверено:
увы, ничто не возвращается,
ни времена,
ни вдохновение.

А на подмостках пена пенится –
имен без счета напророчено.
Но век серебряный не сменится,
ни золотым,
ни позолоченным.

КАК ЭТА ОТТЕПЕЛЬ НЕКСТАТИ

Как эта оттепель некстати,
нежданна
и нехороша,
когда природа – на закате,
когда на паперти – душа.

Когда круженье первой вьюги
не улеглось еще окрест.
Когда смиренная округа
уже несет предзимья крест.

Когда перед остудой
слепо
души мутнеют зеркала...

Как эта оттепель нелепа,
но как отчаянно смела!

КИНОИЛЛЮЗИИ

Мальчик в курточке модного кроя –
руки – в брюки, походка легка, –
очарованный киногероем
заграничного боевика.

Он идет сквозь густеющий вечер
в заафишную вязкую тьму,
и красавиц рисованных плечи
светят в сумерках только ему.

Он проходит своим переулком,
напружинен, отважен, рисков,
и разносится в воздухе гулком
дробный вызов его каблуков.

О, как сладко, играя фартово,
с безрассудством тринадцати лет,
принимая себя за другого,
“из-за пояса рвать пистолет”...

Мальчик в курточке модного кроя
из знакомого мне городка,
очарованный киногероем,
он не знает, не знает пока,

что давно уже ведомо многим,
но откуда не понято им:
Ах, как горько бывает в итоге
становиться собою самим.

Сергей КОВАЛЕВСКИЙ

Санкт-Петербург

* * *

Все собирал со дна камня,
Все речку углублял свою...
Очнулся – отмель поколенья,
И я один на ней стою.

И тихо – так... Почти слезами.
Так вот какая ты – тоска,
Как будто ноженьки связали
Полоской узенькой песка!

А свет мой белый осторожно
Сползает, словно кожа, с плеч...
И, видит Бог, потрогать можно,
И даже руки не обжечь.

* * *

Ну, дурак я, дурак. Ну, прости дурака.
Эти глупые ссоры и в наши-то годы...
Вот дрожит над листочком бумаги рука –
Так ольховая ветка дрожит в непогоду.

Ну, вспылит. Так ведь осень! И тут же
остыл.
Повинился раз двести, наверно, ей-Богу!
Хочешь – весь упаду я вот в эти листья,
Как серебряный дождь в ноябре на дорогу?

Скажешь – точно «дурак»? Вот моя голова!
Вот топор, допишу – и на плаху, родная!
Ну, нельзя ж не любить за такие слова,
Мой несчастный ребенок, моя ледяная...

* * *

Пусть только шелохнется – я услышу.
Я взглядом дотянусь, я уроню
Ему вдогонку горсть песчинок с крыши
И – помолюсь кленовому огню.

И пусть еще он тих и неприкаян,
Лишь вполнакала, шорох изнутри –
Природы светлый глас непререкаем
И это значит – вздрогни и замри.

Да, можно реки – вспять, да, можно с неба
Страхнуть дожди и осушить моря –
Но неподвластен впредь, равно как не был
Подвластен миг простого сентября!

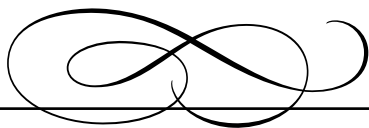
Вот этот вот, весь в трещинках и сколах,
Смешной такой... но лишь ему дано
Зажечь звезду, родить Земле Лескова,
И просветлить в грядущий день окно.

* * *

Нет ничего печальнее на свете,
Чем повесть о Джульетте и поэте,
Тем более, когда Ромео стар,
Она – дитя, а он обычен вовсе,
И в скверике скорбит по-птичьей осень,
И песнь любви петить листопад устал.

Привычка ждать – особая привычка.
Он в темноте на кухне чиркнет спичкой,
Достанет чашку с желтым ободком,
Ведь с телефонной блажью – откликаться,
Когда тебе не пятьдесят, а двадцать,
Он, как Шекспир с чернилами, знаком.

Заварка чая – взрослое искусство.
Итак, пока она приходит в чувство
От сорванца, что целовал вчера,
Он лист бумаги принесет неспешно
И, помолясь за грешных и безгрешных,
Соринку снимет кончиком пера.

Стихи, известно, любят постоянство.
А Северной Венеции пространство
Столь неизменно грустью витражей,
Что как-то незаметно чай остынет,
А за окном затаит дождь густыми
Полотнищами крыши гаражей.

И что с того!.. Упомянув привычку,
Мы знаем, что он снова чиркнет спичкой,
Лишь усмехнувшись уголками губ:
– Чай, – пробормочет, – ожидаем сладок.
Как шелк, – добавит, – не приемлет
складок...
Хоть был он на высокий штиль и скуп.

Читатель! Видит Бог, не жди интриги.
В любой приличной мало-мальски книге
Подобных драм – штук сто на сто страниц.
Ведь и началом и концом отмечен
Расписанный не нами с вами вечер
И с темнотою – крик осенних птиц.

А грусть его – отнюдь не в наказанье.
За Вологдою или за Рязанью,
Какой бы нү был пояс часовой –
Таких Ромео и не счесть вовеки,
Как всей любви, сокрытой в человеке,
Как звезд над непутевой головой.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Москва

* * *

Русский тот, чья Родина – Россия,
кто родился с Пушкиным в крови.
Нет, не Третий Рим, не Византия, –
а колокола и соловьи.

* * *

Пули, во время войны
ни в кого не попавшие,
свистят, жужжат, как шмели.
рышут, алчные,
летая вокруг Земли...

* * *

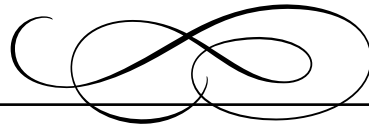
...А молодость была
холодной и голодной,
сиротской и свободной
на родине бесплодной
и выжженной дотла.

Оставила нас юность
с войной наедине,
и с нами на войне
навек разминулась,
а к седине – вернулась...

И я с тобой танцую
под позабытый джаз,
предчувствуя сейчас
не третью мировую,
а просто мир без нас, –
как будто я целую
тебя в последний раз.

* * *

ничего не знает о смерти смертоносная сабля
ничего не знает смертельный снаряд
ничего не знают землетрясение

пожары, микробы, цунами и случайный
кирпич
все они, ничего о жизни и смерти
не знающие,
обступают нас
уязвимых, беспомощных, незащищенных,
в лучшем случае все равно обреченных
умереть своей смертью.

(если позволят
киллеры
гитлеры
каины)...

ЕСЛИ...

Пушкин ушел из дому,
А не старик Толстой.
Лермонтову седому
Встретился век молодой.
Не был в Санкт-Петербурге
Убит Александр второй.
Руси православной турки
Вернули Царьград святой.
Ульянов стал адвокатом,
А Джугашвили попом.
Россию в веке двадцатом
Не перевернули вверх дном...

* * *

Февраль. Включить компьютер... Плакать
или не плакать – вот вопрос.
Дай в интернете мне поплавать,
пока еще я твой матрос,
поэзия. Ты – вождь пространства
и времени. Сменив перо
на электронное шаманство,
вернешь ли веку серебро?
Люблю я тронутых тобою
в Сети девчонок и парней, –
они отмечены судьбою,
как радуга и соловей.
Авось насыщенный талантом
эфир, не знающий границ,
послужит мне и вам гарантом
от загазованных столиц.

* * *

А про эти имена не спрашивай,
Отголоски прежних лет и мест...
Ходят похороненные заживо,
На которых я поставил крест.
Трауром их лица не обрамите –
Просто испарился интерес...
Сброшены они в корзину памяти
С некоторой болью или без...
Жизнь моя в утратах незамоленных,
Срезаны живые провода...
Сколько их, забытых и уволенных,
И с учёта снятых навсегда.
Связи мегаполисные вычурны,
Рвутся на случайном вираже...
Я живой, но тоже кем-то вычеркнут,
Кем-то вытоптан в твоей душе...

ЛЕТО 1917.

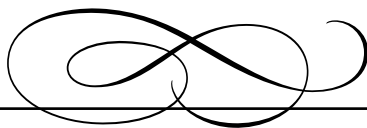
ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ В ПОДПОЛЬЕ

Сталин бреет Ленина опасной бритвой,
бороду сбрасывает и усы...
Что такого?
Но опасной бритвой...
Что-то есть у лезвия стального
от косы...
Нет, не символ. Просто эпизод,
Ничего такого...
Только вот,
если б мы не знали остального...

Ленин. Сталин. Бритва...
Что за год!...

* * *

Нет уже врагов народа,
но теперь уразумей:
там, где рынок и свобода,
у народа нет друзей!

Кирилл КОЗЛОВ

Санкт-Петербург

* * *

Художнику Анатолию Евменову

Потолки в паутине, а полки в пыли
Или всё идеально, с претензией на...?
Обрести середину мы вновь не смогли,
И пугала пришедшая вдруг тишина.

Но не может она быть заклятым врагом:
Мир замусорен звуками, словно тряпьем.
Там, где шагом возможно, команда – бегом,
Там, где стоит молчать, мы фальшиво поём.

Снова в городе осень и время плащей,
Засыпает природа таинственным сном.
И тракторка, пожалуй, привычных вещей
Позволяет сегодня судить об одном:

Потолки в паутине, а полки в пыли –
Неудачный пейзаж обнаружен в быту –
Середину найти, как всегда, не смогли,
Но жива сумасшедшая вера в мечту!

В этот день вознеслась над столетием кисть:
Приглашает художник в другие миры,
Презирая интриги, земную корысть,
Суету, сквозняки, проходные дворы –

Там, где пропита совесть, поругана честь,
Там, где карлик бездарный до хрипа орёт...
А художник приносит великую весть,
Продолжая большое движенье вперёд.

* * *

Рассуждай, ошибайся и пробуй
Клином выбить засаженный клин:
Эту жизнь называют учёбой
С неизбежным числом дисциплин.

Я стараюсь учиться прилежней,
Но выходит пока – не ахти.
О любви часто думаю прежней,
Той, что мы не сумели спасти.

Прикрываясь улыбчивой маской,
Погружаюсь в глубины веков.
Мне сто раз угрожали указкой
И кричали, что я бестолков!

Ваше право. А я продолжаю.
На меня бесполезно кричать,
Я теперь поезда провожаю,
Точно зная, что буду – встречать.

Пусть насмешка опаснее бритвы,
Только нет незалеченных ран,
Если жажда смиренной молитвы
Приведёт неожиданно в храм.

И, спросив по-житейски совета,
Выпив дождь из простого ковша,
Станет истинным светом согрета
Пожелавшая верить душа.

* * *

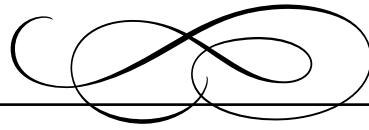
Время к ночи, ветер выгнул ветки,
Если можешь, транспорт оплати.
Из авто украдены барсетки,
А из храма – образ во плоти.

Ташут всё, что можно и не можно,
Растеряв имевшуюся честь.
Колокол звучит вдали тревожно,
Призывая снова с печки слезть

Тех «героев», что не могут сразу
Протрезветь и выполнить свой долг.
Верен поступившему приказу
Остаётся лишь небесный полк.
Верую – уходит время смуты,
С городских часов твоя рука
Страхивает мёртвые минуты,
Словно талый снег с воротника.

Сергей КОЗЛОВ

Ханты-Мансийск

* * *

Иртыш уснуть никак не может,
Хоть поседели берега,
Нас что-то с ним ещё тревожит,
Ночные мысли, как шуга.

Ноябрь, пропитанный апрелем,
Загадочен, как птичий грипп.
Мы без того уже болеем,
Вон старый кедр совсем охрип...

Жена шепнёт: поспи, Серёга...
Но только не поймёт никак,
Что эта скользкая дорога
Мне тянет душу, как сквозняк.

ЮГОРСКАЯ ВЕСНА

На берег выйду: синь и ширь,
Иртыш готов расправить плечи.
Почти оттаяла Сибирь
И наострила сосен свечи
Вглубь, в позолоченную высь
Расчищенного к Пасхе неба.
И гнёзда птичьи завились,
И плыл с пекарни запах хлеба...
Земля вот-вот вздохнёт травой,
А сердце – нераскрытой тайной.
Как хорошо, что мы с тобой
Так долго жили на окраине.
Имперских будней круговерть
Нас не лишила созерцанья.
Христос Воскрес! Иссякла смерть!
И обновилось мирозданье.

* * *

Под небом низким и седым
Тайга от края и до края,
Здесь нет тепличной красоты,
Отсюда далеко до рая.

В болотах топчутся века,
Камлает ветер бубен Солнца,
Вечнозеленые снега,
Озёр блестящие оконца,
Великих рек извечный спор,
Пожар брусничный на полянах,
Забывших деревень укор,
И нефть из первого фонтана,
Июньской ночи белый цвет,
И поздний взрыв черемух в мае,
Зимою – солнце, летом – снег...
Отсюда далеко до рая...
Здесь сердце тихое Югры,
И сквозь него течет дорога
Во все концы на край земли,
И в небо чистое – до Бога.

Леонид КОЛГАНОВ

Израиль, Кирьят-Гат

ВИЗИТ ЦУНАМИ

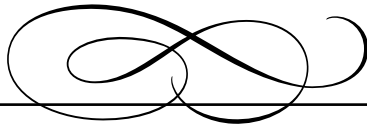
(Москва спустя семнадцать лет)

Московским друзьям посвящается

Железные латы, железные двери,
За ними утраты, за ними потери.
Лицейские годы, летейские воды,
Смотрю, как баран, на подъездные коды!

У всех телефонов не те номера,
И – видно – сменились они не вчера.
А может, не цифры сменились, а души?!
Мир детства, что карточный домик,
обрушен!

Расплылся, разбился, как горный хрусталь,
Как голубь Пикассо о Времени сталь!
А может, ушёл за железную дверь,
Я бьюсь о неё, словно Море потерь,

Чьи волны гуляют по лестничной клетке,
Придя ниоткуда к вам, вечные детки!
Мои Оливеры, мои Питер-Пены,
Вы видите клочья неведомой пены?

Вы чувствуете привкус негаданных слёз?
Я волглое детство к вам в сумке привёз:
Великую Синь и Великую Соль,
И Влаги Великой слезинку – Ассоль!

Мои дорогие, я с вами, я с вами,
Впустите скорее ребёнка-Цунами!
Сквозь пыльную бурю годов и потерь
Откройте Стихии железную дверь!

ГОРЬКИЕ ЯГОДЫ РОДИНЫ

(Диптих)

Андрею Шацкову

I. Рябина на снегу

Пересыхает пуповина,
Связавшая меня и Русь...
Но на снегу горит рябина,
Румянцем гулевых Марусь!

Горчит рябина, словно горе,
Между обугленных годин...
Но, на заснеженном просторе –
Мой след дымится среди равнин!

Перегорает пуповина
На запредельном берегу...
И кровь моя горит, зверино,
Огнём рябины на снегу!

Как след подраненного зверя,
Дымящийся и кровяной...
Я сам себе уже не верю,
И вспоминаю снег родной!

И кажется, пустыни – нету,
Она привиделась в бреду,
И я по собственному следу,
По снегу рдяному бреду!

А на груди моей пустыни
Песок кружит, как джинн шальной...
Но на снегу горит рябина –
Неопалимой купиной!

II. Крушина на Иордане

Как будто тать на покаянье,
В кручине тёмной и тоске,
На мелководье в Иордане
Я чёрный куст узрел в реке!

Дождём подмытый куст крушины,
Размытый мерною волной,
О камни бился он чужбины,
Топляк – таинственно-родной!

Крушина, чёрная невеста,
О, не круши меня...

В бреду,

Нет для тебя живого места
В моей душе – моём аду!

Но нет, круши всё неустанно,
Кружа над всем, и всех круша!
Спускаясь в бездну покаянно,
Как окаянная душа!

Крушина, грешная крушина,
Моё крушение на снегу,
Снегов российских Магдалина
На Иордана берегу!..

Крушины нет на Иордане,
Как райской кущи на снегу...
И, замираю я в рыданье,
На Освящённом берегу!

ЗВОНОК В ЯНВАРЕ

Как озеро, стыла
Душа под ледком,
Но стынь ты разбила
Весенним звонком!

И треснуло сердце,
Как лёд за бугром,
Втянув иноверцев
В глубинный пролом!

Застыла сутуло
Душа среди вранья,
Но – нас затанула
Одна полынья,

Разверзнувшись с треском
И льдами звеня,
В разломе Имперском –
Тебя и меня,

Растёртых до чёрта,
Таких и сяких,
Друг к другу притёртых
В объятьях земных!..

О, стёртые годы,
Что стёртые пятна...
И вешние воды
Стремилась обратно!

И синь льда звенела,
Как юности сны,
И прорубь глазела
Глазами весны!

НЕБЕСНАЯ ПРОРУБЬ

Не проси, за тебя попросили.
Крест? Звезду? Всё, что хочешь, неси.
Попросили цари в Израиле
И юродивые на Руси!

И – не бойся! Своё отбоялся.
За спиною родимый Содом.
За столбом – столбовое боярство,
И Россия – давно за холмом!

И не верь подколодному змию,
И пустынному зверю не верь,
И – Столбом Соляным – лишь в Россию
Слепо шествуй сквозь лдяную дверь!

Прорывайся, как всадник пустыни,
Словно вихрь, оседлавший коня,
Пред тобой только поле полыни,
За тобой – только море огня!

И упавшим на льдину сияньем
Полыхай, как другим не дано,
И горячим пустынным дыханьем
Продыши, словно прорубь, окно!

И уйди в эту синюю прорубь,
Как пёс-рыцарь на чудское дно,
А затем, умиленно, как голубь,
Зри на небо чрез это окно!

Зри на небо, не видя измены,
Ни холопов, ни жён, ни бояр,
Словно Грозный, на время смиренный,
Словно благодостный Кудеяр!

И сквозь все миражи мировые
Мать-пустыня мне шепчет одно:
– Моим жаром ты прорубь в Россию
Продыши, словно в небо окно!

Александр КОМАРОВ

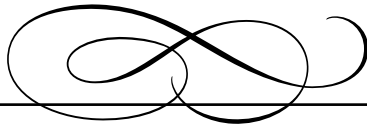
Санкт-Петербург

* * *

Племянник Сухово-Кобылина, –
граф Солиас де Турнемир, –
строчил романы, как намыленный,
чем изумлял подлунный мир.

Сестрица Сухово-Кобылина,
мадам Елизавета Тур,
писала много и усиленно,
как большинство подобных дур.

Кобылин же, быв костью белой,
к тому же родичем царя,

болтался ничего не делая,
кутил и пил, и прожил зря.

Сей Александр, сынок Василия,
всего три пьесы накропал
и без особого усилия
нежданно в классики попал.

Знать, нету правил обязательных;
мы только спросим без затей:
с кого же брать пример писателям,
и как воспитывать детей?

* * *

В пять лет от смерти был на волосок...
Но повернулось колесо рулетки –
и оказался рок не столь жесток:
спасительного воздуха глоток
негаданно дарован малолетке...

И без меня мир был бы населен,
и птицы пели, и цветы пестрели...
С какую целью был я исцелён?
Иль уцелел без сокровенной цели?
Не знаю. Да и ведать не хочу –
напрасно ль небо серое копчу,
или судьба чего не доглядела...
Речь не о том.
Ах, не об этом речь.
Уж лучше ехать, чем на рельсы лечь.
Оплачено? А там – не наше дело.

* * *

Порою обидно бывает до боли,
что я не любил рисования в школе,
что я,
может статья,
себе изменив,
был столь непростительно глуп и ленив...
А кроны с утра не встревожены ветром.
Сюда не с корзинкой ходить,
а с мольбертом.
От зелени вновь очищается медь,
но этого мне передать не суметь...

* * *

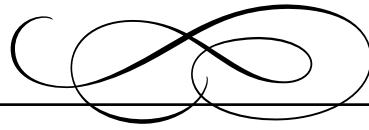
Куда страстям хоккейным
и футбольным
до безоглядной страсти грибника!...
Я жил тогда вольнее птицы вольной,
в деревне. Лист уже желтел слегка.
Еще рассветом ночь не разбавлялась,
сад в ледяной росе дрожал и мок,
когда орава грибников являлась,
будя округу грохотом сапог.
Сам по себе был каждый.
Но толпою
спешили. Торопились, неспроста
с уверенностью несколько тупою, –
что им известны лучшие места.
И, о грибе мечтавая налитом,
азартно шуровали под кустом;
И, за грибом исползав лес и дол,
заглядывали елям под подол...
Светало. Солнце в небеса взлетало,
что для поры осенней не пристало,
но, древнему инстинкту вопреки,
и оным фактом озаботясь мало, –
с карачек не вставали грибники...
В том и беда, что, шляясь без дороги,
шатаясь по грустнеющим лесам,
как посох – упираем взгляд под ноги,
и глаз не поднимаем к небесам.

* * *

В саду неподвижно толпится трава,
соседи у дома не пилят дрова,
и можно,
подняв очарованный взгляд,
увидеть,
что тучи на небе – стоят.

И кто копошится в своем огороде,
старается быть незаметнее вроде.
Бесшумно ворочает он невдали
лопатою рыхлые комья земли.

Лишь изредка где-то,
по дальним задворкам,

вдруг цинково звякнут в колодце
ведерком,
и дым вертикальный растёт из трубы:
иль топится баня,
иль варят грибы.

Андрей КОРОВИН

Москва

ВЕСЕННИЙ КРЫМ: СВИНГ

Весенний Крым. И каждый день – в цвету.
И у весны расцвёл язык во рту.
И Божья влага в небесах пролита.
Ко мне приходит сон, и в нём – они:
Бессонные бенгальские огни –
Сугдея, Феодосия, Джалита.

Владычица морская – говори.
Пусть в небесах свингуют тропари
На день седьмой и на двенадцатый.
Пусть любит нас Господь в своём Крыму,
И я у смерти времени займу,
И мы проснёмся – вместе, как когда-то.

РАСТЕНИЕ: ЖЕНЩИНА

закуришь сосновую трубку
запахнет осенней строкой
полезешь к красотке под юбку
а там уже кто-то другой

такие сегодня погоды
что девушки все на подбор
и все кочевые народы
кочуют среди них до сих пор

растение женщина тленно
и всё же покуда цветёт
она средоточье вселенной
любви же её идиот

ПЕСНИ РЫБ

Ты знаешь, а рыбы умеют петь
На утреннем сквозняке.
Рыбачья лодка бросает сеть
И слушает вдалеке.

А из глубин, поднимаясь вверх,
Песня растёт-растёт.
Даже летучий красавец стерх
Свой замедляет лёт.

Рыбы поют удивлённой всех,
Ибо всю жизнь молчат.
В выдохе этом – и боль, и смех.
Рыбы почти кричат.

Крепче за лодку держись, дружок!
Слушай, запоминай:
Сеть переполнена. Ключ. Замок.
Так попадают в рай.

МАТРОСЫ: В НЕБЕСАХ

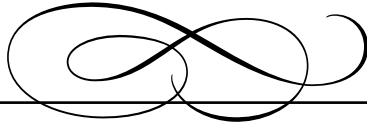
мои золотые матросы
живут в небесах корабля
и тянут канаты и тросы
чтоб вечно крутилась земля

у них – виноградные губы
и штормом исполненный взгляд
и в солнцем отлитые трубы
они беспокойно трубят

и радостный северный ветер
колотится в их паруса
и самые кроткие дети
с надеждой глядят в небеса

ПО БРЕЙГЕЛЮ: ЗИМА

По Брейгелю, в горах уже зима.
Охотники гуляют от ума.
Сочатся небом вздувшиеся реки.
И на холсте, распятом в облаках,

Рисует Некто с дудочкой в руках
Последнюю мечту о человеке.

Как тонок наст нетронутой любви!
Дыханьем дня его не продави.
Такая тяжесть в воздухе повисла,
Что кажется – вот-вот ударит лёд.
И всё у нас тогда произойдёт.
И ничему уже не будет смысла.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

Московская область, г. Железнодорожный

ЛЮБОВЬ И СВЕТ

Ах, было! Лишь глаза прикрою, –
Летела жизнь на всех парах,
И было что-то гулевое
В весенних праздничных ветрах.

Мечты сбывались то и дело,
И не горька слеза была.
А это молодость гудела,
А это юность всё могла.

Мы были искренно счастливы,
И не стыдились ясных глаз.
И честь, и вера в справедливость
Ещё вели надёжно нас...

А нынче всё на душу пало –
Волна смятенья, тяжесть лет, –
И всё же сердце не устало
Благословлять любовь и свет!

ДО СВИДАНИЯ, ОТЕЦ...

...Долго ехала, Бога молила,
Ветер смахивал слёзы с лица...
Замираю над братской могилой –
Там, где светится имя отца.

Не излечишь душевную рану
И не свяжешь вовеки концы...
Рядом – с болью своей – ветераны...
Как мы вам благодарны, отцы!

В эти майские дни вы в почёте,
Отступили тяжёлые сны...
Что-то будет, когда вы уйдёте,
С обжигающей правдой войны?..

Эти битвы уходят в преданье,
Как землянка и чёрствый ломоть.
До свиданья, отец, до свиданья...
Да хранит твою душу Господь!

А БЫЛА, ГОВОРЯТ...

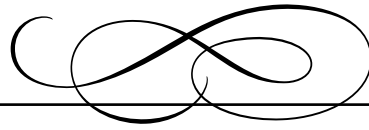
Годы мёрзлые, будни серые,
Ночи слёзные, сплетни колкие, –
С поэтессой-то что вы сделали?
Гляну в зеркало – я ли, Господи?

Вышло времечко грезить сказкою,
И глаза потускнели синие...
Это враки всё залихватские –
Что обласканы мы Россиею.
И надежды заносит тучами,
Хорошо бы собраться с силами.
А была, говорят, – летучая,
А была, говорят, – красивая.

И душа воспаряла, блаженствуя,
И далече было до осени...
Зависть, подлость, коварство женское –
В крылья нежные – да по гвоздику!

Зло и жадность над миром мечутся,
А надежда дрожит, как ивушка...
Я не сдамся всей этой нечисти, –
Но хватило бы только силушки!

Владимир КОСТРОВ

Москва

ЛИРА

Мне так приснилось: я не вру,
 На грани города и мира
 Над Волгой в вековом бору
 Лежит некрасовская лира.
 Над ней шумит другая жизнь,
 И мы поднять её пытались,
 Иные даже ей клялись,
 Но малодушно отказались.
 Да, не гремит она, как встарь,
 В эпоху нашу озорную,
 Не украшает наш букварь,
 Не возвещает «Речь родную».
 Не очищают наших дней
 Её высокие заветы.
 Мы все, пожалуй, перед ней
 Почти паркетные поэты.
 Но жалит в сердце, как пчела,
 И песням требует размаха.
 Да гибким шеям тяжела
 Она, как шапка Мономаха.

* * *

Завершается жизни пленительный круг,
 Уходящее время уже не сберечь.
 Мой последний амур улетает на юг.
 Отгуляла друзей Запорожская Сечь.
 Дует ветер эпох, до костей просквозив,
 С перемен поседела моя голова.
 Я не смел и подумать, что я эксклюзив.
 Мне такими казались Е.Е. и А.А.
 В чёрной бане крещён деревенским попом,
 Как петух воспевал я родимый насест.
 И молось об одном, чтоб родные потом
 Надо мной православный поставили крест.

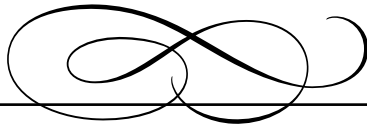
* * *

Коньячок, лимон и сигарета...
 Близорука и почти глуха,
 В ЦДЛ сидит «мечта поэта» –
 Бабушка любовного стиха.

Жизнь прошла, а пуще пролетела.
 Замолчала общая молва.
 Непослушное страдает тело,
 А душа в глазах ещё жива.
 А мои глаза почти нелепо
 Заволок лирический туман:
 Не её ль поэты в годы НЭПа
 Окликали: Любка Фейгельман.
 Покатилось яблочко раздора
 По паркету чувства моего.
 ...А быть может, это Айседора
 Ждёт в кафе поэта своего?
 И уже не делаая различий,
 Вижу покорительниц сердец:
 Виардо, Лауру, Беатриче,
 Анну Петровну, наконец.
 Снова вспоминаю ту и эту,
 И в окне, в чердачном этаже,
 Вижу обнажённую Лизетту,
 Сладкую подружку Беранже.
 Боже, как стремительны столетья,
 Памятью их только позови.
 И сверкает искорка бессмертья
 В тонкой сигаретке визави.

* * *

Ликующей листвы крутая распродажа,
 Медлительный исход
 реки текущей всклень.
 Здесь я всего лишь часть
 знакомого пейзажа,
 Случайный огонёк в одной из деревень,
 Здесь так понятны мне
 плакучесть и текучесть
 И не страшит меня
 зимы грядущей транс.
 Какую бы и где ни предвещал мне участь
 Болот и журавлей прощальный декаданс,
 Я не один – со мной
 И Пушкин, и Есенин.
 Последняя слеза ещё не утекла,
 Приди ко мне и ты,
 мой нежный друг осенний,
 И стань ещё одним источником тепла.

* * *

Мы выходим под звёзды Вселенной
К стайке белых берёз у крыльца.
В них свистеть до седьмого колена
Соловей обучает скворца.
Ты была и осталась красивой –
Не тускнеет волос серебро.
С молодою томящею силой
Снова бес мне стучится в ребро.
Бродит по небу месяц бедовый,
Редкой тучки дымится смольё.
И на спинке скамейки садовой
Финкой вырежу сердце своё.

* * *

На бетонной площади московской
Отлитый, возможно, на века,
Бронзовый Владимир Маяковский
На буржуев смотрит свысока.
Да, была строка его крылата,
Но иначе повернулась масть.
Есть свобода у пролетарьята –
Может гегемон упиться всласть.
И опять тревожно за Россию –
Новый класс пришёл к её рулю.
Но признаюсь вам, буржуазию
Я пока не очень-то люблю.
Горько было – и сейчас не сладко.
Вороватым вызрел новый класс,
Приобретший подлюю повадку
Выставлять пороки напоказ.
Обещают думские пророки
Довести Россию до ума.
Стилями «Вампир» или «Морока»
В Подмоскowie тешатся дома.
Негодует, трудимся, бомжем,
Празднуем дни великих вех,
Но покуда всё же на буржуев
Мы смотреть не будем снизу вверх.
Всё перемешалось: сушь и влажность,
Не сошлись закон и благодать.
Скользкая всеобщая продажность
Стала на земле преобладать.
Извели почти любовь и жалость.

Посадили юность на иглу.
То, что никому не продавалось,
Продаётся на любом углу.
Выборы, парламент и свобода,
Как у всех. Но горько оттого,
Что всё меньше на земле народа,
Милого народа моего.

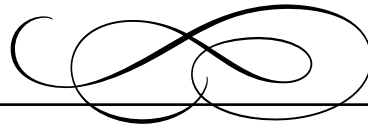
* * *

Осеннею зарёй окрашенные кроны,
Да иней на траве, как чешуя змеи,
Мне чудится – идёт переливанье крови
Меж багрецом небес и чернотой земли.
Мне не о чем мечтать
и незачем сердиться.
Открыта даль для глаз, и звуки для ушей.
Играет ветерок мне на ночной сурдинке
Мелодию болот, дерев и камышей.
Нет городских забот,
трамвайных побрякушек
И свой урочный крест
устали плечи несть.
Услышу ль я опять весенний хор лягушек,
Увижу ли тебя весёлою, бог весть.
Во времени душа вольна перемещаться,
Себя вообразу беспечным огольцом,
«Парламент» замену
махоркою моршанской,
Тягучий «Иммунель» хрустящим огурцом.
Давай не горевать над яйцами «всмятку»,
В экране не ловить бездарный хит-парад.
Из Кирова, мой друг, легко уехать в Вятку,
Из Питера опять вернуться в Ленинград.

* * *

Завершаю жизненную драму,
Веря в Вифлеемскую звезду.
К ближне переделкинскому храму
Переулком из дому иду.
По дороге беспризорный щеник
Прихожан бесчувствием корит.
В этом храме старенький священник
Тихую молитву говорит.

Я молюсь на Бога-Человека.
Он мне указал на свет и тьму
И не дал за творческих полвека
Надоесть народу своему.
Никакой я вовсе не вития.
Плосок мир. Ломать его нельзя.
И в меня вонзает Византия
Чёрные сионские глаза.
Вновь в тысячелетиях не лишний.
В центре мира – мать сыра земля.
Рядышком смиренное кладбище,
Где лежат мои учителя.
Глубину земли нельзя измерить,
На свечах сердечки из огня.
Я пришёл надеяться и верить.
Родина моя, прости меня!

Марк КОТЛЯРСКИЙ

Израиль, Тель-Авив

ФАНТАЗИИ С ВОЛЬНЫМИ РЕМИНИСЦЕНЦИЯМИ НА ТЕМУ ЖЕНЩИНЫ ПО ИМЕНИ ИН

1.

Серебрится лучами старый камин,
Догорают свеча.
Ты меня потеряла, безумная Ин,
Сгоряча.

И лелеешь, как прежде, скифский свой нрав
И свою правоту.
Запихни себя лучше, как шапку в рукав,
В пустоту.

2.

*«И теперь я думаю только о ней.
А желтые листья летят...»* –
Так писал поэт династии Мин
Много веков назад.

Так писал поэт династии Мин,
Слагая свой дивный стих.

...А была ли вообще эта женщина Ин
Времен не помню каких?..

3.

Какая правдивей из твоих личин?
Куда подевалось твое лицо?
Отражается в зеркале оболочка Ин,
Замыкается днесь бесполезных кольцо.

4.

Ты насыщена знаньем,
как полный сосуд.
Но скудеет душа
от несбывшихся чувств.
Облетевший твой садик
безжизнен и пуст.
Да простит тебя Бог,
да свершит Он свой суд...

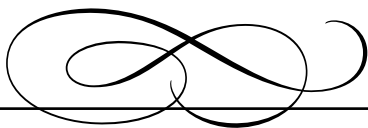
5.

Нагаи Акира – лирик,
скупец словесных щедрот:
«Туман и сырость.
Буду любить тебя
Всю ночь напролет...»

Туман и сырость Фонтанки,
домов имперский оскал,
небесная серость.
Буду искать тебя.
И раньше искал.

6.

Ты – рассудочная,
как таблица умноженья;
множественная,
как вывешенные на веревку
простыни.
Все доводы гордыни
говорят в твою пользу.

Тебе хочется плакать,
а ты не можешь.
Тебе хочется любить,
а ты не хочешь.
Тебе хочется улыбаться,
но ты кривишь уголки
своего надменного рта.
Ты – не т а!

7.

*«Далёко-далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...»*
А здесь, в Петербурге, душливый чад,
И тени ползут стремглав,

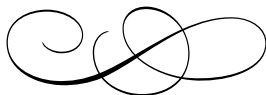
И черная кошка у тебя на руках,
Как смутное слово Басё;
И одиночеством дом пропах,
И на сегодня – всё...

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Безнадежные катятся годы,
Беспросветная тянется тьма.
Недостаток любви и свободы
Всю империю сводит с ума.

Плещут флаги, как пестрые ленты,
Осеня великий острог.
И стоят тяжело монументы
На кривых перекрестках дорог.

И пылятся казенные зданья,
И ветшает парадный гранит.
Над Страной Заходящего Знанья
Безучастное небо лежит.

Лев КОТЮКОВ

Москва

СЕВЕРНЫМ ЛЕТОМ

*Только в любви человек
постигает вечную
молодость Божью.*

Эта жизнь, как северное лето,
Как осколок льдинки в кулаке.
И уходит молодость до света
Лунною дорогой по реке.

А любовь у края белой ночи
Всё молчит над берегом одна.
И напрасно кто-то там бормочет,
Что любовь без старости нужна.

И душа с мечтою молодою
Прозревает дальние века.
И нисходят с Севера грядую
В седине громовой облака.

И дорога лунная пропала,
Но не стоит плакать оттого,
Что душе и молодости мало,
Что любви не надо ничего...

СЕВЕРНАЯ МЕЛОДИЯ

*Прозревший в незримой тьме
обречён на бессмертие.*

Ртутным светом струится морская звезда.
Леденеет лицо, леденеет вода,
Но в тиши леденелой, –
С нами – тайна любви! В тайне вечности мы!
Не нужны нам нездешние розы из тьмы
На земле ночью белой.

Кто припомнит названья погибших морей –
Там, где бездна ломала хребты кораблей
У последнего края?
Порождает молчанье во тьме глубина,
И земля чёрным розам навек не нужна,
Ни своя, ни чужая.

Где когда-то огонь поглотили снега –
Там сомкнулись погибших морей берега,
Зеркала, как сердца раскололись.
К чёрным розам склоняется белая ночь,
И не в силах соблазна душа превозмочь,
И смещается Полюс.

И упорно преследует медленный сон:
В гулких тучах над морем гудит авион,
Удаляясь от суши.
И уносит безумцев в иные года,
Где Луной обратилась морская звезда,
Где любовь губит души.

МЕЛОДИЯ

*Только в Слове – бессмертие
истинной музыки.*

Чужбину обретаю, будто Родину,
И музыке внимаю, как во сне...
Угадываю в музыке мелодию, –
И вот уже мелодия – во мне.

И к чёрту, к чёрту этот мир убыточный,
Где ключ в двери проломленной торчит!
И жизнь моя – мелодией несбыточной
Сквозь музыку бессмертную летит...

* * *

*Только в бессмертье – спасение
от вечного одиночества.*

Забываюсь в земной круговерти,
И безбожное время гублю.
И люблю эту жизнь, как бессмертье!
Но бессмертье, как смерть, не люблю...

Замирает на миг моё время,
Как роса на гитарной струне.
И пою по-над бездной со всеми,
И со смертью – бессмертье во мне...

* * *

*О, как грустно, когда старше
тебя нет никого на этом свете!..*

Я всё время моложе других,
Даже тех, что ушли молодыми.
Я не слышу себя среди глухих,
И внимаю молчанью с немymi.

Обращаю мгновенья в года,
И года обращаю в мгновенья.
И заветная гаснет звезда
В тёмном омуте стихотворенья.

Но не мыслю себя без любви,
Без единых заветных мгновений,
От земли отрываясь в крови,
Как дитя одиноких растений.

Ничего вспоминать не хочу,
Забываю, как сон, своё имя...
Будто равный, с немymi молчу,
Говорю, будто равный, с глухими...

Валерий КРАСКО

Москва

* * *

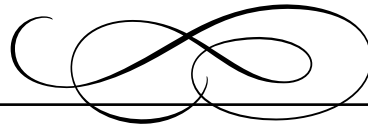
Не вижу ни звезды во тьме туманной,
ни маяка на дальнем берегу...

Я воскресить хотел бы папу с мамой,
но не могу.

Я стал таким, как стал–седой и серый,
вот-вот уйду в заоблачную тьму...

Я воскресить хотел бы веру Верой–
не по уму.

а забулдыга всё равно допьёт,
и жалкий шут, конечно, досмешит.

Но дай нам, Боже, долететь, доплыть,
дослушать соловья в Твоём саду,
и, если можно, Боже, дай нам быть
готовыми к последнему суду.

* * *

Всё земное – уже за мною,
позади уже, за спиною,
за невидимую стеною
меркнет стынущею золою.

Золотое золы мерцанье,
словно кадров кино мельканье,
где, родные до осязанья,
гаснут целые мироздания.

И смотрю я, как наблюдающий,
на себя в толпе исчезающей,
легкомысленно так вдыхающей
дух травы забвенья дурманящий...

* * *

Как трубку табаком, мы набиваем жизнью
нелепые дела, нелепые стишки,
чтоб кто-нибудь извлёк с фрейдистской
укоризной
из праха наших дней вершки и корешки.

К разрывам слов и снов, к истории порока –
привычно подходить с диагнозом врача,
но к заревам судьбы, но к тайным шифрам
рока –
им всё равно вовек не подобрать ключа.

* * *

Всё, что сродно, –
друг другу угодно,
и подобно во всём бесподобно,

даже если безродно, бесплодно,
даже если смотреть неудобно...

Пустота пустоту призывает,
нагота наготу прикрывает,
срамота срамоту покрывает,
суета суету потешает,
кривизна кривизну возвышает...

Всё, что сродно, –
угодно друг другу,
глупый глупого водит по кругу,
свой своих отличает по хрюку,
заклучив круговую поруку...

Пустота полноту истощает,
нагота доброту поучает,
срамота чистоту уличает,
суета простоту оскорбляет,
кривизна прямизну выпрямляет...

Нина КРАСНОВА

Москва

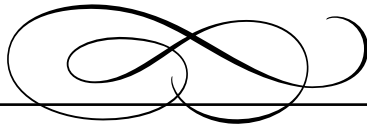
НА ПРОЧТЕНИЕ ПОЭМЫ «ЛЯМБЫ-БЛЯМБЫ»

Андрею Вознесенскому

Что такое «Лямбы-блямбы»?
Не хорей или ямбы...
Лямбы-блямбы, лямбы-блямбы –
Это боли и болямбы

Гениального поэта,
Но поэт молчит про это,
Он не стонет и не плачет,
Он в себе скрывает, прячет

Эти боли и болямбы
И играет в лямбы-блямбы.

ПЛАЧ ПО АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ

*Нина Краснова, землячка Есенина, –
рязанская красная девица нашей поэзии...*

Андрей Вознесенский

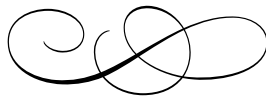
Красная девица в трауре
У Вашего плачет у гроба...
Гроб – в ветруальной ауре...
Разверзнута ямы утроба.

Господи... Ёлки зелёные...
Андрей Вознесенский... у-умер...
Слёзы мои солёные...
От неба отключенный зуммер...

Кладбище... о... Новодевичье...
Музей категории высшей...
Горе краснодевичье –
Могила с фамилией Вашей...

ОДА СИСТЕМЕ ДАО

Как же нам с тобой приятно обниматься,
Временной свободой дорожа,
И не мучиться обоим, и не маяться,
В строгих кандалах себя держа,
И в любви взаимной не обманываться
(Тут при чём твои-мои года?),
И энергиями ценными обмениваться
По системе Дао, да, о да.
А чего же раньше мы не обнимались?
Этого не понял бы Басё.
Мы тогда с тобой бы оба и не маялись,
Просто обнимались бы, и всё.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Москва

ВОСЬМИРЕЧЬЕ

1.

Около скал с оливами,
верными волн накату,
кто-то у Тита Ливия
как-то попал в засаду.
И под звездой неяркою,
как огонёк спиртовки,
Луций там шёл и палкою
маков сбивал головки.

2.

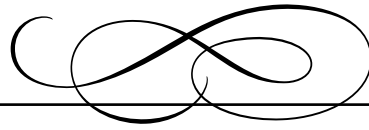
Так завсегда в истории
с древних времен – до наших:
лечатся кровью хвори и
пайкой остывшей каши.
Кто не со знаменосцами
ходит, тому в охотку
схваченную морозцами
пробовать черноплодку.

3.

Было у многознающих
некогда место сходок:
много тогда ветшающих
там береглось находок
для старика влюблённого
иль сухаря слависта –
в сумраке захламлённого
логова букиниста.

4.

Нынче иные улицы
и племена иные,
вижу, на них тусуются
дикие, сетевые.
Клерками стали хлопчики,
жертвы чужой поклёвки,
а у девиц над копчиком
прямо татуировки.

5.

Долго же я, не мудрствуя,
видимо, прожил мигом!
Стал только в годы смутные
трезв, наклоняясь к книгам.
Слёзные только пазухи
что-то поизносились.
В тёмно-зелёном воздухе
кроны вдруг взбеленились,

Тайнопись в виде дёрганых
холмсовских человечков
выглядела бы глупою
выходкою нахала,
но под рабочей лупою
сыщика-маргинала
вывела на виновника:
из-за кого у дому
стали кусты терновника
принадлежать другому

6.

но и смирились сразу же.
Здесь, в Епифани, в Луге
Третьего Рима, кажется,
есть где-то арки, дуги.
Ведь не за то ли ратуют
и молодые руки
и возле губ покатое
ночью плечо подруги?

с ягодами чернильными,
можно сказать, фамильными.

В траурных шляпах с сетками
дамы идут, не слышат,
как плавниками-ветками
снулые клёны дышат

на безымянном кладбище,
то бишь овечьем пастбище...

7.

В сумерки позднелетние
вовсе не для прогулки,
Отче, впусти в последние
здешние переулки!
Маму, быть может, выручу,
бедную атеистку,
если подам привычную
за упокой записку.

* * *

В рост крапива возле развалин храма
обжигала локти, цеплял репей.
А когда подрос, вразумляла мама,
проводя сына в Москву: «Не пей».
Твердо помнит живность свои зимовья,
только не такой человек как я,
не однажды тропы и изголовья
поменявший, волны, любовь, края,
наконец, совок и его предзонник.
Посему заложник своей судьбы
в оскуденье послевоенных хроник
различаю звук духовой трубы.

8.

В сумерки рудниковые
выходец из глубинки,
я не люблю пудовые
свечи – родней тростинки.
На Арарате, выше ли
в залежах свежих снега
вдруг задышали – слышали? –
рёбра того ковчега.

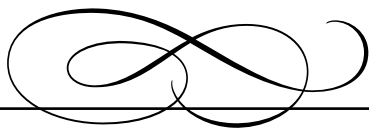
Ведь тогда не колокол наших предков
проводил, собравшихся за порог,
словно данников воронья на ветках...
В изначально сумеречный денёк

потускнел и кажется каждый атом
не оригиналом, а дубликатом.

ЧТЕНИЕ В НЕПОГОДУ

Г. Кружкову

В пору дождя упорного
сядем в кружок у свечи.

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Москва

СОНЕЧКА

Прощальное тепло, повремени,
Всё лучшее случается неожиданно.
Ах, Сонечка, как быстро тают дни,
Ложась под ноги листьями каштана.

Ах, Сонечка, с годами всё тесней
Душа к душе – с тревогами и снами.
И всё неотвратимей и ясней
То, что пребудет, то, что будет с нами.

Ах, Сонечка, к нам жизнь всегда щедра,
Так сопрягая наших судеб звенья,
Что никакая разума игра
Код не раскроет перевоплощенья.

Но этот поздний, беспечальный свет –
Еще не раз он плечи нам обнимет,
И мы пойдём за облаками вслед,
Пока однажды ни сольёмся с ними.

Блуждая там, где счет времён лукав,
Почти не веря в новое начало,
Мы всё-таки вернёмся, услышав:
«Смотри, опять с небес звезда упала!».

Ах, Сонечка...

* * *

Отошли пророческие грозы,
Поздних рос рассыпалась крупа.
Крестовидным семенем берёзы
Вышита сентябрьская тропа.

Осени неслышным повеленьем
Сходят к пчёлам золотые сны,
И прозрачным яблочным вареньем
Банки раскалённые полны.

За окном несёт огонь незрячий
Быстрая холодная река.

И всё реже кажется горячей
На моем плече твоя рука.

* * *

А вы – Серебряного века
Такие разные певцы,
Чьих строк серебряное эхо
Сквозь пограничные столбцы
Летело, по сердцам рассеясь.
И так захватывало дух,
И восклицалось: «Ходасевич!»,
«Ив нов!» – выдыхалось вслух.

На что и как вы жили-были,
Какие боли, беды, были
Вмещались в ваши зеркала?
И родина или чужбина –
Кто метче бил из-за угла?

Вы все по тропке леденелой
Теперь ушли за горизонт –
Бесстрастный Блок,
Безумный Белый
И шляпой машущий Бальмонт.

И я черчу, сосредоточась,
Над Временем незримый мост
Среди великих одиночеств
К ночному блеску ваших звёзд.

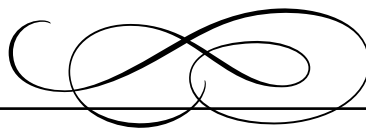
ОДИНОКИЙ ЯНВАРЬ

1.

Я тебя оставляю идти по другой колее.
Что поделаешь, если всё строится просто
и жёстко
Я иду поперек всех счастливых дорог
на земле
И подальше, подальше, подальше от всех
перекрестков.

Проводи меня взглядом. И хватит. Ты
выстрадал сам

Всё, что жизнью подброшено было тебе
на дорогу.
Всё, о чем не расскажешь, и всё, что
не взвесить весам,
Разве только небесным, послушным
дыханию Бога.

И пока что я в силах свой груз, не сгибаясь,
нести,
Хороня в себе то, чем грешно мне делиться
с другими,
Я осколки всех бед зажимаю так сильно
в горсти,
Что сочтется нечаянно кровь под ногтями
моими.

Но едва я слышу, как рядом поземкой
звонит
Бестолковый февраль, разметая ступенек
уступы,
Я, наверно, шагну к ним, легко уходящим
в зенит, —
И снежинка остудит мои воспалённые губы.

2.

И лёд ломается, И снег сошел на нет.
В глуши, в тиши, где ни души покамест,
Спасительной свечи вбираю свет
И в бедах, неприкаянная, каюсь.

Я выстою. А как — мне знать одной.
Раздёрну шторы, мир вокруг раздвину
И, что январь насквозь пропах весной,
Почувствую. И подбородок вскину.

СНЕЖИНКА

Обжигаясь, тая, умирая
Бабочкой, стремящейся в огонь,
От любви и нежности сгорая,
Упадешь ты на мою ладонь.

О восьмиконечная, резная,
Хрупкая, почти что неземная,
Падчерница вечной мерзлоты,

Как сбежать от стаи ты решилась,
Невесомой, как тебе кружилось,
Как тебе срывалось с высоты?

Сколько от дождя до снегопада
Странствовала ты, моя отрада,
Капелька, хрусталинка, душа?
Как смогла в перерожденьи вечном
Сердце от распада уберечь ты,
Воздухом разреженным дыша?

Где ещё меж тем и этим светом
От земли взлетающие летом
И к земле летящие зимой
Вдруг сойдутся в точке изначальной
Два пути несхожих и случайных,
Два летящих встречно — твой и мой?

И куда, к какому неудобью
Дальше устремится каждый путь?
...Я боюсь пошевелить ладонью,
Чтобы эту близость не спугнуть.

* * *

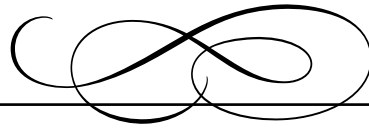
А в парке ночном, когда запахи листьев остры,
Меня окружают в молчании справа и слева
Сатир, проступивший в проломе дубовой
коры,
И вросшая в ивовый ствол непорочная Дева.

Он рвётся к ней с дуба, спеленат, распят,
одинок,
Запутавшись в космах, пробив древесину
бесстыдством
Весёлый Сатир, воплощенный соблазн
и пороқ,
Пугающий Деву своим озорным
первобытством,

*Влечёт его этот смущенный наклон головы
И то, как безгрешно к ней ластятся ветра
порывы,*

*И то, как скрывает её в щелетанье листвы
Седая дузня — бессонная старая ива.*

И бесплотно – легка,
Сохранившая холод ключа,
Соскользнула рука
Со ступеньки литого плеча.

По металлу плаща
Разлилась дождевая вола.
Если хочешь – прощай.
Я люблю уходить навсегда.

Станислав КУНЯЕВ

Москва

* * *

Пишу не чью-нибудь судьбу —
свою от точки и до точки.
Пускай я буду в каждой строчке
подвластен вашему суду.

Ну что ж, я просто человек,
живу, как все на белом свете.
Люблю, когда смеются дети,
шумят ветра, кружится снег.

Моё хмельное забытьё,
мои дожди, мои деревья,
любовь и жалость – всё моё,
и ничему нет повторенья.

А всё же кто-нибудь поймёт,
где грохот времени, где проза,
где боль, где страсть,
где просто поза,
а где свобода и полёт.

* * *

Как сотни лет тому назад,
кричит петух в рассветной сини,
и дышит в окна старый сад
дыханьем тлена и теплыни.

На родине такая тишь,
которой в мире не осталось,
и только в ней ты растворишь
свою февральскую усталость.

Когда, вскипая у окна,
сирень к тебе протянет ветви,
обрывки золотого сна
обволокут тебя, как в детстве.

Но что за дело до тебя
реке, распутице, равнине?
Они, всё сущее любя,
тебя случайно сохранили.

Земля не ведает утрат,
и нет – но это не жестоко –
в своём отечестве пророка,
как сотни лет тому назад.

* * *

Кто там шумит:
гражданские права?
Кто ратует за всякие свободы?
Ведь сказано – «слова, слова, слова...»
Ах, мне бы ваши жалкие заботы!

Ах, мне бы ваш ребяческий восторг,
хмель интервью, газетная арена!
Но я гляжу на Запад и Восток
не очерёдно, а – одновременно.

Я не поборник иллюзорных прав.
А если кто увидит в этом рабство,
я отшучусь, что вёл себя, как граф,
не признающий равенства
и братства.

Что говорю как гражданин страны,
которой нет начала и предела,
где все мы одинаково равны
пред ликом Данта
и строфой Гомера.

Сидячий поезд. Затхлый дух.
Мы миновали трех старух,
Двух алкашей и мать с ребенком.
Спал, ноги вытянув, солдат.
Я оступился: Виноват!
И как на льду качнулся тонком.

Садитесь, – нам сказал старик
В ушанке. Сели. Я приник
К окну. Проехали Шушары.
Сбежала по стеклу слеза.
Езды всего-то полчаса.
Уснул бы – снились бы кошмары.

Одно спасенье – ты со мной.
И, примираясь с вагонной тьмой,
Я примирюсь и с вечной тьмою.
Давно таких печальных снов
Не видел. Где он, этот Гдов?
Приедем – атлас я открою.

* * *

Я и забыл, что мы купили елку;
Мне не спалось; я в комнату другую
Вошел – она там пахла втихомолку
И уводила в глушь, бог весть какую.

В лесные дебри, сумрачную чашу,
В томленье зноя хвойного и бреда,
И в этой сладкой тьме животворящей
Она шепнула мне: не надо света!

И опустил я поднятую руку,
Не стал слепящей люстры зажигать я,
И мне казалось: рады мы друг другу
И заключен я в жаркие объятия.

На фоне книг, при стульях и комодке,
В глубокой тьме полуночного часа,
О, вот она, любовь моя к природе,
Как ни смешно звучит такая фраза!

* * *

«А кем ты хочешь быть?» – я мальчика
спросил.
Ведь надо же спросить о чем-нибудь
ребенка.
Отцу его уже сказал я: «Как он мил!».
Макушку потрепал и улыбнулся тонко.

А чтобы подсказать ответ и поскорей
Отделаться ему от праздного вопроса,
Сказал, что я хотел быть летчиком – смелей
Всех летчики, планшет в руке и папироса.

Но мальчик так молчал, как если б глух и нем
Он был. – «А, – говорю, – матросом! Нет?
Шофёром!» –
Ребенок помрачнел и вдруг сказал: «Никем».
И мне пришлось отстать от мальчика
с позором.

* * *

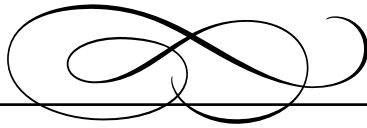
Ирине Евса

Эти фрески для нас сохранил Везувий.
Изверженья бы не было – не дошли бы
Ни танцовщицы к нам, ни, с травинкой
в клюве,
Утка, ни золотые цветы и рыбы.

Я люблю эту виллу мистерий, это
Бичеванье, нагую люблю вакханку,
Красный цвет, я не видел такого цвета!
Желтый плащ и коричневую изнанку.

Так спасибо тебе, волокнистый пепел,
Пемза, каменный дождь, угловая балка,
Сохранившие это великолепье!
А погибших в Помпее людей не жалко?

Был бы выбор, что выбрал бы ты: искусство
Или жизнь этих римских мужчин и женщин?
Ты бы выбрал их жизнь. Я бы тоже. Грустно.
Ведь она коротка и ничем не блещет.

* * *

Перед лучшей в мире конной статуей
Я стоял – и радовался ей.
Кондотьер в Венеции ли, в Падуе,
Русский царь вблизи речных зыбей
Не сравнятся с римским императором.
Почему? – не спрашивай меня.
Сам себе побудь экзаменатором,
Верность чувству смутному храня.

И поймешь, разглядывая медного,
Отстраняя жизни смертный шум:
Потому что конь ступает медленно,
Потому что всадник не угрюм,
Потому что взвинченность наскучила
И жестокость сердцу не мила,
А мила глубокая задумчивость,
Тихий сумрак позы и чела.

* * *

Прогуляться вышли поздно.
Ночь во всем великолепье
Золотые свои сети
Развернула в темноте.
– Посмотри, как эти звезды
Хороши в турецком небе
И ближайšie, и эти,
И особенно вон те!

Те, смотри, почти живые.
Даже кажется, что можно
К ним с вопросом обратиться,
Попросить о чем-нибудь.
Как посты сторожевые,
Проступают осторожно,
А за ними тьма клубится.
Посмотри, какая жуть!

Как мерцает вполнакала
Их узорное сцепленье!
Неужели во Вселенной,
Кроме нашей, жизни нет?
– Есть, конечно, – ты сказала, –
Это – горное селенье,
Есть там школа, несомненно,
Кладбище и минарет.

Александр ЛАВРИН

Москва

ЗИМНИЕ ЛЬВЫ

Л.

Так наступает короткое время.
И зябко.

Сонный ноябрь, и затишье, и, кажется, осень.
Бродский сказал бы точнее: «Репетиция
смерти».

В ящики снов заколочено белое лето.
Ветер остывший, и черные ветки, и холод.
Тлеет листва под ногами случайных
прохожих...

Звуки аллеи скрипучи, как кашель совы.
Воздух сырой и тягучий,
вязкий, как вата.

В парке осеннем, где листья плывут
неподвижно.
В темных провалах ветвей – неуклюжее небо.
Память тропинок ведет к облетевшей
усадьбе,

Осень скулит в заколоченных окнах. Ограда
Тонкою лентой чернеет по желтым развалам.

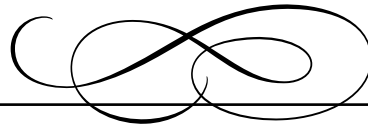
Нет, подожди!.. Эти странные ящики между
Ровных дорожек!
Их сколотили два евнуха – прежде
Здесь
Были
Львы.

Вот она, львиная доля –
рык превращается в гипс
или же в мрамор (намного практичней),
но почему-то
кажется мне,
в ящиках этих
скрываются дети Пандоры

или

разве возможна

любовь без тебя

Классик сказал бы привычную пошлость,
 банальность:
 Дети, лишённые детства.
 Скорей, короли без короны.
 Уд без муды (это в стиле Баркова).

или

чеширской улыбкой
 мелькнет за деревьями,
 ближе
 к сонной долине и к пойме реки обветшалой,
 тихо бормочущей то, что услышать невозможно:
 время –
 река –
 возвращение –
 время –
 пространство.

или

осень
 приносит
 любовь

так бывает

однажды

Лев – рядом – львица
 пробел между ними короче
 прыжка через вечность
 а вечность
 короче прыжка через вечность

или

осень внимательна, как надзиратель
 какая
 няня сравнится с ее бесконечной опекой

Я убежал, заглянул, как мальчишка, в окошко
 дома чужого, где музыка раньше сияла

там,
 в глубине саркофага из досок,
 играло вселенство:

тысячи нежных светил, что умножены
 на мириады
 скрипок, фаготов, валторн и гармошек
 губных

а затем
 выгчи из них
 сердце мое

без остатка.

Елена ЛАПШИНА

Москва

* * *

Я видела – в лугах его, далече, –
 как, обгорев, но ран не замечая,
 он бродит, пряча розовые плечи
 среди густых метёлок иван-чая.

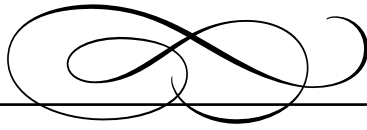
И я слыхала – смертная, мирская, –
 как на чужом наречье незнакомом
 он пел, тяжёлых век не размыкая,
 кому не знаю: птицам, насекомым...

И мне казалось, будто в этом теле
 ему легко среди травы и зноя...
 И облака всё посолонь летели
 кибиточками в Царство неземное,

уже звала не Волга, но – Валгалла,
 и отцветало пёстрое, простое...
 И я жила, пока ещё мелькала
 его спина в зелёном травостое.

* * *

Воздух дрожащий, тени наискосок,
 полдень морочит, хрустит на зубах песок...
 Марью окутан и облачён в тоску, –
 как по огню, ступающий по песку...

А у меня в голове всё кружится стрекоза,
и солнце слепит глаза.
А он-то – видом неявен в моём краю,
но я его по голосу узнаю.
И говорит повелитель стрекоз и мух,
сухими губами меня обращая в слух:
– Ну, что ты заладила: «милости»
да «прости»? –
тебя уже не спасти.
И вижу за маревом – рот его крепко сжат,
но слышно, как тихо звенит песок и губы
его шуршат.
И я говорю ему... говорю ему...
А что – и сама никак не пойму.
Но сколько гостя не вопрошай и рук к нему
не тяни, –
холодно в чёрных его очах и жарко в его
тени.
А он – то лукав, то ласков – неизъясним...
И вдруг понимаю, что я говорю не с ним.
А он научает меня словеса плести.
А я повторяю: – Милости, милости...

* * *

Сон ли его нарушу,
или душа слепа:
из-под льда наружу –
кисть, голова, стопа...

Глянeshь во все концы-то –
ширь, да – не благодать:
нету конца Коцита,
берега не видать.

И не тропы подталой,
и не черёд словам.
Кай – окаянный малый,
шедший по головам.

Где та сестра, награда
(отроду наречен),
выведшая из ада,
так и не став ничем?

И, не сложивший слова, –
сколько ни выкликай, –
из-под льда бывшего
блудный вернётся Кай.

Весел и нераскаян,
голоден и удал:
– Здравствуй, отец мой Каин,
Авеля не видал?..

* * *

...И всё неслошь и билось, как пурга,
взметая простыни и одеяло, –
обволокло, объятия объяло,
и улеглось, и стихло всё, пока.
...И длился сон, и в эти полчаса:
то скрип софы, продавленной до кочек,
то телефон – латунный колокольчик,
то в гулкой чашке – пьяная оса.
...И снился снег – уныла и бела,
земля лежала – и ломило тело.
А там – во сне чужом – весна гудела,
вода звенела и айва цвела...

Евгений ЛЕСИН

Москва

* * *

Выпил чаю. Чаю «Липтон».
Закачались фонари.
Дорогой диспетчер лифта,
Ты со мной поговори.

Прояви ко мне вниманье
И заботу прояви.
А не то одни страданья
И печали от любви.

От любви моей несчастной,
К самому себе любви.
Дар случайный, дар напрасный,
Хоть милицию зови.

* * *

Я вышел из троллейбуса,
Давай-ка сам езжай.
Троллейбус № 70,
«Шестёрочка» трамвай.

Иду Волоколамочкой
До Тушина пешком.
С моей любимой дамочкой –
Чекушкой. И пивком.

Шатаются прохожие,
А также тротуар.
Эх, был бы помоложе я.
Хоть и сейчас не стар.

Фонарики потушены.
Ещё светло вполне.
Иду пешком до Тушина,
А Тушино – ко мне.

* * *

Всё неизменно, рай и ад,
Сосиска в миске, чёрт на блюде.
И десять тысяч лет назад
Людей обманывали люди.

Уходит солнца свет во тьму,
Закрываются помыслы и двери.
Никто не верит никому.
И очень правильно не верит.

Деревья спят, а дни стоят,
И всё выходит шито-крыто.
Жена не друг, а друг не брат,
А брат опаснее бандита.

Какая разница – тот свет
Или другой, чума и вера?
Нет подлости и вероломства нет,
А есть обычная карьера.

* * *

Люблю московские дома,
Где в окнах первых этажей
Решёток нет. Сойти с ума...
Какая радость на душе.

Осталось очень мало мест,
Где тишина, а не разгул.
На 1-й Войковский проезд
Я с Ленинградки завернул.

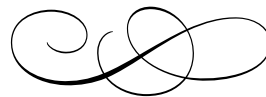
Здесь хорошо и даже грязь
Вполне уютненько лежит.
И трёхэтажка мне, смеясь,
Кивает: топай, паразит.

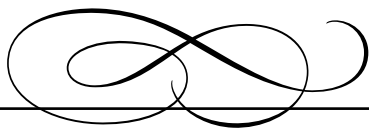
А дальше парк, а в нём родник,
А на скамейке молодняк.
Весёлый тушинский старик,
Иду-гуляю. Как-то так.

* * *

Чистил зубы. От зубов отваливаются куски.
Снится только работа, и – слава богу.
Сплю на полу, подушка на стуле, на ней носки.
Голуби у помойки не уступают дорогу.

Не уступают, гады, перекрывают путь.
Как собаки. Я сейчас уже сам завою.
А ну улетайте. А не то я «неба пустую грудь
Тонкой иглою» раню, тонкой иглою.

Ярослав ЛИТВИНЕНКО

Москва

ЗА КОСТРОМОЙ

Я повторяю имя Кологрив,
Склонившись в удивлении над картой.
И вижу я себя за школьной партой,
Сижу, глаза ладонями прикрыв.

В том Кологриве потемневший храм
И речка, словно спутанная лента.
Я родом из былинного райцентра.
Я не был в нём. Я всё придумал сам.

Сюда рукою, кажется, подать
Из Устюга, да только нет дороги.
Леса и здесь такие, что подмоги,
Случись чего, вовек не отыскать.

Придуманную школу, школьный сад
И опытные наши огороды
Лохматый пёс неведомой породы
И ветеран угрюмый сторожат.

За партою со мной – мой лучший друг.
Он всю неделю чересчур серьёзен,
Поскольку занят производством блёсен
Из старых ложек, сваленных в сундук.

Сундук, что у него на чердаке,
Поляками оставлен, кроме шуток.
Сижу, прикрыв глаза, и вижу уток,
Овраг, ручей, заборчик вдалеке.

Всё меньше наша школа и пустырь,
Всё глуше над оврагом грай вороний.
Уже совсем, как будто, посторонний
На Родину смотрел я с высоты.

Смотрел на карту и придумал сам,
Что, если б жизнь за Костромой мотала,
Я б городишко выбрал самый малый –
В нём ближе и к земле и к небесам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Напротив вологодского причала
Забывтый кран и домик в три окна –
Пейзаж, не изменившийся нимало
За пару лет, и только громче стала,
Гремит по кругу песенка одна.

Казалось мне, что только и осталось
Смотреть на груды щебня и песка.
Так безнадежно-долго там стоялось,
Та песенка всё ветром обрывалась,
И мошкара кружилась у виска.

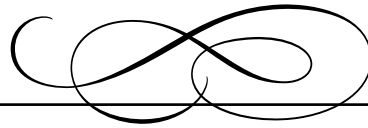
«Мне с каждым годом Вологда всё ближе. –
Так думал я. – Пускай меня прибьёт
К её дворам. Как будто грязно-рыжей
Давно забытой вывески под крышей
Я вижу каждой буквы поворот».

Но Вологда мне знаки подавала,
Я видел их за стройкою, вдали:
Пора уйти от этого причала,
Его запомнить и вернуть начало –
Московские названия земли.

И я тогда услышал конский цокот,
Футбольный гул задумчивых времён,
И над Ходынкой вертолётный рокот,
И сбившийся от старости на шёпот
Салатовый немецкий телефон.

Тот сад наискосок от магазина...
Я в нём очнулся на исходе дня.
Идти домой без слёз невыносимо.
Так запахом сирени и бензина
Встречала Таракановка меня.

Валерий ЛОБАНОВ

Москва

* * *

Пока я думал о тебе –
на ветках почки распустились,
и в небе облака сгустились,
и майский дождь запел в трубе,

и проплывали корабли
в свои неведомые дали,
и все влюблённые земли
о встрече будущей мечтали,

и шёл серебряный старик
среди Гоморры и Содома,
и раздавался первый крик
в просторной мастерской роддома,

и чудеса происходили
в природе, в городе, в судьбе,
пока столетья проходили,
пока я думал о тебе.

ПАМЯТИ СЫНА

Гостей созывают к столу,
душа начинает гулять.
Лицо приникает к стволу,
рука привыкает стрелять.

Дорога уходит во тьму.
Чего еще, милые, ждать?
Глаза привыкают к тому,
что лучше бы не наблюдать.

Листается памяти том,
читается скорбный букварь.
Петардой, звездою, крестом
взрывается этот январь.

* * *

не думать о смерти
не злиться
не плакать
не петь
не дрожать
дождем элегическим литься
летающей дорогой бежать

Игорь ЛОГВИНОВ

Москва

.....

Твои дела не так уж плохи,
чего ж так жадно ищешь ты
Полуисчезнувшей эпохи
Полузабытые черты?

.....

Снится мне дочь моя первая
С нею жена моя прошлая,
Совсем никакая не стерва, а
Красивая и хорошая.

.....

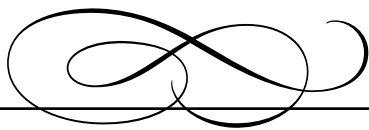
Вот и первый снег пошел
чистый, мелкий, редкий
как стиральный порошок,
только что не едкий.

И по первому снежку,
По метель-пороше
Из бассейна я спешу,
Чистый и хороший

.....

Я выламываюсь из Пространства
Чтобы с Временем повстречаться
И постылое постоянство
обменять на возможность мчаться,
ибо только в движенье – Счастье.
Результат моих устремлений –
Утоленная жажда странствий,
Снова я покидаю Время,
Замыкаясь в немом Пространстве,
Ибо мудрость – лишь в Постоянстве.

.....

Когда страну правит плут,
То слуги очень рады.
Из дома все, что можно прут,
Не ведая преграды.
Когда страну правит лжец,
Мошенники спокойны.
Не ждет ужасный их конец,
И все они довольны.

.....

Походкой, голосом и выражением лица
Все больше становлюсь похожим на отца.
С такою же горбинкою мой нос,
Вот только больше на башке волос.
С такими же прожилками рука,
Да будет легче ноша старика.

.....

Все поколения шествуют по кругу, –
Так думал я, подслушав, как с утра
Рассказывают мальчики друг другу,
Где, с кем и сколько выпили вчера.

.....

То прямо, то дугой, то косо
Снег повалил среди весны.
И показалось: все вопросы
Благополучно решены.
И можно отдыхать, мечтая
о деньгах, славе и любви...
Но очень скоро снег растаял,
Ботинки намочив мои.

....

Я поутру приехал в Ленинград,
Еще дома и улицы все спят.
С перрона я на Лиговский ступил.
О город мой! Тебя я не забыл.
Я по Кузнечному к Владимирской прошел –
Здесь каждый дом я знаю хорошо.
На Загородный повернул проспект.
О город мой! Ты мною не воспет.
Остановился у Пяти углов –
Здесь мы расстались – кончилась любовь.
Она ушла, растаял вдалеке
Стук туфельек на низком каблуке.
Она ушла, остался этот дом,
На Пять углов выходит он углом.
Еще открыт колбасный магазин.
Она ушла, а я стою один.

.....

В Павловском парке сажу на траве.
Солнышко светит. Не жарко.
Прячутся желтые краски в листве
В Павловском парке.
Я приезжаю сюда раз в году
В грустные жизни минутки,
Чтоб помолчать, поглядеть, как в пруду
Плавают листья и утки.

.....

Все будет – и рифмы и проза,
И стоны в любовном бреду,
И легкая смерть под наркозом
В две «тыщи» каком-то году.

Евгений ЛУКИН

Санкт-Петербург

БЕЛОЕ РЫЦАРСТВО

(Из Бёрриса фон Мюнхгаузена)

Колокол нынче гремит перед бурей,
Нынче на улице ливень стеной,
Но через эти предвестия хмурые
Слышится издали голос иной.

Вынутый из деревянного ящика,
К небу охотничий рог вострубит,
Будто застонет душа и расплачется:
«Бог да простит тебя, Бог да простит!»

Бог да простит тебя, белое рыцарство!
Крепко бунтует у нас мужичок,
И силой темною, силой корыстной
Будет ославлен твой щит и значок.

Рыцарский замок сияет за облаком,
Но с топорами сюда подойдут.
Старый кузнец поработает молотом –
И вековые врата упадут.

Вознаградят оплеухой хозяина
И между ребер лопатой его.
Доблестный меч все же в ножнах останется –
Рыцарь не станет клеймить никого.

Черное пламя под сводами рыскает,
 Рушатся стены, растоптан значок.
 Бог да простит тебя, белое рыцарство!
 Крепко бунтует у нас мужичок.

ПАЖ

Я – паж, и за шлейфом хожу день-деньской,
 Служу королеве бургундской.
 Сегодня она говорила со мной
 На мраморной лестнице узкой:

«Поведай, так трепетно ты почему
 Касаешься шлейфа губами?
 Мне кажется, паж, ты целуешь кайму,
 Усыпанную жемчугами!».

Я пал перед ней на колени, моля:
 «Прошу не наказывать строго!».
 В ответ госпожа усмехнулась моя,
 Поправила локон немного:

«Ты видишь, как сокол перчатку когтит?
 Как топчется лошадь на месте?
 Одно наказание тебе предстоит:
 Со мной поохотиться вместе».

И мы понеслись – так, что ветер отстал
 И знатная свита отстала.
 Мой конь вороной подо мною плясал
 И шпага на ленте плясала.

Где высится дуб, опаленный огнем,
 И ельник разлапистый слева,
 Оставшись вдвоем на лугу голубом,
 Призналась моя королева:

«Сегодня мне руку свою предложил
 Кастильский властитель надменный.
 От замков ключи он к ногам положил,
 А рядом свой герб драгоценный.

Горит на гербе серебро и топаз,
 Сияют ключи среди ночи...
 Твой смех серебристее в тысячу раз,
 Лучистее юные очи».

Я паж, и за шлейфом хожу день-деньской,
 Служу королеве по чести.
 Ловлю налету поцелуй неземной,
 Когда мы охотимся вместе.

А если, возможно, хотите узнать,
 Что было потом на свиданьях,
 То я ничего не смогу вам сказать,
 Затем что молчу при лобзаньях.

НАБЕГ

Темное небо, ветер шальной,
 Дикая пустошь, ливень стеной,
 Зарево, словно деревня горит,
 Сумрачный отблеск в болоте дрожит.

И вдруг из-под неба клокочущий вой,
 Как будто внезапный порыв штормовой.
 Колеблется твердь и трепещет, когда
 Все ближе и ближе несется орда.

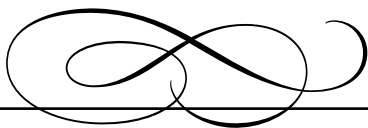
О гуннов веселые крики во мгле!
 Грохочут копыта по зыбкой земле,
 И брызжет с налету болотная грязь
 К седельной луке, на точеную вязь.

О буйный набег в озаренных ночах!
 Железные бляхи звенят на плечах,
 К растрепанным гривам прильнули гонцы,
 Сжимает кулак верховые уздцы.

Летят напролом под холодным дождем
 Кто ведасть не ведает, где его дом,
 Кто с детства считает седло на гнедом
 Своей колыбелью и смертным одром.

Последний наездник во мраке исчез.
 Растоптана, выбита пустошь окрест.
 Лишь ветер давай хохотать и свистеть,
 Как будто гуляет по заводям плеть.

Темное небо, ветер шальной,
 Дикая пустошь, ливень стеной,
 Зарево, словно деревня горит,
 И мутный отблеск в болоте дрожит.

Виктор ЛУНИН

Москва

* * *

А может, к лучшему, что ты
 Меня годами вздором мучишь,
 И низвергаешь с высоты,
 И как глупца-мальчишку учишь,
 И обмануться не даёшь,
 И правду вдалбливаешь строго?

Но всё же как прекрасна ложь,
 Когда её не слишком много!

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

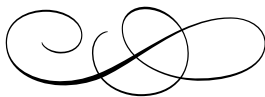
Глазурью чистой, сладость конфетной
 Покрылся двор.
 Заиндевелой вязью трафаретной
 Горит простор.

Где дуб? Где ясень? Их одела вьюга
 В один наряд.
 Деревья белоснежные друг друга
 Не отличат.

Синеет небо. Солнца диск лучистый
 Пылит в окно.
 Его сиянье в дымке золотистой
 Растворено.

Цепь облаков лиловых недвижимо
 Скользит вдали,
 Сливаясь с сизыми клубами дыма –
 Детьми земли.

И кажется зима теплее лета,
 Так всё светло,
 Пока глядишь на ликованье света
 Ты сквозь стекло.

Александр ЛЮЛИН

Санкт-Петербург

* * *

Сам себе варю обед и ужин,
 И всю жизнь мечтаю о семье...
 Неужели никому не нужен
 Я на этой горестной земле?

Сам себе свое белье стираю...
 Вечером сижу, смотрю в окно.
 Там погода – скользкая, сырая.
 Неуютно, ветрено, темно.

Стала жесткой мягкая подушка,
 Сладкий чай невкусен и горчит.
 Телефон, как мертвая квакушка,
 Тоже оглушительно молчит.
 Снял игрушки с елки новогодней
 После девятнадцатого дня,
 Думаю о том, что вот сегодня
 Вспомнит ли хоть кто-нибудь меня?

Я устал от слов, устал от чисел.
 Встану, похожу, опять лежу...
 От кого я жду звонков и писем –
 Никому, пожалуй, не скажу.

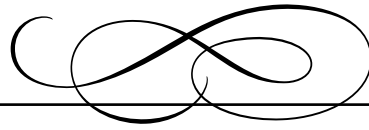
Заглянул вот, отворив калитку,
 Я в почтовый ящик – ничего?

Почтальон красивую открытку
 Мне принес – не знаю от кого.

* * *

Какой мне жребий уготован,
 Допытываться не решусь.
 Но я почти под каждым словом
 Сердечной кровью подпишусь.

Я не вношу в стихи поправки;
 Что означает жить? – Грешить.
 Но я старался жить по правде,
 Высокой истине служить.

Ведь у меня на свете белом
Нет, ближе Бога, никого;
Принадлежать душой и телом
Желаю армии Его.

Моя система корневая
Пронизывает все года.
Я все смиренно принимаю,
Хоть взбрыкиваю иногда.

Вот я живу – бездомный, сирый.
А мне б – к семейному костру...
Я был рожден в стране Россия,
В России плотию умру.

* * *

Ты раздевалась, разувалась,
И без одежды, налегке,
Следы оставив на песке,
В объятия реки бросалась...
И я завидовал реке!

Река текла, вода менялась,
Смывая мысли и года:
Ты так залиvisto смеялась,
Как не смеялась никогда!

Пустыми двигала руками –
Движенья плавны и легки:
Босыми твердыми ногами
Утаптывала дно Оки.

На берегу одежда, обувь...
А ты плескаешься в волне...
О, как же мне хотелось, чтобы
Река завидовала мне!

* * *

Свежие, трагические, яркие
В юности показывали сны!
Я теперь – как парусник на якоре:
Мертвый штиль, ни качки, ни волны.

Все же из морских тяжелых раковин
Слышен грозный рокот иногда -
Прошлое шумит: кричат оракулы,
И горят подбитые года.

Людам неохота жить до старости
С немощью ее, с ее тоской:
Мир кипит в котле любви и ярости, –
Мир не изменился. Я – другой.

Ничего со мною не случается,
Если посмотреть со стороны:
Убран парус, мачта не качается...
Знали б вы, какие вижу сны!

* * *

На колоннах из лунного света
Возвышается храм облаков –
Обиталище вольного ветра,
Современника всех языков.

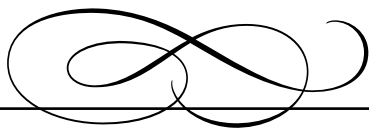
Третий лишней любви и злодейства
Наблюдал, как небесный матрос,
Всхлипы старости, возгласы детства
Возле вечного озера слез.

И, швыряя горящие копыя,
Многотонные волны вздымал,
Дождевою спрессованной дробью
Разбивал стекловидный овал.

Хоронясь в пышных кронах, на крышах
Хижин царских, дворцов-шалашей,
Сколько видел всего! Сколько слышал
Миллионами чутких ушей!

Я люблю, когда в небе холодном,
Уплывающем вдаль по утрам,
На дымящихся лунных колоннах
Воздвигается облачный храм.

Я спокойно курю сигарету.
В мире тихо, Деревья в зиме.
Только ветер – он все-таки ветер...
Ветер! Что у него на уме?

Надежда МАЛЬЦЕВА

Москва

ЦВЕТИК ГРЕШНИЦЫ АКУЛИНЫ

Проскакали в краю ковыла
тени всадников в туче мух,
и не стало муки и мыла,
и огонь в очаге потух.

Выжгло всё, от травы до хлеба,
мочи нет, а поди ж, терпи,
и решила построить небо
Акулина себе в степи.

Далеко-далеко за домом
поклонилась на север, юг,
для защиты святым хоромам
уложила камнями круг,
и надёванные едва ли
из заветного рундука
разложила платки и шали,
сколько враз унесла рука.

Растопила в середке солнце
из соломы и будыля, –
как прабабкино веретёнце,
заплясала под ней земля.

В дым и пепел макая юбки,
на ветру за свечой свечу
жгла и выла: «Ко мне, голубки!..»,
жгла и выла: « Лечу! лечу!..».

Не дождавшись от неба прока,
повалилась ничком во мглу...
Свет мелькнул, как мгновенье ока,
и отсыпал одну золу.

Но поднялся от ветхой глины,
перетоптанной не впервой,
цветик грешницы Акулины
над ответной степной травой.

Он из самого пекла вырос,
весь, как соли крутой щепоть,
и поставил его на клирос
до скончанья веков Господь.

Марина МАМОНА

Москва

* * *

А было время ведь такое легкое
Читаешь в электричке, мимо – станции,
Жизнь чередом, не тикая, не цокая,
Штрафные не предъявлены квитанции.

И парни все мечтают познакомиться
Со мной, и это вовсе мне не кажется,
И ты на станции какой-то вломишься,
И смело взглянется, и бойко скажется.

А двери, между прочим, закрываются,
Кто не успел, тот лучше всех устроится,
Ведь как бывает, если что ломается,
То где-то чинится и где-то строится.

Но мы, купив билетки счастливые,
Успели основательно, без паники
На ветер в лоб, на ракурсы красивые,
На поцелуи... на борту “Титаника”.

* * *

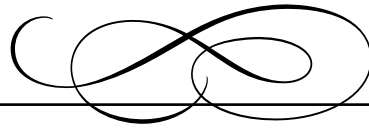
Жена поэта стерпит всё:
Нескромный взгляд и томный вздох.
И новый стих про то да сё –
Не про неё, а значит, плох.

Она растит троих детей,
Читает тайно черновик.
Пусть не хватает ласки ей,
Зато полно в квартире книг.

* * *

Бывают такие дни в конце февраля или
в начале марта,
Когда одежда кажется особенно маркой,
Куртка слишком большой, тяжёлыми
сапоги,

Шарф душит, бретельки лифчика слишком
туги...

Бывают такие дни в конце февраля или
в начале марта,
Когда на могилах близких чернеет снег,
И причудливая проталин карта
Наводит на мысль: а хватит ли тут места
на всех?

Павел МАРКИН

Москва

* * *

«Мантурово – город небольшой,
и по части нравов очень строгий...
Ты его полюбишь всей душой», –
говорил попутчик по дороге.

Слушал я,
и снова верил в Русь!
Сколько б жизнь под корень ни косила,
Все равно я веровать берусь!
Так и каждый – в том России сила.

«Вот ты посмотри: сейчас река –
это Унжа, мы уж на пороге...
Для меня здесь центр материка», –
говорил попутчик по дороге.

«Ну ты не стесняйся – заходи...
Порыбачим в самый ход сороги,
а потом и дело находи», –
говорил попутчик по дороге.

* * *

*«Ты получишь однажды по почте
невзрачный конверт...»*

Екатерина Ратникова

Ты из ящика вынешь конверт, где лежит
белый лист –
Где ни слова, ни точки в молчании для тебя
оробело,
И не то что я всё исписал, как плохой
журналист,
Но понравилось мне, что по белому-белому
бело.

За окном нам морзянка капелит –
весна настанет.

Пусть останется тайной письмо.

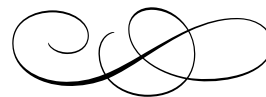
Наши мысли похожи.

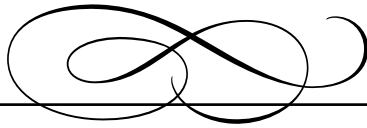
Лишь поэзия петь о любви нам с тобой устаёт,
Как подхватит какой-нибудь странно
одетый прохожий.

Изорви этот лист на снежинки – пусть
ветер подхватит,
Пусть никто не поймает, не будет фискалам
улова,

Нет у нас переписки, ну всё же, пожалуйста,
хватит,

Но я ящик открыл – там конверт, на котором
ни слова.

Новелла МАТВЕЕВА

Москва

ВЕЛИМИР

Есть хаос концов (ком правит Кошей).
Есть хаос начал, – зарожденья вещей.
В началевающей Вы стояли один.
Ваш опыт – он Ваш. И уж больше ничей, –
Ничья целина.

Не всяк догадается, – чтоперед ним;
Закладка дворца или груды руин?
Закладку дворца Вы следили один.
Мир зла – обратил его в груды руин.
Не Ваша вина!

Ленивцы уставились взглядом во тьму, –
Им – Ваших прозрений звезда – ни к чему.
Они «разрушенье» увидели там,
Где сыпался щебень, но – строился храм,
Большой, как Луна!

Не Хаос, а Космос – Ваш пастырь и друг.
Но внятен не каждому Космоса звук,
Не всяк в Академии ветра проник;
Не каждый стремится туда, где из книг
Приходит весна...

ЗЛОПАМЯТНОСТЬ КОРИННЫ

Дразнили меня, – что в стихах моих –
«тучки, листочки,
Цветочки»... Смеялись в лицо, довели
до точки.
А нынче – лишь только рискнула за бедных
вступить, –
«Тупица! – рычат. – Где же тучки твои?
Где – цветочки?!».

НОЯБРЬСКОЕ

Отсырел осенний мой этюдник.
Там и сям – зима встаёт из хмари,
Мощная – как сам боксёр Тютюнник!
Хрупкая, – как Девочка-на-шаре.

И уже – в нахохленном подлеске
(Кто по-стариковски, кто – по-детски) –
Прячутся при виде льдистой хмари
Существа, создания и твари...

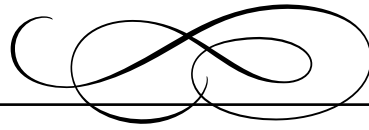
Ни синиц, (а вдруг и осчастливят?)
Ни ежей – в их тапочках домашних...
Над бурьяном виден первый вылет
Хлопьев, – (так обманчиво «нестрашных»!)

Пажити оспаривая чёрность,
Дальний свет сквозь тучи раздаётся,
Но вот-вот – на блеска непокорность
Тушечница сумерек прольётся...

Хоть бы лёг на кровли снег слоёный!
(Но и снег – подите, урезоньте!)
Яркоцветный,
Солнцем напоённый
Летний мир уснул на горизонте.

Ранней тьмой чернит вихрь суровый
Все углы, что солнце поглощали,
И, срывая с зарослей покровы,
Бьёт кусты, – за то, что обнищали.

Вихрь несётся – серебристо-тёмный,
С жёлтым смешиваясь листопадом...
Но и эти краски
До весны запомнит
Человек, идущий с вихрем рядом.

* * *

Мне критик запретил святые имена
Великих поминать. Сказал, что пошло это!
Что невоспитанность ужасная видна
В стремлении назвать великого поэта!

Суровый критик мой! Что ж. Я ведь – ничего;
Я имя гения готова скрыть под кодом!
Боюсь, однако же, что как-нибудь, обходом –
Другие всё равно напомнят вам его...

Чрез «невоспитанность» огромного числа
Людей – до нас и вся поэзия дошла.
Но, с вами согласясь, я вам желаю – лично

Столь громким именем планету потрясти,
Чтоб уж никто его не смел произнести
В собрании людей, воспитанных прилично.

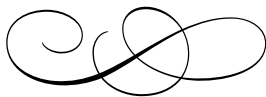
* * *

Дайте мне три мандарина!
Я угощу на пруду
Лебеда Лоэнгрин
И – на ветвях – какаду.

Совесть нельзя успокоить,
Но освежает в душе;
Два мандарина пристроить –
Всё-таки дело уже!

Третий же, самый прекрасный,
Я никому не отдам;
Пусть – золотистый и красный –
Сам поплывёт по волнам;

Пусть его выловит кто-то;
Пусть это будет – солдат;
Вряд ли солдаты в казарме
Власть мандарины едят...

Зоя МЕЖИРОВА-ДЖЕНКИНС

Нью-Йорк

* * *

Там, где желтой пены вьется пряжа
Из соленой ледяной воды,
Полосой заброшенного пляжа
Пёс бежит и нюхает следы.

Сильный ветер с мелкого залива.
Резкий предосенний холодок.
Женщина идёт неторопливо,
По земле волочит поводок.

Тусклая песчаная дорога
Съёжится под ливнями к утру.
Что мне радость, если одиноко
Бьётся флаг на штормовом ветру!..

* * *

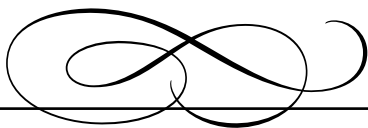
И вот о былом не жалея,
В чем будешь почти что права,
Смотрителем зала в музее
Ты станешь работать сперва.

С безумством последнего риска,
Сквозь множество колких преград
Поблизости от Сан-Франциско
Ты жизнь поведешь наугад.

Из снежных заносов России,
Как остро отточенный нож,
Не помня усмешки косые,
Ты в это пространство войдешь.

И чуждый язык, наплывая,
Возьмет в небывалый полон,
Как будто волна штормовая,
Диктует свой новый закон.

И мертвые ставя зарубки
На этом витке бытия,
Здесь будет лишь голосом в трубке
Страна ледяная твоя.

Он рвет на куски расстоянья
И, шар огибая земной,
Опять назначает свиданье,
День с ночью венчая собой.

Эфир принимает ответы.
А в них друг за другом слышны
То – отзвук слепящей победы,
То вдруг – цепенящей вины.

* * *

*Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света...*

Е. Баратынский

Москвы снегами январь пропах,
В горбатых сугробах тих.
Ты – бесшабашной отваги шах,
И поле защит глухих.

Затей безудержных Бонапарт
И трезвых ходов игрок.
А всё ж надежных козырных карт
К развязке не приберег.

Моей пропажей рванулса вспять,
Но пойман в стихов капкан.
Тебе привольно по ним петлять,
Разбойник, пират, смутьян.

Из бездн пространства силками строк
Нечайно украден мной, –
Времяпролетный сквозной поток
Назвать ли моей виной.

Ты – их событие, тебе сиять
В их сферах, где мы – одно.
А что о том не желаешь знать,
Им в общем-то все равно.

Они, отдельные от земли,
Как птиц непокорный рой,
Взмывают ввысь и парят вдали,
Свой путь защитив собой.

Для их полета реальность – ложь,
И нет для него преград,
Однажды всё это ты поймешь,
Постигнув их горний град.

Хоть мы с тобою и были врозь,
Острее иных, плотней
Тебя я в них прожила насквозь,
Смеясь над коварством дней.

Не подотчетная никому,
Свободна от всех пропаж.
Как хлопья снега летят во тьму,
Печатается тираж...

Дмитрий МЕЛЬНИКОВ

Москва

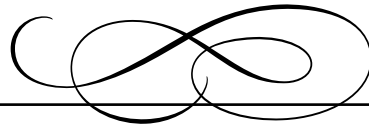
* * *

У истоков большого стиля – война, тюрьма,
с трупа сухой паёк – для того, кто жив,
кто ещё смотрит кино, где горит зима,
и машины горят, и жар идёт от машин.

У истоков большого стиля – удар, омпон,
резиновый жгут на рану – дыши, дыши –
белые тополя, чёрные гнёзда ворон,
и те, кто меня донёс, кто меня зашил.

У истоков большого стиля – сказать: я здесь
отвечаю за всё, другие тут ни при чём,
вот Тебе моя жизнь – вся –
от команды «цельсь!» до толчка в плечо.

Вот моя жизнь, вся как железный рельс
на стальной цепи, закинутой в небеса,
вот вам мои стихи – командирский цейс
и вот вам ворованный воздух, теперь king size.

* * *

Нарисуй, дружок, голубое небо,
там, где пасха мёртвых под снегом белым,
где свернулся ёжиком деда Глеба
и бабуля Маша совсем истлела.

Нарисуй, дружок, на заборе горе,
на заборе горе в пределах стужи,
это ничего, что слеза во взоре,
если не заплакать – гораздо хуже.

Напиши, дружок, на своей печали,
как они живые тебя встречали,
как они на солнышке летнем грелись
под широколиственный мерный шелест,

как он гладил ей бронзовые руки,
как он говорил ей: «Моя Маруся»,
как всё пела бабушка: «Летят утки...»
Будь оно всё проклято, и два гуся.

Олег МЕЛЬНИКОВ

Ленинградская обл., г. Пикалево

* * *

Осеннего леса царица –
Рябина пылает огнём.
И всё, что на сердце творится,
Мгновенно расплавится в нём.

Избавят от всяческих тягот,
Ненужных и мелочных склок
Горящая кисточка ягод
И чудо есенинских строк.

К их славе, не знающей срока,
мы лёгкую зависть таим
За что же судьба так жестока
К избранникам, Муза, твоим?

Быть избранным – дело святое,
Высокая доля мужчин,
при этом не согнуть в запое
по ряду известных причин.

А впрочем, все это пустое,
Когда уж и жизнь на краю.
И пью я рябиновку стоя
За горькую старость мою.

КИНО

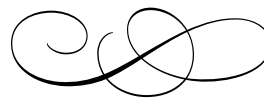
Ночью вьюга резвилась шалая,
Билась в окна и двери с разбега,
А к утру поседела земля
От обильно упавшего снега.

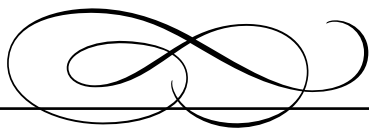
И на нём отпечатался след,
Лапа в лапу отчётливо строго.
Не спасли деревеньку от бед
Ни огни, ни собачья тревога.

Сквозь помехи доносит эфир
О житье городском кривотолки.
Где кровавый устроили пир
Той же масти двуногие волки.

И такая же хищная жизнь
Без конца мельтешит на экране,
Чур, меня! Сатана, отвяжись!
Твой сюжет мне известен заранее.

Непридуманной жизни кино
Я смотрю, забывая про старость.
Счастлив тем, что лишь Богу дано
Знать про то, сколько серий осталось.

Дмитрий МИЗГУЛИН

Ханты-Мансийск

* * *

В суете, в круговерти,
В суматохе разлук
Я подумал о смерти
Неожиданно, вдруг.

И как будто очнулся –
И качнулся перрон,
И вокзал пошатнулся,
И отчалил вагон.

Я исчезну во мраке
Беспросветной ночи,
Не залают собаки,
И луна промолчит.

В мельтешенье столичном,
В ритмах сумрачных дня
Жизнь пойдет, как обычно,
Разве что – без меня.

Но не сгинут – хоть тресни
Хороши ли, плохи,
Непутевые песни,
Путевые стихи;

Да, плутала дорога
В суете и грехах,
Только все же – от Бога
Слово в наших стихах,

Он рассудит бесстрастно
Мир больной и большой.
Ведь унынье не властно
Над бессмертной душой.

РОЖДЕСТВО

В церкви тихо. За окнами синими
Хлопья снега неспешно летящего,
В серебристо-березовом инее
Очертания города спящего.

Снегири, как шары новогодние
Украшают столетние ели,
И сомненья тревожат – сегодня ли
Вдруг отступятся злые метели,

И рассеется темень вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжется звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

* * *

Востру́бят ангелы – пора.
И никуда уже не деться.
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовет – как в детстве.

Как будто ветер прокричал
Перед последнею разлукой,
Но в прошлом все – вокзал, причал
И счастье вперемешку с му́кой.

И полетит душа, легка,
Туда, где обитают души,
За грозовые облака,
Вослед за лайнером воздушным.

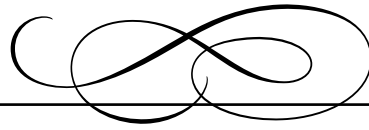
Растает боль, исчезнет страх
И груз земного притяженья,
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье.

И на секунду оглянись –
Быть может, это все приснилось:
И это небо, эта высь
Как бы нечаянная милость.

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.

* * *

Куда ни бросишь взор – равнина.
Равнина – здесь. Равнина – там.
Реки крылатая стремнина
Скользит по заливным лугам.

В туманной дымке тают дали,
Алеет сумрачный рассвет.
Здесь что-то новое едва ли
Произошло за много лет.

И век идет на смену веку,
На смену счастью – беда
И невозможно человеку
С природой слиться навсегда.

* * *

В полнеба снега кутерьма
Вчера. И вдруг дожди.
Вот и еще одна зима
Осталась позади.

Но снежной хмари хоровод
Не устает кружить.
Подумалось – на целый год
Осталось меньше жить.

Покров печали ледяной
Растает не спеша
И пусть ещё одной весной
Согреется душа.

* * *

Весна. Смешение погод
То дождь, то снегопад.
А я уже который год
Весне совсем не рад.

Природа радостно смеясь
Вершит привычный бег.
Меня же раздражает грязь
И черно-белый снег.

Смятенье чувств. Смешенье дум.
Тревожится душа.
И пусть листвы зеленый шум
Обрушится спеша.

Но это завтра. А пока
Апрель не тронул льды,
Молчат крутые берега
В предчувствии беды.

* * *

Настало лето. Реки разлились.
Везде вода – от края и до края.
Пронзают чайки голубую высь,
Шумит листва – такая молодая.

Какая красота, какой простор.
Все слажено и сложено в природе.
Стихает бесполезный разговор
О правде, о свободе, о народе.

Впадает в небо синяя река.
Шуршит остроконечная осока.
Весь мир един – от каждого листка
До облака парящего высоко.

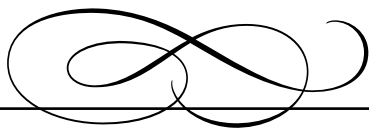
А вот – болота брошенных полей,
Чернеющие избы и сараи
Унылые остовы кораблей
На берегу – ржавеющие сваи.

Во всем – унынье, боль и нищета,
Сюда уже не ходят звери в гости,
И покосилась церковь – без креста
И без крестов – могилы на погосте...

Зачем, куда бредем из века в век
То дураков кляня, то бездорожье?..
Убого все, что создал человек,
Забыв о том, что он творенье Божье.

* * *

Куда бы жизнь нас дальше не вела
Доказываем те же теоремы –
Кого-то ждут великие дела,
А остальных – великие проблемы.

Ну чем не угодил нам отчий дом?
Но вновь, простые истины отринув,
До основанья рушим. А потом
Закончим жизнь в дымящихся руинах.

И мы уже – толпою у дверей
На выходе. В конце последних сроков
Дай Бог простить слепых поводырей,
Дай Бог простить глухонемых пророков!

Дай Бог прозреть. Хотя бы и тогда,
Когда душа уже не отзовется.
В тот миг, когда забвения вода
Над головой стремительно сомкнется.

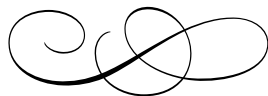
* * *

Январь. Середина недели
Стою посредине зимы
Здесь властвуют злые метели
Здесь – царство заснеженной тьмы

Пускай беспросветно пространство,
Пусть тускло мерцает луна,
Я нынче ценю постоянство
Полярного долгого сна ...

Январь. Середина недели.
Окутанный мглой небосвод
Я так опасуюсь апреля,
Что с шумом и гамом грядет

Он сердца сомненья умножит,
Оттают надежды мои,
И душу опять растревожит
Предчувствие поздней любви.

Лариса МИЛЛЕР

Москва

* * *

Жизнь требует большой сноровки
От божьей маленькой коровки,
От бабочки, от паука
И от меня наверняка.
И если б я жила умело,
Тогда душа бы не болела.

* * *

Как ты думаешь – все не напрасно?
И надежды питать не опасно?
И к кому-то душой прикипеть?
И о счастье залиvisto петь?
Ну, скажи – хорошо или плохо
Чуда ждать до последнего вздоха?

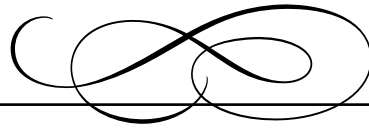
* * *

Ах, это маленькое «я».
Истошный выкрик: «Мой, моя,
Моя болячка – погляди,
Меня прижми к своей груди,
Будь чутким, мой покой храня».
Ну а в ответ: «Меня, меня».

* * *

Я-то знаю, что я не умру:
Ведь меня пригласили в игру,
Что не знает конца и предела.
И неважно, что я поседела.
Я-то знаю: я буду всегда,
Раз однажды попала сюда.

* * *

У музыки моей на лице конопушки.
То в чаще живет она, то на опушке,
То возле кормушки, то возле пруда.
И что ни диктует мне – все ерунда:
Ни сложных метафор, ни умных наречий,
А просто обычный язык человеческий.

* * *

А можно я тобой побуду
И все свое совсем забуду?
Давай твои увижу сны,
Пускай я до твоей весны,
Твоей мечты дожить не чаю.
Дай по себе я поскучаю.

* * *

Господь нас порадовать нынче решил
И снегом воздушным все припорошил.
На дивную сказку пространство похоже,
И надо ему соответствовать все же:
Ходить и смеяться, ходить и сиять,
Надежду на счастье друг в друга вселять.

* * *

Ах так? Велишь мне быть старухой?
Грозишь беспамятством, разрухой,
Маразмом всяческим грозишь
И безнадегой? Нет, шалишь.
Ты, жизнь, ведешь себя отвратно.
Возьму и поверну обратно.

* * *

А знаешь, я все проверяю на свет.
Взглянула и вижу, что есть, чего нет.
И даже в те дни, когда света так мало,
Я лучика жду. Без него бы пропала.
Сегодня не сплю я с рассвета, с шести –
Я жизнь свою к свету хочу поднести.

* * *

А я все стараюсь, стараюсь, живу.
Смотри – прибираюсь и лишнее рву.
Смотри-ка – шагаю по мерзлой земле,
Хожу – не летаю. Сочувствуешь мне?
А так ведь хотелось парить и летать.
Ну, может, удастся еще навестать.

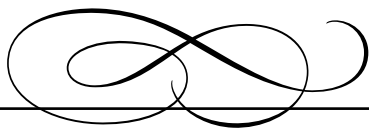
* * *

А дождь, который лил да лил,
Меня совсем заговорил,
Замучил длинными речами.
Он вёл их днями и ночами
На языке, ему родном.
Всё об одном да об одном
Бубнил он. В этом монологе
Я мало поняла в итоге.
Но вряд ли, навевая сон,
Нуждался в слушателе он.

* * *

Поверь, всё кончится добром,
И будут ангелы пером
Твоим водить. Крылами будут
Тебя касаться. Не забудут
Тебя всечасно привечать,
И откровения печать
На каждое мгновенье ляжет,
И грешный мир себя покажет
Лишь с наилучшей стороны,
И в море чуткой тишины
Способен будет зародиться
Лишь чистый звук. Дожить. Дождаться.

Евгений МИНИН

Израиль, Иерусалим

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ – ЛЮБОВЬ

Утром птицы поют, словно ржавые петли
на дверях в заколоченном доме скрипят.
Начинается день – непогож, неприветлив
И в сутану тумана окутан до пят.
Время стало ползти изможденною клячей,
но себе улыбаюсь я: «Не суесловь!».
День смурной – а на сердце светло и
безоблачно...
Вот что значит – любовь...

ПТАШКА

*Поэт не должен говорить на «ты»
Ни с ласточкой, ни с камнем, ни с судьбою*

Тамара Габбе

Дни стали светлей и длиннее,
деревья цветут, не спеша.
Вот пташка на ветке,
под нею
сiju я, неслышно дыша.
Расплакалась звонко пичуга,
прощаясь с ушедшей зимой
ее приютившего юга,
но время – на север, домой.
И в дивных сиреневых звуках,
летающих в окрестный простор,
О грусти,
потерях,
разлуках
поет бесконечный минор.
И каждое треньканье в душу,
как тонкой иглы острие...
И кто я такой, чтобы слушать
печальные тайны ее.

ТЩЕСЛАВИЕ

Так просто сжечь стоящие на полках
тома стихов, ни капли ни скорбя.
И все!
И ты – единственный!
И только
читает человечество тебя!
Тщеславие заставит лезть из кожи,
но истины потом приходит миг,
и кто поймёт,
насколько ты ничтожен,
и кто поймёт –
насколько ты велик!

КОГДА НЕ ХВАТИТ СЕРДЦУ БУКВ...

Когда не хватит сердцу букв,
шепча слова ли,
стих кроя ли,
и пальцев трепетный бамбук
бездумно ринется к роюлю,
и хлынет звуков круговерть,
и снова лад в душевном гаме.
Лишь только музыке пропеть
то, что не выразить словами.

* * *

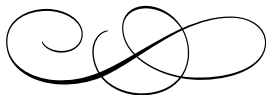
переводим время
зимнее на летнее
переводим время
на дела пустые
а потом минуты бережем последние
и тогда доходят истины простые
значит в этом смысле все в одной цепочке
думаем гадаем долго чешем темя
так что в знаменателе все мы переводчики
переводим время
переводим время

ЦЕНА

В мире много вещей не имеют цены,
От громадных строений
до хрупких идей.
Нет цены у Великой китайской стены,
Нет цены и у дружбы великих людей.
А с другой стороны – на глазах пелена,
Одного не понять уголками души:
Какова у работы любимой цена,
Если платят за эту работу гроши?

АХ, БАНЬКА ДЕРЕВЕНСКАЯ

Ах, банька деревенская,
бревенчатое чудо!
В парнуюходишь с веником,
степенно,
а оттуда,
где хулиган березовый
вдрызг измочалит тело,
выскакиваешь розовый
в предбанник ошалело!
И гольшом, как в детстве,
ныряешь в лоно рая,
в озерное блаженство,
от счастья умирая.
Теперь повсюду сауны
с массажами, бассейнами,
все в белый кафель впаены
с невиданными ценами.
Что финская,
что венская,
и грустно там,
и худо!
Ах, банька деревенская,
бревенчатое чудо!

Валерий МИХАЙЛОВ

Казахстан

* * *

Синие заборы, серые дома,
Хоть слабы запоры, всё равно тюрьма.
Чёрные овечки, бурый в дым верблюды,
По степи распластан тяжким небом люд.
В мареве унылом плаваются века,
Тянут здесь с рожденья вечные срока.
Ведь кругом пустыня... Где искать судьбы?
И как оцепление серые столбы.

Но расцвёл в соседстве, статен и высок,
Глиняный, кирпичный, мёртвых городок.
Пышные мазары немые и слепые,
Пьют пустое небо лунные серпы.
Треплет рваный ветер сорную траву...
Явь ли то во сне ли? Сон ли наяву?
Пронесётся поезд – и одни окрест:
Погребальный месяц, телеграфный крест.

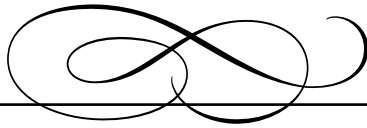
ПТИЦЫ

Орёл как эпик мыслит, воспаряя
Кругами в ледяную вышину,
И твёрдым глазом смотрит, не мигая
На землю, небо, солнце и луну.

А ласточка стихи крылами пишет,
И росчерки сверкают, как струна,
И воздух синезвучной рифмой дышит,
Где лётывала вольная она.

Сова-ворожея в ночи пророчит,
Хоть проспала она вчерашний день,
И пучит в темь свои слепые очи,
И тень наводит на лесной плетень.

А иволга поёт на дивной флейте,
Она рисует в звуках акварель.
Налейте ей вина, скорей налейте –
И никогда не кончится апрель.

Вот воробей, частушечник, задира,
Бренчит на балалаечке шутя,
Смеётся он над скучной прозой мира
И праздничает в жизни, как дитя.

И только чёрный, как проклятье, ворон,
Историк ушлый всех былых времён,
Ничьим не верит песням, разговорам,
А верит в кровь, что льётся испокон.

* * *

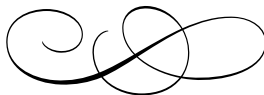
Н. Черновой

Винный запах дубовых листов,
Охры палой и лапчатой...
...Шум дождей, отзвучавших шагов,
Дальний шорох безвестных дубров,
Гул времён и прошедшего зов,
Отблеск памяти крапчатый...

Это древняя брага судьбы
Снова в жилы вливается.
Расшибают дубовые лбы –
И гробы восстают на дыбы,
И пространство шатается.

И дымится в потёмках души
Столп свечения вечного –
От земной до небесной глуши...
...Листвяного, воздушного, млечного...
Растворяясь в осенней тиши
И в тиши бесконечного...

А в расщелинах старого пня
В кольцах солнышко плавится –
Там улыбкой встречает меня
Травка поздняя, зелень храня,
И легонько кудрявится.

Александр МОСКАЛЕНКО

Москва

* * *

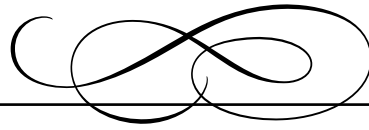
Риэлтор, холдинг, ипотека –
бессмысленный и тусклый бред,
накопленный за четверть века
прилежным чтением газет.

Какая скудная эпоха!
Тоску пытаюсь превозмочь,
произнесу с циничным вздохом:
риэлтер, холдинг, дилер...
Ночь.

* * *

Парит бессмысленная чайка,
крылом почти касаясь моря,
и солнце движется случайно,
чтоб догореть на кособоре.
А я в замызганной тельняшке,
весь из себя морской и флотский,
гадаю скупно на рюмашке,
любви вкусить надеясь плотской.
Но увольнение на берег
опять неумолимо тает,
а девушкам не нужен скверик,
где флот военный обитает.
У чайки сели батарейки.
Линкор застыл в солёной луже.
Я в бескозырке на скамейке –
и никому вовек не нужен
помимо боцмана и службы,
в которых смысла,
словно в чайке.
А я сию,
такой ненужный
и молодой необычайно.

Ольга МОТОРИНА

Москва

Владимир МОЩЕНКО

Москва

* * *

Мир не хотел отдать себя тоске –
Искал чуму и в доме, и в притоне.
И зная боль протянутой руки,
Христос воздел прозревшие ладони.

В миру любовь нашла такой приют,
Что по углам, оболганная, стонет.
Узнав, что ей наручники куют,
Христос на древо наложил ладони.

Мир продолжал с неправдой пировать –
Он никаких пророчеств не запомнил.
С икон рыдала Иисуса Мать...
Господь пронзил спасением ладони.

* * *

Убывают любовь и доверие,
Нарастает лишь горечь обид.
Так семейная наша мистерия
Получила законченный вид.

Мы с тобою наказаны временем –
Мы сошлись на исходе чудес,
Не смогли распознать откровение
В начертании майских небес.

Нам бы вчитываться в придорожное
Расписание последних свистков,
Нам бы слово узнать осторожное,
Но судьбе не хватило листков.

И остались опять недочитаны
Песня песней и книга судеб.
Ну скажи мне, на что ты рассчитывал,
Отвергая венчания хлеб?

* * *

Александр Эбаноидзе

*Кутаисский храм Баграта во время
нападения турок в 1691 г. лишился
кровли и купола...*

...И лица вдруг коснулись ладони –
И не надо мне спрашивать: чьи.
Это песня твоя, «Кереони»,
Это к храму Баграта ключи.
Кто сказал мне, что нету возврата?
Есть, конечно: ты руки воздешь
К небесам – и увидишь Баграта
На холме величавую тень.

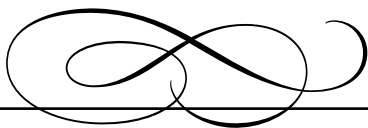
И услышишь внезапно: «Гляди-ка!
Мы не слепы теперь, не глухи!».
Это вновь на рассвете Марика
Имеретии дарит стихи.

Годы нас до сих пор не согнули
В этой кипени звездных высот.
Значит, детское имя – Нанули
Снова сердце моё разорвёт.

Снова слово вспорхнёт стрекозою
И его, задохнувшись, прочту.
И Риони глотну со слезою
На твоём кутаисском мосту.

Твой Квироси простыл на охоте.
Он в ознобе. Он завтра умрёт.
Но, любимые, вы оживёте!
Ждите, скоро настанет черёд!

И услышите вы, что, живая,
Эта музыка нам – на века.
Но сгниёт, наши храмы взрывая,
Сатанинской задумки рука.

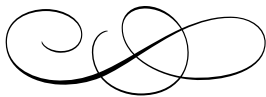
* * *

Посоветуй, как мне быть,
 Как не думать, как забыть,
 Что в апрельской этой хмари
 Ночь действительно нежна
 И сейчас ты не одна,
 Без меня, в своей Самаре.

Я б не выдержал, поверь,
 Я плечом бы вышиб дверь
 И нашёл губами губы.
 Почему бы и ему
 Так не сделать? почему?
 Почему бы? почему бы?

Бьюсь о стену головой,
 Хоть какой ни есть, а твой,
 Весь в репьях противоречий,
 Виноватый даже в том,
 Что вселенная вверх дном
 Перед каждою невстречей.

Не забудешь ты меня.
 Даром, что ли, простыня
 Подо мной тепла и смята.
 Да, и смята, и тепла.
 Что имела – отдала.
 Ты со мной – и этой свято.

Дмитрий МУРЗИН

Кемерово

* * *

За окнами хмуρο и сиро,
 Уснёшь и увидишь во сне,
 Что мир разделён на два мира
 В какой-то ужасной войне.

В какой-то продуманной бойне,
 В каком-то тумане и мгле...
 И колокол на колокольне
 Звонит обо всех на земле.

Ты держишь винтовку, как палку,
 От страха и злости дрожишь,
 Такой близорукий и жалкий,
 Кого-то убить норовишь...

Окопы, обстрелы и взрывы,
 И будет всё именно так,
 Пока не увидишь красивый,
 Пробитый осколками знак:

До вражьей столицы две мили.
 И тут же проснёшься без сил
 От счастья, что мы победили
 И ты никого не убил.

* * *

Тридцать семь. Гуляю лесом.
 Вместе и душа и тело,
 Потому что у Дантеса
 Поважнее было дело.

И морозец некусучий,
 И снежок какой-то мелкий,
 И по сучьям, и по сучьям
 Скачет белка, скачет белка.

Снова варежки забуду
 И в карманах руки грею...
 Я не предан. У Иуды
 Было дело поважнее.

LIMITA LA COMMEDIA

Каждый год усталая провинция
Лучших сыновей и дочерей
Посылает, чтобы откупиться,
В главный город Родины своей.

Чтоб найти себе в столице нишу,
Сядут в самолёты, поезда
И покинут город, их взрастивший,
Чтобы не вернуться никогда.

Станут кофе пить в кафе на Бронной,
Будут пачкать Чистые пруды...
В сумерках покурят на балконе –
И звезда полей им до звезды.

Край родной повспоминав ночами,
Выбросив от прошлого ключи,
Станут даже больше москвичами,
Чем все коренные москвичи...

Будут на работу торопиться
И красот Москвы не замечать.
Будут новым жителям столицы
В спину «понаехали» ворчать.

Ирина НАЗАРОВА

Великий Новгород

* * *

Все возвратится на круги своя,
ведь не бывает иначе
и по законам земным бытия,
а по небесным тем паче.

Взглядом бесхитростным в небо дыша,
вверх поднимись понемногу
и вспоминай, как сияла душа
не предававшая Бога.

* * *

Падает листва и пахнет прелью,
навевая небу зимний сон,
и на желтой лиственной постели
отдыхает серый небосклон.
Отдыхает серое безмолвье,
окропляя редко по утрам
благородной королевской кровью
осени нерукотворный храм.
Стынет в алом дерево надежды,
дьякон-ветер под протяжный свист
чуть прикроет огненные вежды,
и под купол розово-предснежный
вознесется обгаренный лист.

Ольга НАРОВЧАТОВА

Москва

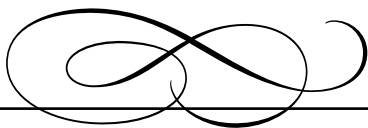
ПЛАТЬЕ МАМЫ

Мамы нет много лет, но висит ее платье,
Ожидая в шкафу, что хозяйка войдет.
Шелк уныло вздохнет, если рядом некстати,
Как душонка злодейская, моль промелькнет.

Терпеливо надеются легкие складки,
Что наполнит их нежностью женственный
стан,
Что в зеленом саду ветер липово-сладкий
Как тогда им навеет цветущий дурман.

Так когда же вспорхнут эти быстрые руки,
Вырвут платье из плена недвижимых лет,
И оно оживет, отряхнется от скуки,
Вместе с юной хозяйкой отправится в свет?

Надоело в проклятом шкафу задышаться
От расхожей одежды и злой темноты...
Но надежда живет, нужно только дождаться.
И не вянут на мамином платье цветы.

Ирина НЕГИНА

Москва

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

Все поругано, продано, предано:
Идеалы, заветы, мечты...
И в полях, что засеяны дедами,
Не колосья встают, а кресты.

Где дороги, что были потеряны,
Те, что к Храмам ведут на-Крови?
Где поступки, что могут измерены
Быть единственной мерой – Любви?

Времена, говорят, наши – смутные,
И столетье героев прошло,
Что всё чаще волнует минутное,
А о вечном... да как-то смешно,

Что почти неприлично о совести,
Об Отчизне, что только одна,
О достоинстве, чести и доблести,
Чем веками Россия сильна.

Что же детям поведать о жизни и
О чём нынче мне песни слагать?
За какие высокие истины
Вновь солдатам идти умирать?

Я не знаю... Но зорькою вешнею,
Потревожив обманчивый сон,
Мою душу больную и грешную
Успокоит малиновый звон.
И в поля заповедной безбрежности
Убегу по рedeющей мгле
И заплачу от счастья и нежности
К этой богом забытой земле,

Опрокинусь в небесные просины,
И пойму, что опять и опять –
Вот за эти ржаные колосики
Сыновья будут насмерть стоять.

И стоять будут внуки и правнуки
За полей этих каждую пядь,
За рябины, озера и радуги,
За седую уставшую мать,

За детей и за руки, что дороги,
За свободу, за веру и честь.
И неправда, что кончились подвиги,
И герои, поди, еще есть.

Будем жить. Будем верить в хорошее
И любить до скончания времен,
И бежать по колосьям нескошенным
На далекий малиновый звон...

**ВОТ И ВРЕМЯ ПРИШЛО...
ВЫПАЛ СНЕГ...**

Вот и время пришло... Выпал снег.
Выпал случай
Посидеть, как бывало, на крае Земли
И, поймав в хрустале юный солнечный лучик,
Проводить старый год и твои корабли,

Помечтать о манящих, неведомых далях,
Тех, которые нынче для нас – миражи,
До которых с тобою мы не дострадали,
И поэтому будем по-прежнему – жить,

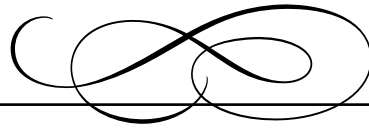
И встречать Новый год, и загадывать – чудо,
И любить всех любимых, друзей и врагов,
И прощать, ведь простили когда-то Иуду,
И молиться, и верить вовеки веков.

А пока – наливай! – Новый год, в самом деле,
И – за всех, и – за каждого залпом, до дна!
Господи, сделай так, чтоб мы все же сумели
Не сойти в этом мире с души и с ума.

Пусть он будет таким, как задуман Тобою,
Этот мир, этот век, этот вечер седой...
Новый год пахнет детством, метелью и хвоей
И баюкает сердце пушистой мечтой.

Галина НЕРПИНА

Москва

ВОСКРЕСЕНИЕ

То не солнце всплывает с утра –
 Это в небе золотеет дыра...
 Это колокола радостный звук,
 Словно юбкой, накрыл все вокруг.
 Солнце сядет не прежде, чем луч
 По листве черкнет, горяч и горюч.
 Это солнце у солнца в крови.
 Расклевали весну воробьи...
 Равновесия гулкая медь,
 Где бессмертье сильнее, чем смерть.

* * *

Весь в бабочках мигающий пейзаж
 Так радостен, как будто перед взлетом.
 Так много солнца в доме этим летом –
 Что дом уже как будто и не наш...

Пока ты спишь, я никогда не сплю:
 Мне кажется – я под открытым небом,
 И я в него забрасываю невод.
 Поспи еще, я так тебя люблю...

У нас сегодня счастья – пруд пруди.
 Безоблачная летняя суббота.
 И лишь одна не сделана работа:
 Забыть все то, что будет впереди.

БОЛЕЗНЬ

Сквозь хищный жар ты видишь жидкий свет,
 Стекающий по комнате наклонной,
 Где каждый оживающий предмет
 Растет с температурой неуклонно.
 Ты хочешь крикнуть бреду: «Уходи!» –
 Но вдруг плывешь туда, где все иначе,
 Где набухает, жалит звук один,
 Как летняя оса на старой даче.
 (Где все мерцает в золотой пыли...

А этот дом и впрямь, должно быть, старый.
 И, может быть, его давно сожгли –
 И там теперь дежурят санитары.)
 И купол градусника пробивает ртуть:
 И, побеждая, продолжает злиться...
 И все же нужно как-нибудь уснуть,
 Чтобы назад наутро возвратиться.

* * *

Памяти Дениса Новикова

Ты другой,
 равнодушный к себе самому,
 Разорвавший с судьбой
 договор бумажный,
 Из зеркал уходящий по одному,
 Потому что...
 Впрочем, уже неважно.

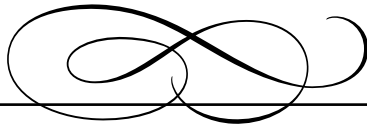
Полистай Мандельштама,
 зайди в Интернет,
 Перевернутым числам
 найди объяснение:
 Ты на все вопросы – получишь
 «нет»,
 Без надежды, отчаянья или сомненья.

Так судьба намечает свои пути...
 И вина за что-то ночами гложет.
 И ничто тебя не властно спасти.
 И никто уже погубить не может.

* * *

Лыжня, отяжелевшая от снега,
 Вдруг исчезает... Дальше – ничего.
 Беспомощны улыбка человека,
 Надежда и отчаянье его.

И будет свет в окне гореть впустую,
 Чужим – воспоминанья навевать.
 Я без тебя давно не существую,
 И тем тебе даю существовать.

* * *

Дмитрию Веденяпину

Но дар зимы случайным не был:
И, выгнув ледяной хребет,
Река отбеливает снегом
Насмешливый вечерний свет.

Тобой присвоенные слезы...
Как праздник, Пушкина стихи.
И вспышка солнца и мороза
От намагниченной строки.

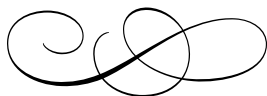
* * *

Запомнить хруст и запах яблок спелых,
Опавших листьев смугловатый дым,
И отрешенность в лицах загорелых,
Как в зеркале, оставшемся пустым.
Надев пальто, пойти куда-то поздно
На теплый свет... Смотреть издали,
Как в темноту соскальзывают звезды.
Все сбудется.

Жизнь слишком коротка.

* * *

На фоне заката, среди облаков,
Плывут эти горы, где нету богов.
Бессонные горы, не зная страстей,
На белые точки глядят кораблей.
Внизу корабли не идут наугад,
А держат свой путь на большой звездопад.
И мир совершенен и богохраним.
Зачем же так горько ты плачешь над ним?

Александр НЕСТРУГИН

Воронежская область, с. Петропавловка

* * *

В. М. Акаткину

Тоскую по огороду,
Что с мальства к землице гнул.
И твёрдо лепил породу
Мозолей и вспухших скул.

Из морока лет седого
Не ангелы нас вели:
Несла нас на свет родова
На рваных клочках земли.

Сурова была эпоха,
Но разве – честна не столь?
Одна в чугунках картоха,
Одна на рубашах соль...

Горюю по огороду,
И сохну, как он, с тоски
По выжившему народу,
Что пух, но хранил ростки.

Не сыщешь того завода,
Картофельных тех «глазков».
Редующего народа
Внучатый замес рисков:

Он нынче – не ради скуки,
Смекалист не по летам –
Пустые деревни скупит,
Запашет ко всем чертям!

Запашет и дни, и годы,
Повыкорчует века, –
И вётлы, и огороды,
Что держат ещё пока

Тех, кто все невзгоды вынес,
Все вьюги, что встречу мели, –
И день этот к свету вынес
На рваном клочке земли...

* * *

Быть простором – нет, не получилось,
Быть дыханьем – может, научусь.
Вон, река морщинками лучилась,
Я теперь такими же лучусь.

Я на ветер точно так же шурюсь,
К устью так же путано спешу.
Стойте, годы, стойте, – я прошу вас,
И прощенья тихо попрошу.

И скажу вам что-то торопливо, –
Без надрыва, будто так, шутя, –
И пойду, как донник, вдоль обрыва,
Белыми губами шелестя...

* * *

Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась:
В груди, как у мыска,
Течение теснилось.

И всё, как наяву,
Как наяву, бывало:
К тому мыску листву –
И луны прибывало...

Восторг... И боль. И злость.
Заката угасанье.
И незнакомых лоз
Знобящие касанья.

Смыкала льды тоска.
Даль полыньёй дымилась...
Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась!

Смеялся. И тужил.
Шептал теченью: «Вытай!».
И тем теченьем жил,
Как крутояр подмытый...

Станислав НИКУЛИН

Воронеж

* * *

Перепутав дороги, тропинки,
я по лесу бреду наугад,
и дрожат от испуга осинки:
«Не туда... не туда... не туда...».

«Не туда...» – беспокоится птица.
«Не туда...» – зашумела листва.
Стоит ниже к траве наклониться –
только эти и слышу слова.

Стало глуше в лесу и темнее.
«Воротись... Пропадешь без следа...».
И запало мне в душу сомненье:
может, правда иду не туда?

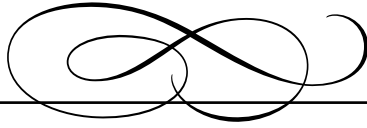
Может, рай я земной покидаю,
может, в дом я родной не вернусь?
Вот немного еще – и тогда я
навсегда, навсегда заблужусь.

Но упрямылись разум и тело:
«Не беда... не беда... не беда...».
Потому что уже надоело –
всё туда,
да туда,
да туда.

СВЕТ МАТЕРИНСКИЙ

Среди сосен безмолвных покой,
ощущение воли...
Мир иной,
он, конечно, иной –
без страданий и боли.

Вот опять я один на один
и с тобой,
и с собою.
Без твоих незабываемых седин
ничего я не стою.

И во мне до сих пор пустота,
что ничем не заполню.
Жизнь моя,
как всегда, непроста...
Я люблю тебя, помню.

И со мной – и вблизи, и вдали –
до скончания века
этот холмик родимой земли
над родным человеком.

* * *

Что ни увидишь –
всё давно знакомо,
что ни услышишь –
те же все слова.
И хочется совсем уйти из дома
туда, где расшумелись деревья,

где меж собою
в песнях спорят птицы,
друг другу улыбаются цветы,
где облаков причудливые лица
глядят в озера с тайной высоты

Там ландыши звенят не умолкая,
там сыплется черемуховый цвет...
Там тоже жизнь,
но все-таки другая –
какой среди нас
и не было и нет.

Николай НЫРКОВ

Рязанская обл., г. Спас-Клепики

ДОРОГА В НЕБО

Что-то копилось, потом наболело,
Комом засело, как гиря, в груди.
Сжатое сердце натужно скрипело,
Даже по праздникам песен не пело,
Не отзывалось, буди – не буди.

Маялись губы без слова и строчки,
Руки забыли волнение пера,
Ночи не спали и в лунной сорочке
Тихо шептались на клюквенной кочке
Рядом с окошком моим до утра...

Сизою ранью, когда белобрысо
В тальнике кудрями терся туман,
Из-за лесного далекого мыса,
Грудью тараня небесные выси,
Первый гусиный прошел караван.

Над присмирившей осеннею Русью,
Вывернув душу, встряхнув краснотал,
Плакали в небе, как древние гусли,
Край до весны покидавшие гуси,
И, откликаясь, я вдруг...закричал!

Все, что назрело, болело до срока,
Лопнуло в крике, срываясь на стон,
И разбегаясь по бурой осоке,
Руки раскинув, как рифмы и строки,
Я поднимался, обняв небосклон.

Я поднимался и плакал, как гуси,
Лбом рассекая тугую струю,
И над осенней задумчивой Русью
Вторили птицы, как звонкие гусли,
Перекликаясь под песню мою.

* * *

Под флейту ветра выплакана грусть,
Вздохнув, уткнется полдень в кудри сосен,
И в золотую, платиновую осень
Сапфир небес оправит нежно Русь.

Черничной кровью истекают мхи.
Но вопреки приметам, мне не грустно,
Перемешав желанья и чувства,
Толпятся в сердце новые стихи.

Не потому ль так мне желанна осень
И этот цвет, что так Руси к лицу,
Бросают сосны к самому крыльцу
Ладонями просеянную просинь.

В лесу дороги топчут глухари.
В глазах моих ни боли, ни тревоги,
Как звезды, шишки падают под ноги
В брусничном свете стынувшей зари.

Григорий ОСИПОВ

Москва

* * *

Вновь с надеждой жду во тьме ответа.
Вновь из тьмы пронзает душу свет.
Но домой давно возврата нету,
Но бывлой любви в помине нет.

Страницей – душа моя ютится.
Внемлет наступающему дню,
Голосу пророческому птицы,
Вещему небесному огню.

Эху вечной жизни над равниной,
Гулу водопада на реке
И печали тайной журавлиной
В бесприютном, мерзлом ивняке.

* * *

Доберусь по тропе неширокой
До родной родниковой реки,
Где не спится луне одинокой,
Где не спят под луной рыбаки.

Как всегда, на заветной лужайке
Восседают на кочках их мха,
Травят крепко-солёные байки,
Проверяют, крепка ли уха.

Посижу, помолчу, как бывало,
Подивлюсь их рыбацким делам,
Нахлебаюсь ухи до отвала,
Пропущу стержневые сто грамм.

Унесёт ветер дальние звуки,
Будет рыба идти в невода,
И горячая песня разлуки
Улетит от меня навсегда.

* * *

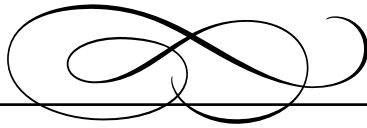
Жизнь моя пролетит в одночасье
С чередой холодных дождей.
И не будет последнего счастья
На исходе непознанных дней.

Но останется горе седое
И лесов утомлённая стынь,
И любимой лицо молодое
У дороги седой, как полынь.

ЗВЕЗДА СУДЬБЫ

Темнели облака сторожевые,
И стал заметней грозной тучи крен.
И стыли мысли, словно неживые,
В преддверии недобрых перемен.

Молчали птицы над речной протокой,
Молчало время у земных оград,
А в тишине холодной и далёкой,
Мерцал неузнаваемый закат.

Но где-то там, у Божьего причала,
У той черты, где мир безбрежно тих,
Звезда Судьбы предвечная сияла
Над горечью тревожных дум моих.

Сияла над потерянной дорогой
В каком и сам не ведаю, краю,
Тревожа мир печалью одинокой,
Спасая душу грешную мою.

* * *

Любовь возвратится ко мне
Усталым свеченьем заката.
В пустой неживой тишине
Коснётся души виновато.

Последней зари тишина
Встревожит просторы ночные.
Я вычерпал душу до дна,
Изведал тревоги земные.

Любовь возвратится ко мне
Дыханием вечного неба
В забытой моей стороне,
Где быть обращается в небыль.

Где новая песня души
Летит от земного причала
И тает в рассветной тиши,
Где нет ни конца, ни начала.

Где стынет седая звезда
Над тихой речною излукой.
Где веют былые года
Свиданьем и вечной разлукой.

* * *

Осенняя птица кричала
О чём-то печальном своём
Над поздним огнём краснотала,
Над тёмным, пугливым ручьём.

Кричала печальная птица,
Свой крик устремляя ко мне,
Как будто хотела забыться
Навек в неразгаданном сне.

Над вечным огнём краснотала
В рассветной загадочной мгле
Забытая птица кричала
На всеми забытой Земле.

Летел её крик над осокой,
Над светом, застывшим в меже,
К далёкой душе одинокой,
Ко всеми забытой душе.

* * *

Ты и я – две судьбы, озарённых
Поздним Солнцем и поздней Луной,
Ищем путь на равнинах зелёных
К незакатной любви золотой.

Я и Ты – вековая разлука,
Свет земной, устремлённый вдогон.
Ножевая смертельная мука
И живой лебединый огонь.

Людмила ОСОКИНА

Москва

КОФЕЙНАЯ ДЕВУШКА

Я – кофейная девушка! Я – девушка-кофе!
Я бегу мимо вас в городской суматохе.

Мои волосы – мокко, изысканный мокко,
Но мне так одиноко, мне так одиноко!

Я – кофейная девушка с ароматом ванили,
Вы, наверно, меня еще не позабыли.

Я – кофейная фея в карамельной помаде,
Отыщите меня в городском звездопаде.

Я – конфетка ночная. Я медленно таю...
Вместе с кофе ночным в небеса улетаю...

А потом возвращаюсь с излюбленным мокко,
Чтобы не было так без меня одиноко.

* * *

Черная кошка – не хочет дружить.
Черная кошка – себе на уме.
Нравится ей в потаенности жить,
В мягкой, не тронутой лампами, тьме.

Вон она! – там, в переулке пустом, –
Только два глаза заблещут вдали...
Вон она! – прыгнет в заброшенный дом
И растворится в прохладной пыли.

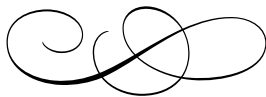
Вскоре по крыше пойдет не спеша,
Словно в беззвучном, замедленном сне...
Вот она! – бархатной ночи душа! –
Черная кошка при желтой луне!

* * *

Бежим по городу, смеясь от суматохи,
Безумствуя, как в праздник скоморохи,
Как много света подарили боги!

Повсюду пляшут солнечные блики,
Сгоняя с лиц заботы и тревоги.
И лица превращаются вдруг в лики!

Забыв о суете на этом свете,
Становимся, как гении, велики,
Душой чисты, как маленькие дети!

Алексей ОСТУДИН

Казань

РАННЕЕ УТРО

А. Сахибзадинову

Опять фехтую спиннингом без толку...
Бензиновым передником шурша,
прижав к груди, укачивает Волга
дежурный бакен, будто малыша.
Пока ещё ни холодно, ни жарко –
такую тишь на память засуши...
На тонких лапках бегают байдарка
и хитрой мордой лезет в камыши!
Простреленный утиным криком воздух
хватает ртом солёную росу.
Уже рассвет порезался о звёзды
и копит кровь в ладонях на весу!

ПАМЯТЬ

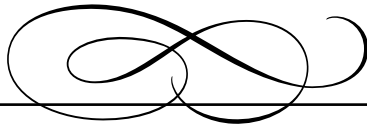
Олимпийской деревни броня –
прёт комбайн. А на ферме легко
молоко попадает в меня,
если я не попал «в молоко».

Зреет в воздухе неги нуга,
собирай и – в амбар, под засов.
Тянут время пустые стога –
половинки песочных часов.

Думал, в сердце всё это несущу:
стрекот мяты и запах сверчков...
Верил, что зарубил на носу,
вышло – след от оправы очков...

КРЕЩЕНИЕ

Молча ехали пока, положившись на удачу,
дочь считала облака и шептала «я не плачу».
У распахнутых ворот батюшка шутил
нестрогий,
мол, не выславшись, народ реже думает
о Боге.

Нас к иконам проводил, в алтаре затеплил
свечи
и водою окропил ноги дочери и плечи...
Дал салфетку из льна, поскрипел кадилом
бурым,
капнул в ложечку вина – и закончил
процедуру...
Возвращаясь, пили квас, пели, фыркали
от смеха:
поздравляй, в Медовый Спас окрестили
человека!
Ветер забирал в узлы пыль, катившуюся
следом...
Успеваем до грозы? Быть на воздухе обеда!
Громыхает вдалеке, все в беседке –
молодцы мы!
Только сосны – в столбняке, обнесённые
вакциной.
Репчатые купола доставай из супа, ну-ка –
выбегай из-за стола в православных
слёзках лука!

Игорь ПАНИН

Москва

* * *

Уходя, колебался, но все-таки уходил.
Возвращался, метался и думал опять об уходе.
В зеркалах – непутевый, растерянный
крокодил
слезы лил,
человечьи, вроде.

И одна говорила: «Не отпущу»,
а другая: «Я ждать устала».
И мой внутренний голос, немой вещун,
оказался бессмысленнее магического
кристалла.

А по городу рыскал шакалом безумный снег, –
ну такой, что ни в сказке, ни в небылице.

Мне хотелось кричать им обеим:
«Навек, навек!»,
только все же следовало определиться.

Чаще рвется не там, где тоньше, а где
больней;
прикорнуть бы, забыть все – на день,
на час ли...

И одна говорила: «Ты будешь несчастлив
с ней»,
а другая: «Со мною ты будешь счастлив».

Это, я доложу вам, классический сериал,
тут бы впору сценарий писать многотомный.
Только те, кто участие в нем принимал,
выгорая, мертвели, как старые домны.

А тем временем снег, успокоившись, капал
за шиворот с крыш,
как залог невозможного, дикого, жгучего
счастья.

И одна говорила: «Ты любишь ее, так иди
к ней, малыш,
но если что – возвращайся...».

ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ

Хмурый лес поперек основного пути.
Что там Данте изрек, мать его разъезди?!
Кто напишет о нас, выходя за поля,
коль иссякнет запас нефти, газа, угля?

Вот и все, голытьба, бесшабашная рать,
не судьба, не судьба эту землю топтать.
Скоро вскочит на храм, как петух на насест,
непривычный ветрам полумесяц – не крест.

А и Вещий Боян мне тут форы не даст:
матерей-несмеян скроет глинистый пласт,
и потащит рабынь на восточный базар
просвещенный акын, кто бы что ни сказал.

Эта песня куда горше боли моей,
пейте впрок, господа, будет много больней.
Мой непройденный путь – мироздания игра;
ну и ладно, и пусть, ближе к теме пора.

Невеселый оскал кажет битый орел;
слишком рьяно искал, ничего не обрел,
жемчуга да икру я на ситец менял.
Но когда я умру – воскресите меня.

* * *

Записные книжки изорваны,
все друзья на поверку – приятели,
жены бывшие – только прорвами
вспоминаются – кстати, некстати ли.
Это слабость сиюминутная,
упиваться хандрой не стану я...
И глаза продираю мутные,
алкогольные, конопляные.

Звон трамвая тревожит улицу,
хоть трамвайных путей нет в помине там.
Остается слегка ссутулиться,
да с балкона плевать (так уж принято),
да почесывать переносицу,
да обдумывать жизнь вольерную.
Если стих на перо попросится, –
я зарежу его... Наверное.

* * *

Пледом колючим, как бредом, накрыться;
температура отменной крепости – сорок,
расплываются, тают и гаснут лица –
даже тех, кто любим и вроде бы дорог,
даже той, что стоит с косой в изголовье, –
злорадствует, но хоть не дразнится.
Что там по плану: провода, слезы вдовьи...
Экая несурзаица.

Экие, прости господи, плаксы да лопухи!
И вообще, и вообще,
завещал, чтоб развеяли прах у реки,
а зароят на кладбище.

Вымолвить нечто важное хочется,
но та, что с косой, говорит: «Цыц,
привыкай к вечному одиночеству,
как все приличные мертвецы».

«ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ»

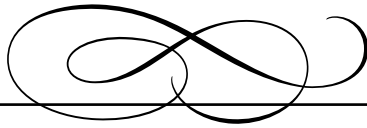
Спой мне эту песню, спой мне, как тогда...
Может быть, воскресну; дрогнут провода,
к телефонной трубке ухо приложу:
голосочек хрупкий, но под стать ножу,
голосочек дерзкий, хриплый от обид...
Зареву по-детски, блудный индивид.

Это все не с нами будто было бы.
Провалились сани в полыню судьбы.
По душевной пойме разлилась тоска.
Эту песню спой мне, с трубкой у виска,
если есть охота выдохнуть «Прощен»,
если есть хоть что-то до сих пор еще...

ОТЦЫ

А им хватало воздуха. Они
не тяготились бременем достатка,
ночами жгли настольные огни
и разливали вирши по тетрадкам,
лабали подзапретный рок-н-ролл
на пустыре – пустынное пустыни,
и нежно щекотали слабый пол
усами, бакенбардами густыми;
фланировали в чудо-брюках-клевш,
учились и на стройках рвали жилы.
С трудом сейчас их радости поймешь,
но, значит, и в то время люди жили!?

Они еще не знали, что и как,
и что почем, и грянет ли расплата,
но всякий неистраченный пятак
бросали в банку – выручит когда-то.
И с каждой непростительной весной
все злее становились и угрюмей,
не лезли под корягу за блесной,
невольниками оседали в трюме.
Их потчевал не первый Первомай
селедкой, кабачковой икрой...
...Спешу, дружинник, драки разнимай,
пока ларьки пивные не закроют.

Борис ПАНКИН

Москва

* * *

Она молчит как партизан об лёд,
как рыба на допросе.
И время нескончаемо идёт.
И эта осень
ладони зябко прячет в рукава.
Твоё молчанье
затягивает. Кругом голова...

Не отвечай мне.

* * *

...упала ребром монета
на дно стакана.
некогда был поэтом,
любил путану.
после подсел на ханку,
увлёкся блюзом.
другую любил гражданку,
не вынес груза.
уехал по комсомольской
путёвке в Тынду.
учил разговорный польский,
без толку. видно,
так и не смог освоить
наречья пшеков. –
сбежал. подрядился строить
жильё для зеков.
осел в магаданском крае,
завёл зазнобу.
женился. венчался в храме –
любовь до гроба.
вот только и это счастье
недолгим было. –
однажды ревнивец страстный,
дерябнув «шила»,
прирезал свою супругу
(семь ран на теле)
застукав её и друга
в одной постели.

с тех пор он и сгинул где-то
в колымской стуже.
...некогда был поэтом,
дрянным, к тому же.

* * *

вот и всё любимая вот и всё
бурый шарф намотан на колесо
мчит вперед стремительный «Кадиллак»
всем гудлак

не судьба любимая не судьба
болт забитый сорванная резьба
миг – и ты у пропасти на краю
всем адью

да и я по совести говоря
в непроглядных сумерках декабря
неспроста забрался на табурет
всем привет

К 120-ЛЕТИЮ Бориса ПАСТЕРНАКА

Сергей МНАЦАКАНЯН

ЗАЛОЖНИК ВЕЧНОСТИ (ТРЕТИЙ ВЕК ПАСТЕРНАКА)

Боже мой, он родился в XIX веке! А мы уже живём в XXI. Почему же так лихорадочно, так горячечно волнуют эти стихи, посвящённые совсем другим революциям – революциям 1917 года:

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь форточку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

А ведь и в самом деле, какое?

Пастернак – поэт вечного и... одновременно сегодняшнего дня. Всё, что происходит в его поэзии, – это не зависит от злобы дня, даже если полностью с этой жгучей «злойбой» совпадает в некоем пастернаковском душевном зеркале:

В трюмо испаряется чашка какао,
Качается тюль, и – прямой
Дорожкой в сад, в бурелом и хаос
К качелям бежит трюмо.

А изумительное стихотворение «Образец». Его уже полвека назад, вспоминая о давнем, привёл в своих мемуарах Илья Эренбург, а оно запомнилось на всю жизнь:

Все жили в сушь и впроголодь,
В борьбе ожесточась,
И никого не трогало,
Что чудо жизни – с час.

Здесь весь Пастернак. Прошло 90 лет. Полки магазинов полны продуктами, а люди всё равно живут впроголодь. Это – душевный голод, и он неутолим. Набитые ширпотребом магазины нужны людям, но разве это заменит стихи?

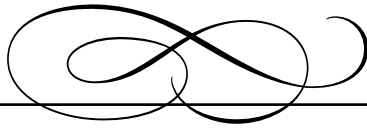
Иногда памятные даты ошеломляют. Так, например, как эта: 10 февраля 2010 года исполнилось 120 лет со дня рождения Бориса Пастернака. Это невероятно ещё и потому, что сегодня постоянно ощущение его присутствия в современной российской литературе. Да и не только в литературе. Но и в русской жизни. Может быть, этим объясняется постоянное обращение к творчеству Бориса Леонидовича. Причём это не только апологетика. Это и попытка посмотреть на поэта даже не критически, а резко отрицательно. До сих пор нет согласия в вопросе об отношениях Пастернака и Ольги Ивинской. Все попытки бросить тень на драматический знаменитый сегодня роман влюблённых сердец – это, скорее, решение вопросов собственности и наследия. Конечно, в быту Пастернак был, как и любой крупный человек, противоречив и небесспорен. Спорно и качество экранизаций пастернаковского «Живаго». Но творческая жизнь гения не остаётся в своей эпохе, она опережает нашу.

Мне тоже довелось несколько раз обратиться к образу Бориса Пастернака. Несколько лет назад я написал большой материал, посвящённый выходу его полного (или почти полного) собрания сочинений. Замечательное издание! И я понимаю, как мало сказано о Пастернаке – одном из гениев русской поэзии XX века. Он понимал предназначение поэта как бесконечный духовный труд:

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты – вечности заложник
У времени в плену.

Это стихотворение 1956 года. Он сам был заложником вечности. «Доктор Живаго» уже написан. До мирового скандала – всего один шаг. Пастернак сделал этот шаг в полном понимании происходящего.

В своё время Маяковский в своём знаменитом пособии «Как делать стихи» заявил о гениальности Пастернака, опираясь на строфу из его прекрасного любовного стихотво-

рения «Марбург» (1916, 1928), которую привёл неточно:

В тот день всю тебя от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Признать гениальность соперника – для Маяковского было отважным поступком. Великий футурист, он ведь тоже был трагиком. И он понимал, что такое стихи. В этой строфе он изменил одно слово «таскал я с собой». Он бы – таскал. Пастернак – носил. Ноша жизни была невыносима и прекрасна.

Конечно, говоря о Пастернаке, можно было бы припомнить и горькие просчёты его жизни... Опаску, с которой он отнёсся к возвращению Марины Цветаевой из эмиграции. Или, например, ту ситуацию, когда он дрогнул в разговоре со Сталиным, отзываясь об Осипе Мандельштаме... А кто бы не дрогнул на его месте из советских писателей тридцатых годов?

Это читается в его автобиографическом эссе «Люди и положения». В насыщенном именами и раздумьями очерке поэт очерчивает круг своей жизни, вспоминает друзей и братьев по поэзии, мучительно вспоминает Маяковского, признаётся в любви к Цветаевой.

В книге «Сестра моя жизнь» – невообразимый трепет народной революции.

От «Сестры...» кровеносные сосуды напрямую тянутся к роману «Доктор Живаго». О «Докторе» написаны целые полки книг. «Стихи из романа» – отдельная глава в творчестве поэта. Строки испепеляющей страсти:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
.....
На озарённый потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

Эти стихи стали в своё время сенсацией. Им подражали. Книга, посвящённая Цветаевой, называлась «Скрещение судеб». Даже суровый Ярослав Смеляков, ныне благополучно забытый, как и многие классики советской поэзии, написал этим же размером и в этом ритме стихотворение о югославских партизанах «Югославская свеча».

У Пастернака было звериное чутьё на время. В своей внутренней эволюции он прошёл путь от невнятицы футуристических опытов десятых годов прошлого века до стихов последней поэтической книги «Когда разгуляется» (1956–1959), полных веры и глубочайшего внутреннего смирения:

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

Судьба была исполнена. Жить оставалось несколько кратких лет. Он отстоял свою службу.

Сегодня принято, скорее, читать о поэтах, чем перечитывать самих поэтов.

А что если просто возьмём и перечитаем Пастернака...

Тем более, что уже пять лет в книжном обиходе России находится полное собрание сочинений Пастернака в одиннадцати томах. Поэт любил прогулки, особенно в его любимом Переделкино. Давайте мы тоже совершим краткую прогулку по страницам собрания сочинений Бориса Леонидовича.

Выходные данные

Борис ПАСТЕРНАК. **Полное собрание сочинений (Текст): в 11 томах.** Тома 1-11. Приложение – текст, оглавление, переводы, фотографии на CD. Составление, комментарии Е.Б. Пастернака, Е.В. Пастернак, (при участии А.Ю. Сергеевой-Клятис, М.А. Рашковской – (разные тома), главный редактор Д.В. Тевекелян, иллюстрации. – М.: СЛОВО/SLOVO. – 2004-2005 гг.

**ВОСПОМИНАНИЕ
О ФЕВРАЛЕ 1966 ГОДА**

Зимой 1966 года на книжном рынке, который в те годы назывался «чёрным», тем более, что светлого не было, и «дислоцировался» в Проезде Художественного театра, ныне Камергерском переулке, в зимних сумерках я купил с рук синий том Пастернака в Большой серии «Библиотеки поэта» (1965 года). Улицу заметало снегом, было зябко, за книжниками присматривали менты. Помню, что стоил он мне рублей пятнадцать, если не больше, примерно десять номиналов – в те годы немалые деньги за книгу стихов. Даже Пастернака. Этот том ещё отличался объёмистым предисловием Андрея Синявского, которое в это время уже выдирали из библиотечных экземпляров. Только что прошёл суд над Синявским и Даниелем. Такое было тогда многоуровневое время – всё происходило почти одновременно: и судилище над Пастернаком, и выход его книг и предисловия, написанные «из-под полы», отсутствие в стране свободного рынка – и нелегальная толкучка книголюбов в самом центре Москвы... Плюс пастернаковские цвета – синее, сумерки, вьюга, народ под снегом.... Как не вспомнить через сорок лет знаменитое, пастернаковское, вычитанное из книги, прочтённой залпом, и запомнившееся на всю жизнь:

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

В те годы сам Пастернак был такой негасимой свечой практически неподцензурной поэзии. Только вдумайтесь в эти парадоксы советской жизни: запрещённый роман и свободно опубликованные в синем томе стихи из этого самого запрещённого романа!.. Если то и был казарменный социализм, который сегодня ещё обличают наши недавние псевдодемократы, прекрасно, кстати, устроенные в той самой обличаемой ими

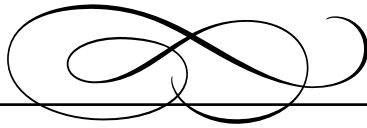
«казарме», но был он обществом значительно более справедливым и стабильным, чем сегодняшнее. Хотя, конечно, и «казарменного» в жизни хватало. Подобные противоречия имели место на каждом шагу в общественной жизни нашей страны 60-80 годов XX века. Однако понадобились десятилетия не только советской, но и российской жизни, чтобы к читателю пришёл полный Пастернак.

ВЕСЬ ПАСТЕРНАК НА ВЕС

Издательство «СЛОВО/SLOVO» предприняло отчаянную попытку: издать одиннадцать томов гениального поэта, практически всё написанное его рукой. Почему отчаянную? Потому что сегодня, говоря о поэзии, хочется задать вопрос: кто читать-то будет? Правда, хочется на него ответить: читатели найдутся. И не только читатели, но и покупатели, что сегодня звучит не менее актуально. В 1966 году – всего десять номиналов, а нынче для кого-то месячная зарплата. И всё же... Ведь это первое Полное собрание сочинений одного из гениев XX века, оно составлено сыном поэта Е.Б. Пастернаком и его женой Е.В. Пастернак. Перед нами практически итог столетия существования Бориса Леонидовича Пастернака в советской и русской культуре. Собрание печаталось два года – 2004 и 2005, но в розничную продажу отдельные тома не поступали. Издательство выпустило в свет полный комплект собрания, и только после этого одиннадцатитомник предстал перед читателем.

Распахнём тома этого прекрасно изданного свода пастернаковского вдохновения, его жизни, насыщенной трудами и раздумьями. Как прошла эта жизнь? Так, как вздохнул сам поэт:

Он жаждал воли и покоя,
А годы шли примерно так,
Как облака над мастерской,
Где горбился его верстак.

Общий вес представленного нам Собрания – восемь килограммов текста в плотных цвета пожухлого осеннего с позолотой листа в жёстких переплётках! Тираж, увы, всего пять тысяч экземпляров. Для примера – советский пятитомник поэта был издан в 80-е годы трёхсоттысячным (!) тиражом. Задумайтесь: триста тысяч экземпляров...

ТОМ I. СТИХОТВОРЕНИЯ 1912-1931 ГОДОВ

В давние, ныне легендарные года на стихи Пастернака откликнулся Осип Мандельштам: «Стихи Пастернака почитать – горло прочистить, дыханье укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть целебны от туберкулеза». Марина Цветаева не скрывала своего восхищения. В статье «Цветовой ливень», посвящённой книге «Сестра моя жизнь» она, великая поэтесса, передаёт своё искреннее волнение от встречи с чем-то непередаваемым словами: «Пастернак – большой поэт. Он сейчас больше всех: большинство из сущих были, некоторые есть, он один будет. Ибо, по настоящему, его еще нет: лепет, щебет, дробец, весь в Завтра! – захлебывание младенца, – и этот младенец – Мир. Захлебывание. Пастернак не говорит, ему некогда договаривать, он весь разрывается, – точно грудь не вмещает: а – ах! наших слов он еще не знает: что-то островитянки-ребячески-перворайски невразумительное – и опрокидывающее. В три года это привычно и называется: ребенок, в двадцать три года это непривычно и называется: поэт. (О, равенство, равенство! Скольких нужно было обокрасть Богу вплоть до седьмого колена, чтобы создать одного такого Пастернака!»)

Самозабвенный, себя не помнящий, он вдруг иногда просыпается и тогда, высунув голову в форточку (в жизнь – с маленькой буквы) – но, о чудо! – вместо осиянного трехлетнего купола – не чудаковатый ли колпак марбургского философа? – и голосом заспаным – с чердачных своих высот во двор, детям:

Какое, милье, у нас
Тысячелетье на дворе?»

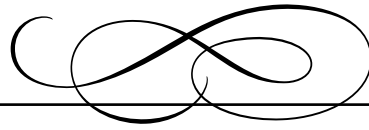
Им очаровывались навсегда. Я уже упомянул о ревности Маяковского. Пастернак вспоминал о своей дружбе с Есениным. Пример Пастернака кружил головы. Появились даже неологизмы «пастернакипь» и «напастерначить». Это относилось к эпигонам поэта. Ему следовали в творчестве. Даже почтенный Валерий Брюсов в первые советские годы не выдержал искушения. О прочих даже не говорю. Правда, эпигоном Пастернака оставаться было невозможно. Он поражал молодых поэтов, как корь, как оспа. Как ни крути, оспины все – пастернаковские. Кто вовремя не отказался от пастернаковского щебета и словесной метели, кончался как самостоятельный поэт. На памяти не осталось ни одного подражателя. А почему? Да потому, что подражать Пастернаку невозможно!

В первый том входит пастернаковская классика: книги стихов «Сестра моя жизнь», «Поверх барьеров», гениальная «Высокая болезнь», роман в стихах «Спекторский» и другие совершенно неповторимые вещи.

ТОМ II. СТИХОТВОРЕНИЯ 1930-1959 ГОДОВ

В эти годы начинается эволюция поэта, который постепенно – не то что бы отказывается от своего раннего творчества, но начинает вмешиваться в тексты старых стихов, что-то править, что-то распрямлять. Поэт стремится к ясности мысли, к стройности стиха. В эти годы он написал несколько новых поэтических книг. В их число входят шестая книга стихов «Второе рождение», «На ранних поездах», последняя книга «Когда разгуляется. И конечно, стихи из романа «Доктор Живаго». В своде пастернаковских стихов этих лет истинные шедевры:

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

Он вдохновенно, «не единой долькой не отступаясь от лица», отстоял свою трагическую службу.

ТОМ III. ПРОЗА: ПОВЕСТИ, СТАТЬИ, ЭССЕ

Проза Пастернака для многих начиналась его автобиографическим очерком «Люди и положения». В своё время опубликованный в «Новом мире», этот очерк многих привёл в ярость, но ещё больше порадовал тех, кто ждал этой встречи с недавним прошлым. Пастернак вспоминал о детстве, о Скрыбине, о самоубийствах друзей и знакомых – Маяковский, Есенин, Фадеев... Пастернак вспоминал Эренбурга, признавался, что «долго недооценивал Цветаеву», признавался в любви к своим грузинским друзьям – Паоло Яшвили и Тициану Табидзе... Ясная, глубокая, гармоничная проза. Ещё не переиздавались книги давних лет, соединенные с «Людьми и положениями» тайными нитями сродства. Из тридцатых годов в наших библиотеках возникали уже пожелтевшие от времени замечательная «Охранная грамота» и «Детство Люверс», в каких-то альманахах перепечатывались «Воздушные пути» и «Апеллесова черта». Всё это сошлось воедино в третьем томе вместе с «Первыми опытами» пастернаковской поэзии, набросками его юной прозы и ранними редакциями повестей. И снова Марбург «Охранной грамоты», и восемнадцать лет, и Райнер Мария Рильке, и неповторимая Венеция, великая Венеция русских поэтов и, конечно, возвращение в Москву: «В домах желтели огни, как звездчатые кружки перерезанных посередке лимонов. На деревья низко свешивалось небо, и всё белое кругом было сине».

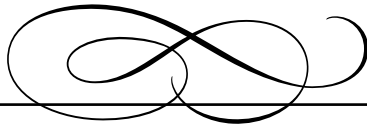
ТОМ IV. РОМАН

Углубляться в историю создания романа «Доктор Живаго» и скандала, связанного с передачей романа на Запад, его публикации, присуждением Нобелевской премии и

т.д., наверное, не стоит. Это возможность другого разговора. А вот сравнить существование романа в его советском прошлом и сегодня, думается, интересно. Потому что в советские времена аура запрета заставляла читать эту книгу другими глазами. Как и многие книги, исключённые из культурного обихода советского читателя, роман читался и сквозь призму запрещённости. Сегодня он читается иначе. Может быть, это более точное и правильное восприятие романа. Мне хочется обратиться к нескольким его киноверсиям. Последняя, многосерийная – уже российская. Но и западные работы и наш фильм почему-то так и не смогли выразить пастернаковское видение мира, природы, души. В российском телесериале есть вроде бы всё – и прекрасный подбор актёров, и уважительное отношение к демонстрируемому на экране прошлому, и немало режиссёрских и актёрских находок. Вот только одного не хватает в этом фильме – самого Пастернака, закадровой тени гения. Кто знает, может быть, подлинная экранизация романа ещё впереди? Главное, что роман «Доктор Живаго» наконец-то обрёл свободу... Сегодня его оценка не зависит от идеологических барьеров, политической борьбы и прочих рамок. А что если все-таки зависит? Когда-то за этот роман одни Пастернака возненавидели, а другие полюбили на всю жизнь. Сегодня подобное отношение к книге, скорее всего, невозможно. Вот только не знаю, хорошо это или плохо для русской литературы...

ТОМ V. РАЗНОЕ

Этот том объединяет самые разные вещи, вышедшие из-под пера поэта. Это статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. автобиографии. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений. Проще, всё то, что набирается в архиве писателя в течение десятилетий и для него самого не всегда представляет ценность.

Другое дело – всё это собранное в объёмном томе полного собрания сочинений. Причём снабжённое весьма подробными комментариями. На последнем, не выделенном особо, хочется остановиться. Каждый том Пастернака оснащён подробным комментарием, и комментарии эти расширяют творческое пространство каждой книги, впускают в неё дополнительные исторические, культурные, биографические реалии поэта, его эпохи, судеб тех, кто соприкасался с жизнью поэта. Перед нами неприманное окружение поэта и его произведений.

ТОМ VI. СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Мы не сообщим читателю ничего нового, только подчеркнём, что практически всю свою творческую жизнь Пастернак – помимо собственного творчества – посвятил искусству перевода. Он переводил с разных языков, много с языков народов Советского Союза, мировую классику – Гёте или Шекспира. Многие его переводы стали фактом советской и русской культуры. Один «Гамлет» чего стоит! Или «Фауст». До сих пор звучат переводы Пастернака из западной поэзии, его стихотворные переложения армянских, грузинских, украинских, испанских, бельгийских поэтов. Классическими признаны его переводы из, например, Николая Бараташвили. Знаменитое стихотворение «Мерани», за которое брались многие русские поэты. Или вот, например, замечательное стихотворение «Цвет небесный, синий цвет»:

Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый зимний дым
Мглы над именем моим.

Здесь надо добавить, что переводы Пастернака – это, в основном, вольные переложения предоставленных поэту подстрочников. В итоге он писал своё по чужой канве.

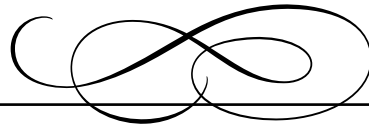
ТОМА VII, VIII, IX, X. ПИСЬМА ПОЭТА

Письма Пастернака – это яркая часть истории советской литературы. Может быть, просто нашей истории. Не все любят читать чужие письма – и в этом есть свой резон. Но письма великих – это совсем другое дело. Конечно, свои письма Пастернак писал, понимая, что когда-нибудь они будут напечатаны. И это набрасывает на переписку Пастернака особый отсвет: это – литературные письма, ещё не проза, но уже и не переписка частного лица. Кому писал Пастернак? Марине Цветаевой и Сергею Боброву, Исааку Бабелю и Николаю Тихонову, Ромену Роллану и Ольге Фрейденберг, Александру Фадееву и Дмитрию Шостаковичу, Исаяе Берлину и Осипу Мандельштаму, Анастасии Цветаевой и Варламу Шаламову... Это только малая часть его корреспондентов. Переписка Пастернака позволяет заглянуть за кулисы его жизни, многое понять и сопоставить совершенно неожиданным образом. Четыре тома переписки поэта принадлежат не только ему, не только литературе. Они помогают понять XX век – век Пастернака.

ТОМ XI. ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ

Обычно воспоминания современников – это наиболее интересная и уязвимая сторона жизни больших поэтов. В чём слабость жизнеописаний великих людей. В том, что авторы их пытаются жизнь великого человека расчленивать на мелкие детали. Это неизбежно ведёт к измельчанию образа, к уменьшению масштаба личности творца. Что же получилось в данном случае? Каков Пастернак у воспоминателей XI тома? А вспоминают поэта десятки друзей, знакомых очевидцев его жизни. К списку воспоминаний, ранее известных, прибавились новые и имена... Уже хрестоматийны воспоминания Александра Gladкова. Вот Виктор Боков, в пользу которого Пастернак отказался от издания одной из своих книг. Татьяна Толстая (не путать с сегодняшней!). Лев Горнунг.

Корней Чуковский. Эдуард Бабаев. Замечательные «Мне 14 лет» Андрея Вознесенского. Валентин Берестов, Эмма Герштейн. Сын – Евгений Пастернак. Всего более сорока человек, из воспоминаний которых складывается вдохновенный и во многом трагичный образ поэта. Неповторимая жизнь.

CD

Скорее всего в 50-е годы прошлого века Пастернак ещё не мог представить свои творения на компьютерном диске. Ну, а кто тогда мог? У этого собрания сочинений есть как бы 12-й том – это приложение к собранию, представленное на CD. Приложение немалое – почти пятьсот мегабайт, которые помогли запечатлеть драматические переводы поэта, включая пьесы Шекспира, Кальддерона и других классиков, полный текст поэмы Гёте «Фауст», уникальный фотоархив, объединивший двести фотографий поэта и сюжетов, связанных с ним. Помимо текстовых и фотоматериалов сюда включены записи чтения Пастернаком своих стихов и многое другое. Наверное, и всё собрание могло бы уместиться на нескольких дисках, но тут уже вступают в силу законы чтения. Пастернак всё же немислим вне печатной книги, которую он сам определял, как «кусочек дымящейся совести». Пастернак и книга – это тоже большая тема для возможных заметок, но мы здесь останавливаемся, чтобы остаться в пределах пастернаковского собрания сочинений.

ПОЛНЫЙ ЛИ ПАСТЕРНАК?

Казалось бы, уже всё известно о поэте, всё издано, всё переиздано. Оказывается, нет, время от времени откуда-то выплывают неизвестные стихи, неизвестные редакции и отрывки. Более того, черновые редакции романа «Доктор Живаго», в которых красноречивы отвергнутые по различным соображениям самим Пастернаком куски и варианты. Сегодня всё это, малоизвестное и неожиданное, образует как бы систему зер-

кал, в которых творчество Бориса Леонидовича высвечивается в совершенно неожиданных ракурсах. Наверное, пройдёт время и неизвестных страниц наберётся ещё на один том. Вот только когда это произойдёт?

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

И я снова вспоминаю вьюжный вечер 1966 года. Чёрный книжный рынок в центре Москвы. Синий том. Тогда чрезвычайный дефицит, как это называлось при социализме. Сегодня передо мной одиннадцать томов плюс CD с голосом поэта. Прошло всего сорок лет. Для человека – очень много, для истории – один миг. Спроси Пастернак сегодня: «Какое милое у нас тысячелетие на дворе?» – ему бы ответили неожиданно, что на дворе уже третье тысячелетие... 2010 год. Памятная дата. Борис Леонидович – один из немногих творцов XX века, кому наверняка суждено жить в этом тысячелетие. Это победа поэта. Возможно, сам бы он ответил на это утверждение афористичным высказыванием о том, что «пораженья от победы ты сам не должен отличать...».

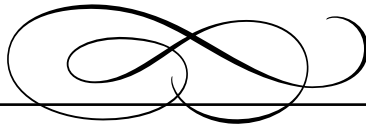
P.S.

Завершая это маленькое путешествие по собранию сочинений Пастернака, хочу на прощанье окунуться с головой в неповторимую стихию его ранней лирики. Я мало цитировал стихи поэта. К сожалению, надо было выбирать: или обзор Собрания, или – только стихи. Вот – на прощанье:

Ночь в полдень, ливень – гребень ей!
 На щебне, взмок – возьми!
 И – целыми деревьями
 В глаза, в виски, в жасмин!
 Осанна тьме египетской!
 Хохочут, сшиблись – ниц!
 И вдруг пахнуло выпиской
 Из тысячи больниц.

Пастернак – всегда выздоровление, всегда надежда, всегда выход из безвыходного.

Нельзя не очароваться Пастернаком.

Григорий ПЕВЦОВ

Москва

* * *

В весенних просторах грачиные замки,
В долинах небесных чернеют их башни...
О, стражи лазури! Как трубы их звонки,
Призывно-победны над тленом вчерашним!

Они возвещают нам первую радость,
Которой цветет глубина мироздания,
И бездны мгновения горькую сладость,
И ранней весны сокровенную тайну.

ПАМЯТИ РИММЫ КАЗАКОВОЙ

Ты лежишь... Перед тобой Никола.
Затворились Царские Врата.
У предела времени иного
К горлу подступает немота.

Но живое слово дышит грудью,
И разлита в воздухе душа,
И со всех сторон земные судьи
Приговор выносят, не спеша.

Что им, судьям, знать о нашей доле
Обнаженной совести больной?
Отлетая от земной юдоли,
Мы любовью дышим неземной...

Что им введать, судьям запоздалым,
Ни греха не знавшим, ни стыда,
Чтобы нашим судьбам звёздно-алым
Выносить вердикты сквозь года?

Мы в объятьях времени иного.
Там, в пределе ведомых имён,
Отрясёшь ты прах пути земного,
Клоунов и призрачных знамён.

ТУРАЙДСКАЯ РОЗА. ЗИМНЯЯ СИГУЛДА

Белая кирха у белого озера,
Белая лебедь на белой заре.
Скачет к любимому с белою конницей
Белая Роза на белом коне.

Белые ветви – то нежные лилии
Божьего сада в забытом Раю.
Снежную сказку Сигулда в инее
Нежно шептала белому дню.

Александр ПЕРЕВЕРЗИН

Москва

ЧАЙНИК

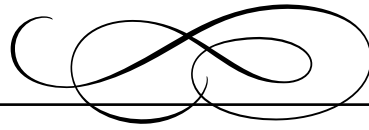
Курили, мялись у сараев,
решали, как доставим груз,
я, Марк и Гена Николаев,
наш однокашник и не друг.

Был Гена третьим, внешним оком,
пока снимали втихаря
мы радиатор, ручки с окон
в цеху при свете фонаря.

Ходили трижды за окошко,
во тьму, где шорохи слышны.
Забрали чайник, вилки, ложки.
Кому теперь они нужны?

И, хоронясь во мраке жарком,
соляркой провонявшем так,
что, если щёлкнуть зажигалкой,
спалишь к чертям весь этот мрак,

мы выгружались у забора.
Был Гена чайнику не рад:
«За ним вернуться могут скоро,
я отнесу его назад!»

За ним вернутся? Спятил, Гена!
Никто, никто и никогда
не возвратится в эти стены,
на это капище труда,

в пространство, ржавое на вдохе,
где – я же трижды там бывал! –
не то чтоб сходятся эпохи,
а просто времени провал.

Там труб дюралевые кости
нашарит в темноте фонарь,
и мнится: на чумном погосте
работал начерно грабарь.

А в отдалении, убоги,
из нашей тьмы во тьму веков
таращатся единороги
токарно-фрезерных станков...
.....
...Теперь, застрявший меж мирами,
я говорю с таких высот,
с которых видно, что же с нами
за десять лет произойдёт:

Марк, соскользнув в стройбате с крыши,
без ног покинет гарнизон,
Геннадий голоса услышит
и будет в жёлтую свезён,

я изучу закон Бернулли,
проинжинерю год в Клину.
А чайник мы тогда вернули,
не взяли на себя вину.

* * *

Отец, которого я помню,
мне показал каменоломню,
засохший дуб – жилище ос
и рошу, где шиповник рос.

Когда брели по грубой пашне
в ночи, ведомые Творцом,
темно мне было, но не страшно –
ведь я шёл за руку с отцом.

Отец, которого я знаю,
вороньего страшится грая,
воды боится и огня,
бубнит: не трогайте меня.

И плачет и дрожит, покуда
не сядет смиренно на кровать:
«В последний раз даю, паскуды,
отраву в горло мне пихать!».

Но тут же: «Уберите лапы!
В лицо не суйте пятерню...».
Тебя, мой самый лучший папа,
того и этого люблю.

* * *

В твою квартиру, для забавы
дверьми и форточкой скрипя,
заходит призрак громкой славы
пугать и искушать тебя:
чего ты хочешь? смерти во спасенье
иль музыки, блаженный идиот?
Прочти ему в ответ стихотворенье.
Читай, читай.
И призрак пропадёт.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

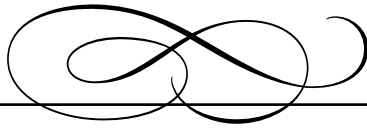
Москва

ПЕРВЫЙ СНЕГ

(утро 8 декабря 2009 года)

Мир за ночь стал другим. Сады рукой
стопапой
встречают над собой весёлые снега.
Земля – белым-бела. Как будто не ступала
ещё нигде ничья проворная нога.

Мир за ночь стал другим. Стерильным,
чистым, строгим.

Безгрешным, как дитя. Наивным, как
 фольклор.
 Оленьим стадом – нет! – чудовищем
 сторогим
 леса летят, звеня, в фарфоровый простор.

Не стой на их пути! Иначе, не заметив,
 пространство на скаку копытами круша,
 затопчут в слепоте – и улетит за ветром,
 как пар из их ноздрей, беспечная душа.

Как отыскать ей путь? Здесь всё так
 незнакомо.
 Мир за ночь стал другим – как ватман, что
 готов,
 чтоб кто-то прочертил на нём пунктир
 до дома
 спешащею строкой прерывистых следов.

Мир за ночь стал другим. Всё то, что было
 чёрным –
 взорвалось белизной, когда настал рассвет!
 Земля, дома, сады – всё излучало свет
 и ластилось к ногам слепым щенком
 покорным.

Всё утонуло вдруг в сиянии слепящем.
 Казалось, больше нет ни горя, ни разлук.
 Мир за ночь стал другим – без войн,
 смертей и мук,
 лишь белый снег – да свет, столбом над ним
 стоящий.

Куда ни посмотри – такая чистота,
 что рвутся слёзы в мир, как рифмы с губ
 поэта.

Как будто мир лежит за пазухой Христа,
 и там – нет ни-че-го, кроме любви света...

НОКТЮРН

Ночная Москва – как огромный кроссворд
 из горящих
 и аспидно-чёрных – погашенных –
 окон домов.
 Налево пойдёшь – ненадёжную радость
 обрящешь,

направо пойдёшь – потеряешь навеки
 любовь.
 А прямо по курсу – наткнёшься на сотни
 вопросов,
 ответы к которым таятся за дымящей лет.
 Решишь хоть один, и считай, ты уже –
 Ломоносов,
 и можешь сложить про себя триумфальный
 куплет.

Московский кроссворд всё тасует окошек
 квадраты –
 часть окон зажжёт, а другие погасит взамен.
 Что нам посулят эти жёлтые яркие карты –
 усладу успеха иль горькую горечь измен?

Кто прячется там, за горящими клетками
 окон?
 Какую судьбу в них вписать, чтобы им
 подошло?..
 Ночь мягкой тайной окутала всё, словно
 кокон,
 лишь призрачно светит луна, точно диск НЛО.

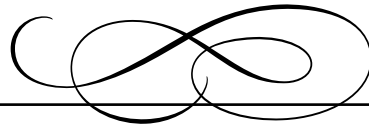
Вон там – кто-то молится, кто-то корпит
 над стихами,
 там – кто-то читает Пелевина, тихо плюясь.
 А там – кто-то меряет комнату нервно
 шагами,
 браня за свои неудачи соседей и власть.

Вон женская тень в жёлтой раме окна,
 а над нею –
 склонилась мужская, в объятья её заключив...
 Разгаданный мною, мой город тихонько
 темнеет,
 заполненных клеточек-окон огни отключив.

Над кромками крыш высь источенный плед
 развеивает,
 прожжённые звёздами вольно раскинув края.
 И полночь зевает... зевает... зевает...
 зевает...

И вот уж – уснула устало столица моя!..

По мере того, как с секундами перетекали
 мгновения вечера в ночи звенящий
 хрусталь –

все те, кто с утра себя числили по вертикали,
вписали себя в многоспальную горизонталь.

Затихли во мраке гудящих моторов раскаты,
недавние боли снесло ветерком во «вчера».
И я возвращаюсь домой, кем-то свыше
разгадан
и в клетки кроссворда записанный им до утра.

И сладостный сон овеивает меня собой, будто
на свете не стало ни войн, ни болезней,
ни ссор.
И падают звёзды с небес, как незримые буквы,
кому-то на завтра готова судьбу,
как кроссворд...

МАРТОВСКОЕ

Мезень. Мазай спасает зайцев.
В душе тоска. Ты где, Мисюсь?
Мазками солнца, всем на зависть,
март, как Малявин, пишет Русь.

В лесу капель звенит мазуркой,
с берёз струится сладкий сок.
А ну-ка, подходи с мензуркой –
прими для бодрости глоток!

Восстав над сумрачными снами,
взамен зимы сухой и злой,
март птичьей песни, точно зная,
вознёс над мёрзлой землёй.

Смыв, как застывшую мастику,
снегов заушную мазню,
он, словно мальчиков Матисса,
ввёл в хоровод берёзок «ню».

Ещё морозец бродит низом,
но, уже чуя ток в крови,
март бродит кошкой по карнизам,
горланя песни о любви.

А в вышине – над крыш дворцами,
над хором кошек и собак –
мизинец Моцарта мерцает,
как Марса тлеющий маяк...

Как в сотый раз журнал «Мурзилку»,
листая мокрый старый сад,
весенний ветер, рот разинув,
в просторы устремляет взгляд.

Там, вдалеке от шумных улиц,
раздеты за год догола,
берёзы белые, сутулясь,
спят в ожидании тепла.

Мазай мазуриков ушастых
везёт, в долблёнку погрузив.
Спроси его, что значит, счастье –
он лишь покашляет в усы!

Несутся сахарные льдины
по мутной мартовской воде...
Русь и поэзия – едины.
Мезень... Мазай...
Мисюсь, ты где?..

ИЮЛЬСКИЙ СОНЕТ

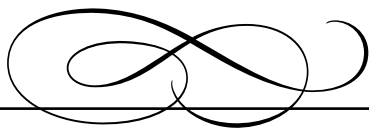
Лето похоже собой на картину Ван Гога –
ту, где растёт виноградник, а солнечный шар
сыплет на страждущих испепеляющий жар,
невыносимый, как милость иль
ненависть Бога.

Лето такое, каких было раньше немного –
яркое, рыжее, прямо тебе – Пьер Ришар!
Ветер гуляет по улицам, точно клошар,
но замирает почтительно возле порога.

А за порогом – прохлада и свежесть жилья,
где обитаю с любимой женщиной я,
и не стесняюсь при этом считаться поэтом.

В солнце, как в славе, купаю себя
день-деньской,
ну, а наступит сентябрь с его жёсткой тоской,
память осветит мне душу – июльским
сонетом.

Анатолий ПЕТРОВ

Санкт-Петербург

* * *

Не ждите, живым я не сдамся!
Когда я открою глаза,
Бескрайнюю яму пространства
Наполнит забвенья слеза.

Слеза беспримерной печали,
Что множится и не поет,
Земные окутала дали,
Заполнила весь небосвод.

Так что же такое от века
Досталось жильцу на земле?
Кинжал золотой от абрека,
Летающий олень на скале.

И, трогая камень руками,
В гранитной его тетиве,
Я слышу, стрела над горами
Летит по гремящей молве.

Не ждите, живым я не сдамся!
Убьет меня бомбовый шквал.
Убил! Но я встал, зашатался
И в бой по войне зашагал.

Царапает время мне кожу,
Земля шевелится и жжет.
Сегодня я время итожу,
И время во мне оживет.

Не ждите! Живым я не сдамся,
Сквозь шлюзы непонятых сил,
Пройду через сети пространства
К подножью грядущих светил.

И камень, что трогал руками
Опять на стезе круговой.
Младенец с другими глазами
Потрогает звездной рукой.

* * *

Я дошел до поклонного камня, –
Он мне выскажет думу свою.
Я уйду от поклонного камня
С вечной думой, что я затаю.

И коснулся рукою я камня
И поклон положил, как сказал.
Не услышал я слов состраданья,
Я напрасно его окликал!

И шаги не считая и версты,
Отошел я от камня сто верст
И услышал в пути: «А не прост ты!
Вон звезда. А к звезде – видишь – мост.

Соберись и лети, словно птица,
Через реки, моря и войну.
Чтоб о камень тебе не разбиться,
Не гляди на светлицу-луну».

Я не понял слова великана,
Я на это судьбу положил.
«Из чего же судьба наша тканая?» –
Я тогда великана спросил.

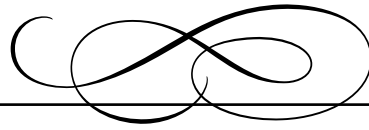
И зашлась бессловесная глыба,
Затряслись и леса и поля,
Распрямилась река по изгибу,
Воспротивилась веку земля.

* * *

Что мне делать с неверьем своим
Ни в себя, ни в залетные ночи.
Мы одним полнолунием звеним,
И оно с каждой ночью короче.

Обгоняет ночное светило
Все пути и дороги времен,
Всё, что грустно и празднично жило,
От звезды до церковных икон.

Всё, как зябкая птица по осени,
Позабыло про песнь и покой.

Пролетает небесная просинь,
Не касается неба рукой.

Каждый волен и петь и забыться
В том, что было и будет в пути,
Половодью – широко разлиться,
Человеку – к неверью прийти.

Пролетай, серый сумрак, за рощей,
И, дорога, на солнце лети.
Ничего нет неверия проще
На земном и небесном пути.

Не достать мне рукой до забвенья
И из камня не высечь слезу.
Разорвутся и свяжутся звенья,
Как крученые ливни в грозу.

Юлия ПОКРОВСКАЯ

Москва

* * *

Куда же ты, радость моя, подевалась?
И в руки плыла, да никак не давалась.

Куда же ты, счастье мое, утекло?
Так близко ходило, что блузку прожгло.

Надежда моя, с кем живешь ты теперь?
«Не бойся, – твердила, – все сбудется, верь!».

Любовь моя, ты лишь осталась со мной.
Одна только ты всем потерям виной.

* * *

Островок прошлогоднего снега
или горсть прошлогодней листвы.
А вокруг – разлитое небо
небывало густой синевы.

Как ни радуйся, плачешь о многом,
как ни плачь, но влечет окоем.
Мы в апреле не ходим под Богом –
за буйки заплывая, плывем.

* * *

Как цапля – на одной ноге,
как пленница – смиренно,
осина в ледяной Оке
стояла по колено.

Рвались со всех пригорков к ней
рябина, клен и ели.
Но одолеть за много дней
и метра не сумели.

* * *

Подпочвенные воды
в кулак не соберешь.
В них тыщи вольт свободы,
а света – ни на грош.

Не так ли ты, Россия,
на Запад и Восток,
великая стихия,
уходишь вся в свисток?

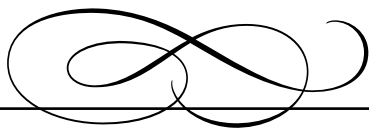
Мария ПОКУСАЕВА

Астрахань

* * *

Над капищем слез и скверны
Раскаркалось воронье.
Я буду тебе неверной,
В отличие от Нее.

Несу на алтарь сожженной,
Пречистой любви твоей

Одежду для прокаженных
И сон для больных детей.

Зачем же ты врешь мне, грешник,
Что ангел тебе поет?
Я вечный твой пересмешник,
В отличие от Нее.

Небесный хорал беспечен,
Возвышен и невесом.
Я песней тебе на плечи
Накину тяжелый сон,

Я буду твой бред баюкать,
Безумие ждать твое...
Я – демон Лилит, я – мука,
В отличие от Нее.

И даже когда ты с Нею,
В объятиях тишины,
Я пестрым опасным змеем
В твои проникаю сны.

Ты бредешь, ты шепчешь имя –
И в нем узнаешь мое....
Я стала тебе любимой,
В отличие от Нее.

* * *

Я – ангел твой. Я за твоим плечом,
Храня молчание, храню тебя от боли,
Когда безумие дамочковым мечом
нависло и отчаяньем неволит.

Я прихожу, когда уходит свет,
Когда на ветках мхом белеет иней,
Когда беды размытый силуэт
Неясной тенью за порогом стынет.

Я согреваю пальцев тонкий лед
Огнем последней горькой сигареты,
Когда уже как будто не спасет
Не то что чай, но даже двери в лето.

Я – ангел твой. Я в тихой темноте
Таюсь и таю утренним туманом.
Когда твои друзья уже не те
И кажется роман пустым обманом,

Я за твоим плечом встаю, тиха,
Незрима всем живущим в мире этом...
Веду тебя дорогой от греха –
К твоим стихам и в бесконечность света...

Алексей ПОЛУБОТА

Москва

* * *

Солнце и счастье – почти что синонимы,
Нет, я душой не старик!
Образ Мадонны таится зароненный
В крашеный спутницы лик.

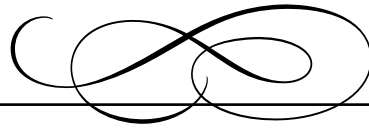
Эх, электричка, телега крылатая,
Мчи меня к счастью скорей!
Душу мою воскрешает распятую
Свет заоконных лучей.

Там за окном солнцеснежные ёлочки
Повеселели к весне.
Льжи мои, не томитесь на полочке,
Скоро нам – по целине!

Может быть, выйдешь со мною, попутчица,
На километре глухом?!
Я подарю тебе самое лучшее
Золото на голубом.

Я объясню тебе знаки ветвистые
На ноздреватом снегу.
Тихого поля улыбку лучистую
Я полюбить помогу.

* * *

О, зелень лета!
О, синь озёр!
О, друг поэта,
ручной костёр!

Он лижет ветви,
Как руки пёс,
а рядом светлый
мерцает плёс.

О, плеск форелий,
гуд комаров!
О, лапы елей,
гамак ветров!

О, край, где небель
звонит в тиши!
где смотрит небо
в глаза души.

Анатолий ПОЛЯКОВ

Москва

МОЛЧАНИЕ

Мы вечно здесь не можем оставаться.
И эта боль настолько коротка,
что мера зла, готовая сорваться, –
нет, все же не сорвется с языка.

Тем более что легче мне не станет,
когда спущу я рой безумных пчел.
Меня сказать – под пыткой! – не заставят,
что мир погряз в грехе – и обречен.

Ведь даже чувством правит неизбежность:
ты, кажется, готов убить! –

И вот...

Поверх всего накатывает нежность
к тому, что рядом дышит и – живет.

И я молчу.
Не в страхе наказания
или ошибки –
нет, не потому.
Но если изреку я предсказанье –
то сбудется по слову моему.

* * *

Облаков расплавленное золото;
снежный ветер искрами сверкнул,
подхватил так празднично, так молодо –
и невозвратимое вернул.

Ослепленный, с рыжими ресницами,
весь в свету небесном, как в цветку, –
словно из хвоста перо жар-птицы
я сорвал на огненном ветру.

Горбунок заржал – и ну кататься
на снегу, играя и резвясь...
Эта жизнь не думает кончаться:
только что как будто началась.

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

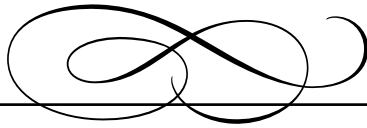
Санкт-Петербург

* * *

Когда отпустит боль, я вдруг увижу
Фабричную трубу, кирпич двора,
И буквы на стене – под самой крышей,
Кричащие «Гагарину – ура! ».

И небо, что в прицельном перекрестье
Оконных рам похоже на дыру,
И флигель, где кусок прогнившей жести
Крылом подранка бьётся на ветру.

Отпустит боль, и я ещё услышу,
Быть может, через трещины в стене –

Скрипичная мелодия всё выше
Взбирается по тоненькой струне.

С естественностью веры бестревожной,
С наивностью гармонии простой –
По лестнице крутой и ненадёжной
Над вечно равнодушной пустотой.

РОМАНС

А. Т.

Мой дорогой, мой слишком дорогой,
Когда бы я умела быть другой,
Всем существом привязанною к дому –
Быть может, мы бы жили по другому.
И сердце, позабытое в степи,
Я б отыскала и велела: «Спи!»...
Но вечен скрип тележный средь равнины,
И терпкий привкус горечи полынной,
Не исчезая, дремлет на губах.
И выбелило солнце долгий шлях.

Мой дорогой, мой слишком дорогой,
Когда бы я умела быть другой,
Когда бы я умела быть иною –
Со взором тихим, с гибкою спиною...
Но вот – на отблеск дальнего костра
Я полетела – всем ветрам сестра,
Черпнув из глубины времён однажды
Придонную мучительную жажду
Той воли, что и не было, и нет...
И тесен дом, и узок белый свет.

* * *

Рыжая псина с пушистым хвостом
Дремлет в тенёчке под пыльным кустом,
И, полусонная, в жарком паху
Ловит и клацает злую блоху.

Рядом, приняв озабоченный вид,
Вслед за голубкой своей семенит
Самый влюблённый из всех голубей...
На воробья налетел воробей –

Бьются взъерошенные драчуны,
Не замечая, что к ним вдоль стены
Тихо крадётся, почти что ползёт
Весь напряжённый, пружинистый кот.

Как хорошо, что они ещё есть
В мире, где горестей не перечсть,
В мире, дрожащем у самой черты –
Голуби, псы, воробьи и коты.

* * *

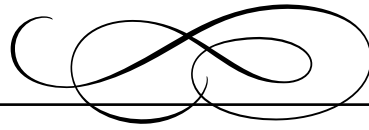
Опять я заговариваю смерть,
А та, быть может, где-нибудь напротив
Рукой подпёрла щеку в полутьме,
Чтоб завтра в чернокрылом развороте
Атаковать... И снова всё не то –
Сквозняк шевелит выцветшую штору,
Безжизненно повисшее пальто
Печали добавляет коридору.
И лампочка под самым потолком,
Сочающаяся тускло-жёлтым светом,
Ещё мигнёт последним маяком
Бумажным кораблям, плывущим в лету.
Ещё мигнёт, чтоб я могла посметь
Вернуться на огонь и снова, снова
Смотреть, как зачарованная смерть
Кружится над рождающимся словом.

Ольга ПОСТНИКОВА

Москва

* * *

Этот праздничный грохот приходит опять,
Тыща глоток, и все об одном.
Где мне радости взять,
Где мне гордости взять
На твоём торжестве площадном?
Ты выводишь в парад желторотую рать,

Красоваться, кичиться и петь.
Мне бы болеть не знать,
Мне бы совесть не знать,
Чтобы молча всё это стерпеть.

Да, избавься от юности, щедрая мать!
Этот мальчик умрет как солдат.
Мне бы малость отдать –
Мне бы жалость отдать,
В ликование твоём не рыдать.

* * *

Всякий знает, всякий хаёт.
Всякий судит меня:
«Дочь плохая, мать плохая!» –
Завывает родня.

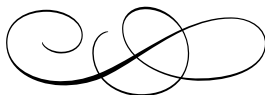
Я и в сестры не гожусь,
И в подругах не держусь,
Чтобы в женах оказаться,
От себя не откажусь.

Я бы к матери бежала,
Да не видит она:
Милый взгляд ее застлала
Слепота-белизна.

Я бы мужа обняла,
Да работа отняла.
Белобрового сыночка
Никому не отдала.

Мы пойдем в лесок поближе,
Наберем желудей,
Бусы тяжкие нанижем,
Позабавим людей.

Сел на крышу в желобок
Темно-красный голубок.
Над юродивой мамашей
Насмеешься, не дай бог.

Алексей ПЬЯНОВ

Москва

* * *

Почаще говори
«Люблю»
Дождям, дорогам,
Птицам, детям...
Всё доброе
На белом свете
Достойно услышать:
«Люблю!»
И только об одном
Молю:
Не говори
«Люблю»
Рублю.

* * *

Ну вот и кончается лето –
Букет из дождей и ветров,
И осени близкой примета –
Дворняжка в вагоне метро.

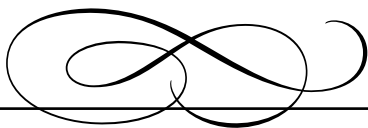
* * *

Л. Жуховицкому

В расцвете наших юных лет
Ты всем нам мудрый дал совет:
Остановиться, оглянуться
И в жизнь поглубже окунуться.
Остановились, окунулись...
Те – всплыли, эти – захлебнулись.
Не всем доступна глубина,
Но это не твоя вина.

ОДНАКО...

Конечно, век тот непростой
Имел свои изъяны,
Но все же Пушкин и Толстой
Ходили без охраны.

КОЕ-ЧТО О СОБАКАХ

Чтоб не уйти ему в забвенья тьму,
Чтобы звезда его всегда блистала,
Тургеневу хватило бы «Муму»,
А Чехову «Каштанки» бы достало.

ПИСЬМО В ТВЕРСКУЮ ДЕРЕВНЮ

Оттуда, где радостно было,
Где юности нашей начало,
Хорошая девочка Мила
Хорошую книжку прислала.

В ней – солнце, дожди и деревья,
И музыка слова живая,
Дарящая счастье деревня,
Где нынче она проживает.

Как быта забытого знаки,
Ее немудреные строки...
Живут в ее доме собаки,
Летят к ней скворцы и сороки.

Ну, в общем, все просто и ясно,
Что редко бывает на свете.
А значит, живешь не напрасно
На этой усталой планете.

Пусть время несется вприпрыжку –
Не все то, что было, уплыло...
Спасибо за добрую книжку,
Которую ты подарила

Вадим РАБИНОВИЧ

Москва

НЕБЕСНЫЙ ЗАКРОЙЩИК

Беру всё небо на хитон,
Всё целиком беру,
Ведь нежный этот матерьял
Брать надо целиком.

Рвать на клочки его нельзя,
Косынка, сарафан...
Нешвенно небо: только всё –
Сейчас и про запас.

На хилость плеч и мышц моих...
Что без хитона я?!
А вот в хитоне я Гермес,
Финист и Трисмегист.

Где небо веселило всех,
Теперь висит дыра,
На тогу всё оно ушло
Во всю мою длину...

Чуть свет, – и снова неба синь,
На блейзер подойдёт,
Или кровавая заря –
На пурпуровый плащ.

Когда ж сойдёт сурьянный цвет
В серебряную стынь,
Неброский этот двуцвет
На палантин пушу.

Остудит пламена мои,
Стреручит он меня,
Вверх обратит мои глаза
И крылья даст взамен –

Пространства обживать вокруг,
С рулеткой и мелком
Прикидывать и обшивать
Тот свет на каждый день.

Но каждый день в зефирах тех –
 Как праздник без забот,
 А праздники у них идут
 За будничные дни.

Скроил, как целый москошвей,
 Семи небес задел
 И в этот край за восемь дней
 Всех ангелов одел.

КАНАТОХОДЕЦ ПОД КУПОЛОМ НЕБА

Звенят ковыли вдоль Земли, берега охраняя.
 От горя черно на берегу Моря под утро.
 На берегу Неба я не был, признаться, ни разу.
 И там хорошо, и тут хорошо, что тоже
 неплохо,
 Потому что главное – это берег.

Но как-то по случаю я очутился
 на скользком канате.
 Вверху – пустота, а под звёздами, низ обличая,
 Меж верхом и низом завис, упираясь
 в пространство,
 Чтоб, тоже по случаю, вниз или вверх
 не сорваться.

Это видели други мои дорогие
 И – свалюсь-не свалюсь – держали пари
 на лысой полянке.

А канат меня вёл в никуда ниоткуда,
 Вёл и вёл, и сегодня ведёт меня тоже.
 И зачем я ему? И чего прицепился, зануда?

Но и я помогаю канату держать меня прямо.
 Настежь руки. В руках лепесточки –
 великая малость.
 Белоснежный один, а другой – просто
 синий платочек.
 О, какое спасение – эти платочки!

Чистый шёлк. Равновесия вдох затаённый.
 Это тайна моя, чтоб не сбить равновесье...
 И зачем я влетел в эти лунные веси
 На вселенском юру? Или сверху виднее?

...Эй, вы, там, кто внизу, –
 Пожалейте меня на жалейке и флейте!
 Или так позовите – на склонение дня!
 Горькой чаркой уважьте, тёрпким мёдом
 согрейте!
 А ещё, если можно, снимите с каната меня...

Алексей РАФИЕВ

Москва

* * *

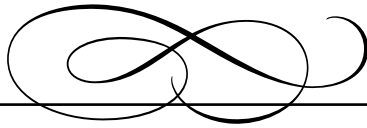
Я остаюсь константой –
 любого нуля овальной –
 между Молохом и Астартой,
 между молотом и наковальной.

Дети лунного света
 приходят по бликам на лужах –
 дети Исиды и Сета
 вселяют в нас детский ужас.

Я тоже ребёнок, Папа.
 Я тоже ребёнок, Мама.
 Последний шагок этапа,
 фреска на своде Храма,

усыновленный Богом
 ребенок далёкого Ноя –
 скользя по лунным эпохам,
 окончил скитанье земное.

Здравствуй, святое Небо.
 Здравствуйте, братья и сёстры
 ставшего плотью хлеба –
 восьмиконечные звёзды.

**МОЛИТВА ГОСПОДУ ИИСУСУ ХРИСТУ
ЧЕРЕЗ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА
НЕВСКОГО**

Забери и меня, и жену, детей...
Мать-отца забери и друзей-врагов...
Переплавь нас семь раз – в людей, людей...
И избавь от оков нас, венков, веков...

Не бросай нас нигде, никогда не бросай...
Защити нас от тьмы, защити нас от нас...
...Не сторай живьем, насмерть не замерзай,
мой любимый святой благоверный князь.

Мой Господь, мой Христос, сохрани нас от
запаления огненного, тюрьмы
и от ересей, и от разлива вод...
Оживи нас – совсем погибаем мы.

Проведи нас мимо ловушек и ям,
покажи нам спины чужих князей.
Исцели Россию! Дай руку нам...
Укроти звереющих коллизей.

Александр РЕВИЧ

Москва

* * *

Какая чушь стихи, когда в них нет печали
как немощны слова, когда они – слова.
Уж лучше бы они смиренно помолчали
как робкая душа пред ликом Покрова.

ВТОРАЯ МОЛИТВА НОЯ

Какая мелочь все, что мы друг другу дарим,
земные милости, богатства всей земли.
Дай, Господи, спастись хотя б немногим
тварям
и роду нашему земную жизнь продли.

* * *

Теряя слух, теряя вес,
душа едва держалась в теле,
я слышал музыку небес,
и это было в самом деле.
Но как могу я передать
ту сладость звука, ту истому,
ту неземную благодать,
что чувствовать нельзя живому?

* * *

Как знать, с какой поры
в мирок мой сокровенный
ко мне плывут миры
со всех концов Вселенной?
И тут я ощутил
текущую, как реки,
всю музыку светил,
чтобы забыть навеки.

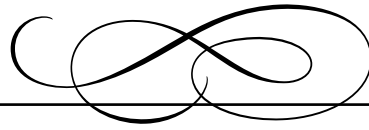
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Давним хмурым днем московским –
чудо, сущий интеграл! –
Ходасевич с Маяковским
в расшибалочку играл.

Это все подметил Третий
на бульваре, на Тверском,
чтобы людям всех столетий
этот случай был знаком.

Так писалось Бенедиктом,
славным рыцарем пера,
чьим безжалостным вердиктом
осуждались шулера.

Тот бульвар и полдень хмурый
так навеки и вошли
и в историю культуры
и в историю земли.

ПЕРЕД СВЕТОМ

Кто скажет, здесь храм иль больница?
 Но в полусознание не зря
 не снится совсем и не мнится
 мерцающий свет алтаря,
 в предутренний час сквозь угары,
 сменяемые забвением,
 поют почему-то болгары
 молитву о здоровье моем,
 уходят печали и смута,
 иной прозреваю удел,
 болгары поют почему-то,
 быть может, Господь, повелел.

Валентин РЕЗНИК

Москва

* * *

Дитя детдома и литстудий,
 Арбатской выделки шпана.
 И я из тех, кто вышел в люди
 Благодаря тебе – страна.
 Благодаря твоим осьмушкам,
 Седьмой воде на киселе,
 Твоим утрушкам и усушкам
 И в городе, и на селе.
 И несмотря на все прогнозы,
 И постоялки «на троих»,
 И мне перепали розы
 Из рук старательных твоих.
 И пусть я был строптивый отпрыск,
 Но в продолжение долгих лет
 И на меня ложился отблеск
 Твоих развенчанных побед.

* * *

Всем спасибо за то и за это.
 Кто мешал мне и кто помогал.
 Кто в моих не нуждался советах
 И своими мне рот затыкал.

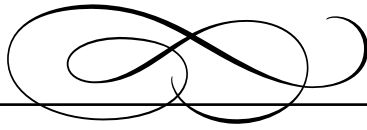
Кто спасал меня от голодухи
 И делился последним теплом.
 Гладил мне второсортные брюки,
 Чтоб я выглядел первым лицом.
 Эти девочки, женщины, бабы –
 Разномастный по крови народ.
 Если б мог я частично хотя бы
 Оплатить тот просроченный счёт.
 За добро, что они между делом
 Совершали без всяких затей,
 Отдаваясь душою и телом
 Непутёвой персоне моей.

* * *

А я вас помню всех в расцвете
 Здоровья, сил и красоты,
 Когда ещё слова на ветер
 Бросать вам не было нужды.
 Черноволосы, белозубы
 И за душою ни гроша.
 Как быстро вы пошли на убыль,
 Мои родные кореша.
 Тот пьяный окошел в канаве,
 Тот сгинул на чужой войне...
 Моя команда, в чём составе
 Случалось выступать и мне.
 И побеждать с разгромным счётом,
 И еле ноги уносить,
 Команда, что Доской почёта
 Во мне всё продолжает жить.

* * *

Ты довольно над собою плакал,
 А теперь посмейся над собой,
 Жизнь не отловленный бродяга
 Меж призванием, службой и семьёй.
 Как живётся на хлебах у правды?
 Мучается, радуется – как?
 Может, вправду оказались правы
 Те, кто на тебя спускал собак.
 И за то, что в них ты не нуждался,
 Не зависел от поблажек их,
 Ими безо всяких отвергался
 Твой неконвертируемый стих.

Ну да ладно, от судьбы не деться,
Только бы не извела тоска,
Только бы не подкузьмило сердце
Да была бы лёгкою рука.

* * *

Пролетарий раннего набора,
Дотянувший до седых волос.
Как ещё не сдох ты под забором,
Не сошёл с ума от нищих грёз.
Ставили по всем статьям по стойке,
Правили и страхом, и туфтой,
Но теснились на заветной полке
Пушкин, Достоевский и Толстой.
И уж если до конца признаться –
Ненавистью и стыдом горя, –
Ты не смог с Россиею расстаться,
Может, этим трём благодаря.

* * *

Л.С.

Поедем за город, дурёха!
Туда, где лес и тишина,
Где корчится в ручьях дорога
И формируется весна.
Мы что-то, право, засиделись
В своих каморах обжитых,
Забыли запах мёрзлой ели
И вкус сосулек молодых.
Быть может, и немного толку
В таком вояке из Москвы,
Но всё ж поедем втихомолку
Глушить знобящую настойку
Из холода и синевы.

* * *

Ты снова один в этом суетном мире,
Забыв и бедой, и нуждой
И счастлив, как Сашка –
сосед по квартире,
Удравший с уроков домой.

Нечасто бывает такая удача
На семьдесят первом году –
Забиться от всех передразг
и судачеств

В заброшенном зимнем саду.
Сюда не доходят трамвайные звоны
И гулы толпы не слышны,
Здесь властвуют только
берёзы и клёны
Да белый квартет тишины.

МУЗА

Ты по миру меня пускала
И наживала мне врагов,
Отчаяньем испепеляла
И возвышала до Богов.
Ты рушила в одно мгновенье,
Что я годами создавал,
А то, что звалось вдохновеньем, –
Проклятьем я именовал.
С тех пор как стал к тебе причастен,
Спокойного не помню дня,
И в мире нет меня несчастней,
И нет счастливее меня.

Андрей РОДИОНОВ

Москва

* * *

В Москве есть место, мешающее ее росту,
похожее на махну, протянувшуюся до пупка,
оно называется Лосиный Остров,
выполняет в мегаполисе функцию лобка

окрыт девятиэтажками, гаражами,
промзонами,
пока еще не уничтожен, но к этому готов,
Лосиный Остров является легкими
зелеными,
поглощая ядовитый газ с помощью листьев
и стволов

девушки Лосинога Острова лихо
бегают в районе Маленковского пруда
среди кустов, как среди коралловых рифов
в разноцветных купальниках снуют
туда-сюда

да, они фанатки Лосинога Острова,
по выбивающимся из трусов волоскам,
по полянам с человеческими отбросами
можно судить по их веселым голосам

говорят, здесь есть лоси, я этого не исключаю.
с лосями, без лосей пейзаж напоминает
злой фантазм,
посетители Лосинога острова не скучают,
пьют, употребляют наркотики,
испытывают оргазм

отсюда берут начало многие речки,
например, Яуза,
главная из них Яуза, но я возможно не прав,
словно трусы, оттянутые пальцем,
мосты над Яузой, про них я напишу
в другой раз

часто, проезжая Лосиный Остров,
мимо небритых подмышек ольхи
люди испытывают желание острое
выйти из электрички и лечь в лопухи

здесь устраивают свои тайные стычки
каратисты и поклонники алкогольных сект
разный народ привозят джипы и электрички,
но, без сомнения, царь этого места – секс

этот секс глядит из окон поезда,
как если бы лесной царь ребенка хотел
выхватить.
В Лосином Острове мертвое дитя мегаполиса,
на месте жилого комплекса «Выхухоль»

будут плакать только грибники-алкоголики,
когда вы уничтожите Лосиный Остров,
но не делайте книг из его кривых стволиков,
отвратительных книг Минаева и Робски.

мы найдем себе другое, не менее
отвратительное,
книгу-место, мы народ очень скрытный,
Лосиный Остров, с живущими в нем в
прямом и переносном смысле вредителями,
Крысиный Остров, он сверху похож на крысу

без сомнения Лосиный Остров уничтожите,
и может среди таджиков и недостроенных
небоскребов скелетов
новые песни появятся у молодежи,
ведь все идет по плану, как поет Егор Летов.

Елена РОДЧЕНКОВА

Санкт-Петербург

НОЧЬ

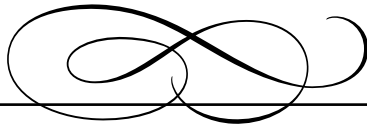
Ночь. На стене напротив крест чернеет
От моего горящего окна...
Не понимаю, что случилось с нею,
С моей страной... И где моя страна?

По ком звучат стихи, и слезы льются?
Я крикнуть силюсь: «Ой ты, гой еси!»
И вздрагиваю: люди-то – смеются!
Негоже нынче петь хвалу Руси.

Пригретые в глухом подоле ночи
Рассыпались по ветру огоньки...
Зачем так много бесприютных точек
Вдоль берегов покрытой льдом реки?

Когда ж – весна? Когда дожди косые
Отмоют тень бессонниц со стены?
Когда пойдем, что пред судьбой России,
Как пред рождением и смертью –
Все равны.

Земля, сошедшая с небес
О чем-то шепчут камыши,
И лес шумит о чем-то.

Журчит речисто, от души
Пречистая речонка.

Гудит тяжелый шмель в цветке,
И птица кличет птицу.
И в невесомом мотыльке
Свой голосок таится.

Мне разговор не разгадать,
Но знаю: в этих звуках
И торжество, и благодать,
И наша сила духа.

Шумы, шуми, великий лес!
Пусть набирает силу
Земля, сошедшая с небес
И ставшая Россией.

Наталья РОЖКОВА

Москва

* * *

Да, всё кончается до срока...
Над бедной родиной моей
Самозабвенно и жестоко
Поёт последний соловей.
Его заслушаемся трелью,
И в ожидании зимы
Одной укроемся шинелью,
Той, из которой вышли мы.

* * *

Ты вновь не согласен с судьбою,
И ищешь картошку в золе,
Мы так задержались с тобою,
На этой весёлой земле!
Пусть ночь бесконечная длится,
Я выпью с тобой, и сама
За тающий снег на ресницах...
В Империи снова – зима.

* * *

Только утром бывают такие хребты,
Горячают лучи понемногу,
Я желала пройти через всё, что ты,
И сегодня решилась: в дорогу!
Оставайся один, не грусти ни о ком,
Слушай все, что споёт тебе птица,
Я обрезала косы холодным штыком,
Он сумеет ещё накалиться.
Может, мне не удастся вернуться живой,
Так прощай же, мой домик-калека!
Выходи, проводи, помаши мне рукой
На исходе последнего века...
За коня и за штык до земли поклонюсь,
И растаю в небесном просторе.
Или да, или нет! Я, как ты, не вернусь.
Мне на счастье подарено горе.

ПУШКИН

Весь мир ты обнимал,
А он – ожесточился,
«Пора, мой друг», – позвал,
Но сам не торопился.
И нынешний поэт,
Свою предвидя малость,
Прошепчет: «Счастья нет,
И воли не осталось».

СНЕГИРЬ

Покруглее всякой птички
Он бубнит простой мотив,
И смущаются синички
Глазки в землю опустив.
Он сидит, в бордовой блузе,
Фраком стянуты бока,
Словно роза на картузе
Гармониста-остряка.
Пусть он Африки не знает,
Не страшна ему пурга,
Здесь от ветра укрывают
Высоченные снега.

Андрей РОМАНОВ

Санкт-Петербург

* * *

Нам, родная, лучше б не проснуться,
Слыша построенье во дворе,
Вечность вряд ли сможет прикоснуться,
К раненной осколками коре,

Танк никак не впишется в кривую,
Коль, слиняв от смерти на кровать,
Ты да я Вторую мировую
Ухитрились с треском проиграть.

Плюнь, любовь, на кличку –
«Рупь с полтиной»,
Орденами сарафан укрась:
Хит-парад – восторженной картиной –
Вздумал нашу молодость украсть,

Ведь пока мы распивали фляги,
Растоптав штандарт на мостовой,
Жирный маршал с хмурого коняги,
Угрожал расстрелом нам с тобой.

«Пей до дна!» да «Ой, цветет калина...»,
Да посмертный перечень наград...
Что нам половина Сахалина,
Иль чужой анклав Калининград,
Иль команда: «Стройсь!» – сигнал к
разлуке?..

...Всё теряет смысл и облик свой,
Если наши правнуки и внуки
Не рискуют становиться в строй.

* * *

Когда на Пряжке спать ложились утки,
А над Невой вздымалось воронье,
Воскресли мы. И вышли из маршрутки,
Не осознав пришествие своё.

Толкаясь в довоенном метрономе
И пополняя питьевой запас,

Мы, растворясь в блокадном метрономе,
Овеществовали сталинский приказ.

Рассудит полночь, кто из нас в ответе
За сторбленный посёлок Имишли,
И почему на страшном белом свете
Никто не верит в то, что мы пришли.

Что вопреки судьбе, куда ни встань, я
Гранитный мир в бинокль не рассмотрю,
Где обелиск на площади Восстанья,
Мешает жить усопшему царю.

Движенья нет, трамвайный путь не сладок,
Его слизнул правительственный бред,
Как распознать систему неполадок,
Проверив петроградский минарет,

И что сказать космическим коллегам,
Когда салют, взлетев на небеси, –
Заносит распоясавшимся снегом
Вчерашний путь маршрутному такси.

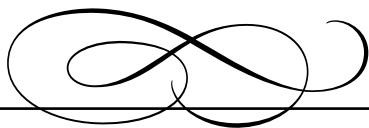
ПИСЬМО ИЗ ШКОЛЬНОГО ПРОШЛОГО

«Зачем ты помнишь, мой лукавый зяблик,
Заплатку у меня на рукаве!
Твоей любви бессмысленный кораблик
Попал в нелегкий шторм на УКВ.

Трещит бушлат, и в пляс пустились клёши.
Щемящий текст печатает офсет...
А песенки, что про меня поёшь ты,
Я узнаю из ветреных газет.

То радиоволна, то кинолента
Беспомощность привносят в жизнь мою.
Ты что ж, любимый, ждешь, того момента,
Когда я телевизор разобью?

Нам столько лет! Повторного свиданья
И сам Господь не смог предусмотреть.
Меж нами – фронт! И – грязное заданье:
Не встретившись при жизни, – умереть.

Страшусь себя. Кричу во сне...
В ответ мне
Нева молчит и Воркута молчит...
Синичка заливаётся на ветке,
Снегирь приподнимает алый щит,

Балтийских скал стираются о скалы,
И, вопреки, тому, что спать пора.
Кораблик твой, разбившийся о скалы,
Восторг победы празднует с утра».

* * *

Я – город, я снежной лавиной
К Неве и Фонтанке прижат,
С любимой своей половиной
Прося у прохожих деньжат.

В тужурке дзержинского цвета,
Гранитным оскалом светясь,
Не дам я чекистам ответа,
Где прячется мраморный князь.

Мы «дело пришьём» политуре
И, в пику февральской заре,
Назло прибалтийской культуре
Простимся на заднем дворе.

Топча несусветную замать
И снегу отвесив поклон,
Мы срежем с тобою на память
Одну из ростральных колонн.

Когда ж мы с тобою, невеста,
Отправимся в звездную гать,
То князя поставим на место,
Жилищный процесс постигать.

Соседка, гордясь коммуналкой,
И замуж рискнув за него,
Грозит нам бессмертной скалкой,
Что мы воскресили его.

* * *

Нам в упоенье локти не кусать бы,
Не сельтерскую воду пить с лица,
А просто осознать, что нашей свадьбе
И нет, и не предвидеться конца.

Что, властвуя одна в шестой палате,
Где твой язык почти лишен костей,
Был тамадой навек смещен с полатей
Преступный мир языческих страстей.

Прости шпану за танцы под гармошку,
Прости призыв: «Ату её, ату!» –
Мы столько раз венчались понарошку,
Что стыдно снова примерять фату,

Срывать скафандр, давиться кислородом
Исчезнувших межзвездных кораблей,
И клясться перед всем честным народом
В космической невинности своей.

Восточный гвалт, расхристанные яства,
И Млечный путь десертного стола,
Мы с честью разбазарили богатства,
Накопленные предками сполна.

Коньячную трехзвездочную жижу,
К утру ополовинили вполне...
Процесс пошел, но я тебя не вижу,
Поскольку ты еще живешь во мне.

* * *

Спрячь от внуков модем и процессор,
Слышишь: снег низвергается с крыш,
И ликует воскресший профессор,
Дескать, съел виртуальную мышь.

Но когда с галактической вахты
Старо-Невский сорвется ревнив,
С крыш сосульки собьют – космонавты,
Альпинистов собой подменив.

Звездной пылью и эти, и йети
Отравились, как мразь – «косяком»...
Ой, любовь, по безлюдной планете
Ты устала бродить босиком,

Так отложим полёт в мироздание
И пробежку в заветный тупик,
И сдадим курсовое заданье
Грозной Даме по имени Пик.

Пусть, обласкан её телесами,
Млечный путь не влезает в формат,
Мы под утро придем на экзамен,
На три буквы послав сопромат,

Где, покинув студенческий ужин
И грома коммуналки дотла,
Космонавты шагают по лужам
И шампанское пьют из горла.

* * *

Новый год метелью поперхнулся,
Знать, простудный накопился тлен.
Но трамвай от снега отряхнулся,
И поднялся к полночи с колен, –

Он воскрес назло синедриону,
Обеспечив гражданам места,
И отнял терновую корону,
Схлопав муки господа Христа.

Триста лет, а также три минуты,
Нам дано на это торжество.
Так давай, с небес снимая путы,
Мы с тобой отметим Рождество.

Осознав, что вдохновенья нету,
И прогнав завистников плетью,
Мы сойдем на встречную планету,
С детства населенную людьми.

И пускай трамваю не добраться
До злосчастных Марсовых полей, –
Молодым не гоже сомневаться
В правоте бессмысленной своей,

Им со смертью, оборзевшей люто,
Драться насмерть, сознавая, что
Страшный приступ снежного салюта
Пред Христовой вечностью ничто.

* * *

Где ж ты, дружба, воспетая в песне,
Где любовь, что осталась вдовой?
Мы с тобою простились на Пресне,
Чтобы встретится вновь над Невой.

И когда аритмия, как прежде,
Задохнется в охрипшей груди,
Мы в бессмысленной вере-надежде
Повторяем: «Любовь впереди!».

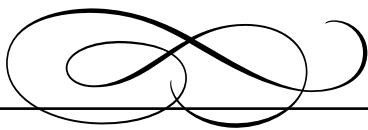
Птичий грипп ли, простудные всхлипы,
Иль трепещущий слева «мотор»;
Не прощая компьютерной липы,
Нам диагноз пришлёт монитор.

Торопись! Наше время не с нами:
Этот бред у больничной стены
Утвержден беспросветными снами,
Где с тобой мы во тьму сметены.

Там, ворочаясь в пропасти вечной,
Где грядущее с прошлым дружны,
Препараты на стойке аптечной
Ни тебе и ни мне – не нужны.

Где любовь наша с дружбой связалась,
Воскрешая над крышами то,
Что случайно связью казалось,
О которой не вспомнит никто.

Татьяна РОМАНОВА-НАСТИНА

Москва

1.

Хмель да музыка разнотравья,
Да безмолвие чёрных скал...
Я бы стала твоею Марьей –
Если бы ты позвал...

Знать, и вправду по Сеньке шапка,
Раз ни выдохнуть, ни вдохнуть.
Цвет Иванов собрав в охапку,
По надежде сверяю путь.

2.

Бухнул колокол. Ухнул филин.
Каркнул ворон. Залаял пёс.
Распахнулось белою лилией
Утро, спящее меж берёз.

Быть бы ветру чуть-чуть проворней –
Сердце встало б под паруса!
Бьётся колокол. Стонет ворон.
Филин воет голосом пса.

* * *

Сине-розовый рассвет,
Сине-розовый.
Я пришлю тебе ответ –
Шум берёзовый.
Я пришлю тебе ручей
На признание,
Крик разбуженных грачей,
Обещание.
Жёлтых примул первоцвет,
Лучик солнечный...
Принесёт тебе ответ
День безоблачный.

Александр РОСКОВ

Архангельск

СЕРЁГИНА ИКОНА

Землячок мой, Гладышев Серёга,
злой судьбе, видать, благодаря,
в жизни выбрал трудную дорогу –
всё по тюрьмам да по лагерям.

Будучи талантлив, сидя в зонах,
он до изумленья хорошо
научился вырезать иконы
на доске осиновой – ножом.

Находясь на отдыхе коротком,
между двух отсидок, как-то раз
он всего за две бутылки водки
сделал мне икону на заказ.

Вот что значит – зэкская школа! –
финка в крепкой мастерской руке
создала Угодника Николу
за ночь, на осиновой доске.

За неё не взял Серёга денег –
он их всё равно бы прокутил.
...В городе знакомый мой священник
мне икону эту освятил.

И теперь висит у нас в прихожей
(кто б подумать мог о финке той!)
на себя, иконного, похожий
Николай Угодник – наш святой.

А Серёга снова где-то в зонах,
на домашний он плевал уют.
...На земле Серёгины иконы
своего творца переживут.

* * *

Конец июля. День не хмурый.
Невыносимо жаркий день.
Седая лебеда понуро
уткнулась в высохший плетень.

Фальцетик пьяно-глуповатый
в лохматых дебрях лебеда
лихую песнь про Хас-Булата
орёт-твердит на все лады.

Вдогонку каждому куплету
несётся мат. А у плетня
лежит и радуется лету
розовощёкая свинья.

Комично это иль трагично –
сам чёрт, поди, не разберёт.
...Душа народа поэтична –
не поэтичен сам народ.

Лариса РУМАРЧУК

Москва

КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ

Крутится, вертится шар голубой.
Красные флаги плывут над толпой.
Вместе со всеми громко пою,
с розой бумажной я в этом строю.
Чёрного рупора чёрная пасть.
Крутится, вертится, хочет упасть.
Кавалер барышню не украдёт –
в мёрзлой земле он могилу найдёт.
Песня неспетая в горле комком:
«Где эта улица, где этот дом»?
В доме старуха сидит у окна,
полубезумна, полусмешна,
в шапке махеровой серым грибом.
Где эта девушка, вся в голубом?
...Голос из рупора громко поёт:
«Кавалер барышню не украдёт».

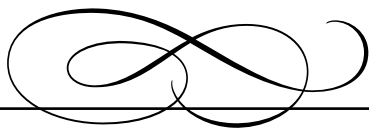
* * *

Утром и вечером,
ночью и днём
два человека
стоят под окном.
Чёрные куртки,
Серые лица.
Почему им ночью не спится?
И о чём они
толкуют взахлёб,
тыча друг друга
то в грудь, то в лоб?
В мороз.
В жару.
Под дождём.
Под снегом.
Один маленький человек
с другим маленьким человеком.

ЭТИ ДЕРЕВЬЯ ЗА ЭТИМ ОКНОМ

Эти деревья за этим окном:
Ель голубая в дыму голубом,
дуб из «Войны и мира»,
клён, молодой и милый.
Сменяются фракции и президенты,
мэры,
антихристы,
видеоленты...
Только была бы за белым окном
ель голубая в дыму голубом.

Геннадий РУСАКОВ

ИЗ ЦИКЛА « СТИХИ ОТРЕЧЕНИЯ »

Отрекаюсь от молодости и от старенья.
От себя – кем я не был, и кем, по незнанию,
стал.

От вчерашнего пакостного стихотворенья,
потому что на завтрашнем злей и прочнее
металл.

Отрекаюсь от этой зарыданной электрички
(прямоком через поле, куда ты, остановись!).
Наставников жизни, бредущих в потемках
со спичкой.

От обломных дождей, над собой
прорастающих ввысь.

Отрекаюсь от всех, кто не лучше,
а просто счастливей.

От моих незабвенных, моих
недолюбленных дур.

Пусть мне будет Уитмен, Бетховен
в нечесаной гриве

или этот похабник, недокормыш,
гений Артюрь!

Да подите вы все! Я и так никому не подарок
и в четверг домотаю подённо расписанный
срок.

Отрекаюсь: толстовский мужик-перестарок,
накануне ухода
харчи собирающий впрок...

СНИМОК

Молодой, умеренно-красивый,
тихий бабник, сумрачный пижон...

Но с какой невероятной силой
снова лезет время на рожон!

Я стою, со мною всё понятно:
весь я тут, меня нигде не ждут.

Но вот эти солнечные пятна,
Герцен, Первомай, Литинститут!

Жора Елин сделал этот снимок
или, может, кто-то до него:

из числа ушедших невидимок,
из друзей, не рвавшихся в родство.

Из невест, не выбившихся в жёны...

Я стою и в оптику смотрю –
молодой и странно напряжённый:
будто вижу, а не говорю.

Боже мой, как страстно это время,
век двадцатый, бьющийся во мне!

Это солнце, греющее темя.

Этот я, с собой наедине...

* * *

Мне уже не до серьёзных книг:

я пишу стихи, как ученик –
у меня в строке по три наклона.

Я себя за лацканы веду:

– Помоги, Владыка, пропаду!

И прими в отеческое лоно. –

Или я не ухарь-словодел,
дев не мял и в окна не глядел,

не играл на гусях и цимбалах?

Было-сплыло: квасил-пировал,

молодое зелье проливал,

не жалел обиженных и малых.

Бес попутал, память подвела –

не упомянуть старые дела,
переврал судьбу в двенадцать строчек.

Было: жизнь, война, жена, страна.

Чьи-то годы, чьи-то имена...

Да вот песня «Синенький платочек»

* * *

Устало тело. Хочет отдохнуть.

Губу от напряженья раскатало.

Чего тебе? Положь её на грудь –

и отдыхай себе на полквартила.

Эй, люди, человеки, Божья рвань!

Давайте вместе ляжем на подушки:

три тыщи петей, десять тысяч вань

и много женщин в бигудях и сушке.

Пускай Творец огладит нам тела

прикосновеньем благодатных пальцев.

А ведь какая музыка была,

литература горьких и скитальцев!

И как горел четырёхгранный свет,
висел на цепке посреди вокзала.
А из него, из этой тыщи лет,
судьба моя секлась и ускользала...

* * *

Памяти Михаила Поздняева

Всё сложилось и встало в строку,
спето, сказано, выбито в камне.
На полпоймы шатнуло Оку,
и судьба на размер велика мне.
Ах, просторное имя любви,
утешенье ни к спеху, ни к ладу!
Чтоб ни вспомнилось – только живи,
только траться,
делись доупаду!
Раздари себя в каждой строке,
детской нежностью к людям болея –
и плыви по небесной Оке,
слыша запах соснового клея.

* * *

Я живу, я зову, я ложусь на траву.
Поднимите меня, мне летается!
Вот сейчас разбежусь, тяжело, словно гусь...
Ах, как солнце по горлу катается!
У меня вся родня гоношистей меня.
А какие, скажу вам, племянники!
Пляшут, песни поют и уют создают,
да жуют ставропольские пряники.
До того хорошо! Только будет лучшей –
будет синее и с позолотою.
Я совсем не спешу и на время грешу...

А куда мне спешить, косоротое?

* * *

Далёкий дождь дохнул из темноты.
Ночным цветам приснилось утешенье.
И молнии бесшумные кусты
возникли и погасли в копошеньях.

Вот-вот польёт. Вот-вот конец всему:
июлю, жизни, муравьиным кучам.
Всё полетит и поплывёт во тьму,
и чайным паром вознесётся к тучам.
Зачем у нас так медленны дожди,
протяжны зимы, долги расстоянья?
И вечно что-то мнится впереди –
какое-то ущербное сиянье.
Взглянул в окно – пространство и тоска.
И дождь прошёл, не то забыл начаться.
И снова этот свет издалика,
чтоб тихим горем сердцу огорчаться.

Анатолий РЫБКИН

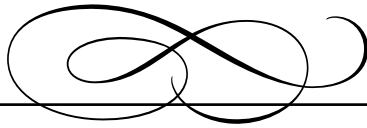
Москва

* * *

Синее, желтое, ярко-зеленое,
Белым в росе над водой удивленное,
Чистое, сладкое, горько-нездешнее
Чувство в груди просыпается вешнее,
Светлые брызги, хрустальные звуки,
Падают слезы весенней разлуки,
Пристально-ясные, трепетно нежные,
Пасмурно-теплые и безмятежные.

* * *

Однажды увяданием не радуя,
Нас осень листопадом огорчила,
Холодными дождями разлучила,
Тепло рассеяв- желтою прохладой.
Все в жизни изменяется, смещается,
И даже время вечное нетленное,
Как наша бесконечная Вселенная,
Галактиками звездными вращается.
Порою время словно замедляется,
Порою ускоряющимся кажется,
Оно над нами будто бы- куражится,
И вместе с нами в вечность удаляется.
В мгновениях года обозначаются,

Остановить бы время- удосужиться,
 Но вновь оно по циферблату кружится,
 И маятником солнечным качается.
 Вы может быть, меня уже помните,
 И мне вас тоже огорчать не хочется,
 Мне скрашивает нынче одиночество,
 Звук ходиков блуждающий по комнате.
 Осенний сад не зеленеет молодо,
 И время года, осуждая скверное,
 Не вспоминают больше нас, наверное,
 Гортензии, поникшие от холода.
 И крону солнцу подставляя редкую,
 У дома тополь одинокий бродит,
 И стрелки лета в зиму переводит,
 Лучей, касаясь осторожной веткою.

* * *

Снег падает и украшает куст,
 На ветках размещается непрочно.
 И ягоды, пылающие сочно,
 Снег осторожно пробует на вкус.
 Снег сказочный приобретает цвет,
 К рябине приближаясь на излете,
 И, прикасаясь к незамерзшей плоти,
 Исходит влагой светлую на нет.
 И не беда, что первый снег исчез,
 Метель в рябине новая дымится,
 И осени взъерошенная птица,
 Теряя листья, покидает лес.

* * *

У храма ветер роз,
 А в храме светлый лик –
 Таинственный Христос
 И озаренья миг.
 И жизнь твоя полна,
 Как глубина небес,
 Как светлая волна,
 Как лучезарный лес.
 И хора чистый лад,
 Смирение до слез,
 И огоньки лампад,
 Как лепестки у роз.

* * *

Осень путает следы,
 Уплывая к устью,
 Листья с вербой у воды,
 Расстаются с грустью.
 Обессилила река,
 Подмывая кручи,
 И опять издалека,
 Снег приносят тучи.

Ольга РЫЧКОВА

Москва

* * *

Моцарт поет телефонный,
 Мокнет пейзаж заоконный,
 Здесь, в подмосковном лесу,
 Сумерки-сумерки-су...

Сумрак встает исполинский
 Над электричкой ногинской,
 Капли дрожат на лету,
 Моцарт пищит в темноту.

Рельсы, перрон, эстакада,
 Выдох и вдох листопада
 Сосны, воронье гнездо,
 Дождики-дождики-до...
 Дождь одинокий, бессрочный
 На направленье восточном.
 Моцарт, погасли огни,
 Мы в этом свете одни.

В мире темно, как в колодце,
 Разве еще один Моцарт
 В чьей-то соседней «трубе»
 Эхом ответит тебе.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ПЕТЕРБУРГУ

Лижет гранит ледяная Нева,
А подмосковный народ по привычке
Штурмом, как Зимний, берет электрички.
Позднее солнце вступает в права.

Позднее солнце в октябрьском чаду
Поезду кажет свой матовый кукиш.
Вот коробейник. Не хочешь, а купишь
В ассортименте себе ерунду –

Там, батарейку, расческу, носки...
Деньги на ветер, и радости мало,
Но и тоски зато как не бывало –
Этой тревожной дорожной тоски.

Только колеса стучат в голове,
Только летят за окном перегоны,
Да контролеры плывут по вагонам
Как корабли по Неве, по Неве.

ЛОГИКА ВЕЩЕЙ

Сегодня стол стоять устал
В позиции «Замри!».
Он на четыре лапы встал
И подошел к двери.

Совсем тихонечко нажал
И – на тебе! – открыл.
Стремглав по лестнице сбежал,
Не трогая перил.

Он в мир вбежал, как в общий двор –
Огромный и ничей,
Нарушив тайный уговор
О логике вещей.

И понял мир, что вдруг устал
На трех китах лежать.
Он на четыре лапы встал...
Куда ему бежать?

Скалистый берег – птичий рай.
Вскипают чайки на волне

И ветру молятся: «Сыграй
На самой тоненькой струне!».

А он стараться рад и сам,
Да вот беда: за сотни лет
Привык к тяжелым парусам,
А парусов в помине нет.

ПЕРЕЛЕТНАЯ ПЕСНЬ

Осенним курсом – зюйд-зюйд-вест,
дорогой голубой,
под колокольный благовест –
тяжелый разнойой,

внезапный снег, угрюмый дождь,
молчание травы,
сомнамбулическую дрожь
дряхляющей листвы

летим, рассвет отбросив прочь
ударами крыла,
пока обманчивая ночь
на землю не легла

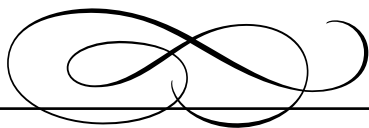
и не раскинула окрест
свой флер из легких звезд...
Осенним курсом – зюйд-зюйд-вест,
обратным – норд-норд-ост.

СНЫ ФЕВРАЛЯ

Еще спала в метельном круге
Лесная путаная речь,
И ветром теплым и упругим
Могла природа пренебречь,

Хранима толщей ледяною,
Воображенья не суля
И намечая предо мною
Пунктиром тропы февраля.

В пространстве снегового вздоха
Творились дивные дела:

Казалось, целая эпоха
Меж льдом и светом пролегла.

И день начала новой эры –
Весенней, влажной, луговой –
Таился в безднах атмосферы
Травинкой, облаком, листвою.

Ирина РЯБИЙ

Ханты-Мансийск

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В СТРАНЕ ГИПЕРБОРЕЕВ

Хоть не гетера ты, не дочь богини, все ж,
Живешь ты в полисе,
что с нашим чем-то схож
(И варвары бывают даровиты –
Увы, им служат наши, местные хариты!
Им боги ведомы,
в чести вся наша знать...)
Так вот, пишу к тебе письмо, Ирина,
Ты греческое носишь имя,
А значит, можешь кое-что понять...
Я знаю, что тебя
одни сомненья гложут... –
Мы, с нашей стороны,
все видим, как и что...
И хоть земля не раз сменила кожу,
Людей всегда волнует всех одно:
Всегда влечет за край земной юдоли
Туда, откуда нет возврата боле –
Познать взаимосвязь идей с вещами,
О чем уста Сократа Федру провещали,
Что души ждет в их странствии
меж звезд, –
Расчет был верен, но метапсихоз...
И здесь возникший ум наш повернул,
Забыл Сократ, а я не зачеркнул...

ПОСТСКРИПТУМ

Да, я хотел сказать тебе о важном...
Мир – иллюзорен, кто об этом знал?!
Заботясь о спасении сограждан,
Я государство славное создал
В своем воображении. Такое,
Что души всех освободит от гноя
Страстей, сих призрачных теней, –
Из тьмы пещеры к свету поскорей!
Когда бы знал, что явится Спаситель!
Он – все: и свет, и жизнь, и та обитель,
Которой государство не нужно!
И лишь спастись желание важно!

VOLTAIRE ПИСЬМО ВТОРОЕ

Каким я стал, как изменился я!
И даже письма шлю я не к царице:
Их нет в России – помогли друзья! –
Будь жив, я мог бы тем гордиться,
Что руку приложил к тому не зря!!!
О Боже, виноват! Прости меня!
Ведь ходит в гости царская семья
С немым укором вокруг меня садится
И смотрит, смотрит, плача на меня!
Король простил, да на кого сердиться? –
Я так наказан! Слышите, Ирэн,
Бегите вы от всяких перемен...
И пуще ока, даже в крепком сне
Храните власть в своей родной стране...

VOLTAIRE ОТ ПРОСТОГО УЧИТЕЛЯ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

... вы грешника послушайте, Ирина,
Я буду в этой исповеди краток,
Когда-то, выражаясь слишком длинно,
Я слезы собирал с людей в задаток.
Я жаждал правды, сея всюду лжу,
Я о добре читал нравоученья, –
А собственных детей, – какой ажур, –
Отдал в приют на чье-то попеченье...

Естественное право, право, – чушь,
Я это понял, как заехал в глушь!
Послушайте, Вам говорит Жан Жак
Ни чувствам, ни словам не верьте, врак...

JEAN-JACQUES ROUSSEAU
ПОЖЕЛАНИЕ ГЁТЕ

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
И хоть достойное нашел им воплощенье,
Оно теперь мне ставится в укор.
Мой гениальный Фауст, альтер эго,
Против меня свидетельствует эрго...
Всегда меня переступить влекло
За грань земных дозволенных пределов, –
Буквы закона обойти легко,
Презреть мораль тупых своих знакомых,
Сих суеверных божьих простецов,
Затравленных заветами отцов...
Да, ближе мне
мой Мефистофель славный,
В мистерии противник Бога главный.
Теперь я неразлучен с ним.
Одним желаньем я брожу томим:
Познания вселенского огня –
Се Божье бытие уж без меня!
А вы, дитя, не стойте на пути,
Прошу, в другую сторону, иди.

Борис РЯБУХИН

Москва

ДОРОХОВО

Качается висячий мост –
Из сизой пряжи.
Внизу сосновый склон – промозгл –
Над белым пляжем.

Скребет по русским берегам
Вода живая.
Скрипят суставами снега,
В поток ныряя.
Сравнить ли с этим – будний круг
Страстей и сплетен,
Когда в реке увидишь вдруг,
Что есть бессмертье!

НА ГРАНИ

На грани ума и безумья,
Скрывая расставленный взгляд,
Он резал толпу без раздумья
И ей отвечал невпопад.

Прельщен обреченным сраженьем –
С Горгоной посмел воевать.
Горел он безумным решением –
На помощь врага уповать.

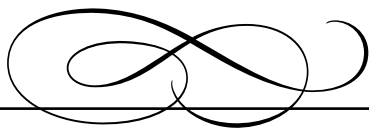
Ни Вера, ни Слава не знали,
Что он пораженьем спасен...
В иные нездешние дали
В иных временах вознесен.

* * *

Ты честен или обещен?
Другим не может быть ответ,
Когда светлейшая из женщин
Тебе пожертвует свой свет.

И ты – по сторону другую
Добра и зла теперь с другой.
И праведники негодуют,
И обесчертел омут твой.

Земля с проклятием нас гонит,
И небо в ереси корит:
«Его любимая не тонет,
Ее любимый не горит».

Затмило ль яблоко познания
 Нам рай и ад, и небосклон?
 Или вернул нас, в наказанье,
 Господь в начало всех времен?

* * *

Все сказки кончаются свадьбой.
 А дальше сермяжная быль...
 Тебя мне женою назвать бы –
 Да жалко ломать две судьбы.

Резвиться ль – над гнездышком виться?
 От бед отводить надоест.
 В повинность любовь обратится.
 С хозяйской руки надо есть.

Тебе не захочется скоро
 Моим украшением быть,
 Гасить поцелуями ссоры...
 Так просто, так долго любить.

* * *

Ко мне приходит женщина,
 Родная – до морщинок.
 Она другим завещана,
 Но я – ее мужчина.

Как облако, высокая,
 Душистая, как май.
 Я с ней взлетаю соколом
 В нездешний вешний край.

МОЛИТВА

Шепчу я небесам... Так воет в сумрак волк,
 В болоте стонет выпь и крестит ветви ветер.
 Все плачутся – кому? И есть ли в этом толк?
 Молчанью – все мольбы? Молчанье всем
 ответит?

Отчаяньем распят, гвоздь каждый – поделом.
 Себя простить нет сил – спасешься ли
 мольбою?
 Увижу тень свою перед святым лицом –
 И вздрогну! Что ж, себе быть самому судьбою?

Молчанье – всем ответ... Но утешает слух.
 В молитве, волк и выпь, и ветер, –
 прав я столь же.
 Все чище от нее и плоть моя, и дух.
 Так, чем светлее гладь, тем неба видно
 больше.

Юрий РЯШЕНЦЕВ

Москва

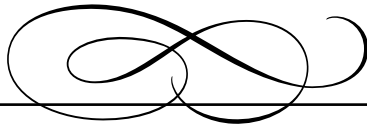
МАШИНА ВРЕМЕНИ

В машине времени коробка передач
 сломалась вдруг. Я так устал от неудач!..
 Иван Четвертый мне, по-моему, не рад,
 и совершенно непонятно, как – назад.
 Здесь неудобно, и опричники персты
 суют в глаза, собачьи трогают хвосты
 взамен мандатов, и посконный черный люд
 кадит царю за то, что мстителен и лют.

Какие славные бывают времена!
 И светит солнышко! И яблочко до хрена!
 И гимназисточка единственно для вас
 на фортепьянах создает Собачий вальс...
 Да, революция придет, но ведь – когда...
 А поцелуй в ночном саду не ерунда,
 а часть процесса, о каком, содеяв плоть,
 с большим теплом поведал людям сам Господь.

Но что мечтать, когда я с ужасом в очах
 без толку дергаю бесчувственный рычаг.
 Машина времени застыла на века.
 О, этот чертов «Логоваз», «АЗЛ-ка»

* * *

Какой еще ждешь ты награды
за трудное лето? Пора.
Сентябрьское небо Эллады –
темного серебра.
По ним, неподвижны навеки,
в кофейне деревни родной
молчат придорожные греки.
Гречанки же нет ни одной.
Я их понимаю молчанку.
Мы с ними – чужие. Хотя
наш Пушкин младую гречанку
любил, но видать, что – шутя.
Им чужды такие идеи.
Их мимику взглядом окинь:
любовь, начиная с Медеи,
здесь шуток не терпит. Аминь!

Медея, конечно, абхазка,
но нравом – из эллинских дев.
И гнев ее, как ее ласка –
мифический греческий гнев.
А может, и зря мы городим
систему комедий и драм,
и то, что относим к народам,
относится лишь к временам...

Живая цикада стрекочет.
На пляже меж древних камней
младая гречанка хохочет
над русской балладой о ней.

* * *

Насыпай в тарелку вишню-скоропспелку.
Меж двух лип столетних стриж гоняет белку.
Для июньской воли не хватает вдоха.
с Рождества Христова – лучшая эпоха!

Что там будет дальше – у Бюро прогнозов...
Где еще край неба так беспечно-розов?
Кажется, что жизни – много. И, что важно
помирать нетрудно и стареть не страшно.

Как мы очутились в медленном июне,
словно бот разбитый в голубой лагуне...
Щепки да веревки плавают у борта.
Но про шторм забыла гордая аорта.

Мы не лучше прочих. Так за что нам это –
не конец, не гребень, а начало лета?..
А над лесом всходит весело и дико
Молодого солнца алая клубника.

* * *

Не таков небосвод, как всегда, не таков.
Там обычно идет с утра
кучевых или перистых облаков
непонятная нам игра.
А сегодня – жара ли тому виной
иль немой саботаж ворон –
но под бледной натянутой простыней
день похож на тяжелый сон.

Как погода влияет на наш настрой...
Скучен спор, и стол не удал.
Выпьем, что ли, друзья мои, по второй,
все равно этот день пропал.
Все равно никому из сидящих тут
до рассвета не разгадать,
чем так сладок сад, чем так странен пруд,
что так рыжая прячет прядь.

Что-то мало мне света с приходом тьмы.
Разве только – от ваших глаз.
Все равно никогда не узнаем мы,
что за сила пропала в нас.
Как во мгле пахнет хвоя (или хвоя?)
Ну, куда же мне одному
эту жизнь, шелестящую, как змея,
уползающая во тьму...

Валерий САВОСТЬЯНОВ

Тула

БОЛЕЗНЬ

Ты лучшее платье своё надень
И с бриллиантом кольцо.
Деревья учат нас каждый день
Смеяться смерти в лицо.

Смотри: какой весёлый наряд
У парков и у садов –
Никто не узнает, как горек яд
Туманов и холодов.

Берёзки льнут к дубам, трепеща,
Умытые сквозняком, –
Никто не узнает про подлость плюща
И чаг – древесных сарком...

Пойдём к деревьям: бродить вблизи,
Завидовать их уму,
Слушать, как листья шепчут: «Вези!».
Везению своему...

* * *

Приходил я иногда
Батю старого проведать...
Помню: было как всегда –
Помню: сели пообедать,

Выпили по пятьдесят,
Говорили о заводе.
Провожать он вышел в сад.
Было всё обычно вроде.

Лишь смотрел он дольше чуть
Вслед – на самую на малость,
Лишь сказал мне: «В добрый путь!» –
Раньше мама так прощалась...

Ангелы так шутят, мстя,
Или инопланетяне? –
Знать бы, что два дня спустя
К ним отправится батяня...

Владимир САЛИМОН

Москва

* * *

Недаром мой притягивает взгляд
Щегол, на ветке яблони поющий.
Щегол последним покидает сад,
как капитан – корабль, ко дну идущий.

При всех регалиях сегодня первый раз
он предстает перед лицом народа.
И тихо слезы катятся из глаз
в решающий момент у морехода.

Окинув взором сад и огород,
он оставляет капитанский мостик.
Из ржавой миски жадно воду пьет.
Расправив крылья, клювом чистит хвостик.

* * *

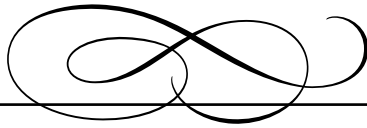
На себе испытывал влияние
я поэтов всех поочередно,
каждым проходил я испытание,
прежде, чем заговорить свободно.

Как же мне не петь с чужого голоса,
слыша пенье Ангелов небесных,
что поют во тьме ночной так горестно,
как лесные птицы в клетках тесных!

* * *

Чтобы Богу не было обидно
за его сорвавшиеся планы,
ничего вокруг в пургу не видно,
скрыты все прорехи и изъяны.

Рыбаки, сидящие в палатках,
наклонясь над лунками, жгут свечи,
будто бы халдеи при лампадках
что-то пишут, в руки взяв дощечки.

Купола шатров их ветер треплет.
Он до них доносит запах моря.
Бедствие кораблик в море терпит,
отчего безмерно мое горе.

* * *

В детстве ты мечтала стать пожарником,
мчаться по Москве на рысаках,
каскай медной, словно медным чайником,
нагоняя на прохожих страх.

Нынче волосы твои всклокочены,
будто полыхающий в ночи
куст чертополоха у обочины
там, где бьют из недр земли ключи.

Могут по достоинству немногие
красоту природы оценить,
так как наши люди – судьи строгие,
их не заболтать, не подкупить.

* * *

Как сахарные леденцы,
на ветках облепихи – ягоды.
Они звенят, как бубенцы
внутри буддистской древней пагоды.

Как будто бы в саду у нас
звучит шкатулка музыкальная,
а за окном в полночный час
музыка слышится хрустальная.

* * *

Свернувший в лес обоз в снегу увяз,
все растеряв – фураж и снаряженье.
Пока зима обороняет нас,
мы не страшимся нового вторженья.

Я не боюсь коварного врага,
когда смотрю на древнюю икону,

но по ошибке шапку дурака
однажды принимаю за корону.

Я принимаю шутовской колпак
без лишних слов за символ царской власти,
как только натыкаюсь на кулак,
а псы цепные рвут меня на части.

* * *

Чтоб не разбили в кровь лицо
мальчишки наглые ледышкой,
как драгоценное яйцо,
я прячу голову подмышкой.

С утра до вечера идет
игра в снежки в ближайшей роще.
И кто-то, в руки взявши лед,
бьет в цель других точней и жестче.

Происхождение синяков
и ссадин мне предельно ясно.
Они у нас от тех снежков,
играть которыми опасно.

* * *

О судьбе писателя известие,
бывшего еще недавно в моде,
лыжник ли нарушил равновесие,
мною ошутимое в природе?

Чаши у весов пришли в движение.
Скачет указательная стрелка.
Но бесстрашно ты, уняв волнение,
надо мной склонилась, как сиделка.

Ты меня укрыла одеялами,
чтобы я немножечко согрелся,
стала целовать губами алыми,
отчего я тотчас весь зарделся.

Анастасия СЕНЬКИНА

Ханты-Мансийск

НОЧНАЯ ПЕЧАЛЬ

Ночная печаль, темнота за окном,
 Ночная печаль – я открыла ей двери.
 Мы просто молчали и пили вино,
 Нет, мы не пытались несчастья измерить,
 Мы просто молчали и пили вино,
 И терпкая горечь казалась прекрасной.
 Ночная печаль, ты со мной заодно,
 Ты тоже мечтаешь, чтоб жизнь стала сказкой.
 Ты тоже мечтаешь, как горек вкус слёз
 Оставивших след на щеках твоих нежных!
 Ты каждую ночь умираешь всерьёз,
 Но лишь засыпаешь под саваном снежным.
 Ты каждую ночь умираешь со мной,
 Но каждое утро я вновь поднимаюсь
 Для встречи с угрюмой и злобной тоской,
 Твоею сестрою, как я понимаю.
 Но ночью ты снова стучишься в окно
 Чтоб утром оставить меня. Ах, как жаль!
 Кончается всё – и стихи, и вино,
 Меня покидает ночная печаль

* * *

Люди – как искры во тьме,
 Вспыхнут – и сразу погаснут,
 Долго не в силах гореть
 Пламенем страстным.
 Теплятся угли костра,
 Где же безумство былое?
 Всё, что пылало вчера,
 Стало золою.
 Страсть обращается в прах,
 Силы уходят к природе,
 Вновь день за днём в небесах
 Солнце восходит.
 Ветер уносит золу,
 Всё повторяется снова,
 Я, как и прежде, ищу
 Верное слово.

Ветер золу разметёт,
 Снова мы станем серьёзны,
 А в небесах, без забот,
 Нам улыбаются звёзды.

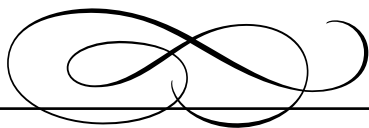
* * *

Ночь настала внезапно,
 Тьма подобна мечу
 Что разит беспощадно.
 Зажигаю свечу.
 Пустота и усталость
 Среди каменных стен,
 Только память осталась
 Да обрывки легенд.
 Сокровенную тайну
 Я ишу среди них,
 Но дороги не знаю,
 Голос слаб мой и тих.
 Лишь волшебные песни
 Дальним эхом звучат,
 Тёмен час предрассветный,
 Догорает свеча.

* * *

Улыбаться. Делать вид
 Будто я невозмутима,
 Я закрылась от обид,
 И они проходят мимо.
 Улыбаюсь. Я живу,
 Я брожу по переулкам,
 Я опять тебя зову,
 Только эхо вторит гулко.
 Улыбнулась. Не нашла
 Я в глазах твоих ответа.
 Опустилась в сердце мгла
 Погасив остатки света.

Владимир СИМАКОВ

Санкт-Петербург

СУГРОБ

Сугроб, что навален был с Нового года,
Давно почернел, ноздревато обмяк.
Так долго спасала его непогода:
Мороз и метель не кончались никак.

Укором властям, что не ждали зимовки,
Лежит потемневшая эта гора.
А город весны примеряет обновки,
Растаять давно монолиту пора.

И лишь для меня в положенье особом.
Гора, что исчезнет осколками рек.
Как будто бы я, расставаясь с сугробом,
Тебя в этот раз потеряю навек.

* * *

Разве я поумнел,
Написав десять книг? –
Всё равно не у дел,
Всё равно – ученик.

Изучение схем,
Написание в стол...
Ну а в гору – зачем?
Ты б её обошёл...

Там, на самом верху,
Мастерство – чепуха:
Подковали блоху –
И не скачет блоха.

Там найдёшь ли ответ
И не дрогнет рука? –
Холод, солнечный свет,
Под ногой – облака...

Но уходят года,
Наш кончается век.
Отчего же тогда
Вечно рвёшься наверх?

Зная, что одинок
Путь к сиянью вершин,
Поднимаюсь в свой срок,
Хоть ещё на аршин...

ПАДАЮЩИЙ ДОМ

На Большой Пушкинской, возле храма,
Дом один, в опору упершись...
У него особенная драма
И своя, особенная жизнь.

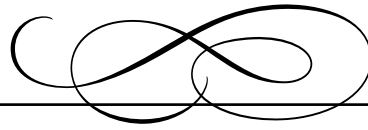
Стены кривы и полы покаты:
Завалился набок, но стоит!
Зори дом встречает и закаты,
Но, увы, – ничем не знаменит.

То ли дело – знают башню в Пизе,
Приезжай в Италию – глазами!
А у нас без всяческих коллизий
Целый дом жилой, а не музей!

Интересно, как же в нём живётся?
Люди там особенные, что ль?
Там вода из чашки не прольётся
И диван не сдвинется нисколько?

Может, у жильцов своя планида:
Им из искривлённого окна
Кажется, что нет прямее вида –
Вся Россия, грешная, видна.

Владимир СКВОРЦОВ

Санкт-Петербург

* * *

Даже в сёлах не радуется лето,
наводнение сменяет пожар...
Может, просто болеет планета?
У неё поднимается жар?

За рекой – птичий гай и утёха,
из деревни кричат петухи,
но не слышно весёлого смеха
у печально текущей реки...

ПЕЧАЛЬ И СЧАСТЬЕ

Мне казалось, жил я не напрасно:
сочинял, печатался и пел...
Пережил Есенина...
Ужасно!
Ничего я сделать не успел!

Я ломился в запертые двери,
но ни книг, ни денег, ни семьи...
Сам себя обманывал и верил:
всё успею к тридцати семи.

Я писал в казарме и на марше,
за столом, в лесу и у реки...
Вот уже и Пушкина я старше,
а в руках – одни черновики...

Годы шли – и утихали страсти,
мордобои, споры и резня...
Пусть порою «не везло мне в масти», –
выручали верные друзья!

И когда иду я в храм к причастью,
то в душе моей светлым-светло:
пусть не сбылось многое,
я счастлив,
что не сеял ненависть и зло.

Владимир СКИФ

Иркутск

ТАНЦУЮЩИЕ ЗМЕИ

Я видел змей, танцующих под небом
Среди песка и тёсаных камней.
Их танец тайной для природы не был,
Он был изъясном красоты скорей.

А змеи танцевали, обнимались,
Шипели, поднимались над песком,
То распадались, то опять свивались
Живым узлом, клубящимся клубком.

Мы – матросня – тяжёлыми ломами
С лица земли срывали старый дот,
А змеи дот японский обнимали
И людям загораживали вход.

Но вот мы смертный круг образовали
Над ними, танцевавшими в кругу...
О, как мы их ломами убивали,
Крошили на пустынном берегу!

Потом купались и орали громко
У океана Тихого в горсти...
И только Мишка Яковлев из Ровно
Сказал змее растерзанной: – Прости!

КРАЙ СВЕТА

У Ивана пустела изба
И душа, и Россия пустела.
И свистела печная труба,
По ночам то и дело свистела.

Было дело – мечтал наш Иван
Увидать свою землю большую
И край света,
и множество стран,
Хоть не жаловал землю чужую.

А он разрывался душою
И думал: «Да что ж это вы?»
Стонал по ночам и межюю
В поля уходил от молвы.

Под утро сидел на Пикете –
Родной, не высокой горе,
В тиши и в немом полусвете,
Мечтал о вселенском добре.
Сидел среди цветиков синих,
Где солнце вставало большим,
Тревожная совесть России –
Василий Макарыч Шукшин.

Александр СМОГУЛ

Гамбург

* * *

Мне случилась догадка – по зрелости дней,
После пьянки, однажды проспавшись, –
Что совсем растворился в эпохе своей,
Совершенно в нее не вписавшись,
И не то чтобы сущность свою потерял
И гулял бесхребетным на свете –
Просто век меня напрочь со всеми вобрал,
И различья никто не заметит,
Ибо некому.
Каплю любви со дна
Подлижи. Кто за это осудит?
И ночами в студеную прорубь окна
Не гляди. Отраженья не будет.

* * *

Пусты Семирамидины сады,
Рубцы ландшафта слизаны долиной,
И неразборчив шепоток судьбы,
Как детский дискант, скутанный ангиной.

Неразличимы вымысел и явь,
Ни прибыли не видно, ни урона,
Дух и рассудок продолжают вплавь
Движение на челноке Харона.

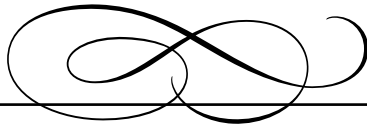
А сам Харон, сторонний, как покой,
Неразговорчив. Правит аккуратно.
Он сладко держит драхму за щекой:
Ему приятно, и оно – понятно.

Ему завет – не важен, как запрет,
Ему чужда тщета любого спора.
Вопрос всегда желанней, чем ответ.
Снует челнок то медленно, то споро.

Он рад, что, слава богу, он – не Бог,
И, ничего по сути не решая,
Он только направляет свой челнок,
Две разных жизни намертво сшивая.

ПУШКИНО. АКУЛОВСКОЕ ШОССЕ

Подмосковье по поезду брызнет,
Взгляду Пушкинский бросит вокзал –
Местность пахнет непрожитой жизнью
Тех, с которыми я начинал.
Тех, с кем пел неказистые песни
И дешевое квасил вино...
Это время акуловских бестий
Безвозвратно с земли сметено.
Им случилось недолго вплестаться
В этот Дантов судьбы карнавал,
И никто не сумел состояться,
Потому что на взлете пропал.
Где теперь ваши вольные души
Выпивают? Неужто в раю?..
Лешка, Славик, Валерка, Андрюша...
Я один на платформе стою.
Мы года зашвырнули, как сдачу
За недолгий высокий разгул...
Чепуха. Я, конечно, не плачу –
Это ветер глаза резанул.

* * *

Что печалиться? С нас – не убудет –
Каждый сам свою ношу несет.
Только мертвый вовек не осудит,
Да живой никогда не спасет.

Что рядиться в святые одежды,
Ждать, кто первый мосты подожжет?
Лишь лишаящий тени надежды
Никогда никому не солжет.

Схима – дура. Служенье – бесправно.
Ложь – спасительна. Мысль – не важна.
Что там дальше? Жестокая правда.
А кому она, сука, нужна?

Всё же полна расставаний наука
недоговорок, печалей взаимных!
Бабушка Анна, за блудного внука
ты помолись в незакатных долинах...

БЛАГОДАРЕНИЕ

Поля Подмосковья – не солнечный Крым.
Мы склонны к иному везенью:
спасибо Тебе, что снегами укрыл
Ты нашу продрогшую землю.
И в белые ризы деревья одел...
Пусть сердцем к Тебе не добрёл я,
спасибо вдвойне за подаренный день –
лучистый осколок безмолвья...

Александр СОРОКИН

Москва

БАБУШКА АННА

Бабушка Анна, какому ты пану,
за спину пряча с клюквой лукошко,
кланялась,
я дознаваться не стану:
в прошлом Курляндия, ты уже в прошлом.

В прошлом моё поселковое детство
в тихом Ильинском, Жуковского возле.
Спишь ты, и здесь же легли, по соседству,
мать и отец – на московском погосте.

Ты родилась, и подумать-то страшно! –
был девятнадцатый век на исходе;
минул двадцатый; но сердцу не важно:
мир без любви одинок и безроден.

Надпись на камне тускнеет с годами,
память же камня гранитного твёрже;
верится, ангел приходит за нами
и отворяет врата свои... всё же...

Валентин СОРОКИН

Москва

ВЕРНОСТЬ

Евгению Нефёдову

В синей мгле бессрочно спят солдаты,
Им к родному дому нет дорог.
Что они ни в чём не виноваты –
Знает мир и свято помнит Бог.
Их через трагедии и драмы
Провели –
доверчивый народ...

До сих пор по ним рыдают храмы,
Взорванные Хамом в чёрный год.
Не вожди, так лидеры бедовы,
Ты у них пощады не проси,
Если сёла, как седые вдовы,
Тихо вымирают на Руси.
И куда теперь ни кинешь взоры,
Древнею жестокостью горда,
Устремилась в русские просторы
Новая грабёжная орда.
Нам былой надеждой не согреться, –
В Куликово Поле ночь вплыла,

Потому звенят,
 звенят под сердце
 И тебе, и мне колокола!
 Неужель нам побрататься не с кем
 Перед сокрушением преград –
 В каждом русском воскресает Невский
 И встает Евпатий Коловрат.
 Мы давно в плену заокеанском,
 Пусть трепещет тот, кто предаёт:
 Мать-Россия
 на холме рязанском
 Меч героя нам передаёт!..

ЛИВНИ ДЕТСТВА

Ах, ливни детства, вы отрокотали
 И отзвенели стаи лебедей, –
 Угрюмей путь и необъятней дали,
 И горы жизни выше и трудней.

Я их вершины одолеть пытался,
 Над прошлым встал, над будущим я встал,
 В грозу с орлом над бездной побратался:
 Есть храбрецы?
 Свободен пьедестал!..

Единственная, верная, святая, –
 Ты и отвага, молодость и ты!
 Опять, опять звенит лебяжья стая,
 Бегут к реке глазастые цветы.

Проснулся день в обители небесной
 И свет зари над нами, свет зари,
 И вновь орёл парит над гиблой бездной,
 Но ни о чём ты с ним не говори!..

Ах, годы, горы, за бессмертной синью
 Я честен был, наивен и удал,
 И никому страданья за Россию
 И красоты твоей я не отдал.

Звезда и жизнь, судьба и скалы, скалы:
 Я крест Христа
 сквозь непогоду пронёс, –
 О, не вчера ль природа нас ласкала
 Ладонями горячими от слёз?

Благодарю тебя, реку и дали,
 И пусть мгновенно счастье у людей,
 Но ливни наши не оттрепетали,
 Не отзвенели стаи лебедей!..

ТОЛЬКО ТЫ

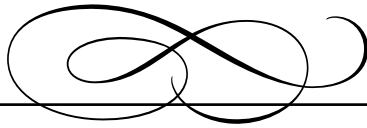
Быть красивой – радость через край,
 Верной быть – нелёгкая тревога.
 Русской быть – тропа из ада в рай,
 Храброй быть – через кресты дорога.
 Ты, лицом и совестью светла,
 Русская, идёшь через долины.
 Над тобой звенят колокола
 И встают герои из былины.
 Ты невеста, ты жена и мать,
 Дочь России,

солнышко простора,
 Это каждый должен понимать, –
 Ветры плачут, значит, буря скоро!..
 Вновь враги за гранью темноты,
 Те же, те же, новых не ищите,
 Только Богородица и ты
 Нас давно готовили к защите.
 Ну, не плачь, прошу тебя, не плачь,
 Мы испьём до дна

терпенья чашу,
 Потому и не один палач
 Не убьёт святую ярость нашу!
 Выше смерти, выше темноты
 Крест отца и матери, и деда:
 Только ты – глаза твои и ты,
 Только меч и слово, и победа.
 Я, поэт, иду через огонь, –
 Колокол,

молитва,
 дуновенье...
 Бiju Богородицы ладонь,
 Слышу губ твоих прикосновенье!

Антонина СПИРИДОНОВА

Москва

* * *

С милым я под клёнами –
Гибкая лоза.
Ранили зелёные,
Майские глаза.

Только озадачена
От его речей:
Что бы это значило
То, что он ничей?..

Почему бы попросту
Не поцеловать?
Бестолку да попусту
Не люблю гадать.

Месяц – ночи ядрышко,
Сладкой, налитой...
Сядь со мною рядышком,
Ненаглядный мой.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ничего написать не может
Дождь
– на стёклах косые строчки...
Вот ещё один праздник прожит.
Не пора ли поставить точку?

Мысли сонно в клубок свернулись.
Остывает на кухне ужин.
Два крыла надо мной сомкнулись –
Серый день тонет в серых лужах...

Щедр и ласков слуга порока.
Мудр и грозен посланец света.
Под подушкой томик Блока.
Где ты бродишь, душа поэта?

* * *

Ах, берёзонька, девичья рука,
Белая кора – раны чёрные,
Колыхаешь ты моего сынка
Во чужой земле, некрещёного...

Как по льду иду, –
тонкий лёд трещит...
Стынет на столе тело млелое...
Не кричит дитя и душа молчит.
Много лет молчит, что ни делаю.

Но придёт пора,
выгорит кора,
Пропадут слова не прощённые.
Ах, берёзонька, я твоя сестра.
Кожа белая – думы чёрные.

Евгений СТЕПАНОВ

Москва

* * *

Жена становится – как мать.
А мать становится – как дочь.
А дочери пора б рожать.
И воду в ступе не толочь.

А я старею – точно пень.
Никто не может мне помочь.
А день по-прежнему как день.
А ночь по-прежнему как ночь.

* * *

Закрывают озябшие дачи.
Засыпает мой сад-огород.
И душа потихонечку плачет,
Хоть она, говорят, не умрет.

* * *

Городской народ
По делам спешит.
Кто-то вверх идет.
Кто-то вниз бежит.
Кто-то увидал
Два зрачка родных –
Больше никогда
Не увидит их.

ЗИМНИЙ ДОМ

ночью – проснуться – пописать на снег
обнять как жену – не чужую – сосну
посмотреть на звездное небо
очнуться
забыть
быть

* * *

не о чем
незачем
нечем
ничем
черные жирные черви уныния
хотят вползти в яблоко сердца
stop я говорю stop
я читаю молитву
о засмейтесь смехачи

БЕРЛИН

Дочь. Наташа. Н.
Зайцы. Птичьи трели.
Я счастливый человек.
Целых две недели.

* * *

Я еще не слишком старый.
На отчаянье – табу.
Уезжаю в Чебоксары,
Пью вино и баб... люблю.

А Москва... Москва – отрава.
Я бы сдохнул там с тоски,
Если бы не Милорава,
Костя Кедров и Айги.

А в Москве нет больше тайны,
Только за деньгами бег.
А в Москве нет больше Тани,
Нет прекрасной Тани Бек.

* * *

Мальчик выглядит бледно –
Новичком шурави.
Разверзается бездна
Ненасытной любви.

Разверзается бездна,
Мальчик в бездну глядит.
Помогать бесполезно –
Мальчик будет убит.

А потом он воскреснет,
Станет водку лакать,
Сочинять станет песни,
Вспоминать будет мать.

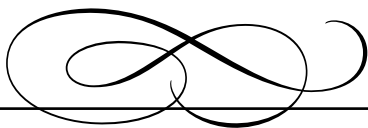
* * *

А ты печальнее, чем плач,
Чем путь извечный не-домой.
И беззащитней летних дач,
Когда они одни зимой.

А я наглец и весельчак.
И шашней не вожу с тоской.
Какой же ироничный маг
Меня соединил с тобой?

* * *

Все.
Мы свое отбренчали.
Выдули звонкую медь.
Что остается?
Молчанье.
Не о чем больше трендеть.

Мария СТЕПАНОВА

Москва

ГОСТЬЯ

Той ночью позвонили невпопад.
Я спал, как ствол, а сын, как малый веник,
И только сердце разом – на попа,
Как пред войной или утерей денег.
Мы с сыном живы, как на небесах.
Не знаем дней, не помним о часах,
Не водим баб, не осуждаем власти,
Беседуем неспешно, по мужски,
Включаем телевизор от тоски,
Гостей не ждем и уплетаем сласти.

Глухая ночь, невнятные дела.
Темно дышать, хоть лампочка цела,
Душа блажит, и томно ей, и тошно.
Смотрю в глазок, а там белым-бела
Стоит она, кого там нету точно,
Поскольку третий год, как умерла.

Глядит – не вижу. Говорит – а я
Оглох, не разбираю ничего –
Сам хоронил! Сам провожал до ямы!
Хотел и сам остаться в яме той,
Сам бросил горсть, сам укрывал плитой,
Сам резал вены, сам заштопал шрамы.
И вот она пришла к себе домой.
Ночь нежная, как сыр в слезах и дырах,
И знаю, что жена – в земле сырой,
А все-таки дивлюсь, как на подарок.
Припомнил все, что бабки говорят:
Мол,пустишь, – и с когтями налетят,
Перекрестись – рассыплется, как пудра.
Дрожу, как лес, шарахаюсь, как зверь,
Но – что ж теперь? – нашариваю дверь,
И открываю, и за дверью утро.

В чужой обувке, в мамином платке,
Чуть волосы длинней, чуть щеки впали,
Без зонтика, без сумки, налегке,
Да помнится, без них и отпевали.
И улыбается, как Божий день.
А руки-то замерзли, ну надень,

И куртку ей сую, какая ближе,
Наш сын бормочет, думая во сне,
А тут – она: то к двери, то к стене,
То вижу я ее, а то не вижу,

То вижу: вот. Тихонечко, как встарь,
Сидим на кухне, чайник выкипает,
А сердце озирается, как тварь,
Когда ее на рынке покупают.
Туда-сюда, на край и на краю,
Сперва «она», потом – «не узнаю»,
Сперва «оно», потом – «сейчас завою».
Она-оно и впрямь, как не своя,
Попросишь: «ты?», – ответит глухо: «я»,
И вновь сидит, как ватник с головою.

Я плед принес, я переставил стул.
(– Как там, темно? Тепло? Неволя? Воля?)
Я к сыну заглянул и подоткнул.
(– Спроси о нем, о мне, о тяжело ли?)
Она молчит, и волосы в пыли,
Как будто под землей на край земли
Все шла и шла, и вышла, где попало.
И сидя спит, дыша и не дыша.
И я при ней, реша и не реша,
Хочу ли я, чтобы она пропала.

И – не пропала, хоть перекрестил.
Слегка осела. Малость потемнела.
Чуть простонала от утраты сил.
А может, просто руку потянула.
Еще немного, и проснется сын.
Захочет молока и колбасы,
Пройдет на кухню, где она за чаем.
Откроет дверь. Потом откроет рот.
Она ему намажет бутерброд.
И это – счастье, мы его и чаем.

А я ведь помню, как оно – оно,
Когда полгода, как похоронили,
И как себя положишь под окно
И там лежишь обмылком карамели.
Как учишься вставать топ-топ без тапок.
Как регулировать сердечный топот.
Как ставить суп. Как – видишь? – не курить.
Как замечать, что на рубашке пятна,
И обращать рыдания обратно,
К источнику, и воду перекрыть.

Как засыпать душой, как порошком,
Недавнее безоблачное фото, –
Умную куклу с розовым брюшком,
Улыбку без отчетливого фона,
Два глаза, уверяющие: «друг».
Смешное платье. Очертанья рук.
Грядущее – последнюю надежду,
Ту, будущую женщину, в раю
Ходящую, твою и не твою,
В посмертную одетую одежду.

– Как добиралась? Долго ли ждала?
Как дом нашла? Как вспоминала номер?
Замерзла? Где очнулась? Как дела?
(Весь свет включен, как будто кто-то помер.)
Поспи еще немного, полчаса.
Напра-нале шаги и голоса,
Соседи, как под радио, проснулись,
И странно мне – еще совсем темно,
Но чудно знать: как выглянешь в окно –
Весь двор в огнях, как будто ВСЕ вернулись.

Все мамы-папы, жены-дочера,
Пугая новым, радуя знакомым,
Воскресли и вернулись вечерять,
И засветло являются знакомым.
Из крематорской пыли номерной,
Со всех погостов памяти земной,
Из мглы пустынь, из сердцевин выюги, –
Одолевают внешнюю тюрьму,
Переплывают внутреннюю тьму
И заново нуждаются друг в друге.

*Еще немного, и проснется сын.
Захочет молока и колбасы,
Пройдет на кухню, где сидим за чаем.
Откроет дверь. Потом откроет рот.
Жена ему намажет бутерброд.
И это – счастье, а его и чаем.*

– Бежала шла бежала впереди
Качнулся свет как лезвие в груди
Еще сильнее бежала шла устала
Лежала на земле обратно шла
На нет сошла бы и совсем ушла
Да утро наступило и настало.

Нина СТОЖКОВА

Москва

МАМА

Слава Богу, опять и дожди, и туманы,
и слякоть,
И антенну качает, и «ящик» с утра барахлит.
Можно сосредоточиться, чтобы подробно
поплакать
Обо всем, что болело и вновь к непогоде
болит.
О бездомном бродяге, которому все холоднее
На скамейке у храма, где нежно поют тенора.
И о маме – о том, кто на небе беседует с нею,
И кого она нынче опять пожалела с утра.

* * *

*Фотокорреспондентам журнала
«Советский Союз», исчезнувшего
одновременно с державой*

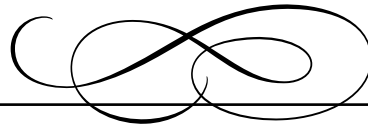
Я летала, как ведьма, на «АНах» и «ИЛлах»
И в гремящих экспрессах куда-то неслась,
Обжигаясь, хватала руками в чернилах
Каждый миг. И сплетала словесную вязь.

Ах, какие там были красивые люди!
(Фотокоры глаза обжигали до слез),
И в деревне любой, словно мы в Голливуде,
Улыбались нам жители долго, всерьез.

Все деревья цвели. Все поля колосились.
Все закаты пылали в прекрасных горах.
Мы придумали жизнь, мы в нее напросились,
Как фантомы, застряв в параллельных мирах.

...Но порой, проклиная войну и разруху,
На исходе столетия полжизни испив,
Я хочу в тот мираж, где усталому слуху
Сладкозвучный, обманчивый играют мотив.

Ирина СУГЛОБОВА

Москва

* * *

Агасфер, озябший на пороге,
В вылинявшем плеле на плечах
Все стоит, все думает о Боге,
Все мусолит в сердце детский страх.

А века уже отмельтешили.
А тысячелетья проползли...
Агасфер почти ослеп от пыли,
Господи, приди или пошли

Ангела к нему с благою вестью,
Что и он отпущен и прощен,
Боже мой, оставь всех живших вместе –
Старцев, чад и отроков, и жен!

Не дели нас на две половины,
Подели любого пополам –
В каждом будут помыслы невинны,
В каждом несодеянного срам.

В каждом – срам содеянного комом,
В каждом – упование на Тебя,
Даже в этом, столь Тебе знакомом,
Что в исподнем, мокром от дождя,

Ждет тебя, дрожа под старым пледом,
И не выйдет срок ему, пока
Каждый не возлюблен и не предан,
Не воскрес, погибший на века.

И пока в дожде, по бездорожью,
День и ночь... и так за годом год
Софья, а она же – мудрость Божья,
Сонечкой всю землю не пройдет.

С красным птичьим перышком на шляпке,
С зонтиком нелепым, налегке
И в одной-единственной перчатке,
и надетой не на той руке.

И пока мотаться ей по свету,
Землю так и сяк исколесив,
Будут тискать пьяные поэты
В шумных стойлах, имя не спросив,

Бить купцы, смеяться вслед пижоны,
Дети плакать, тычась ей в подол,
В душных храмах праведные жены
Оправлять платки и думать: «Вон...».

Время вышло. Жизнь растратив снова,
Доплетешься к ночи до плетня,
Робким жестом, подбирая слово,
Спросишь водки или же огня.

Агасфер, охрипший от простуды,
Скажет, не спуская с неба глаз:
«Слышишь, девка, шла бы ты отсюда!
Я ведь, девка, Гостя жду сейчас...».

ПЕРЕЙДЕМ НА ОСЕННЕЕ ВРЕМЯ

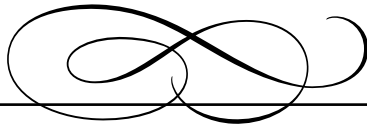
Перейдем на осеннее время, увы...
Это время мы брали у неба займы,
А теперь возвращается старый должок
Видишь, кружится... даже... ложится снежок.

Это ежели было б мне – лет двадцать пять,
Эту влажность могли б вы за слезы принять,
Но теперь я не плачу – я только смеюсь,
И ни осени я, ни весны не боюсь...

Осененная синью суровых небес,
Я с любовью живу ровно так же, как без,
Этот бес, что пытался ударить в ребро,
Будет долго визжать и поскуливать ...Но

Перейдем на осеннее время, ура!
Замечательная, золотая пора!
Долгожданное, ясное, терпкое все –
Это бархатность платья, объятья – твое!

Эта бархатность и революций, и дней,
Время осени – проседи в пене кудрей,
Время вальсов осенних и хересных виц,
Время поздних прозрений и ранних седин.

Это значит, что время страды улеглось?
И уже не нужна благородная злость?
Отойдет скоро время обид и хлопот.
Перейдем на осеннее время... Вот-вот...

Вячеслав СЫСОЕВ

Москва

* * *

Не злись, рассерженное сердце!
Добрее стань. Уймись. Остынь.
«Велишь остыть? И не надейся:
Остыну и остынешь ты».

* * *

Надо ж было моим неудачам совпасть:
Опоздать, не догнать, поскользнуться, упасть,
Услышать навсегда уходящий твой смех,
И впервые понять: я несчастнее всех.

* * *

Дом заброшенный. Пыль. Паутинки.
Смех и речи вернутся?

Кто знает,

Но часы продолжают здесь тикать.
Верят, к ним возвратится хозяин.

* * *

Вечер. Тихо. Берег. Речка.
Рядом дом,
при нём крылечко,
А на нём два человечка.
Не спугните их сердечко.

* * *

Прохладно. Но доволен маем –
Он вообще-то добрый малый,
И пусть его не красят лужи –
Он и насквозь промокший нужен.

* * *

С утра лучи, как детские улыбки,
И бескорыстны, и счастливолики,
Цветут, блуждают просто так – без цели.
А вы?.. Вы подражать бы им хотели?

Зинаида ТАКШЕЕВА

Санкт-Петербург

ЮБИЛЕЙНЫЙ ИЮЛЬ

Нарядился июль женихом
В золотую рубаху веселую
И катался, на зорьке верхом
Над полями, лесами и селами.

И смотрел на ржаные поля,
Как цветут, как они наливаются,
Не засохла ли где-то земля,
Хорошо ль клевера завиваются.

Весь окутал он лес за рекой
Облаками большими, зелеными,
И над ним самолетной строкой
Пишут в небе признанья влюбленные.

ДЕТСТВО

Детство, недолгим ты было,
Долгою – стужа зимой.
Мать по утрам говорила:
– Дочка, пойдём-ка со мной.

Шли по сыпучему снегу,
Гнуло к земле нас ведро.
Стаями кралась по небу
Тучи-волчицы хитро.

Ветер-буян, налетая,
Хвастался силой своей.
Мать, от метели седая,
Все торопила: – Скорей!

Ждали в соседнем селенье
Грузные жернова.
Мать восклицала в волненье:
– Чем же нам жить с рождества?!

В доме коптилка-мигуха
Мутно глядела на нас.
Мать вся в снегу, как старуха,
Грустно вздыхала не раз,

С пола зерно подбирала,
Сыпала на жернова
И про себя повторяла:
– Хлеб-то – всему голова!

РОЖЬ

Вновь полдень дышит горячо,
И рожь поспела – рада.
Ей солнце круглое плечо
Подставило – не падай!
Кричит ей солнце-друг: «Держись,
Раз выросла такая!» –
И рожь, на солнце опершись,
Стоит, в лучах сверкая.

Свой блеск переняла она
От солнечного света.
В ней доброта весны видна
И щедрость брата-лета.

И вот сверкает горячо
С веселым солнцем рядом,
Что ей покатое плечо
Подставило – не падай!

Я вспомню,
как тропы-лисицы бегут
Печальные лица – озера твои,
Мерцают в глазах до утра.
Смеются и плачут о нашей любви,
Как кантеле струны, ветра.

Березы листвою звенят по ночам,
Как рун золотые слова,
И трется Онего плечом о причал,
Плывут корабли-острова.

До встреч за озерами вновь оставлять
Мне сердце, тоскуя, любя.
Прощальные слезы-дождейки опять
Мешают глядеть на тебя.

Я вспомню, как тропы-лисицы бегут
К сиянью воды из лесов,
Увижу озера среди каменных груд,
Услышу Карелии зов!

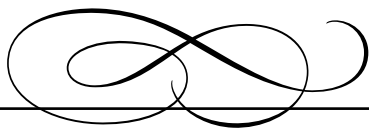
* * *

Как будто больной в лихорадке,
Над озером мается дождь.
Взгляну лишь на воду украдкой,
И бросит от ужаса в дрожь.

Но я себе строго внушаю,
Что я медсестра на войне,
Что раненых в битве спасаю,
И смелость приходит ко мне.

И, кажется, – в полночь от Сии
У страха-врага на виду
Я, как милосердие России,
По стежке осенней иду.

Александр ТАРАСЕНКО

Брянская обл.

ВЕСНА

Весна. Иду по Брянщине!
Из этих мест я родом
Берёзы говорящие
Шумят за огородом.

Дымит сирень у форточки,
Где в росах луг белёсый
У заводи на корточках
Полощет ива косы.

С дворами одинокими,
Давно уже не новая
Глядит на речку окнами
Деревня сорняковая.

Шагаю я по Брянщине
В туман к Десне с восходом
Берёзы говорящие
Шумят за огородом.

КРИК

Я снова здесь, в безлюдном околотке,
На берегу мелеющей реки.
Печален лес, в осоке тлеют лодки,
Остались ли в деревне старики?

Бесхлебные поля и сиротливы чащи
Среди угрюмой, жуткой тишины,
Заплакал бы, увидя край пропащий
Мой дедушка, прошедший три войны.

Какой развал! Как леденит он душу.
Неужто в этом чей – то интерес?
Я не стерплю и тишину нарушу,
И матом закричу на весь сосновый лес.

Я прокричу на всю страну открыто,
Услышат ли отчаяния крик?
Моё село – разбитое корыто,
Я здесь последний, видимо, старик.

ПРЕДЗИМЬЕ

Падают желтые желуди,
Хлеб за околицей сжат,
Стайкою белые голуби
В небе над зябью кружат.

Гроздь рябинушки красные
О холодах известят,
Ночи холодные, ясные,
Лунные росы блестят.

Ива задумалась кроткая, –
Скоро под снегом ей стыть, –
Лето в России короткое –
Некого в этом винить...

Ирина ТАЯНОВСКАЯ

Великий Новгород

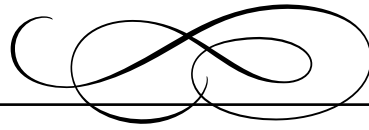
* * *

За тенью следом всюду и везде,
Везде и всюду я иду по кругу.
Не спрашивай – помочь ли чем в беде.
Не спрашивай, а приходи, подруга.

Вдвоём с тобой поплачем о былом.
Теперь мы друг на друга так похожи!
За невесёлым посидим столом,
Помянем, вспомним, пожалеем тоже.

И повинимся. Глубока вина –
Здесь, на земле, она больней, наверно.
Давай не в голос, но опять до дна...
Сороковой – не первый день, и – первый.

Попросим, чтоб они простили нас
За то, чего теперь нигде не будет.
Поверим, что прощают их сейчас
И небо, и земля. И даже люди.

* * *

В чистоте я хочу постареть,
 Не стыдясь ни одежды, ни тела.
 На рассвете пронзительно-белом,
 На бескрайней, на зимней заре
 Я хочу, угасая, смотреть
 За окно, где откроется небо
 Над дорогой, застеленной снегом,
 Под которым – незримая твердь.
 Тихим будет мой прибранный дом.
 Только я не о том. Не о том,
 Что со стенами станет потом,
 И с красивой рубашкой, и с телом...
 Я вину искупить не сумела.
 Не сумею и в мире ином.

* * *

Вот и земля бела.
 Путь мой к тебе непрост.
 Ночью метель была.
 Так далеко погост!

В саване снежном день,
 Ни одного следа.
 Я и сама, как тень.
 Долго ли мне туда...

* * *

Ничего не вернуть. Через многие лета
 Здесь останется холм под дождливой
 листвой.
 И никто, никогда, не услышит ответа –
 Обретён ли тобою нездешний покой.

Побредут по земле молчаливые травы
 И однажды стеною подступят к холму –
 От восхода, заката, и слева, и справа
 Прорастая сквозь свет и кромешную тьму.

Ни ограды, ни камня... Зачем тебе камень?
 Неделимые, верные – имя и крест –
 Будут вместе с тобою, с дождём, со стихами.
 Ни ограды, ни камня. Ни там, и ни здесь.

Игорь ТАЯНОВСКИЙ

Великий Новгород

МОЙ ПЕРВЫЙ СТИХ

Мой первый стих... Шёл год – сорок второй.
 И было страшно, голодно и сыро,
 Когда в наш детский сад пришёл герой
 Со «шпалами» большого командира.

Он нам сказал: – Мы скоро победим!
 Он был огромный, и совсем не строгий.
 И красный орден на его груди
 Весь наш детсад ладошками потрогал.

В тот день я первый стих придумал свой.
 И прочитал со стула, с выраженьем,
 Что скоро мой наступит день рожденья,
 И с фронта к нам придет папа мой.

– И мой! И мой! – зашёлся криком сад.
 – А мой первой! А мой, чур-чура, первый!
 ...И плакала в залатанный халат
 Седая повариха тётя Вера.

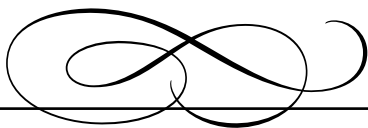
ПОСЫЛКА

Ну, как это – столько радости
 Протискивалось в проводки,
 Когда раздавало нам радио
 Последних известий пайки?

Огнём и железом по западу
 Возмездье катилось в дыму...
 Однажды неведомым запахом
 Посылка запахла в дому.

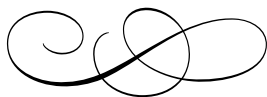
Под хрустом отломанной крышки
 Тот запах и цвел, и пылал!..
 – А ну-ка заглянем, мальчишки,
 что папка нам с фронта послал?..

И тянут худющие руки
 В голодном тылу сыновья
 К портянкам, отрезу на брюки,
 Суровому снегу белья,

К душистому мылу, к погонам
 На широкоплечем х/б...
 К тому, что согдиться могло нам
 В недалней уж, мирной судьбе.

И не понимая, спокойно так,
 Грамотный не по годам:
 – Личные вещи покой-но-го! –
 Читаю я вслух, по складам ...
 Я знал, что есть орден и ордер,
 Информбюро и нарком,
 Что значит «форсировать Одер»,
 Как ранят «кинжальным штыком».
 Я вмиг объяснил бы вам пылко
 Чем разнятся бронь и броня! ...
 ...Мать падала на пол затылком!..
 Так новое слово – ПОСЫЛКА –
 Впервые входило в меня.

К 100-ЛЕТИЮ

Александра ТВАРДОВСКОГО

Лев АННИНСКИЙ

Москва

«...НО ВСЁ ЖЕ, ВСЁ ЖЕ, ВСЁ ЖЕ»

В год его рождения отец, всю жизнь над-
 рывавшийся, чтобы из нужды выбиться
 хотя бы в деревенские кузнецы, – купил,
 наконец, через Поземельный Крестьянский
 банк в рассрочку заброшенное неудобье,
 именовавшееся в бумагах: «Хутор пустоши
 Столпово».

Поскольку будущий великий поэт поя-
 вился на свет именно на этом клочке земли,
 есть смысл вслушаться в звучание трех слов,
 коими он поименован.

Хутор... Подрыв общины, «американский
 тип хозяйства», выход хлебороба на рис-
 ковый индивидуальный путь... *Пустошь*
 – тупик пути, опустошение дома, «столь-
 пинская пустыня». *Столп* – фантастичес-
 кий разворот судьбы: крестьянский поэт
 становится литературным «генералом» в
 сталинской (и послесталинской) Державе
 и одновременно – крутым защитником и
 кумиром интеллигенции.

А корни – если дальше вдумываться в оно-
 мастику близлежащих мест и родственных
 пределов – «негромкая», «незнаменитая»,
 «незавидная» срединная Русь: Загорье да
 Белкино, Плескачи да Барсуки, Ляхово да
 Бесищево, Лучеса да Бердибяки... Что-то
 польское откликается в фамилии деда, слу-
 жившего в Варшавском краю, потом – в са-
 моощущении отца (будущего отца), который
 сватается к матери (будущей матери): «Пан
 Твардовский, Трифон Гордеевич!».

Однако ничего польского в характере сына
 не замечено. Скорее уж белорусское – тихое
 упрямство смолян, палешан, земляков деда.
 Более же всего – русское: лукавая бесша-
 башность, которой прикрыты двужильная
 стойкость и угрюмая решительность.

Пока же надо на отцовском хуторе с расцветом пасти скотину, а в школу бегать за несколько верст, сначала в одну, потом в другую, потом в третью, потому что в начале 20-х годов школы одна за другой закрываются по немощи.

Незаурядные способности замечены сразу: и учителями, и родителями. Отец колеблется между гордостью за сына и ревностью (в хозяйстве надо вкалывать). Мать разрывается между строгостью и жалостью. Ей первой и отвечено – неумелым искренним стихом, благоговейно переиздаваемым в позднейших собраниях сочинений:

«Я помню осиновый хутор и детство – разбегом коня... Я помню, ты каждое утро корову пасла за меня...»

Отвечено и дедам – в стихотворении «Новая изба», с которого теперь открывается итоговое собрание:

«Пахнет свежей сосновой смолою, желтоватые стены блестят. Хорошо заживем мы семью здесь на новый, советский лад...»

До «Лада» беловского – полвека с хвостиком. А до советского – рукой подать:

«В углу мы «богов» не повесим, и не будет лампадка тлеть. Вместо этой дедовской плесени из угла будет Ленин глядеть».

Ленин приколот к стене избы в январе 1924-го: конфирмация поколения не минует загорского селькора. Позднее он опишет ту ночь: как он, тринадцатилетний школьник, остался из-за мороза ночевать в классе, опустевшем после траурной сходки, и сидел один, в ушанке и поддевке, а потом поклялся в верности умершему вождю и уснул, подложив под голову мокрую от слез сумку. В тот же год он вступил в комсомол.

Все это он описал четверть века спустя. А тогда – только и отлилось в строки: что с дедовской правдой расстается без сожаления.

С отцовской – тоже:

«Нам с тобой теперь не поравняться. Я для дум и слов твоих – чужой. Береги один свое богатство за враждебной межой. Пусть твои породистые кони мнут в усадьбе пышную

траву, гольтьба тебя вот-вот обгонит. Этим и дышу и я живу».

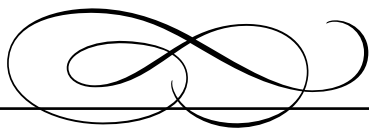
В отличие от «Новой избы» и «Матери», это стихотворение (куда более сильное поэтически) из итогового собрания издателя стыдливо убирают. И понятно, почему. Прежде всего, оно несправедливо: никакого особого богатства середняк Трифон Твардовский не нажил, породистый конь был им однажды куплен «сдуру», работать на усадьбе этот рысак не мог, пышная трава разрослась от немощи семьи, у которой не хватало рук обработать землю. Но дело даже не в этом.

Дело в том, что и до катастрофического для семьи момента, когда ее раскулачили и выслали, – уже чувствовал Твардовский надвигавшийся разрыв с крестьянским тягловым укладом. Тяжелую деревенскую работу он выполнял честно, но... не то, чтобы через силу (все мужики в этой семье отличались могучим сложением), а – через душу (в отличие от братьев, с такой жизнью примирившихся).

Тяга юного стихотворца ко всему «советскому» – это прежде всего тяга к «городскому». В комсомол, в Осоавиахим, в селькорское творчество он уходит прежде всего от беспросвета кузницы. Первая должность его за пределами родного хутора – заместитель секретаря в сельсовете – должность «бумажная»¹.

Стихи о разрыве с отчим «хозяйством» написаны за год до ухода из дома: из деревни в Смоленск Твардовский уехал в 1928 году. Непосильным налогом отца обложили в 1930-м (не помогло, что спешно вступил в колхоз, коня бесценного отдал!) Пришлось

¹ В 1929 году он пишет стихотворение «Красивый почерк» – о писаре-канцеляристе помещичьих времен, который и при Советской власти пристроился строчить отчеты, акты, протоколы, и жил безбедно, пока не попался на мелком плутовстве и не уступил место более достойным. Психологи могут эту вывернутую ситуацию вернуть на место.

старика все бросить и отправиться с семьей в ссылку. Ссылка вышла относительно щадящая: не в голую тундру, а на Урал и потом в сытое вятское село, откуда лишь в 1936-м Твардовский (уже автор «Страны Муравии»), подобно ангелу с неба явившись после восьмилетнего молчания, – вернул родителей и братьев-сестер – уже не в Столпово загорьевское – в Смоленск.

В смоленском его бытии (литобъединения при молодежных газетах, журналистика, напор публикаций, покровительство Михаила Исаковского, вступление в местный филиал РАППа) – в этом литературном ристалище семейная беда сказала не столько юридически, сколько творчески. Прямых связей с репрессированными родственниками Твардовский вроде бы не поддерживал, но в его «кулацкое происхождение» мгновенно вцепились коллеги; понадобилась незаурядная стойкость характера, чтобы удержаться в ранге «пролетарского писателя». Устоял. Отбился. И даже со временем взлетел над обидчиками.

Литературоведы говорят: официальный взлет Твардовского объясняется тем, что «Страна Муравия» понравилась Сталину. Но это могло произойти не раньше 1936 года, а до того?

А до того целое десятилетие Твардовский пробивался, компенсируя бешеным самообразованием свой деревенский «недобор».

Чем он брал?

Его ранние стихи очень конкретны, насыщены реалиями, но в них нет певучей прелести. Есенин среди его поэтических учителей оттеснен Некрасовым, причем, Некрасовым без его заунывной музыки. У Твардовского нет «деревенского духа» перенесенного в город, зато есть «городской дух», перенесенный в деревню (когда лирический герой навещает там родных). Нет и того обаяния деревенского труда, которое Твардовский мог бы почерпнуть у того же Кольцова. А есть – напряжение «оргработы»: в стихах описываются «отчеты», «доклады», «сводки», «подбор сортов» и...

«единый налог». Последний – без намека на то, как этот налог переломал судьбы его деревенских родных.

Впрочем, намек есть. Если знать, что искать, и вчитываться в нюансы.

Вот невинное «Новоселье» – переезд на новую квартиру:

Покрикивал на лошадь ломовик, –
Он за рублевку был горяч и весел, –
А на возу дрожали связки книг,
И свернутый младенцем половик,
И туловища инвалидов-кресел...
Казалось, вывезено всё на слом,
Освобождая нужный угол дома.
И может быть, внизу, под барахлом
От слез посклеились в отчаянье немом
Родные обитатели альбомов.

Дрожание там, где должны быть незыблемость и непоколебимость? Это же сигнал подлинной поэзии честно работающему стихотворцу. Может быть, сигнал неосознаваемый. Но знаменательный.

И он же – в стихотворении «Четыре тонны» – о том, как кулак пытался утаить зерно, но его разоблачили. А клялся, плакал, протягивал иконы...

...Стучал кулаком, на столе дрожала посуда
И снятые иконы...

Дрожит поэзия в железном ритме работающего стиха.

Пятнадцать лет спустя задрожит земля от взрывов. А теперь – в стихотворении «Поезда»:

И, сотни верст перебежав,
Окутав гарью степь,
Один какой-нибудь состав
Везет столицам хлеб.
А где-то –
На пути другом –
Другой
Гремит в ответ.
И пахнет нефтью и углем
Его дрожащий след...

Дрожащий... Да сравнить с тем, какой недрогнувший «Турксиб» несет Смеляков в это время Светлову! Там железнодорожный сюжет – брагурный гимн Советской власти. У Твардовского – никакой брагурности и почти никакой прямой символики. Это поразительно: «парень из Загорья», которого Советская власть буквально вытащила из деревенской кузницы и втащила в стихописание, – не бьет ей ритуальных поклонов! И «Коммуна» у него – не всемирный пожар, как у большинства его поэтических сверстников, а... место летней практики селькора: «Здесь густое молоко славится, товарищ, далеко».

К середине 30-х годов символики побольше. Поют «Интернационал» на тракторном выезде. Нарекают колхоз: «Путь к социализму». Брату, с которым вместе росли, послан привет: «Где ж ты, брат, на каком Беломорском канале?»

Три эпохи спустя этот мотив может показаться Гулаговской тайнописью, но в 1933 году (когда написано) и в 1937 (когда обнаружено) Беломорканал – символ вполне официальный, на папиросных коробках растражированный.

Даже и там, где у молодого Твардовского в стихах такая символика появляется, она не подкреплена поэтической страстью, а дана как бы вдалеке, фоном.

Страстью подкреплено совсем другое:

Мне восьмой, не то девятый год,
Мне бы вдруг не упустить вожжу.
Батя спит, а шапка упадет,
Что я буду делать, что скажу?

Я не спал, я правил и смотрел.
Кнут был цел, всё время цел.

- Батя, он был цел, лежал вот тут...
- Отправляйся и найди мне кнут.
- Батя, не найду я. Темнота.
- Не могли вернуться без кнута.
- Батя, забуюсь я...
- Посвищи.

- Батя, не найдешь его...
- Ищи!
- Батя, я пойду, я поищу...
- Не найдешь, так шкуру всю спущу...

На мой вкус, это лучшее, что написано Твардовским до «Страны Муравии». Реальность бытия, деревенским кнутом занесенная над судьбой.

Как справиться с такой кнутабойной реальностью? Как уйти от беды, не дожидаясь, пока тебя выведут под руки, посадят на воз, пометят в списках?

«Их не били, не вязали, не пытали пытками, их везли, везли возами с детьми и пожитками. А кто сам не шел из хаты, кто кидался в обмороки, – милицейские ребята выводили под руки».

Иван Трифонович, младший брат поэта, свидетельствует, что это точная зарисовка того, как выселяли с хутора семью Твардовских. Зарисовка «мимолетная», она как бы невзначай проглядывает в стихе сквозь шутейные воспоминания, а речь идет о том, как гуляет пьяная деревня:

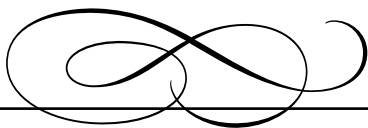
Трулля-трулля-трулля-ши!
Пропил батька лемеша...

Иван Трифонович также свидетельствует, что плясовой этот припев снят с уст батяки, Трифона Гордеевича (тот действительно такое пел, хотя беспробудного пьянства за ним не водилось).

Но надо было Александру Трифоновичу справиться как-то со свинцовыми мерзостями неисправимой старорежимной деревни!

Выход подсказал писатель Федор Панферов, автор романа «Бруски»: там у него середняк Никита Гурьянов, отказавшийся идти в колхоз, пускается по миру в поисках места, где нет колхозов. Твардовский подхватывает сюжетное условие, а заодно и имя: Никита. Фамилию дает из своих, загорских: Моргунок.

Созданный таким образом герой отправляется в странствие, которое навеяно, помимо

панферовских лихих закидонов, глубинной, тысячелетней, всплывшей из подсознания, народной русской мечтой – об Опоньском царстве.

Твардовский дает этому царству новое имя: «Страна Муравия». И начинает одноименную поэму в сказовом ершовском стиле:

С утра на полдень едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху – облака.

В этом небесно-земном мироохвате я склонен видеть еще одно существенное качество, усвоенное из воздуха эпохи, пусть даже неявно: земшарность. Твардовский – сын своего поколения, а оно мыслит землю глобально. Вроде бы ходок мечтает о крошечном клочке, где «посеешь бубочку одну – и та твоя», но сквозь эти «трулляши» нет-нет, да и сказывается другое. «Выходит в поле тракторный отряд, по путям грохочет скорый поезд, самолеты по небу летят, ледоколы огибают полюс». И даже так: «Если будет суждено на баррикадах пасть, в какой земле – мне все равно, – за нашу б только власть».

Это Никите Моргунку говорят встречные-поперечные, сам же он держит свою линию, и навеяна она (если уж перебирать источники) еще и историей о владениях маркиза Карабаса.

– Колхозники ай нет?..
– Колхозники, отец!

Кругом сплошь колхозники. Так что герой поэмы, ищущий такого места, где «ни боже мой – ни коммуни, ни колхозии», и действуя в ситуации откровенно карнавальной, как раз и внушает читателям – от противоположного – что без коммуни-колхозии теперь не прожить. Что и предстоит извлечь из поэмы тогдашней литкритике.

Зная ее боевитость, можно сказать, что Твардовский изрядно рискует, строя повес-

тование по принципу вывернутости. Особенно если вслушаться в то, как приветствуют Моргунка иные собеседники: «Бога нет!» Но в целом затеянная Твардовским «Мениппова сатура» срабатывает². Героя на большой дороге обворовывают. Товарищ Сталин едет навстречу Моргунку на вороном коне и, вынув изо рта трубочку, обещает в порядке исключения оставить ему хуторок.

Этой сказкой Твардовский хочет доказать, что сколь ни тяжка реальность, ее можно вынести, если опираться на культуру райка, раешника, рая опоньского, в коем от веку спасается народная душа.

В финале поэмы Твардовский замечает, что людям полезен смех: хочет, чтобы его правильно поняли.

И его поняли. За поэму – Сталинская премия. Вручена в 1941 году, накануне таких событий, с какими справиться казалось немыслимо ни при каком юморе.

Твардовский справился. И стал народным поэтом – самым славным в поколении, которое на взлете судьбы было обрушено в Великую Отечественную войну.

Но прежде, чем отогреться огоньком теркинской махорки, душа опалилась смертным огнем и испепелилась ледяным холодом гибели. Сам пульс стиха переменился 22 июня 1941 года. Дыханье. Дух. Запах...

«Какой-то немец в этом доме сушил над печкою носки, трубу железную в проломе стены устроив мастерски... И в разоренном доме этом определившись на постой, он жил в тепле, и спал раздетым, и мылся летнею водой... Мне жалко запаха лесного, дровец, наколотых в снегу, всего, чего я вспомнить снова, не вспомнив немца, не могу...»

² Не факт, что он формулировал так свою жанровую задачу: термин «мениппея» вернулся в обиход теоретиков литературы в 60-е годы, когда переиздали и перечитали труды М.М. Бахтина. Но традиция карнавального «низга», вытасченного «наверх», могла быть учуяна Твардовским и без помощи теоретиков, хотя в ИФЛИ, куда он поступил, их хватало.

Никаких высоких абстракций. Обугленные стены. Оскверненная земля.

«Я б вовеки грабителям не простил бы твоим, что они тебя видели вражьем оком пустым; что земли твоей на ноги зацепили себе; что руками погаными прикоснулись к тебе; что уродливым именем заменили твое; что в Днепре твоим вымыли воровское тряпье...»

Нет, никто не пережил шок первых военных поражений так, как Твардовский, ни в ком ненависть не обрела такого прямого счета – око за око, зуб за зуб, удар за удар. И Сурков, и Симонов пережили что-то близкое, но им все-таки помогала «идеология», а тут глухая народная ярость и народная же русская, тысячелетняя готовность гибелью оплатить победу.

Гибель – лейтмотив.

Лежит на финском льду застреленный парнишка. Это было четыре года назад, должно бы забыться, вытесненное бедой огромнейшей. Но нет:

«Среди большой войны жестокой, с чего – ума не приложу, – мне жалко той судьбы далекой, как будто мертвый, одинокий, как будто это я лежу, примерзший, маленький, убитый на той войне незначимой, забытый, маленький, лежу».

Эсэсовец велит разуться приговоренным – девочка у края ямы переспрашивает:

«– Чулочки тоже, дядя?»

Душа корчится в такие мгновенья, и в эти мгновенья рождается великий поэт.

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва,
И ни дна ни покрышки.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей...

Солдатская война. Ни стратегического полета, ни комиссарского жара, ни былинных богатырей, – быт войны-невойны, привычный для России, тепло самокрутки, сбереженной в окопе...

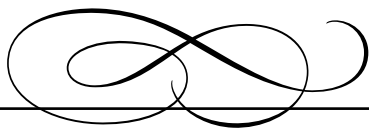
Бойкий Моргунок умирает в ржевском болоте. Рождается Теркин.

«Книга про бойца», писавшаяся четыре военных года (а если считать «незначимую» финскую, то все пять) – заносилась поначалу в военкоровские блокноты, в дождь – под плащ-палаткой, в стужу – держа в зубах стянутую с руки перчатку, – это настоящая энциклопедия солдатской жизни, списанная прямо с натуры: «портянки да землянки»; герой с полуслова узнаваем, недаром со страниц поэмы он шагнул на театральные подмостки, на полотна живописцев, а уж о книжных иллюстрациях и говорить нечего – художники мгновенно сделали его всеобщим знакомцем.

А ведь в поэме этот всеобщий знакомец размыт контурами! Таков замысел: в сюжете ни начала, ни конца. Шуточное объяснение: на начало «сроку мало», а для конца – «жалко молодца».

Возможно объяснение и источниковедческое: придуман Вася Теркин для «уголков юмора» фронтовой печати в финскую кампанию, описывали его подвиги военкоры коллективно, имя выбрали тоже коллективно. Был вариант: «Протиркин», но «Теркин» оказался лучше, потому что «битый, тертый, жженный» (не исключено, что его тезка из давнего боборыкинского романа помог фонетически). После «незначимой» финской войны коллективные творцы героя бросили, а Твардовский бесхозного шутника усыновил и вдохнул в него такую эпическую мощь, что все прежнее было враз забыто.

Как настоящий эпический герой он является «ниоткуда», а оказывается «всюду». Русский всечеловек, и вместе с тем – человек неподдельно, конкретно русский. Вездесущий. И неуловимый. Появляющийся нежданно-негаданно. Оказывающийся, где нужно. Кто-то первым ворвался в

немецкий окоп, кто-то навел переправу, протянул связь, сыграл на гармошке, починил часы, восстал после ранения... не поймешь, кто...

Это был, конечно, он.

Простецки сказано, а влетает в память, так и хочется применить эти слова, как пароль, ко всем случаям жизни. Твардовский вообще мастер таких формул.

Так это был, конечно, он. А вдруг не он?

А не он – ладно. Интонационный код – ускользание. И появление. Хочешь – так, а хочешь – эдак. «Как там хочешь, так зови». Гулянка? Хорошо. Нет гулянки? Ладно, нет. Бой? Хорошо, пусть видят, как боец дерется. Не видят? Ну, что ж...

Примирить такую «отчетливость» с такой «неотчетливостью» можно только в тональности шутейной, прибауточной, в жанре народной вранины, таящей однако глубоко спрятанную правду.

Сбивает боец самолет из винтовки – «незначай». Ордена не надо, но можно медаль. Можно вообще без награды. Бой идет не за город Ростов, не за город Харьков – за безвестный населенный пункт Борки. «Бой идет не ради славы – ради жизни на земле».

Жизнь – простая, природная, в ней хлеб делят штыком, спят, завернувшись в шинель, дерутся – когда техника отказывает – кулаками, по-русски. При этом – никакого картинного богатырства! Что-то суворовское:

«Богатырь не тот, что в сказке – беззаботный великан, А в походной запояске, человек простой закваски, что в бою не чужд опаски, коль не пьян. А он не пьян».

В другом месте Теркин свои боевые сто грамм законно выпивает.

А что воюет он «не ради славы» – означает довольно безразличное отношение к официальной фактуре: она вытеснена народной. Из начальства – только если вызовет ближайший генерал: он тебе «и ЦК, и Калинин».

Этот «генерал», выше которого Теркин начальников не знает и знать не хочет, – фигура любопытная с точки зрения идеологического самочувствия автора. Генерал старше автора лет на десять. Автор, «обжегшись кашей, плакал» и «пешком под стол ходил», а он «тогда уж был воякой... взвод, а то и роту вел».

Против кого вел? Ясно: против белых. Тут Твардовский салютует опознавательной черте своего поколения, опоздавшего к Гражданской. Но старшим братьям, на ту войну успевшим, в отличие от своих сверстников, Твардовский не завидует, он все это обращает в шутку: «Где ж он, дед, Буденный твой?» А еще охотнее поминает Чапаева, в стиле: «И не зря еще Чапаев уважал свои усы». Теперь можно констатировать, что тут предсказан Чапаев, который через полтора десятилетия после войны сошел с киноэкрана в анекдоты под именем «Василия Иваныча».

Теркин тоже, между прочим, Василий Иваныч. И по праву шагнул из «Книги про бойца» в народное словоупотребление.

Но – по непредсказуемой логике отечественной истории – шагнул еще и в официально признанную советскую идеологию в качестве эталона патриотичности.

А все, что не вместились в эталон, что ныло и кипело в душе поэта помимо теркинской шутейности, – ждало очереди и уложилось в поэму «Дом у дороги». Там смешались в хаосе войны беженцы и окруженцы, пленные и угнанные... словно бы пошла душа опять по кругу, по краям земли, по следам Никиты Моргунок, смывая слезами следы, ведшие в опоньско-муравское царство. Да не в последний раз...

Моргунок в 1941-м принес автору Сталинскую премию второй степени. Теркин в 1946 – Сталинскую премию первой степени. «Дом у дороги» год спустя после «Теркина» получил вторую степень. Дело не в том, что бог троицу любит, а в том, что солдат вывел-таки поэта в литературные генералы.

Твардовский становится редактором самого весомого литературного журнала того времени. Эта роль за ним общепризнанна:

когда за идейные недосмотры его с редакторства снимают и заменяют Симоновым, то по снятии Симонова (за очередные идейные недосмотры) – в журнал «Новый мир» возвращают все-таки Твардовского, и с конца 50-х годов почти до самой кончины он остается одним из официальных руководителей Союза писателей и одновременно – фактическим идейным вождем оппозиционной либеральной интеллигенции.

Как это примирить?

Таким вопросом задаются теперь литераторы разных флангов. Почему Твардовский, с его крестьянскими корнями, с его русским национальным сознанием, оказался в сплоте не с «патриотами», а с «либералами»? С первыми ему было бы логичнее. Неслучайно же после разгрома «Нового мира» русское национальное сознание перебазировалось со Страстного бульвара на Цветной: в «Наш современник», и официальные калибры власти туда перенесли огонь³.

У либералов рубежа 50-60-х годов не оставалось иных надежных убежищ, кроме «Нового мира», противостоявшего конъюнктурной официозности. Кто был тот единственный, кто обладал и властью в литературе, и независимостью от ее партийных начальников?

Это был, конечно, он.

В сущности, Твардовский оказался двойным заложником: среди либералов – заложником партии (в которую он вступил в 1940 году и из которой вряд ли согласился бы выйти – по чувству собственного достоинства), среди партийцев – заложником вольномыслящей интеллигенции (от которой уже не мог отступить из-за того же самолюбия).

Его тянули в разные стороны, на разрыв. Солженицын поторапливал освободить жур-

нал от партийной опеки. Твардовский как-то не выдержал: «Вот вы и освободите, а уж потом торопите!» (а страну такого освобождения отделяют еще четверть века).

На поэтической работе это положение сказывается в том смысле, что мучительная переоценка ценностей, по существу глубоко душевно-интимная, происходит на виду у всех и делается объектом заинтересованного давления справа и слева.

А работа делается. «Крестьянский парень», сохраненный в душе под шинелью «фронтового балагура», и оказавшийся у государственного литературного кормила, должен же сориентироваться в глобальной, общечеловеческой, наконец, державной ситуации, а она подкладывает темы, заминированные официозом.

Он идет через это поле. К сорокалетию Октября склоняется перед «праздником нынешних побед». На полет Первого Спутника откликается вздохом от имени «земного шара» (раньше все дышало именем родного Загорья). На перекрытии Ангары проникается гордостью за Державу (хотя с брезгливостью отталкивает штампы вроде «этапов, шагов и ступеней»).

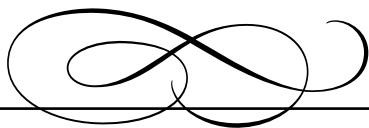
Он и в прежние годы иногда обводил взглядом горизонт от Крыма до Жигулей и от Кавказа до Сибири, но делал это словно бы затем, чтобы остаться в этом великом государстве жителем своей «негромкой стороны», в сознании которого Смоленск Смоленском не называли, а просто городом. Дальше захватить не чаяли.

Вот и «жить бы да петь в заповеднике этом, от многолюдных дорог в стороне...»

Невозможно! Тупик!? Нет. Новый выброс в странствие! Как Никита Моргунок побежал когда-то искать землю обетованную, так ныне лирический герой еще раз собирается в дорогу. Он берет билет на поезд Москва-Владивосток и, глядя в вагонное окно, листает «за далью даль» в тысячекилометровом Транссибе и в своей душе.

«Дорога дорог!» Полмира под колесами. Волга-матушка. Урал, «опорный край де-

³ См. об этом, например, в статье Олега Павлова «Твардовский»: «День литературы», 2004/12(100), с.8.

ржавы» (под его кувалдами «земля отчетливо дрожит»... дрожит, слышите?). Сибирь – «житница... рудник и арсенал». «А там еще и Братск, и Устье, а там и братец Енисей...» И, наконец: «Здравствуй, Тихий! Поклон – от матушки Москвы!»

Мир собран. Можно плыть дальше. «Ветер века – он в наши дует паруса...»

Пушкинский вопрос: куда ж нам плыть? – как-то не встает. Единственное упоминание коммунизма – в издевательском перечне: «отсталый зав, растущий пред и в коммунизм идущий дед»⁴.

Горизонталь – очерчена. Единство – провозглашено. Неделимость души прочувствована.

Все дни и дали в грудь вбирая,
Страна родная, полон я
Тем, что от края и до края
Ты вся – моя,
моя,
моя!

Вертикаль теряется во мгле. Коммунизм оттоптан смешным дедом. История – ворох тряпья: «приют суждений ярых о недалекой старине, о прежних выдумщиках-барах, об ихней пище и вине; о загранице и России, о хлебных сказочных краях, о боге, о нечистой силе, о полководцах и царях; о нуждах мира волостного, затмениях солнца и луны, о наставленьях Льва Толстого и притеснениях от казны...»

Перечень, почерпнутый из бесед загорьевских комсомольцев времен Красной Пасхи, стопорится на отметке, когда «поколению

⁴ Этот перечень, кончающийся знаменитыми строчками: «Парторг, буран, прорыв, аврал, министр в цехах и общий бал» – мгновенно влетает в литературный обиход. В поэме вообще много сильных и ярких мест, но это – сатирический азлет. Характерно, что такой выброс поэтической энергии вызван у Твардовского яростью по отношению к коллегам, заполнявшим лоно социалистического реализма верноподданными поделками. Литература – прямое продолжение политики.

моему светили с первой пятилетки, учили смолоду уму». Что-то не сводятся концы: выдюжило поколение и страду пятилеток, и страду военную, а потом уперлось в загадку, которой еще нет определения, а только намеки в сибирской части поэмы: «И те, что по иным причинамоднажды прибыли сюда... в труде отбыв глухие сроки... бывали дальше Ангары...»

Случайная встреча на тайшетском перроне с другом детства, отмотавшим полный срок, позволяет в первой осторожной тайнописи поставить вопросы по существу.

Кто виноват, что люди, свято верившие в «правду партии», этой же партией репрессированы? «Страна? Причем же тут страна!.. Народ? Какой же тут народ!»

Обойдя две эти мины, наследник Моргунок замирает перед третьей: если ни страну, ни народ не обвинишь, то кто же был виновник?

Это был, конечно, он...

Имени Сталина нет в поэме. Есть мучительное соединение взаимоисключающих характеристик и есть горько-бессильный рефрен: «Тут ни убавить, ни прибавить – так это было на земле».

Поэма «За далью – даль», начатая в 1950 и законченная в 1960 – десять тысяч верст дороги, вместившиеся в десять суток пути и в десять лет раздумий, – приносит автору четвертую высшую литературную премию страны: теперь из Сталинской она переименована в Ленинскую.

А до гибели еще десять лет. А жажда понять, что произошло, докопаться до смысла прожитого – не отпускает. «Хлеб-соль ешь, а правду режь». Чтобы врезать эту правду, мобилизован уже не бегунок-Моргунок, а последняя надежда – неунывающий и небываемый солдат Теркин.

И вот он получает спецзадание и отправляется – на тот свет.

...Но не сразу. Предварительно Твардовский выясняет отношения с читателем. Чтоб

тот не подумал, будто затевается что-то вредное: «потрясение основ», ущерб «Советской власти». Эта простодушная заслонка от цензуры вызывает теперь щемящее чувство, и прежде всего потому, что выдает тайную неуверенность автора в своей затее. В том, что «этот свет», перемаркированный в «тот свет», хоть что-то объяснит в делах этого света.

В сущности, поэма – старое, как изъезженная телега, сатирическое обозрение. Старое, как сама Россия, «бичевание» бюрократии. Новейшие ассоциации с Гулагом не могут прикрыть застарелого русского комплекса: бумажной войны с засильем бумаг. Обюрокращено все: партия, армия, органы... Особая ненависть – коллегам по цеху: «редактору», который корежит рукописи – «сам себе и Глав, и Лит» – и «пламенному оратору», у которого – «мочалка изо рта».

На мгновенье брезжит Данте, которого Вергилий проводит по кругам ада, но наш Вася – не Вергилий, и он быстро возвращает нас к своим прибауткам.

...То ли дело под луной
Даже полк запасный.

Запасный полк... И что же там?

Там – хоть норма голодна
И гоняют лихо,
Но покамест есть война –
Виды есть на выход.

Смысл шутки: там выход есть, здесь – нет.

А ведь и тамошний выход «невзначай» выдает трагическую нешуточность судьбы, которая выпала поколению Твардовского. Обещано было: Мировая революция и всемирное счастье, досталось – Отечественная война и «генерал-покойник». Что в итоге?

В итоге – Система, которая работает сама по себе и сама для себя:

Это вроде как машина
Скорой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.

Единственный носитель воли (в обоих русских смыслах: и воли как собственного решения, и воли как подавления решений) – все тот же, неназванный, «с чьим именем солдат пал на поле боя». Который «в Кремле при жизни склеп себе устроил». Который «сам себе памятники ставит».

То ли человек, то ли бог.

«Был бы бог, так помолиться, а как нету – что тогда?»

Тогда – признание полного краха, мнимости, пустоты, выморочности всего, чему памятником и является поэма.

Не в том беда, что упирается ее автор в неразрешимость, а в том, что обещал что-то разрешить и... попал в засаду собственных иллюзий⁵.

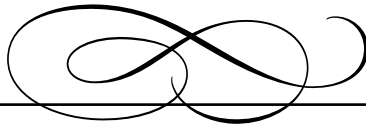
Теркин с этого света глядит на тот – родные тени глядят с того на этот. Живые лгут – мертвые не лгут. Тут не отбалагуришься, надо рассчитывать всерьез.

Вождь, упекший миллионы в зону, благодушно говорит: «Сын за отца не отвечает».

Взбешенный таким фарисейством, сын, которого когда-то вынуждали отречься от отца-кулака, воскрешает его с покаянной болью. Он вспоминает его кулаки – «в узлах из жил и сухожилий, в мослах поскрюченных перстов – те, что – со вздохом – как чужие, садясь к столу, он клал на стол. И точно граблями, бывало, цепляя, ложки черенок, такой увертливый и малый, он ухватить не сразу мог...»

Так, возвращая отца, он пытается вернуть себе былую веру. И ищет помощи. «Вот

⁵ В 1955 году я, студент-филолог Московского университета, увидел в перерыве между лекциями у однокашника тайком приоткрытый список: «Теркин на том свете». Я впился: дай! И получил – до следующего перерыва. Что говорил лектор, я уже не слышал – укрывшись за спинкой скамьи (дело происходило в Коммунистической аудитории, взлетающей крутым амфитеатром) я на колене немеющей рукой перекатал себе – сколько успел. Надеюсь, мое тогдашнее пьянящее воодушевление хорошо дополняет нынешнюю холодноватую трезвость по отношению к поэме.

если б Ленин встал из гроба»... А если бы и встал, ничем не помог бы. Тяжко трезвение. «Ждали – счастья». Получили – безответный вопрос:

«Иль все, чем в мире мы сильны, со всей возвращенной нами новью, и потом политой и кровью, уже не стоит той цены? И дело наше – только греза, и слава – шум пустой молвы?»

С такими вопросами нечего и надеяться на публикации. «Теркин на том свете» еще успевает: после долгой отлежки появляется в печати на волне антисталинских разоблачений. Поэма «По праву памяти» ложится в могилу стола.

Когда ее подхватывает заграничный «Посев», Твардовскому уже нечего терять. Кроме жизни: в 1970 году, при разгоне редакции «Нового мира», он получает болезнь потрясенных душ – рак.

В последних стихах он прощается с этим светом, уже не надеясь дострадаться до смысла прожитой жизни. «Час мой утренний, час контрольный» навевает мысль не о жаворонке, которым он был, а о контрольном выстреле, к которому приговорен. По праву памяти.

В пронзительном прощальном цикле он вспоминает мать. Вспоминает хутор, который когда-то променял «на целый белый свет». Вспоминает сверстников, ушедших с белого света – необъяснимо, непоправимо...

Из невыносимости рождаются гениальные строки.

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

Сергей ТЕЛЮК

Москва

* * *

Весна пришла болезным мартом,
хотя казалось – все путем:
палило солнце день за днем
с еще немыслимым азартом.

И – множилось в стекольной гамме,
как будто через сотни призм
выпячивая оптимизм,
созвучный некоей программе.

Обманываться мог невежда –
сторонник всяческих прикрас.
Но медлил Всемогущий глас...
Поэтому была надежда.

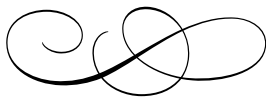
* * *

Звонкое дело – гнездиться:
грянет весенний разбор...
В комнату с видом на двор
всякое может вместиться.

Прелесть, почти бормотанье,
первого ливня в году –
вспомни. Но в том же ряду –
изморось, похолоданье.

Час Рождества необычен.
Ты вдруг прильнула ко мне:
звук проникает извне –
шаг доносящийся зычен.

Что это?! Древним модемом
Весть посылая сюда,
вечная светит звезда
где-то над Вифлеемом.

ДОМОРОЩЕННАЯ МОЛИТВА

Смолкнет весенняя капель –
нету другой стези.
Вот и еще один апрель –
лужи и снег в грязи.

Над головой – голубизна,
лишь захотеть – взлечу.
Все, в чем судьба заключена,
кажется, по плечу.

Воли-то даже про запас
каждому на Руси...
Только от бед различных нас,
Господи, упаси!

Владимир ТЕПЛЯКОВ

Москва

МАРГИНАЛ

Ничейный пёс с обиженным лицом
на мир глядит. Вчера он стал отцом,
но никогда об этом не узнает;
заго без промедления облает
добротной кожей пахнувший штиблет,
поскольку у него такого нет.

Забот немало: задирать ворон;
собачиться с такими же, как он;
крутить недолговечные романы;
затем скулить, зализывая раны...
А кто-то в охраняемом дворе
живёт себе в уютной конуре.
Чужой судьбы всегда милее запах...
Но стоит ли ходить на задних лапах
или валять цепного дурака,
коль жизнь и так короче поводка?

Уж лучше «флиртануть» с дворянкой
встречной,
Облаять всех от полноты сердечной...
И утешаться тем, вкушая кость,
Что каждый в этом мире только гость.

РОДСТВО

Уж липа облетела за окном,
Ушла в себя и голову склонила.
Уже отогреваются вином,
Кому тепла и летом не хватило.

В холодном небе столько синевы! –
Не верится, что осень на излёте.
И всё ж, на липу глядя без листвы,
Как удержаться на весёлой ноте?

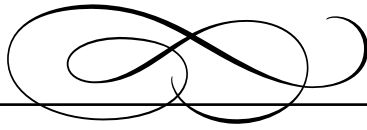
Листва. Теплынь. И тяги нет к вину.
Вдруг холод злой неведомо откуда...
Нам с липой остаётся ждать весну
И, как всегда, надеяться на чудо.

В ТИМИРЯЗЕВСКОМ ПАРКЕ

В кустах неприметная прыгает птица.
Аллея почти что пуста.
И нет никого, с кем бы мог поделиться
Прощальным полётом листа.

Чем жил и живу я – выходит из моды.
И где же грустить, как не тут,
Где сосны, в свои погружённые годы,
Качнутся и снова замрут.

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

Москва

* * *

Шёл сорок третий. У болота
 Война в окопы залегла.
 Как цепи вражеской пехоты,
 На город наступила мгла.
 И бомбы
     бахали.
         Белели
 В сугробах декабря кресты.
 Обозы.
     Баржи.
         Батареи.
 Бараки.
     Беженцы.
         Бинты.
 И до сих пор я слышу крики
 За рубежом взрывной волны.
 И надо мною, словно крылья,
 Шуршат погоны старшины.
 Лежу. Вокруг – яры крутые.
 Охрипший окрик: «Хлопчик, цел?».
 И слёзы матери скупые
 На обмороженном лице.
 Потом подводы нас качали,
 Везя куда-то под Казань.
 И стали от большой печали
 У мамы –
     черными глаза!
 Уже какой
     по счету город!
 Нас письма ищут –
     не найдут...
 Шёл сорок третий...
     Очень скоро
 Отца их бронзы отольют!..

ПЕТУХ

Третий год войны.
     Снега
 Вьюга закрутила...
 На базаре петуха

Мать моя купила.
 Объявила: «На завод
 Можно и без валенок,
 Но зато под Новый год –
 Будет борщ наваристый!».
 В нашей горнице давно
 Голодно,
 Не топлено.
 Восемь душ. Одно окно.
 Одеяло тонкое.
 Так и жили.
     Белых мух
 Он клевал и кашу...
 Инкубаторный петух –
 Член семейства нашего.
 На крыльце
     скрипели
         дни
 В сапогах кирзовых...
 Оставались мы одни
 В комнате казённой.
 Говорил ему слова,
 Хвастался. Куда там!..
 Мой петух,
     как самовар,
 На окне кудахтал.
 У него был голос,
     слух.
 Перья ярко-красные...
 Третий год войны.
     Петух
 Жил у нас до праздника.
 Занавешивал наш дом
 Сумрак,
     словно шторы...
 Он вставал.
     Гремел ведром.
 Пол
     царапал
         шпорами!
 И в голодной тишине
 Он стучался в ставенки.
 Пел петух
     назло
         войне
 На буфете стареньком.
 У печи рыдала мать,

Двигала горшками.
Пел петух.
    А старший брат
Нож вострил
    о камень!..

ЦЕЛИНА

Треплет шапку ветрила грубый
И швыряет песок из мглы...
Я вбиваю железные трубы
В мерзлый грунт казахстанской земли!
Ух! –
Целует металл кувалда...
Я такую работу чту!
Ух! –
И мне с большака кивает
Головой полынок за версту!..
И впервые – так захотелось
Отдохнуть в теплом доме чуток...
Бью наотмашь –
    Всем юным телом,
Чтоб трубу превратить в цветок.
Степь поет, словно домра бессонная
Будит эхом орлиный рассвет...
Под рубахой – звенит приглушенно
Горсть тяжелых соленых монет...
Мне еще далеко до пенсии –
Рукавицей стирая пот,
Я кричу бригадиру весело:
«Не геолог я – цветовод!»
Бродит ветер за дюнами волком...
Телогреечку сбросив с плеч,
Хорошо бы на желтом войлоке
Семиреченских трав прилечь!
Эти степи не знали плуга –
Табуны да верблюжьки горбы...
Бью!
Танцует земля упруго
И заходит в горло трубы!
Ветер злой выжимает слезы
И швыряет песок из мглы...
А за мною железные розы
Среди первого снега цвели!..

Ирина ТИШИНА

Москва

* * *

Тот июнь струился зыбким зноем,
Воробьиным щебетом игрив,
В кронах лип гудел пчелиным роем,
Щекотал ветвями старых ив.

Звал в луга в ромашковом азарте,
И, в леса тенистые маня,
На берёзе, как на белой парте,
Выжигал сердечки для меня.

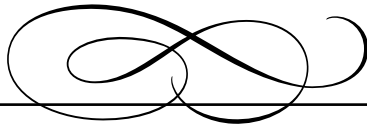
Для меня на узкий подоконник
Проливалось лунное кольцо,
Для меня желтел душистый донник,
Молодость всходила на крыльцо.

КЛЁН

Был беспощаден заморозок краткий...
Высокий клён в пунцовой лихорадке
Горит, дрожит, ладони распластав,
Бросая жар на ветошь чахлах трав.

Остынет жизнь в его древесных жилах,
Его дрозды достигнут тёплых скал,
Расскажут им, как трепетно, как живо,
Как дерзко солнцу он рукоплескал!

Владимир ТОЦКИЙ

Москва

* * *

Моим одноклассникам

Когда мой стол двухтумбовый, дубовый
 В моей квартире первой стал обновой,
 Он мне рассказывал в преддверии рассвета,
 Как молодой дубок шумел в начале лета,
 И как в ветвях его безумствовал щегол,
 И как в тени его почил лихой монгол.

В шестидесятых растворилось наше детство.
 Чтоб повзрослеть годились, кажется,
 все средства.

Портрет Есенина и Хэма – оба с трубкой –
 Пришли на смену абажурам и голубкам.
 Скворешни полочек с обоями подписных,
 Под ними старая кушетка на двоих.
 В углу всё больше от ликёров чешских тара
 И утомлённая страдалница-гитара.

А как решали мы тогда вопрос с квартирой?
 Да просто: ширмой или плюшевой гардиной.
 И наши девочки не кутались в манто,
 Носили мини, водолазки от Кусто.
 «Архипелаг» тогда читали в самиздате,
 И каждый шёл к своей неведомой, но дате.

* * *

Памяти поэта

В южном городе Урала,
 В душном смоге сентября
 Родились и ты и я –
 Так судьба нам нагадала.

ЧТЗ и Уралмаш
 Не сменял на Юго-Запад...
 Кто мог думать, что внезапно
 Ты отмашку жизни дашь.

Не нужны тебе цветы
 В день последней нашей встречи.
 На ветру не гасли свечи...
 В небе – ужас красоты.

Дмитрий УЛАХОВИЧ

Санкт-Петербург

СИЛУЭТ

Нет лет...

Евг. Евтушенко

В окне вечернем силуэт
 Мужской колеблется. Морщины
 Разглажены, и у мужчины
 Лицо, которому нет лет!

Лицо, которому нет лет
 Не потому, что слишком чинно,
 А по единственной причине:
 Оно в себя вобрало свет!

Оно в себя вобрало свет
 Любви, всегда неповторимой,
 Быть может, Космосом творимой,
 Как Духа высшего завет.

Как Духа высшего завет
 Любовь своим чудотвореньем
 Рождает вдруг, в одно мгновенье,
 Души таинственный расцвет.

Души таинственный расцвет –
 Вот всем живущим Весть благая!
 Её несёт в наш мир, сияя,
 Лицо, которому нет лет!

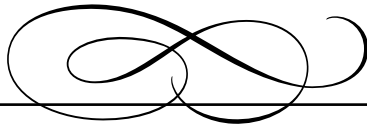
* * *

В себя вбирая все земные страсти
 Дотошным ухом пристальной луны,
 Нас время расставляет не по масти –
 По степени неведомой вины.

Безжалостно толкает и открыто
 Не в шею, нет,
 но бьёт всё в грудь и в грудь,
 Потусторонним блеском антрацита
 Осиленный высвечивая путь.

И мы спешим устало, трудно, долго...

Обрушатся напасти:
попробуй убеги –
от хвори и от власти,
от жлобства и туги.

Век долгий иль короткий
суждён: добра не жди –
от спеси и от водки,
навета и нужды.

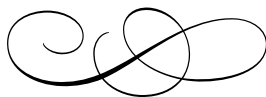
Загрузнув в отчей яме,
кляня родимый ямб,
чего ж тогда корнями
цепляемся за хлябь?

И утираем слёзы,
и манит высота
Жигулинской берёзы,
проросшей у креста.

* * *

...А птаха какая-то – дела ей мало
до сердца мороки, до музыки исповедальной –
порхнула за ближним стожком и пропала,
и снова мелькнула за деревом дальним.
Взлетела, пропала... А я её в строчку поймала!

Хотя я совсем не гожусь в птицеловы,
в ловцы человеческих душ не подряжаюсь.
Но воздух, что взглядом моим зацелован,
и землю, где милость я знала и жалость, –
по силам оплакать лишь птице и слову.

Валентин УСТИНОВ

Москва

ОКЕАНИДИЯ

В эту ночь рождения Гомера
крымский грек под рокот белых строчек
протянул нам ягоду –
размером
В чёрно-синий мир приморской ночи.

И тотчас под жарким сном аркады
светляки и звёзды слились в слитки –
слушать, как читают вслух цикады
древние пергаментные свитки.

И под этот гимн, сухой и странный,
мы припали к ягоде губами –
и бездонный космос океана
нас объял и стал отныне нами.

Помню, помню бухты Балаклавы:
там потайный сборщик винных ягод,
убегая от ночной облавы,
пронырнул насквозь меня – как якорь.

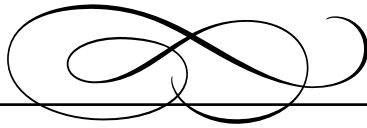
Что за ночь! Наядой пена пела,
белозубо хохотала в танце,
из глубин вздымала каравеллы
на путях Летучего голландца.

В эту ночь кипенья винограда,
в этот полдень океанской ночи
вечность целовала звёздным градом
наши запрокинутые очи.

Шёл норд-вест. Ловили сайку финны.
Волны перелистовали страны.
В эту ночь учили нас дельфины,
как любить во плазме океана.

И в Гольфстриме – между куц кораллов
пролетая над тобою птицей –
стал я штормом в десять синих баллов:
и меж нами грянула зарница.

* * *

Ирисы, вам говорят. Ирисы, ирисы,
стоя, как лошади, спят на рабочем столе.
Мимо летят студебеккеры, эмки да виллисы,
визгом визжат тормоза на высокой скале.
Кто тут поставил такое цветное чудовище?
Кто пошатнул подо мной всю планету и стул?
Жизнь пролетела? Была настоящей
и стоящей?
Чем угрожая цветок меня в детство вернул?

Там на колдобине, в петле злодея небритого,
вьется и бьется мой худородный щенок,
помесь дворняги и тигра, еще недобитого,
и у юнната уходит земля из-под ног.
Дрань голоштанная в драку несется на
велике,
в око тайфунное воткнуто птичье перо,
а с Окинавы – синатровский голос Америки,
а Левитан – от советского информбюро.

Тонны тушенки, сгущенки, малины
ленд-лизовской
лопает дикорастущий портовый Портос,
где, преисполнен железобетонного изыска,
в минное море уходит крутой либертос*.
В яму воздушную ямбы летят и топонимы,
бомбы цветут на окраине материка.
Символом силы считается ирис – в Японии.
Истинно вам говорю. Ибо сила – хрупка.

Время любви моей. Время собачьего ящика.
Имя победы. Нежное темя в крови –
падают звезды, родина мать, а не мачеха,
в ухо ее залетают живьем соловьи.
Ирисы, вам говорят. На заре фиолетовой
переработаны в бисерную росу
выхлопы автомобиля, того или этого,
прямо по радуге шпарящего до Хонсю.

* Либертос(морской жаргон) – железобетонное судно типа Liberty производства США.

Алексей ФИЛИМОНОВ

Санкт-Петербург

ВЕЛИКИЙ ЗАКАТ

А мы проснемся в городе другом,
где так же виноваты кони Клодта,
ты их лишил невольного полета,
великий скульптор, помня о земном.

Небесный дол – куда им нет пути,
лишь в зеркало глядятся отраженья
там, где Фонтанки медное брожение
и фонари пред явью взаперти.
Машинный след протаял в полусне,
и листопадом тронутые кони
перетекут сейчас в твои ладони,
крылатые, как тени на стене.

ЗА СТАВНЯМИ

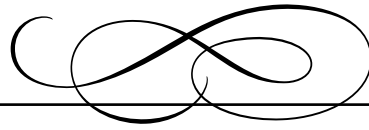
Дуновение жизни
над печалью сквозной.
В окна к тающей тризне
постучаться весной.

Подоконник сиренев,
голубая кровать,
в сини благодаренья
вспоминается мать.

Ветка тонкой берёзы
осенит ей лицо.
Предрассветные грёзы
озаряют крыльцо.

И струится беспечность,
раны звёзд далеки.
У лампы предвечной
сквозняки-мотыльки...

Смерть предстала безмолвьем,
и в ночи то ли звон,
то свет изголовья
быстровечных времён.

БАБОЧКА ВНЕ

Разглядывая как цветок,
не бабочку – стихотворенье,
я различаю нежный ток
светящегося вдохновенья.

Чешуекрылая душа,
мерцающая синью, многогласна,
перекликается, свежа,
с тенями, вечности причастна.

...Но мнимы крылья на стене –
я упустил своё виденье,
пульсирующее извне,
как парусник благодаренья.

Владимир ФИРСОВ

Москва

РУССКИЕ ПОЛЯ

Лишь глаза закрою...
В русском поле –
Под Смоленском, Псковом и Орлом –
Факелы отчаянья и боли
Обдают неслышанным теплом.

Пар идет от стонущих деревьев.
Облака обожжены вдали.
Огненным снопом
Моя деревня
Медленно уходит от земли.
От земли,
Где в неземном тумане
На кроваво-пепельных снегах,
Словно в бронзе,
Замерли славяне.
Дети,
Дети плачут на руках,

Жарко,
Жарко.

Нестерпимо жарко,
Как в бреду или в кошмарном сне.
Жарко.
Шерсть дымится на овчарках.
Жадно псы хватают пастью снег.

Плачут дети.
Женщины рыдают.
Лишь молчат угрюмо старики
И на снег неслышно оседают,
Крупные раскинув кулаки.

Сквозь огонь нечеловечьей злобы
Легонький доносится мотив.
Оседают снежные сугробы,
Человечью тяжесть ощутив.

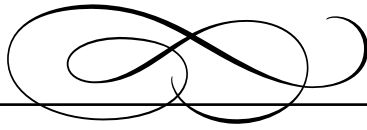
Вот и все...
И мир загробный тесен.
Там уже не плачут,
Не кричат...

Пули,
Как напев тирольских песен,
До сих пор
В моих ушах звучат.
До сих пор черны мои деревья.
И, хотя прошло немало лет,
Нет моих ровесников в деревне,
Нет ровесниц
И деревни нет.

Я стою один над снежным полем,
Чудом уцелевший в том огне.
Я давно неизлечимо болен
Памятью
О проклятой войне...

Время, время!
Как течешь ты быстро,
Словно ливень с вечной высоты.
В Мюнхене
Иль в Гамбурге
Нацисты
Носят, как при Гитлере, кресты.

Говорят о будущих сраженьях
И давно не прячут от людей –

На крестах – пожаров отраженье,
Кровь невинных женщин и детей.

Для убийц все так же
Солнце светит,
Так же речка в тростниках бежит,
У детей убийц
Родятся дети,
Ну а детям мир принадлежит.

Мир – с его тропинками лесными,
С тишиной и с песней соловья,
С облаками белыми, сквозными,
С синью незабудок у ручья.

Им принадлежат огни заката
С ветерком, что мирно прошуршал...
Так моим ровесникам когда-то
Этот светлый мир принадлежал!

Им принадлежали
Океаны
Луговых и перелесных трав.
Спят они в могилах безымянных,
Мир цветов и радуг не познав.

Сколько их,
Убитых по программе
Ненависти к Родине моей, –
Девочек,
Не ставших матерями,
Не родивших миру сыновей.

Пепелища поросли лесами...
Под Смоленском, Псковом и Орлом
Мальчики,
Не ставшие отцами,
Четверть века спят могильным сном.

Их могилы не всегда укажут,
Потому-то сердцу тяжело.
Никакая перепись не скажет,
Сколько русских нынче быть могло!..

Лишь глаза закрою...
В русском поле –
Под Смоленском, Псковом и Орлом –

Факелы отчаянья и боли
Обдают неслышанным теплом.

Таит снег в унылом редколесье.
И, хотя леса давно молчат,
Пули,
Как напев тирольских песен,
До сих пор
В моих ушах звучат.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти А. А. Коваленкова

Я помню сожженные села
И после победного дня
Пустую
Холодную школу,
Где четверо кроме меня,
Где нам однорукий учитель
Рассказывал про Сталинград...
Я помню
Поношенный китель
И пятна – следы от наград.

Он жил одиноко при школе
И в класс приходил налегке.
И медленно
Левой рукою
Слова
Выводил
На доске.

Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,
Что заново с нами
Учился
Умению ровно писать.
Ему мы во всем подражали –
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали,
Зато мы писали, как он.

Зато из рассказов недлинных
Под шорох осенней листвы
Мы знали
Про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

Дымок от землянок лучился
Жестокой печалью земли.
– Любите, ребята, Отчизну,
Ее мы в бою сберегли...

И слово заветное это
Я множество раз выводил.
И столько душевного света
В звучанье его находил!

А после
Поношенный китель
Я помню как злую судьбу –
Лежал в нем
Мой первый учитель
В некрашеном светлом гробу.

Ушел, говорили, до срока,
Все беды теперь позади..
Рука его
Так одиноко
Лежала на впалой груди!

Могилу
Землей закидали.
И женщины
Тихо рыдали.
И кто-то негромко сказал:
– Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Мой первый учитель!
Не вправе
Забыть о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер не в славе –
Ты с нами идешь сквозь года.

Тебе я обязан
Всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нес ты на светлом челе!

Евгений В. ХАРИТОНОВЪ

Москва

9 МАЯ

*Моему деду, которого
я никогда не видел*

на столе
шкатулка
с орденами
моего погибшего
в сорок пятом деда.
ордена стреляют солнеч-
ными зайчиками, которые ска-
чут по стенам, по выцветшим фото-
графиям в потемневших рамках, и вы-
прыгивают в открытые окна, а потом, ударя-
ясь о небо, теплыми хлопьями падают
на прохожих

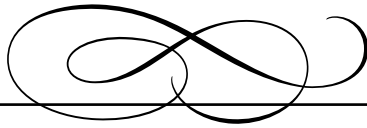
живем

ТАК И ЖИЛИ

Падали, падали
В ножки всякой падали

ПОСТМОДЕРН

постмодерн
постный модерн
постмодератор
моды пост
пост поста
постсорокинпостприговпосткурицынлапой
пост
завтра пост
и никакого
модерна после после
все что после
не модерн
а зачем?
постзачем?
поствопрос

* * *

крикнул
в метафизическую бездну
бытия своего
и не услышал эха

плюнул туда
отпустило

вытер о штанину
рукав

дальше пошел.

МОТЫЛЬКИ

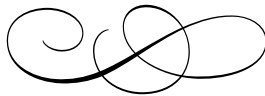
мы всего-то –
суетливо одноразовые
быстрокрыло талантливые
мотыльки скоротечно-великие

греемся и сгораем
под зеленой лампой Классики

* * *

Я живу.

Дежавю.

Снежана ХОЛОДОВА

Москва

РОДНОЙ ГОРОД

Дремлет маргинальная столица
На воспетых берегах Невы.
Арки, руки, улицы и лица,
Кто теперь родня мне, как не вы?

Три зимы следила, как кружится
Суетливый люд по мостовой,
И старались гордо не ужиться
Три бессонных лета мы с тобой.

Пониманье – холодком по коже.
Северной Пальмире, как сестре:
Мы с тобою всё-таки похожи –
Не умеем привыкать быстреей.

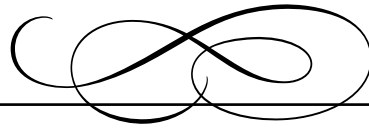
И стерпелось, и слюбилось, вроде.
Как глаза привыкли к темноте –
К северной неласковой природе,
Блеклой краске на льняном холсте.

Васька, Петроградка, Катькин Садик –
Как лоскут Бермудский для души.
Ночь скачи, как бледный Медный Всадник.
Над Дворцовой Ангелом кружи.

Стань родней родне по коммуналке,
Встань лицом ко всем Пяти Углам
Будь разборчив, нищенкой на свалке
Разбирая гениальный хлам.

Будь смекалист, видя сцену эту,
Как смогла однажды быть и я:
Рыжий бож подпившему поэту
Открывает тайны бытия.

Улыбнись, блаженно-отречённый,
И Столица, может быть, тогда
Окрестит водою Речки Чёрной,
Примет, как приبلудного кота.

Сергей ХОМУТИНИН

Ханты-Мансийск

* * *

Пятна ржави на карнизах
Заслезались, глядя вниз.
Незатасканной репризой
С крыши март опять повис.

У людей – брожение крови
И простуженный прононс.
Рвутся капли с белых кровель.
Сколько капель – столько солнц!

Наискось от старой ели,
Там, где снег оттеняет синь,
Брызжет солнечным весельем
Рыжебокий апельсин!

Взялся он невесть откуда,
Но душе стократ теплей,
Повстречать простое чудо
На исходе зимних дней!

* * *

Развесив снежную кудель
По жестяным карнизам,
вьюга

Ушла.

Ты слышишь?

День. День-день...

То ветер, прилетевший с юга,
Тревожит мартовскую стынь.

А значит,

близится апрель,

И солнце

жеребенком рыжим,

Не зная плети и узды,

Начнет копытом бить по крышам,

Ломая льдистые пласты.

Такой закатит перезвон,

Что,

чуя ширь его разбега,

Мохнатые горбы пригорков

Сквозь корку оспенного снега
В полях проглянут
На задворках
Май разрешит разгул травы
И, в зелени ее укрывшись,
Кузнечик, разминая мышцы,
Перед прыжком до синевы,
Привычно глазом мир дробя,
Попутно раздробит тебя...
Смотри! – из тысяч долек склеен
Твой мир – велик и многолик.
Об этом с первых слез кудели
Немел предчувствием язык.

* * *

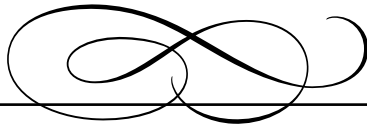
Ах, что же такое Время,
Хлесткое, словно кнут,
И каплющее на темя
Размеренностью минут?

С метелью тоска нахлынет,
Душа захрипит натужно,
Двойной захлебнувшись стынью,
И станет, как воздух, НУЖНО:

Не верить и не испугаться,
Что жизнь – череда утрат
И умещается вкратце
В черточку между дат

Судьбе (этой вечной спорщице)
Выдвинуть свой резон –
Как мило младенец морщится,
Когда его прерван сон...

А сколько различных звуков
Постичь предстоит ему!
Вот доживу до внуков,
Тогда и Время пойму...

НОСТАЛЬГИЯ

На печке дед ругал погоду,
Суставы сжавшую в тисы.
Январь крепчал. Ему в угоду
Краснели щеки и носы.

И вырывался дым косматый
Из труб... А неба темный лик,
Подмигивая воровато,
Дразнился, высунув язык.

И, не боясь иголок знобких,
Бежали дети. Звонкий смех...
Натопанная вилась тропка
К реке сквозь белопенный мех.

А там... сквозь призрачный туманец
Темнела прорубь. В крошках льда
Являла обморочный глянец
В ведре крещенская вода...

Геннадий ХОМУТОВ

Оренбург

ЖЕНСКИЙ БАРАК

Был женский веселый барак
Причиной уличных драк,
Причиной семейных ссор,
А каждый туда был зайти не дурак
И дверь за собой – на запор.

После войны это было, давно,
В краю стариков и старух.
И там холостячки глушили вино,
Горланили песни до двух.

А им подпевали чужие мужья,
Своих голосов не тая.
Об этом гуляла людская молва,
Писали на стенах барака слова,

И бабы оконное били стекло,
И в этом бараку всегда не везло.

Я грустно смотрел на полночный погром
И думал всегда об одном:
У взрослых людей нехорошая страсть
Стекло драгоценное бить.
Его ж невозможно достать и купить
И даже негде украть.

САПОГИ

Анатолию Передреву

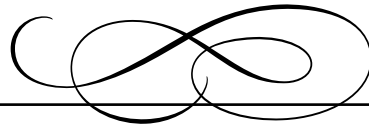
Я сапоги подробно изучал.
Я пальцем по подошвам постучал.
Смял голенища, осмотрел подковы,
Внутрь заглянул:

а гвозди не торчат?

Вот немцы – тоже мастера толковые,
И немцы могут сапоги тачать.
Потом обулся, вышел за порог.
Пошел я в семилетку на урок.
А вся округа белою была.
Вся в инее, как будто в зимних росах.
Единственная улица села
Свела меня с молоденьким морозом.
Мороз у самых ног моих звенел
И на куски на лужах рассыпался.
И белый иней с веток осыпался,
И ветер длинно в проводах гудел.
Навстречу мне шагали земляки,
Спокойные, дотошные сельчане.
– Ишь, у него какие сапоги! –
Они вопросы сыпали свои
И слышали мои ответы веские.
Сказал я бабам:
– Сапоги немецкие!
Товарищам похвастался:

– Мои!

И был тогда от радости я слеп.
Глаза мои – куда же вы глядели?
Я знать не знал, что через три недели
Мать обменяет сапоги на хлеб.

* * *

Валерию Кузнецову

С сорок первого года пусты закрома,
С сорок первого года до сорок шестого.
Вот я в школу иду вдоль забора пустого,
Вот я в школу иду.
Там – еда задарма.
Вот налево сады, а направо – склады.
– Эй, склады! –
Заору я в окошко худое.
И голодное эхо и, наверное, злое
Спросит коротко:
– Это ты?
Это я!
Это я на учебу иду.
Это я тороплюсь и шагаю, шагаю.
Повторяю короткий стишок на ходу.
Но о школьной похлебке не забываю.
Там сейчас повара над едою мудрят.
Чтобы мы хорошо продолжали учиться,
Черным хлебом накормят ребят
И похлебкой дадут насладиться.
О! Спасибо вам всем.
Вы смогли наскрести
На ребячьи обеды в те годы далекие,
Оставалось нам самое легкое –
Только ложки с собой принести.

Владимир ХОХЛЕВ

Санкт-Петербург

* * *

Бог вошел в мое жилище, прикоснулся
к голове.
Услыхал я голос птичий,
вторящий людской молве
О хождении по водам, преломлении хлебов,
Потреблении народом крох, упавших
со столов.

Бог ходил в моем жилище, невесом и невидим,
Замер, тихо приглашая: посидим, поговорим...
Я присел на табуретку, не спеша, и не дыша,
Божьей воле подчиняясь, замерла моя душа.

Бог спросил:
о чем мечтаешь, и мечтаешь ли о чем?
Я задумался, теряясь, долго тёр косяк плечом.
После вымолвил: «Мечтаю
на небо скорей попасть».
Усмехнулся Бог, вставая:
«Что за странная напасть»?
Я людей создал для жизни,
дал им землю, воду дал,
О безвременной отчизне все подробно
рассказал.
Люди слушают, внимают, понимают...
но потом

Многие, как ты, стремятся
своей земной покинуть дом.

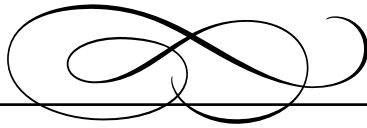
Бог в дверях на миг запнулся,
взглядом нежно обласкал,
Хитровато улыбнулся, на прощание сказал:
Ты не понял, видно, парень,
мысль великую мою –
Может и земля быть раем...
Брось мечтать – живи в раю.

* * *

Лист ладонью ярко-красной
К моему окну приник,
За стеклом, на зорьке ясной
Вижу строгий Божий лик.

Смотрит Боженька с тоскою
На осенние поля.
На туманы над рекою...
Спит уставшая земля,

Сбросив свой покров цветастый,
Ожидая зимних вьюг,
Вспоминая щебет частый
Надоедливых пичуг.

Небо тоже спит устало.
Выжимает из себя,
И на землю сеет вяло
Капли серого дождя.

Смотрит Боженька на тучи.
На полупрозрачный лес,
На сопревших листьев кучи
Под зонтом сырых небес.

В доме холодно. Спросонья
Утро кажется концом.
Я к стеклу прижмусь ладонью,
Поздороваясь с Творцом.

* * *

Христос сидел на паперти у храма,
Невидимый, неслышимый... Один.
Визжала за оградой пилорама,
Под купою краснеющих рябин.

Сновали суетливые трудяги,
Над колокольней строили леса.
Церковные под ветром бились стяги,
И радовались стройке небеса.

Христос сидел, измученный, голодный,
Как после боя, раненый копьем.
Стоял над куполами грай вороний,
Все этим птицам в жизни нипочем.

Святыню восстанавливали люди,
Разрушенную красной саранчой.
На бронзовеющем небесном блюде
Сверкал восток негаснувшей свечой.

Христос устал, Он был уже не молод,
Но теплилась в душе его любовь.
Сквозь человеческий, равнодушный холод
Светил Он в души Вечною весной.

* * *

С высокой глубины небес,
Себя почти не проявляя,
В глубины Он глядит сердец,
Людей отторгнутых от рая.

Он не спеша руководит
Всем, через Ангелов своих.
И молча надо мной парит,
Диктуя мне вот этот стих.

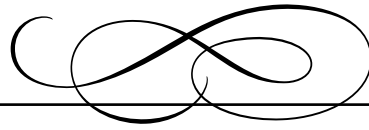
Я сплю, но через стук колес
Ловлю душой простые строки.
С высокой глубины небес
Поэзии струятся токи.

* * *

Неуловимое дыхание земли,
Иду лесной тропкою. Одиноко.
Над соснами плывет высоко
И светится в листве, вдали
Полуденное солнце. Небеса
Вдыхают ароматы лета
И выдыхают ароматы леса...
Забрезжила болота полоса.

Дрожит нервически осина,
Щебечут птицы на сосне
Иду как будто в полусне...
С собой не взял сегодня сына.
Тревожат снова комары
И прочая лесная мошка,
Я потерплю еще немножко,
Смахну со лба росу жары.
Я слышу тихое дыханье
Грудная клетка природы мерно
Вздыхается. И чисто... верно...
О Вечности напоминанье.

Светлана ХРОМОВА

Москва

* * *

Он говорил, идем – идем, она сказала.
И было все: соседи, три вокзала,
И был их путь замешан на молоке и каше,
На пустоте осенней, на памяти вчерашней.

Их время уходило, и стены открывались,
Они не замечали, они не догадались,
Устало и привычно он уходил в запой,
Она варила кашу и дула на ладони.

Они стреляли спички у ближних и прохожих,
Они не находили на что это похоже.
Они сажали хлебы, они читали сказки,
И были сказки ложью, и было тесто вязким.

И все осталось прежним, зерно осталось
в поле,

Их небо уместилось на старой антресоли.
На хлебе и свободе они шагали дальше,
И был их путь замешан на молоке и каше.

* * *

Я засыпала на твоей ладони,
Я просыпалась на его ладони,
И время плотно путалось в клубок.

А где-то в темноте гуляли кони,
В стеклянной темноте гуляли кони,
И был наш путь не близок, не далек.

А где-то за рекой горело пламя,
На вечном берегу гудело пламя,
Мир исчезал в янтарной темноте.

И всё на свете становилось нами,
И всё на свете становилось нами,
И наши тени плыли по воде.

А время в нас свои пускало корни,
Сцеплялись, заплетались наши корни,
Летел, летел на небо лепесток.

Я засыпала на его ладони,
Я просыпалась на твоей ладони,
А время все крутило свой клубок.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

Москва

СВАДЕБНЫЙ ПОРТРЕТ

Я стою на снимке боком,
Ты сидишь почти анфас.
Виден в фокусе глубококом
Стул, разъединивший нас.

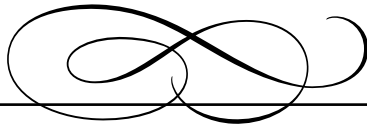
Прижимают к спинке стула
Пальцы краешек фаты.
Отчего так сводит скулы,
Ведь на стуле этом ты?

Электрический, прозрачный
Озаряет лица свет.
Жалко, что мой профиль мрачный
Портит свадебный портрет.

**ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
ЕСЕНИНА**

Что поразило? – Весь без запятых
записан стих – ни запятых, ни точек,
как будто он совсем забыл о них,
не смог остановить ничем свой почерк,

возможно понимая, что от них –
одна морока – да куда их ставить?
Что поразило? – Кто исправил стих,
смог знаки препинания расставить?

* * *

На полку ставлю чей-нибудь роман,
иду на кухню приготовить ужин.
Все в свой черед, и мне теперь не нужен
чужих страниц отчет или обман.

Так вот она, свобода, какова –
на сковородке рыба голова
шипит, разбрызгивая масло по стене
так, что бегут мурашки по спине,

и чудится мне, будто бы моя
чуть золотится в масле чешуя.

ВОРОНЦОВСКИЙ ПАРК

Скворцы чернеют в оспинах золотых,
и селезень стоит на красной ножке.
Ждет утку. Мы гуляем по дорожке.
Весна с размаха бьет меня поддых.

Присаживаюсь на скамейку. Рядом
садишься ты и терпеливо ждешь,
когда отшелушится страхов дождь,
и я допью свою цыкуту, взглядом

обглядывать бутоны почек рад
и гроздь шишек, словно виноград,
приладившихся на верхушке ели,

и отраженья крон в пруду глубоком,
чету ворон, проковылявших боком, –
все, что за зиму позабыть сумели.

* * *

Я слышу, как плещется рыба в реке.
Гляжу на закат. Обжигает sake
Морозного стихотворенья
И рифм подо льдом шевеленье.

* * *

Измениться в мгновение ока?
Прямо с этой строки...
Самому... Не надеясь на Бога...
Верят в это лишь чудаки...
О, единственная революция
В глубине наших душ,
Не реформы свобода куца –
Очистительный душ!
...А подумаешь – как иначе, –
За мгновение глыбою льда
Позабывая в кадке на даче
Стала вымерзшая вода,
Вот с такусенького кристалла,
Разветвись как ядерный гриб.
Эй, молекула, что отстала, –
Я к тебе всей душой прилип!
Всей душой своей ленивой,
Сразу всей – до самого дна.
Жизнь – отливы лишь и приливы,
За которыми смерть видна.
Измениться в мгновение ока,
Против вялой плоти восстав.
Самому. Не надеясь на Бога.
Словно лед, что тверд и шершав.

* * *

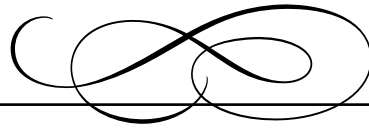
Что будет с моими стихами?
Они во мне затихают,
затягиваются, словно шрамы,
безрадостны и упрямы.

Еще не на полном серьезе,
по прихоти, на курьезе
срастаются в целое строки,
порою точны и жестоки,

но чаще – распятые позой,
стихами еще, а не прозой,
считающиеся по привычке,

их вынести нужно в кавычки,
прочсть, как чужую цитату,
как собственной жизни растрату,

как недостающую смелость
сказать лишь о том, что имелось,
что было не мифом – а в яви,
в чем был сомневаться не в праве,

что было моей судьбою,
любовью, дыханьем, тобою.

Евгений ЧИГРИН

Москва

АНТРОПОМОРФНОЕ

Словарь реки читается с конца,
Сначала «я», а после остальное.
Лицо волны, от солнца золотое,
Морщинится, как кожа мудреца.
Лицом к лицу два взрослых существа:
Животные, а лица человечьи...
Шипящие куски пространной речи,
Безвестный слог, воздушная строфа.
За валуном три Мойры вяжут сеть,
Вздыхая так, что облако косится,
Полным-полно в телесном небе ситца,
Никто не сможет с этим умереть.

Два зверя пьют мареновый закат,
В когтях – любовь: безумие, объятье,
Кипение листается во взгляде
(Амур с холма залыбился впопад.)
Два зверя век вылакивают так,
Что чудища воды глотают слюнки...
Смеркается в ненаселённом пункте,
Ступает призрак в мёртвенный овраг.
Карбункулом любви стоит луна
В небесном горле... ангелы на стрёме
Бегущих строк, китайской лодки в коме,
Плывущего в иллюзиях вруна.

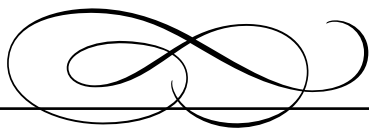
БАЛАГАННОЕ

...то ли бухта Трепанга, то ли
Мореход в химеричном сне –
Это снится воронье море,
Острова в голубом окне,
Где казалось: кино продлится,
Отворит дурак шапито,
И потешная вспыхнет птица,
И поскачет конёк в пальто...
Это снится эксцентрик с айном,
Смешан бред с берегами, где
Любовался оттенком чайным,
Понимал в колдовской дуде,

Как свинья в апельсинах. Этим
Перепутаны карты все?
Вот и катится жизнь «с приветом»
На неправильном колесе,
Или правильном?.. Кто ответит? –
То ли ангел, смотрящий за...
То ли Зверь, что меня приметит,
В преисподнюю подвозя?..
Старый остров (большая рыба),
Никаким Ихтиандром не...
Остальное мура и липа
И т.д. и т.п. извне.

* * *

...там ловкие сарганы в руки шли,
Как мифы места, пахнущие зверем,
И море в луже клюквенной зари
Дышало дзэн-буддийским недоверьем.
Там птицей эксцентрической смотрел,
Держал в руках то ангелов, то нечисть,
Когда Селена встала на ущерб,
Старуха с бритвой задвигала речи
И пряталась в усмешку и врача...
Там задували демоны причалы
И след берегового скрипача...
Не выплакать бемолям этой кары.
Там жизнь сходила... Аполлон, ты где?
Такой глушняк. Не вяжется Эллада.
Я там ловил бамбуковых детей,
Я там вбирал первопричины ада.

Екатерина ШАНТГАЙ

Санкт-Петербург

КОКТЕБЕЛЬ

Мы на шею цепляли «куриных богов»
И запретные шорты носили
У далеких песчаных твоих берегов,
Киммерийская нежность России.

Словно видя старушку⁴, сходящую в сад,
Чтобы нам показать сердолики,
Там волошинский профиль являл Карадаг
И другие прекрасные лики.

Ярко-розовым светом мерцал небосвод,
Пел вечерний фокстрот у причала,
И как будто прозрачнее не было вод,
И лучей горячей не бывало.

И неделю почти на плацкартных местах
Мы тряслись, чтоб, хотя б на неделю,
Окунуться, от долгой дороги устав,
В удивительный мир Коктебеля.

Постигая общенья смешные азы,
Обретала я веру и милость,
Помню пенную бурю июльской грозы,
Что с горы камнепадом катилась,

Помню блеск и истому палящего дня
И ожоги песка золотого,
И шептало светило: – Запомни меня,
Может быть, не увидимся снова!

И случайных объятий воинственный жар,
И гитарные звонкие песни,
И тяжелый этюдник, и темный загар,
И сверкание звезд в поднебесье.

Кабы знать, что другие придут времена,
Обстоятельства будут другие:
Непосильна дорога, чужая страна –
Не Россия уже, не Россия...

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЮГА

Туда мы ехали, надеясь, – там тепло,
Там все цветет, там синева морская!
Сегодня мы обратно уезжаем, –
Заснежено вагонное стекло.

Был пасмурен и скучен наш досуг,
Мы долго ждали у моря погоды,
Пресьтившись капризами природы,
Мы покидаем невеселый юг.

Вновь снегопад – графический пейзаж,
Все черно-белое: деревья и просторы.
Мы только что перевалили горы,
И невелик наш подорожный стаж.

Вдоль полотна снега встают стеной,
Дорожный сон и тягостен, и чуток...
Терпи, дружок! Каких-то двое суток –
И снова Питер, зябкий, но родной!

* * *

У каждого есть свой в шкафу скелет
И демоны свои.

И часто снится
С глазами человеческими птица,
Несущая потусторонний свет.
У каждого есть тайна от людей, –
От близких, от любимых, от друзей,
Есть стыдные, есть страшные печали,
И никому о них!

И никогда!
И только Вифлеемская звезда
Проникнет в сердце ясными лучами
И высветит запретный уголок,
Который ты оберегал так строго:
Ничто не укрывается от Бога –
Ни смертный грех,
ни маленький порок.

⁴ Анастасия Цветаева в 1978 г. жила в доме Волошина и каждый вечер в садике при доме демонстрировала свою коллекцию камней.

* * *

Он кричал по ночам, самый славный
на свете...
Лишь теперь понимаю, дожив до седины,
Так рыдают во тьме некрещенные дети,
С черным ужасом ночи один на один.
Я кормила младенца, купала, качала,
Он светился беззубой улыбкою дня,
Било полночь, и все начиналось сначала,
Материнское сердце мое леденя.
Все сама, все одна, – в тесноте и обиде,
Я считала, что делаю все «по уму»,
А в небесном доме плакал Ангел-хранитель,
Не допущенный мною к труду своему.

Михаил ШАПОВАЛОВ

Московская область, г. Подольск

В ГОСТЯХ

Я славлю две вещи в комнате этой.
Во-первых: старинную трубку поэта

С восточным на чашечке томным цветком,
С обкуренным краем, с крутым
мундштуком.

Я верю, душистый табак зажигая,
Подумать легко, что она из Китая,

Где жил ясновидец, философ Ду Фу,
Служивший природе, добру и стиху.

А во-вторых: кавалерийскую шашку –
Взлетает со свистом и падает тяжело.

Возьмешь рукоять – прикипает к руке,
И солнце играет на честном клинке.

И шашка, и трубка – равно хороши
Для цельной натуры и тонкой души.

СТРАХ

Нечаянно задев рукой,
Осиное гнездо я всполошил.
И загудел, поднялся грозный рой!
А я бежать пустился, что есть сил.
От крика лопнул купол летней хмари.
Кусты мешали... Сковывал песок...
На спину голую пикировали твари, –
От плавок до плечей всходил ожёг.
О!.. Этот берег мне всё лето снился
И в детский сон – чудовищем Дали –
Как жёлтый тигр, осиный страх вселился,
Пока минуты медленно текли.

ПОДМОСКОВНАЯ ВЕСНА

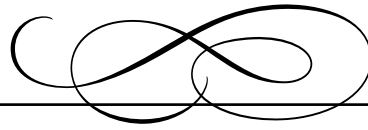
Ещё весеннего тепла
На всех как будто не хватает.
Ещё с утра снежок порхает.
Даль то туманна, то светла.

К полудню – солнце в небесах.
Капель. Синичьи разговоры.
Проталин по снегу узоры.
Слеза невольная в глазах.

И остаётся только ждать
Преображенья и расцвета,
Когда с собой приносит лето
Сиреневую благодать.

Андрей ШАЦКОВ

Москва

СКАЗ О РУЗЕ

Здесь даль – широка, а река – глубока,
Над Рузой не властны года и века
Спит время...
Здесь воинов хрипло приветствует рог,
И княжеский стяг поднимает Боброк,
Встав в стремя!

Земля ворожит, и вода ворожит,
И ворон над памятью павших кружит,
Как в сказке.
И тихо звенит колокольная медь,
Что жизнь торжествует и поправа смерть –
В день Пасхи.

Здесь липы столетние в пору цветут.
Цветёт зверобой и рассыпаны тут
Ромашки.
К посадскому тыну взбегает чабрец,
Здесь служит стрелец и не знает купец –
Промашки.

Здесь кочеты будят погожую рань.
На окнах за стёклами дремлют герань,
И кошки...
Но если вдали громыхает гроза
«Славянку» играют на все голоса
Гармошки.

Здесь мною исхожены тысячи троп,
Но если почувствую сердцем озноб –
Последний,
Над Рузою воздух прорежет душа,
В обитель к Творцу в поднебесье спеша,
С обедней...

АВГУСТ 2009

Снова в строчках, скроенных «на вскидку»,
В августовской маятной дали,
На «живую» стянутые нитку,
Проплывают в небе журавли.

Журавли, куда Вы, право слово?
В суету заоблачных хлопот?..
Русь живёт от Пасхи до Покрова.
Пополам ломая длинный год.

Днесь живёт, а в зиму – выживает
В чаянье весеннего тепла.
«Крестиком» узоры вышивает
На погостах сумрачная мгла.

Но ещё до ночи самой темной,
Бесконечной ночи в декабре –
Долог путь,
и дремлет август томный
Рыжей кошкой на моем дворе.

Разнотравье лета на исходе.
В росах медуница и кипрей.
И тепло совсем не по погоде,
Только клин – всё выше и острей.

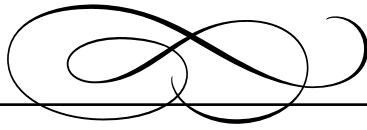
Он летит, не умолкая, мимо:
Рощи, косогора и меня.
Словно чует за спиною – зиму
И успенье светового дня.

Но пока вещают лето Святцы!
Лжёт Григорианский календарь.
Журавли, успеете собраться.
Негасим Отечества алтарь!

ДВАДЦАТЫЙ...

Снег скрипит! Скрипит январский снег.
Пёрышко скребётся по бумаге.
Словно вновь пришёл двадцатый век,
Очередь заняв в универмаге.

Фантики, хлопушки, пастила,
Синий шевиот официоза...
Ёлка настоящею была –
Со смолой, застывшей от мороза.
Дворник гордо нёс свою метлу,
Деревенский дворник – дядя Федя.
Тёплый хлеб давали ко столу,
И компоты – школьникам в буфете.

И трещали доски у бортов:
Шло с Канадой вечное сраженьё.
И в хоккейной шапочке – Бобров
Поражал игрой воображеньё...

Милый, неуклюжий и больной,
С коммунальной толчëй в квартире,
Где ты мой двадцатый – золотой,
С орденom «Победы» на мундире!?

Где ты, чёрно-белое кино?
«Огоньков» эфирная программа.
Голуби, соседи, домино,
И такая ласковая мама,

Что теперь глядит издалека,
В деревянной рамочке квадрате...
Век двадцатый – это на века!
На другие – времени не хватит!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Приспееет октябрь и клюква пойдёт по лесам.
Вернее, она побежит по прокисшим болотам.
И может быть я, если только успею

– я сам

Об этой поре напишу перед зябким уходом.

Как строились ели, вдоль узкой тропы
в караул,

Гдемы пробирались под вечер
в деревню с грибами.

И пёс на дворе бесконечную песню тянул.
Чтоб было не скучно в своём одиночестве
маме.

Пустые колоды лежат, как повапленный гроб,
И мама, предчувствуя скорую сердцем разлуку
Сказала – «Ступай, на дорогах сейчас
чернотроп...»,

И тихо к стеклу приложила прозрачную
руку...

Не каждый ушедший до светлой мечты
доскакал.

Не каждый домой издалёка вернулся
понуру...

У волчьего времени – волчий, звериный
оскал.

И с лисьим окрасом дублёная зимняя шкура.

Но в сполохе гроз и в мерцанье трясиновых
огней,

Вдоль шалой воды, уносящей буруны к закату,
Я шёл до конца, оставляя друзей и коней,
Внимая вселенского боя глухому раскату!

И там, где заплотом судьбинный предстал
перевал,

Его одолев, между кручами и облаками,
Я мёртвые губы бессмертной страны

целовал...

И вспомнился дом... И заплакалось горько
по маме.

* * *

Какая осень крыльями шуршит
Среди юдоли уличного ада...
Меня уложат на багряный щит
И унесут в обитель листопада.

И грянет громом реквиема гул
Былой весны из Ветхого Завета.
И бабье лето встанет в караул
Над ложем онемевшего поэта.

Но я приподнимусь, отсрочить тщась
Миг расставанья духа с ношей тела.
Вернись, душа! Ещё не пробил час,
Чтоб ты стрелой над памятью летела.

К той, что за тридцать грошей не предаст
Вернувшегося в прошлое Мессию...
И плащаницы листьев алый наст
Опустится покровом на Россию!

Ганна ШЕВЧЕНКО

Москва

* * *

Тиха расплавленная ночь
в степи восточной Украины,
не превзойти, не превозмочь
не долететь до середины.

Но отрывается скала,
плывёт, как парус одинокий
в тумане моря и стекла,
чтобы найти в стране далёкой

дом, что цветёт на валунах,
растёт и делается выше,
покуда жидкая луна
стекает с черепичной крыши.

ЯБЛОКО ПОЛУДНЯ

хорошо
что яблоку негде упасть
пропасть заполнена перьями и цветами
и только розовый куст машет крыльями на
краю
и дышит прерывисто полными парусами
хорошо
что собака лежит под кустом
дрожит хвостом
грызёт солёную клетку
парус взлетает на миг
оседает как пыль
а яблоко полудня
падает падает с ветки

ЗАГРОБНЫЕ СЕКРЕТЫ

Когда дома в бетонных гетрах
нашли друзей по переписке,
погода, кутаясь от ветра,
надела шарф из жёлтых листьев.

И побежало время множиться
на «до» и «после» преломления.
На зеркалах пожухла кожа
и поломалось отражение.

И зазвонил однажды за полночь,
будильник с острыми усами,
для тех, кому идти на кладбище,
прогуливаться с мертвецами.

Взглянуть, во что они одеты,
как им живётся под давлением.
Узнать загробные секреты
об элементах Менделеева.

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Санкт-Петербург

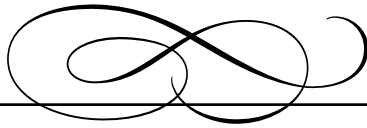
* * *

На писательском фронте без перемен:
Плюнуть некуда – гении сплошь да пророки.
Не скажу, что ведут натуральный обмен,
Просто тупо воруют бездарные строки.

На писательском фронте без перемен:
Кто-то пьёт, как свинья, в круговой обороне,
Доживая свой век с вологодской Кармен.
Кто-то лютых друзей в Комарове хоронит.

На писательском фронте без перемен:
Кто-то ходит с пером в штыковую атаку,
Что бы сдать в итоге в почётнейший плен,
Наигравшись с друзьями в газетную драку.

На писательском фронте без перемен:
Пересуды, раздоры, суды и пирушки,
А в остатке сухом – разложение и тлен...
Выпьем с горя, содвинем заздравные кружки!
На писательском фронте без перемен...

ПЕТЕРБУРГ

На озябшем перроне и пусто сегодня и гулко.
Милицейский наряд прошагал безучастный,
как снег.

Точно так же глядел на меня,
выходя на прогулку,

Насосавшийся крови,
двадцатый, сдыхающий век.

Ах, ты, память моя!

Я прощаю, а ты не прощаешь!

Отпусти же меня, помоги мне обиду забыть.

Ничего не даёшь ты взамен, даже
не обещаешь,

Кроме ветхозаветного – быть!

Ну и выпал денёк,

с ветерком, до костей пробирает,

Гололёдец такой, ну, совсем, как у Данте
в аду...

Я всем мозгом спинным понимаю –
меня забывает

Полусонный вагон, убывающий в Караганду.

Он забудет меня, одиноко ржавея на свалке,
Как забыли меня, все кому я тепло раздарил...
Здесь, в несломленном городе,

люди блокадной закалки

Отогрели меня, когда жить уже не было сил.

Смейтесь, братья мои!

Нам ли нынче стонать и сутулиться!

Смейтесь, сёстры мои!

Вы затмили достойнейших жён!

Посмотрите в окно...

Кто метёт и скребёт наши улицы? –

Это дети оравших до времени: «Русские вон!»

* * *

Золотые слова растащило по норам ворьё
И аукнулась нам
бесконечная наша беспечность.
Поспешаем за веком и в души несём не своё,
На сегодняшний день обменяв
человечность.

Разрастается зло,

выползает из тёмных щелей –

Погремушками слов

азиаты гремят на рассвете...

Встань за Родину, друг мой,

молись и себя не жалея –

От безбожных отцов

не рождаются русские дети!

* * *

Ветер нынче строптив, хамоват и развязен.

Вот и верь после этого календарю!

Паутинкой-строкою к нему я привязан –

Потому и стихами сейчас говорю.

Ветер ходит, где хочет. Живёт, где придётся.

То стрелой пролетит, то совьётся в кольцо.

Окликаю его – он в ответ мне смеётся

И кленовые листья бросает в лицо.

Он стучится в окно без пятнадцати восемь,

Словно нет у него поважнее забот.

Он несёт на руках кареглазую осень,

И листву превращает в ковёр-самолёт.

Он целует её, называет свою –

И ему аплодируют створки ворот!

Я стою на крыльце и, как школьник, робею.

И сказать не умею, и зависть берёт.

* * *

Я просыпаюсь. Мой костёр погас.

Лишь огонёк в золе едва мерцает.

Звезда, сгорая в небе, созерцает

Меня и этот мир в последний раз.

Трава в росе. Выходит из тумана

Осина и чуть слышно шелестит.

Повремени. Прошу. Ещё так рано.

Ещё дорожка лунная блестит.

Ещё волна песок не разбудила,

И чайка не расправила крыло.

И тайну мне ромашка не открыла,
И воду не тревожило весло.

Ещё чуть-чуть... Настраивают скрипки
Кузнечики. К травиночке-струне
Прильнула нотка маленькой улитки...
А я её не слышу в тишине.

Ещё мгновенье... И среди ветвей –
Защёлкает, раскатится, зальётся,
Вступая из-за такта, соловей,
За ним другой... И рассмеётся солнце!

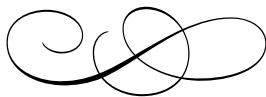
О, утро, – несравненный музыкант!
Как можешь ты рождать такие звуки!
В отчаянье заламываю руки...
Вот мне бы на секунду твой талант!

МАРИНЕ

Как хорошо. Вот и дети уже подросли.
Время иное иные диктует заботы.
Мимо спешат поезда и плывут корабли,
Мимо над нами уносятся вдаль самолёты.

Что нам до них. Мы с тобою во все времена
Мимо идущих на добрых и злых не делили.
Ты перед Богом мне стала навеки жена.
Дай же мне руку, пойдём... Мы с тобою
любили.
Тихо за мной – «Я люблю» – нараспев
повтори
И повторись, словно в зеркале, в этом
повторе.
Синее-синее... Что же ты медлишь? Бери!
Я отдаю тебе это волшебное море.

Вот и пришли. Те же волны и та же луна,
И ветерок, и весёлый озноб листопада...
Здесь и сейчас ты в меня без ума влюблена,
И ничего мне другого от жизни не надо.

Виктор ШИРОКОВ

Москва

* * *

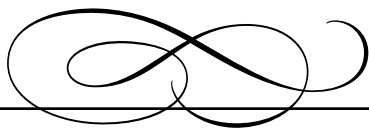
Был я, кажется, вовсе не промах:
изо всех из мальчишеских сил
белоснежную россыпь черемух
я обламывать очень любил.

А сейчас то канава, то яма;
кто-то евро кадит, кто – рублю...
Называть всё открыто и прямо
я по-прежнему очень люблю.

Ничего мне другого не надо,
посмотрю наобум в небеса,
есть черемуховая отрада,
очень нежные словеса.

В ТЕНЁТАХ БЫТИЯ

Меж нами разговор короткий...
– А что, дружок, не хочешь водки
или ты жалуешь пивко?
– Да уж совсем не молоко,
что на губах давно обсохло.
Такой мы, понимаешь, охлос...
Нет, чтоб, как только рассвело
поехать в Царское Село,
шампанское легко пригубить,
поговорить хотя б о Кубе,
которую воспел Гильен,
да скушать лобстер иль жульен...
А мы в напряге и запарке
забили на дворцы и парки,
в ближайший магазинчик – тур,
а там всю распелся Шнур...
Нет, чтоб в согласии и в мире
послушать о Гвадалквивире,
а он меж тем свое шумит
и затесаться норовит
в хмельные наши разговоры,
мол, что ни власть – сплошные воры;
куда ни глянешь, ё-моё,
одна рванина и жульё.

Исход беседы одинаков,
расходимся, иначе – драка,
иначе милого дружка
побью, а, может, он слегка
меня ручонкой приголубит
и разобьёт до крови губы...
Для русских праздник – мордобой!
Ну, вот и всё, пора домой.
А завтра снова спозаранку
крути, дружок, свою «баранку»,
начни не с чая, а с пивка,
ведь суть планиды глубока,
а мысли тяжелы, как гири...
О чем? Хоть о Гвадалквивире
или о том, что бравый мент
убил троих в один момент...
А я хвалиться не устану,
что скоро полечу в Гавану,
но далее об этом цыц,
чернил не хватит и страниц.
Пора, пора остановиться,
пусть только жидкость будет литься,
пока в тенётах бытия,
как мухи, бьёмся ты и я.

* * *

Кто мне дарит волшебные строфы?
Ведь и я – современник ничей.
Призрак утренней катастрофы
исчезает от солнца лучей.

Электричество снова доступно
и любая есть в доме вода.
И опять невдомёк, что преступно
трогать голой рукой провода.

Чем ты более пишешь умело,
тем видней неизбежность тщеты.
Размываются правды пределы
и куда недоступней мечты!

МЕЖ ЖЕРНОВОВ

Эта мысль отнюдь не нова –
человек попал в жернова;
но сюжет бесконечно нов
о метаньях меж жерновов.

* * *

Я наблюдаю, как умею...
Воображенья страшен зуд.
Деревьев корни, точно змеи,
смотрите, по земле ползут.

У всех у них – одна задача:
удерживать высокий ствол.
А человек бы смог иначе:
вдруг встал, обулся и ушёл.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Москва

* * *

Чуть морозящий
грибной, родной
светится дождик,
и голос брата
возле заката зовёт домой...

* * *

Без телевизора, без телефона
стали заметнее
ива, ворона,
лёгкая рябь на реке.
Стали прозрачней синие окна,
в брёвнах потрескивают
волокна
и навевают любимую грусть
новости лета –
рыжик и груздь!

* * *

Вл. Некляеву

Ну что нам стоит до парома
дойти за полтора часа?

Совсем недалеко от дома
стоят далёкие леса.

И что нам стоит до затона
дойти, валяя дурака?

Совсем недалеко от дома
течёт далёкая река!

ЧИТАЯ «ГОЛОД» КНУТА ГАМСУНА

Я знаю этот звон в ушах
и эту страшную весёлость.
От магазина в трёх шагах
вдруг возникает невесомость.

И я смеюсь... Буханка хлеба
меня не отпустила в небо!

СЛУЧАЙНОЕ

Запах неба... Покрытая рябью река.
Во дворе кладовщик, изнемогший от зноя,
и так зыбко земное,
что хочется гирию
положить незаметно в карман пиджака.
Иногда происходят такие курьёзы,
а в окне баркалабовского ДК
далеко за Днепром собираются грозы.

В 17 ЛЕТ

Сверкали звёзды
в зеркале залива,
но звёзды далеки,
а люди – дураки!
И на моём лице
ласкала синяки
прохладная свисающая ива...

* * *

Пиджак Рембо пошит
из синей ночи,
к воротнику приколот махаон.

Испанский нож
под карканье ворон
на изваяньях мраморных источен:
– Купи себе червей на миллион!

МЫ БЕЖАЛИ ПО ТУНДРЕ...

У нищих глаза озорные
и зубы у них золотые,
у нищих набиты карманы,
но я всё равно подаю,
когда заиграют баяны
и вспомнят твои уркаганы
великую песню свою.

* * *

А ночью он любил играть!
И до костей его пронзало
удачи сладостное жало,
вдруг выпадало 35.

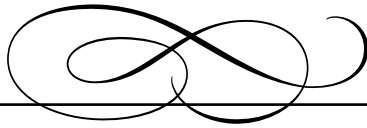
Крутилось колесо рулетки,
сгорали раковые клетки
и возникал из бездны звук.

Как от заоблачного звона
закладывало уши вдруг...

Молчи, ползучая мамона.
Крутись, непостижимый круг!

КОГДА Я ПОКЛОНИЛСЯ КЛЁНУ

Вас позабавил мой поклон,
и объяснять мне неохота,
что золотой осенний клён –
изобретатель вертолёта!

* * *

Грибная осень отошла,
а у меня в глазах стоят
боровики и мухоморы,
нарядные, как мушкетёры,
виконты, графы, кардиналы,
я до утра читал Дюма,
непозволительная роскошь
для процветающих людей –
не спать с улыбкою счастливой
и слушать шорохи дождей,
на ощупь выбирая сливы...

* * *

Я не знаю какое сегодня число,
но с утра журавлей
треугольная стая
рыболовам курлычет,
что лето прошло,
перелески пустые листья...

Иван ЩЁЛОКОВ

Воронеж

* * *

Компьютер пуст, все файлы – в бездну, в пыль.
Беспечный лишь колышется ковыль
По бугоркам, на склонах. И в душе.
На лжи построен мир давно уже.
Но если предков ложь была куца,
Оканчивалась поркою отца,
Границами враждующих племён,
Теперь она взвилась под небосклон,
К орбитам вышла – выше МКС,
К Юпитеру, к Плутону... Космос весь
Пронизан ей – страшнойшей из частиц.
Сердец не слышно и не видно лиц.

ПОСЛАНИЕ ПОРУЧИКУ КИЖЕ

На имя моё наложили запрет,
На память мою нацепили корсет.
Я есть и меня одновременно нет.

Игра не игра и отстрел не отстрел.
При деле привычном как будто вне дел.
Скажите: я – жертва, я – цель, если цел?

Привет, легендарный поручик Кижэ.
Ты ждал меня в гости? Я – вот он уже.
Сойдёмся, дружище, в одном кураже.

Не спрашивай имени, в память не лезь.
В них – чьи-то игра, озабоченность, лезть.
Важнее, что оба в России мы есть.

* * *

Я не хочу, но подчиняюсь воле
То зла чужого, то своих страстей...
Как быть свободным, словно тропка в поле –
С ромашкой, с пылью, с клином журавлей?..

Как быть свободным? Хватит ли запала?..
За косогор, под гущи лозняка
Бежала тропка и себя теряла,
Подхваченная мощью большака.

Весь сотканный из сотен юрких тропок,
Большак, нескладный, пылкий, как пацан
Врезался огулом в шоссе́нный рокот,
Обочиной ныряя под кардан.

Чем скорости сильней, тем меньше смысла,
Тем не разборчивей мелькающая даль...
В потоке том, стремительном и мгlistом,
Угадывалась только магистраль.

* * *

Бреди по лужам, шлёпай по грязи,
Сгребай листву штанинами ветров,
Не ощущая слякоти – вблизи
И вдалеке – дыханья холодов.

Не эта грязь, что под ногами, – зла,
Не та, что въелась в трещины подошв,
А та, что разъедает нас дотла,
Просачиваясь в души, словно ложь.

Пока возможно – радуйся листку:
Как мастерски по воле ветерка
Он, накрываясь, на золотом боку
Скользит изящно мимо каблука!

Вот нам бы так – чтоб хляби в пух и прах!
Но мы, в лодчонках осени гнездясь,
Нырнем в лужи жизни, как впотьмах,
И через край зачерпываем грязь.

* * *

...не сотвори себе кумира...
И я его не сотворил.
Я отворил ворота мира
И с миром просто говорил.

Молчали гордые кумиры,
Взирали с книжных корешков.
Им было легче – кирасирам
Гусиных перьев и балов.

В сетях «всемирной паутины»,
Под колпаком глобальных ПРО
Кумиры прошлого – детины,
В забавах грызшие перо.

Не сотворить – сберечь бы только!
В тотальной слежке места нет
Кумирам, дремлющим на полках
Под зорким бдением ракет.

* * *

Давай с тобой решимся на игру
В снежки, в рулетку, в собственное «я»,
В былинки трав на ледяном ветру
Средь скудного степного бытия.

Весь мир – игра: с утра и до утра,
От первых звёзд и до последних звёзд.
И нам давно задуматься пора,
Что всё в игре случается всерьёз.

Пусть кто-то свят в поступках на миру,
А кто-то грешен – ниц уже не пасть.
Но оба, сотворив свою игру,
Потом над нею упускали власть.

Давай сыграем... В плен себя не брать:
У невезучих души не добры...
Так здорово былинкой трепетать,
Забыв на миг о правилах игры!

* * *

До первых заморозков – шаг,
До остального – как придётся.
Не холод нам с тобою – враг,
А то, что в души к нам крадётся.

Беда к беде, вода к воде...
По капле рушатся основы.
Хочу обнять тебя в беде,
Не говоря о ней ни слова.

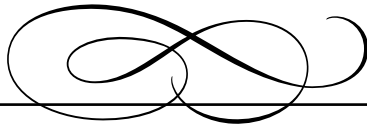
Людмила ЩИПАХИНА

Москва

ПОНАЕХАЛИ

И в миг святого торжества
И в самый тяжкий час
Судьба недавнего родства
Не покидает нас...

Душа сжимает горький крик,
Когда в толпе людской
Стоит мой давний друг-таджик
С протянутой рукой.

И где элитный особняк
Возводят москвичи,
Мой бедный друг узбек-босяк
Таскает кирпичи.

И та смуглянка, что в саду
Срывала виноград,
Служанка в нынешнем аду
У воровских оград...

И среди рыночных витрин
Трамвайного кольца
Торгует старый армянин
С глазами мудреца.
Подросток, нищий инвалид
Нездешнего лица –
За вас душа моя болит
За СЫНА и ОТЦА.

ИМ – «Понаехали !» – кричат...
НО я не согрешу,
За ТЕХ, КТО в этом виноват
Прощения прошу...

* * *

Как мачеха теперь литература.
К душевным откровеньям – не добра.
И смотрит день презрительно и хмуро
На доблестных слугителей пера.

Не на заказ мы пишем, а на вечность.
От груза бед – весомее строка.
И всяческая теле-шоу-нечисть
На нас, безумцев, смотрит свысока.

Но призванные в жизни чем-то ВЫСШИМ,
Презревшие людскую глухоту,
Покуда дышим – неподкупно пишем,
Доверясь сердцу, ручке и листу.

И всё, что растоптали в веке новом,
С рублём, а не с ЗВЕЗДОЮ говоря,
Взойдёт, как степь, засеянная СЛОВОМ,
Святым и бескорыстным, как заря.

Не признаны судьбой, не обогреты,
Не лгавшие ни нынче, ни вчера,
Друзья мои – безвестные поэты,
Последние Апостолы добра.

ГЛУБОКОЙ НОЧЬЮ

Смотрит месяц таинственно-косо.
Спит земля. Утихает вражда.
К изголовью приникли вопросы,
Как к окошку – ночная звезда.

В лоно жизни упавши случайно,
Ждём какой-то нездешний ответ...
Есть религии древняя тайна.
Есть науки непознанный свет.
Нам удобно на милой Планете.
Ну а что там – возвышенной туч?
Кто мы – грубой материи дети
Или тонкой реальности луч?

Почему, как кусачие осы,
В час, когда не увидишь ни зги,
К нам заумные лезут вопросы,
Бередят и тиранят мозги?

И тревожною ночью остылой,
Сквозь живую и мёртвую тьму,
Восклицаем: «Спаси и помилуй!»
А, по сути, не знаем – кому...

* * *

Всю жизнь – война, войне, войной...
За урожай – сплошные битвы.
Борьба с покорной целиной.
За упокой надежд молитвы.

Свершаем ратные труды
Под воинскими небесами.
Упрямо строимся в ряды
Борцов – за что? Не знаем сами.

Идут сражения кругом.
И каждый призван и зависим.

Война – с войной. Война – с врагом.
Война с проклятым закулисем.

И хлещет полдень ветровой
В мои военные медали...
Я – на Четвёртой мировой!
А Третья?
Третью
Проиграли.

Олег ЮРКОВ

Санкт-Петербург

* * *

Мой номер охраняет Смеляков.
Его портрет висит у самой двери.
Его позвать к себе – удел Богов
И пламенного Данте Алегьери.

Его не позову спуститься в Ад.
Он там без нас довольно долго пробыл.
Над ним светило в полтора ватт
И потолка едва заметный прогиб.

Ах, Ярослав Васильич, вот и вновь
Мы встретились у берега Фонтанки.
Я о подобной не мечтал свиданке,
Планируя всегда не в глаз, а в бровь.

Вы на портрете молод и красив,
Едва-едва вернувшийся оттуда.
Как хорошо, что не случилось чуда!
Мы отдыхаем, домны загрузив.

У Вас еще работ невпроворот.
Составы шлаков не определились,
И многие у заводских ворот
Работой нашей смены огорчились.

Все может быть. Ведь кризис налицо.
Пора бы, проявляя солидарность,

Расширить забастовщиков кольцо,
От власти получив неблагоприятность.

Вам, Ярослав, быть в зеках не впервой.
А вот стихи писать – не каждый в силах.
Мы вместе отвечаем головой
За тех, кого эпоха подкосила.

Мы не оставим наше ремесло.
Но если быть уволенным придется,
Пусть кто-то скажет: «Им не повезло»
И по большому счету ошибется.

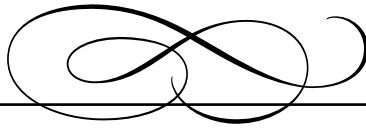
* * *

Какие льготы, преференции?
Как мало шприцев одноразовых!
Мне кажется: я во Флоренции
Дописываю «Карамазовых».

Арно передо мной улыбится
Мостоми, яркими полотнами.
А Петербург в сознание дыбится
Колодцами и подворотнями
Близка мне городская камерность,
Судьба жестокая и страстная.
Я эту скуку, эту каменность
С собой ношу, по миру странствуя.

А что в грядущем мне обещано?
Кто выполнит работу адову?
За каждой европейской женщиной
Я вижу Соню Мармеладову.

Евгений ЮШИН

Москва

У РЕКИ

Пора мне. Равнина нагая
Простёрлась польнью дорог.
Волною река набегает
И девочкой плачет у ног.

Возьми себя, милая, в руки.
Я тоже уехать не рад.
Щемящее чувство разлуки
Напомнило холод утрат.

Но мы ещё свидимся, знаю.
Пошлешь мне весеннюю весть.
Я так твой язык понимаю,
Как ты камышовую песнь.

Раскатится смех половодья,
Поднимет под небо сады.
Никто не удержит поводья
Хохочущей пьяной воды.

И лодка, что спит на приколе,
Шальная гармошка в гульбе,
И спелое звёздное поле,
И я – отразимся в тебе.

* * *

Нам все даровано с рожденья:
Родные люди, отчий дом,
Цветы лугов и звезд круженье,
И взгляд родимый за окном,

Любовь, друзья и стылость буден,
Туман дорог, отец и мать,
И всё, что мы по жизни будем
С годами горестно терять.

* * *

Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И всё, что недавно лежало в снегу
В весенней запенилось браге.

Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.

Выводит петух засидевшихся кур.
От облака – длинные тени.
У Любки-буфетчицы – синий прищур
И солнцами светят колени.

Анюта соседу несет молока.
Наладил сетёнку Василий...
Пока что не громко, пока что слегка,
А всё ж оживает Россия.

* * *

Я вырос в городе уездном
В пятидесятые года
С каким-то чувством бесполезным,
Что счастье будет навсегда.

В саду мелькала кепка деда.
Я с ним на пасеку ходил.
И зеркальцем велосипеда
Мне зайчик солнечный светил.

Вареньем пахло, огородом.
И в тишине по вечерам
Гармонь бродила за народом
И мы шныряли по садам.

Открыты, чисты, незлобивы
Мы ликовали, – боже мой! –
Когда в весенние разливы
Летел Гагарин над страной.

Трубили в горны пионеры,
Знамена яркие несли.

Мы жили в счастье, но без веры,
А значит, слабыми росли.

И вот теперь, когда сломались,
И век, и песня, и страна,
Мы в новой жизни потерялись
Безвольно, горестно, сполна.

Не встали мы с тобой ни разу
За лес и песню у реки,
Когда банкирчик пучеглазый
Всю даль скупал за медяки.

Звенят чеканные монеты
И воровской жирует класс,
А счастья – нету, счастья – нету
Ни у него и ни у нас.

В СТАРОМ ДОМЕ

Как прежде ровен статных сосен шум.
Года – прошли, скорее – пролетели.
Я в дом вхожу, как будто в старый трюм –
Давно корабль уплыл от колыбели.

Но свет избы, желанный и родной,
И пятна солнца на полу дощатом
Все эти годы прожили со мной
И в трудную минуту были рядом.

Какой потерей полнится душа!
Как будто я стою на пепелище,
И вот душа все что-то ищет, ищет.
На месте всё – и нету ни шиша.

Вздохнут сиротски форточка и дверь,
И по-сиротски скрипнет половица.
Они теперь до смерти будут сниться
Средь горьких неминуемых потерь.

Кровать, сундук и вековая пыль.
Не возвращайтесь в детские просторы!
Пусть давние леса твои и горы
Живут в тебе, как прожитая быль.

Но как влечет в родимые места!
Как хочется из мира нажитого
Попасть туда, где у крыльца родного –
Отец и мать,
и жизнь твоя – чиста.

ИЗ ДЕТСТВА

Сиж у реки и ловлю облака
И лодки, как длинные тени.
Корявые ножки гнилого мостка
Озябли в воде по колени.

Ловлю облака, но они по воде
Уходят, минуя коряги.
Сопит водяной и в его бороде
Зеленые плавают ляги.

Горит костерок на другом берегу
И тихие кони пасутся...
И осами росы сидят на лугу
И жалят, когда прикоснутся.

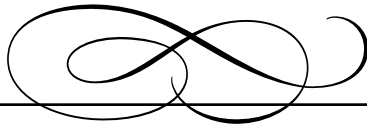
Приду с окуньками, кота накормлю,
А утром под щебеты птичьи
Проснусь и пойму, что бессмертно люблю
Весь мир этот в звонком величье.

Томятся грушовка и белый налив
На розовом блюде щербатом.
И яблочный воздух, волною наплыв,
Скользит по щеке ароматом.

И снова – в луга, по росе молодой,
К стрекозам, к речному затону...
И бабушка тихо качнет головой:
– Никак тебе нет угомону! –

И волны по солнцу бегут босиком.
Вот так же и время промчится...
Я это узнаю не скоро, потом,
Успею еще огорчиться.

Михаил ЯСНОВ

Санкт-Петербург

* * *

Журналы на части раздергав,
газеты порвав на куски,
находит любитель кроссвордов
спасенье от смертной тоски.

С охапкой бумажных страничек
свой век коротать он готов,
отгадчик, разведчик, добытчик
диковинных знаний и слов.

Безумец, почти что невротик
к иному и слеп он, и глух.
Язык! Смертоносный наркотик,
смещающий зренья и слух.

На сердце и сладко, и горько.
Звенит и гудит голова.
Пространство судьбы – это только
забитые в клетки слова.

* * *

Времена не слишком им потрафили –
то пробел откроешь, то провал.
«У меня тоска по биографии», –
Эйхенбаум Шкловскому писал.

Годы не сломили их, но выжали,
до упора закрутив тиски.
Оттого-то, может быть, и выжили,
что хватило силы для тоски.

Так порою дернешься: рискни-ка мы –
все пойдет на слом и кувырком...
Стол. Окно. Бумага. Полка с книгами.
Дотоскуем, что не доживем.

* * *

И совсем не для них мастерили кормушку,
но красивые птицы ее обошли стороною –
поди, вороти!

И слетелись, давя и пиная друг дружку,
мелкота, шантрапа, воробьи.

И вот уже весь деревянный квадратик
заполнен их тельцами ярими,
и вот не осталось от крошек уже ни следа...
А красивые птицы – одиночками или парами –
вымирают в долгие холода.

Что-то и впрямь со средой происходит,
и в зимних краях огородных,
где ни крупинки съедобной на ветке нагой,
и этих, ничтожных, жаль – и тех, благородных,
и те не даются – и эти всегда под рукой.

И глядя на крохи тепла, что слетают
с ладоней отчих,
так и не знаешь в конечном счете,
что выбирать, –
то ли всем скопом бросаться на них,
урывая заветный кусочек,
то ль в одиночестве вымирать?

* * *

Девочка, не знающая жалости
к телу, созидателю награда,
не кружись без удержу, пожалуйста,
не садись так бойко на канат.

Эти ножки, жаждущие зрелости, –
ты им не противься, не перечь.
Станешь ли, при всей своей умелости,
узеньких держательницей плеч?

Нет, не выйдет! Слишком ноша тяжкая
для таких напористых, как ты.
Вот и бьешься безымянной пташкой
о тупые прутья пустоты.

СТИХИ СТУДЕНТОВ
ЛИТЕРАТУРНОГО
ИНСТИТУТА
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
НА СТРАНИЦАХ
«ДНЯ ПОЭЗИИ. 2010»

Прежде, чем говорить о собственной образной системе, своем поэтическом видении, надо начинать разговор о систематическом литературном образовании, которого наша средняя школа практически не дает. И даже не ставит перед собой подобной задачи!

Иное дело литературный институт! Его задача воспитать способного к творческому процессу человека. Однако, сколько начинающему литератору нужно силы воли, чтобы не сломаться под натиском иностранных языков, теоретических дисциплин, чтобы проигнорировать насмешки бывших школьных товарищей и выйти, наконец, на тот необходимый уровень общения, на котором только и может родиться настоящий писатель. И чем раньше это произойдет, тем лучше.

Андрей РОМАНОВ
Санкт-Петербург

Мария БАБКИНА

6 курс, Брянск

***

Куполов твоих золотую боль
Уходя во тьму, я возьму с собой.

И сосновый звон в бережной строке
Понесу домой, вспомню вдалеке.

Очи – колыбель, млечные слова
Спрячу между строк, буду целовать.

Мысли – как цветы над чужой виной
Всё, чем я была, всё, что было мной.

А ворот твоих запертый засов
Пусть положат мне в чашу тех весов.

***

Доходя до как будто бы искреннего,
Сокровенного, – что было сил
Я от страха топил его в искристом,
В искрометном его гасил.

Так устроено: все мы исподволь
Подойдем к перекрестку в судьбе:
Принести себя в жертву истине,
Принести ее в жертву себе.

Кто осудит меня? Подсвистывай!
Кто осудит? Подстукивай в медь!
Я решил умертвить в себе истину,
Не сумев за нее умереть.

Григорий НАЗАРОВ

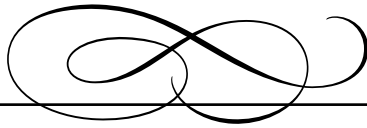
вып. 2010 г., Волгоград

***

Шел мелкий дождь. Апрель тихонько плакал.
Я к Вам бежал, дорогой взяв цветы,
Смотря вокруг, ища сокрытых знаков,
Что нам пора переходить на «ты».

Сегодня, думал я, для Вас открою,
Как тяжело мне в вечерней тишине.
А Вы шепнете: «Нас сегодня двое...»,
И мы вернемся ужинать ко мне.

Вот место встреч, и там, на перекрестке,
Я Вам цветы – а Вы, смотря в глаза,
Сказали мне уверенно и хлестко:
«Я не люблю цветы. И Вас, должна сказать».

***

Спешил домой, минуя теплотрассу,
Вдруг ты идешь, а все глядят вослед.
Я так и замер, будто по приказу:
Твои глаза как знак: «Прохода нет».

Я не пушу, сдаваться не согласен.
Ты все нашла, окончен твой поход.
Смотри внимательно – я тих и не опасен,
Так задержись на миг, на час, на год.

Самим собой я закрывал дорогу,
Твои шаги считая наперед.
Куда спешишь? Останься, ради Бога!
Сейчас уйдешь, а человек умрет.

Лицом бетон, в отчаянье серею.
Ты уходила, чуть задев плечом.
Я за тебя слону сломал бы шею,
Но не желаешь слышать ни о чем.

Александр ВИНС

1 курс, п. Белая дача, Моск. обл.

ФЛАМЕНКО

Вверх грациозно взметнулись запястья,
Стук кастаньет вдруг разрезал затишье...
В диком порыве безудержной страсти
Сердце безумное пламенем дышит.

Словно костёр, шёлк пурпуровый вспыхнул
И заскользил, разгораясь по коже...
Дробью чечётка ударила лихо –
Тело наполнилось сладостной дрожью!

Жаром манили упругие груди,
Тайною силой безумства чаруя...
Танец «Фламенко» придумали люди,
Но вдохновлял искуситель, колдуня!

Стук кастаньет – и рассыпалось сердце
Звоном хрустальным разбитого кубка.
Жаждала плоть жаром танца согреться –
Ритму внимая восторженно-чутко.

Вырвалась страсть из сердечного sklepa –
Словно стихия, вспенённой волною...
Боги, помилуйте! Грешен я, Небо!
В бездну готов я ступить за тобою!

Пурпур шелков застилал алым очи...
Воля зачахла, замолк нудный разум...
Жертвой Фламенко я пал этой ночью –
Испепелённый безумным экстазом!

Алёна ГАЛУЗА

6 курс, г. Приморско-Ахтарск,
Краснодарский край

РАСПРОДАЖА

Ты вернул меня без остатка:
«Возвращаю – бери, владей».
Продают на углу с доставкой
И со скидкой... живых людей.

Да, подержанных. Ну и что же?
Посмотрите, почти цела.
Под одеждой рубец на коже
Не заметен – тонка игла.

Стало легче. В груди свободней.
Сердце только мешало ей.
Ей сегодня почти не больно.
– Покупайте ее скорей.

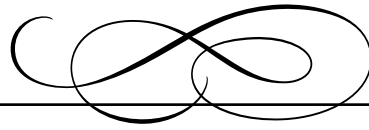
Без наценки, со скидкой даже.
Нет наличных? У нас – кредит.
Покупайте. А крылья свяжем.
Не волнуйтесь, не улетит.

Галина ДУБИНИНА

вып. ВЛК, гор. Шексна

***

Я знаю, ты вернёшься вновь,
Но слишком долгод путь обратный,
Найдёшь ли ты заветный кров,
Решение судьбы приватной ?

Я знаю – ступишь на порог,
Войдёшь в глаза мои и душу,
Я знаю – сможешь, слышу – смог...
Не знаю только – вдруг я струшу.

***

Разлились синие озёра
И затопили цвет у глаз,
И тихой музыкой минора
Стихи кружились возле нас.
Приливом имя затихало,
В изломе обрамляясь губ,
И нежной болью разбивалось
О жизни каменный уступ.
Качнулись сходни у причала,
Под плеском сини два весла,
Перечеркнув конец началом,
Нам Осень мудрая несла.

Ксения КОКОРЕВА

5 курс, Волгоград

***

Я больше не буду тебе ничего объяснять.
Я уже не уйду и метаться не стану.
В полыхании золота Летнего сада
Горькими травами пахнет закат.
И любить буду тихо, без слез, без истерик.
Не касаясь дыханием света вокруг головы.
Вечно холодный ветер гранитной воды
Рвет паруса и бьется в крылатые двери.
Этот город – Летучий Голландец
закованный в цепи.
Здесь нельзя улыбаться.
Здесь невозможно кричать.
Я уже не уйду. Равнодушно плывут на причал
Облака, сквозь колючие ветви.

Александр ИВАНОВ

вып. 2009 г. Моск. обл., Фрязино

***

В окнах метаморфозы
лабиринтовых дней.
Снег идет сквозь березу
и сквозь небо над ней.

И куском пластилина
представляется жизнь.
Я лепил по старинке
счастье: дом, жена, сын...

Я просил, чтобы только
в тихом сердце жил Бог.
Но петляла дорога,
как бездомный клубок...

А в России просторно...
Вольный ветер свистел.
Я кричал во все горло,
что другого хотел.

А клубок все катился,
я не знаю куда.
Заплутал да смирился.
Что за жизнь? ерунда...

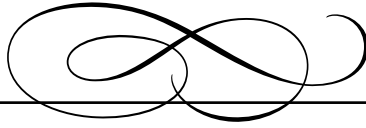
Пусть уходит дорога
в желтый плен сентября.
Высоко мне до Бога,
далеко до царя.

Евгения КОРОБКОВА

5 курс, гор. Карпаты Челябинская обл.

ГОЛУБИ

Что мне Сократ, что мне Платон,
Что мне ньютоны и протоны.
Куплю я вечером батон –
и голубей кормлю батоном.

Не знаю я, как жить не зря,
 Что в этом мире добродетель.
 Крошу батон, всех взрослых зля,
 Но доставляя радость детям.
 Ну и, конечно, голубей
 Я тоже радую. Быть может,
 Кормить их – вовсе не глупей,
 Чем в офисе бумажки множить.
 Одни и те же, раз по сто,
 Пить чай, лепить под стол жвачку.
 Домой... А осень рвет пальто,
 Как обезумевший Башмачкин.
 Зачем я тут, откуда тут,
 И долго это будет длиться?
 А может... Нет. Там птицы ждут.
 И я иду за хлебом птицам.

Алексей КОТЕЛЬНИКОВ

6 курс, Москва

А ГОРОД СПИТ

закрит подъезд от холода вселенной.
 стемнело. задремал на пятом лифт.
 дверной замок не новый, но надменный,
 как подобает, строг и молчалив.

уже угомонился кот соседский,
 и только одиночество одно
 заваривает кофе по-турецки
 и смотрит в черно-белое окно.

от ледяных перин планета пухнет,
 заглядывая в тысячи квартир...
 кофейник, блюдце, чашечка и... кухня,
 в которой сфокусировался мир.

а город спит. и небо без движенья.
 лишь фонари, устав от холодов,
 выгуливают собственные тени
 на поводках трамвайных проводов.

Евгения ЛАНЦБЕРГ

2 курс, г. Сергиев-Посад Моск. обл.

***

По бульварам спешащим, не гулким
 убегаю, зажав в кулаке
 дом в Столешниковом переулке –
 пароход на прощальной реке.

Кто ты? Чётный – не помню – нечётный,
 рассыпаясь и плача, стоишь?
 И не стрелкам скупым подотчетный –
 человеческой совести лишь.

Рассыпаясь и плача, болея,
 я несу тебя в робкой руке
 по чужой (оттого и сильнее
 боль) московской гудящей реке.

Огонькуют авто: “Что такого?”
 Рассыпаюсь. Не хватит на них
 (дом в Потаповском, флигель в Сверчковом)
 двух объятных ладоней моих.

Ирина МАКАРОВА

5 курс, Запорожье

***

Я видела слепую в красной куртке,
 в очках-обманках, с палочкой в руке.
 Она ступала, словно по реке,
 по зебре в полутемном переулке.

На частые короткие щелчки
 плыла в людском потоке бригантиной
 навстречу Грею по совету Грина,
 Где ничего не значили зрачки.

Морщины две глубокие на лбу.
 Мигал зеленый. Злобно? Безразлично?
 И белой тростью пред собой привычно
 она толкала зрячую судьбу.

Римма МАЛОВА

6 курс, Москва

НЕ БЫЛО СТЕКЛА В ОКОННОЙ РАМЕ

В это утро с запахом сирени
Сквозь проем прозрачных осзаний
Ускользали звуки, блики, тени,
Не было стекла в оконной раме.
В воздухе пронзительном и жгучем
Заплеталась странными стихами
Истина неведомых созвучий:
«Не было стекла в оконной раме...»
То ли неуютная прохлада,
То ли ветер шаркал сквозняками.
И уже, казалось, безвозвратно
Не было стекла в оконной раме.

Ашот МАНАСЯН

6 курс, Северная Осетия

ВЕК 21

Я иду по пустому ландшафту.
От простора становится душно.
Отче наш под мотив Харе Кришна.
И душа почему-то послушна.

Запрещаю себе запреты.
Буду верить, что нет горизонта.
Это просто моя близорукость.
Это вечная линия фронта.

Одиноко в свободе безмерной
Напрягать паутинные нервы,
Сомневаться во всем – это верно.
Чтобы быть безошибочно первым.

Я боюсь. Обо всем позабуду.
Затеряюсь в мистериях Вуду.
И в насмешку от лучшего друга:
– Горизонт это линия круга.

Наталья ПОПОВА

6 курс, Тольятти

***

На скамейке забыты перчатки и карта.
Все следы за тобою уборщик затрет.
На перроне так знобко, как в томике Сартра.
Кольцевая Таганская, за переход

Ты успеешь забыть этот день, эти лица.
Здесь так важно: забыть, забывать,
за других...

Где дугой выгибается лунная спица
Подморозило, скользко, и ветер затих.

Одинокий сатир свою скрипку стреножит,
покидая подземный натруженный трон.
Помоги себе сам, здесь никто не поможет.
Мир – лишь эхо от ветра в пустынном метро.

Василий ПОПОВ

вып. 2010г., Ангарск

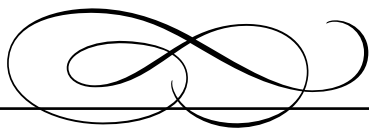
***

По коре сосны шершавой
Муравей ползёт на небо.
У сторожки обветшалой
На крылечке крошки хлеба.

Далеко ушёл хозяин.
Перевернуто корыто.
А когда придёт, не знаем,
Постучались – дверь открыта.

На столе холодный чайник,
У печи дрова сухие.
И, наверно, неслучайно –
Что у нас леса глухие.

Вот и свет уже в окошке,
Мы на лавках, как на конях,
И горячие картошки
Заскакали на ладонях.

Наливаем для согрева,
Завтра снова в путь далече.
Не забудьте белкам хлеба
Приготовить на крылечке.

***

Е. Семичеву

Пыль столбом летит на поле,
Всё шиповника кусты.
У сосновых колоколен
Раскачались кресты.
Пахнет ягодой клубникой,
В небе ласточка-вьюнок,
На холме кивает дикий
Проезжающим чеснок.

Ах, дорога, в нашем беге
Всё равно летела пыль.
Были лошади, телеги,
А теперь автомобиль.

Ничего не изменилось,
Как была душа темна,
Так и сердце колотилось,
Словно белая луна.
Ночь, и я лечу к могилам,
Попроведывать родных.
За стеклом уже не в силах
Разобрать картин ночных.

Знаю, где-то домик старый
Будет ждать меня в пути,
А пока лишь светят фары –
То и вижу впереди.

Николай ПРОКОФЬЕВ

2 курс, Москва

***

Последний майский день
упал к ногам неслышно,
умчались прочь дела
нелепою гурьбой.

Не в радость, не назло,
а как-то так всё вышло,
и снова я один
лицом к лицу с собой.
Закат как старый вор
таится за домами,
измученная мгла
пытается прилечь.
Я намечаю ритм
неровными шагами,
скрипучих половиц
подслушивая речь.

А на ветвях времён
качается эпоха
надорванным листом,
но, к счастью, ветер стих.
И бабочка-судьба,
напудренная кроха,
стремится на огонь
как самый первый стих.

Анатолий ПРУСАКОВ

6 курс, Москва

В НОЧНОМ

Я помню, в детстве, у реки
Пекли в костре картошку,
И клубни – чёрные зверьки –
Кусали нам ладошки.

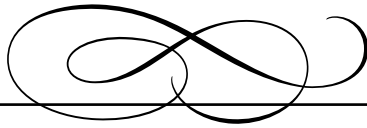
Сверкали искорки в ночи,
Похрапывали кони.
И комары, как палачи,
Желали нашей крови.

Плескалась рыба в камышах,
Срывались звёзды с неба,
И свой необъяснимый страх
Мы заедали хлебом.

А утро, словно волшебство,
Входило в наши души,
И с миром полное родство
Никто не мог нарушить.

Константин СЮБАЕВ

1 курс, Темиртау

***

Тут розы белые – в лучах
луны, на старом табурете.
И листья вянут влопыхах,
пусть и поэт за них в ответе.

Он сам, растягивая дни,
достигнет жалкого итога,
как эти розы. Но они
живут прекрасно и немного.

Хоть эти тонкие цветы
скупают в трехлитровой банке,
им не хватает наготы,
как слову, втиснутому в гранки.

Скажу спасибо и на том,
что не поставили их в вазу.
Чем зря кичиться хрусталем,
уж лучше выбросить их сразу!

Нет, будет так: они умрут
в посуде незамысловатой,
пока мы вместе смотрим тут
на них с улыбкой виноватой.

Наталья ТАРКОВСКАЯ

4 курс, Москва

***

Я легкий парус тебе сплетаю
Из листьев тонких сухой осоки
Из тростниковых нежнейших стеблей
Построю терем тебе высокий

И парус твой прикрепляю к мачте
И наполняю светом и ветром
И луч сияющий и прозрачный
Тебя наполнит чудесным светом

О синекрылый, о сереброкий
Золотоглазые звезды знают
И парус мой из сухой осоки
Сияньем сказочным наполняют.

Ирина ТРОИЦКАЯ

6 курс, Москва

КАПЛЯ НА ЛАДОШКЕ

Торопливая тропинка
Убежала за кусток,
Разделив на половинки
Неба синий лоскуток,

Кошка дремлет на заборе,
Куры сели на насест,
Впереди на косогоре
Золоченый виден крест,

Солнце ягодкой морошки
Тихо падает в траву...
Счастье – каплей на ладошке,
Потому что я живу.

***

вот кухня, чашка на столе,
вот чайник, блюдечко с вареньем...
вот проходящие мгновенья
сметает дворник во дворе,

и стайка птиц, слетаясь во двор,
клюет их, словно крошки хлеба...
вот змея запускает в небо
сосед мой – маленький Егор.

парят змеиные хвосты,
спешит прохожий мимо, мимо...
день был такой неповторимый,
а чай давно уже остыл.

Наталья ШАХНАЗАРОВА

вып.2009г., Москва

***

Виталию Бондареву

Я одушевила каждый куст.
Куст заговорил моими снами.
Я одушевила: ну и пусть –
Будет связь духовная меж нами.

Только понимаю все ясней,
Что одной материей с травой
Я живу – и связь уже тесней –
Плотью связан куст со мной живою.

Плоть от плоти – ветви от меня.
В женихи, в невесты – клен с березой.
Вот и нас, людей, Господь, храня,
Превращает в райских куцах – в розы.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я устала от полек и твистов,
Я присела, закуталась в плед.
Но вошел молодым гармонистом
В мою детскую комнату дед.

Я пуховой платок развернула,
Я притопнула – эх – каблуком.
Пареньку-старичку подмигнула
И сплясала. Сплясала легко.

Только, что это было – не знали
Ни соседи, ни даже друзья.
С дедом мы никому не сказали.
Ведь поверить в такое нельзя.

Дед вернулся к делам и газетам.
Я вернулась к игрушкам и снам.
Он старик, а я девочка – это
С полу-взгляда понятно и нам.

Только, вечером пыль вытирая,
Мне бабуля, открыв сундучок,
С удивленьем сказала: Вчера я
Здесь видала гармонь и платок;

Григорий ШУВАЛОВ

вып.2010г. гор. Шексна Вологодская обл.

* * *

Да, мы ещё по улице идём,
О чём-то говорим, ещё смеёмся,
Но оба точно знаем – расстаёмся,
И понимаем всё, и сознаём.

Цвети цветком и бабочкой порхай,
И улыбайся миру, улыбайся,
В поэтов только больше не влюбляйся.
“Не покидай меня, не покидай”, –

Хочу сказать, но впереди вокзал.
Я посажу тебя в последний поезд,
Домой приеду, дома успокоюсь
И позабуду всё, что не сказал.

Прости меня за мой дурацкий вид,
Прости за боль, за злобу, за жестокость,
За то, что жизнь раскрыта, словно фокус
И смерть нас навсегда разъединит.

* * *

Ты как жена ложишься с краю,
и мы о многом говорим.
Я очень плохо понимаю,
зачем вообще мы вместе спим?

Ты ищешь дом, а я бродяга,
я не тактичен, даже груб.
За дверью вымерла общага
и я твоих касаюсь губ.

Спокойно, Боже, как спокойно,
как на душе моей светло!
Пускай ты большего достойна,
но если будет тяжело,

не застрелюсь и не повешусь,
с балкона вниз не лomanусь:
тобой, одной тобой, утешусь,
тобой, одной тобой, спасусь.

Литературно-художественное издание

День поэзии. XXI век
2010 год

Ежегодный альманах

Стихи, статьи

Подписано в печать 24.11.10.
Формат 205x290. Печать офсетная.
Гарнитура "Офисина".
Тираж 1000 экз. Заказ №

ЛРН№ 040815 от 22.05.97.
Отпечатано в типографии АНТТ-Принт.
Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 29.
Тел. 251-60-75.
Свободная цена.